

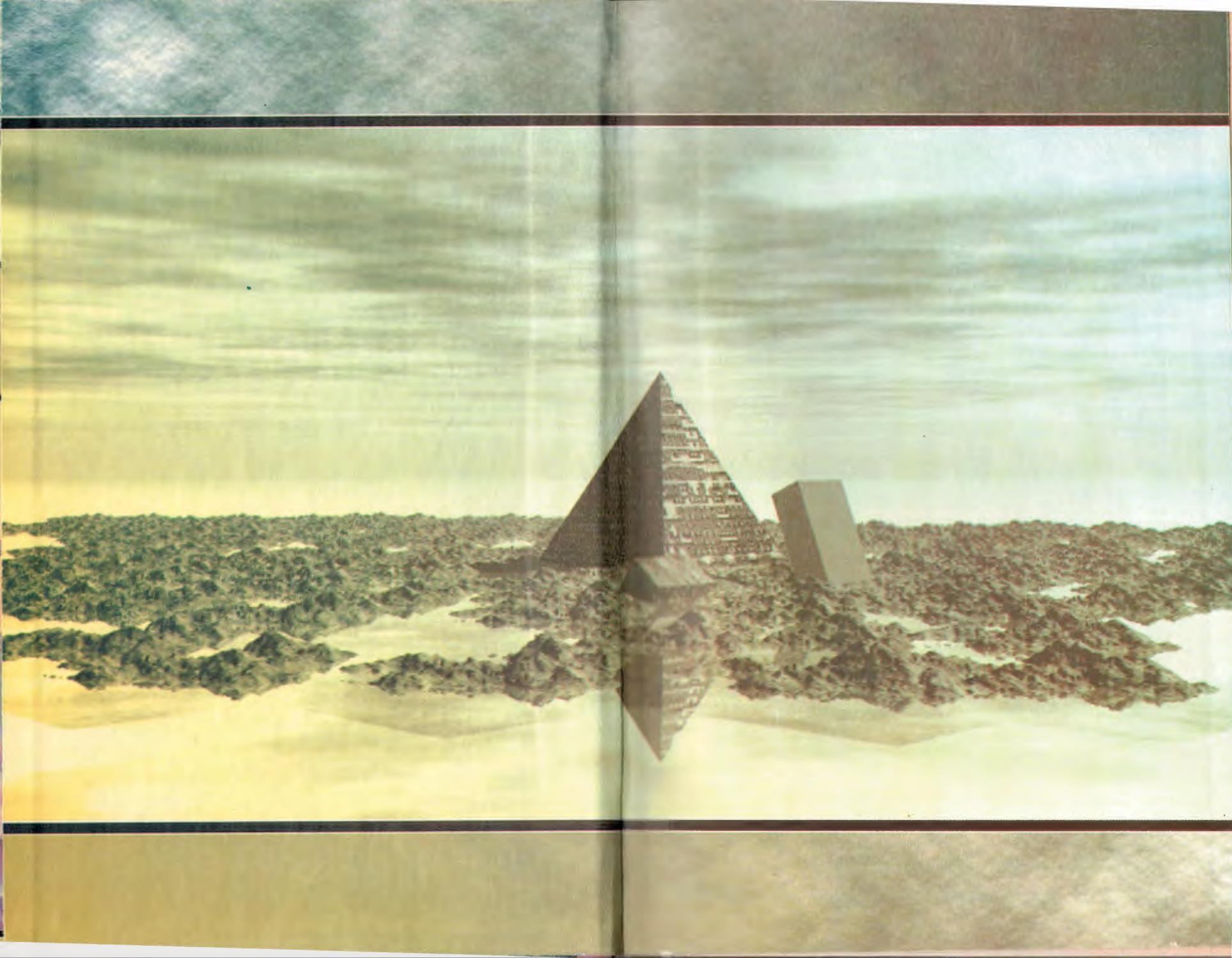
**КИР
БУЛЫЧЕВ**

**ОПЕРАЦИЯ
«ГАДЮКА»**

З В Е З Д Н Ы Й

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

П А Б И Р И Н И Т

З В Е З Д А Н Ы Й

КНР
БУЛЫЧЕВ

ОПЕРАЦИЯ
«ГАДЮКА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • МОСКВА • 2000

**ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Б90**

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

**Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Булычев Кир

**Б90 Операция «Гадюка»: Роман. — М.: ООО «Фирма «Изда-
тельство АСТ», 2000. — 448 с. — (Звездный лабиринт).**

ISBN 5-237-04530-8

Пригудливое переплетение реального и фантастического, печального и смешного, свободный полет воображения и неподражаемые сложные повороты — вот лишь немногое из того, что сделало Кира Булычева одним из самых популярных и любимых отечественных фантастов. Приключения археолога и космического пришельца Гарика Гагарина продолжаются... Обитатели Мира, где время остановилось, а смерти нет, по-прежнему живее всех живых и начинают действовать... Загадочный и безалаберный Институт экспертизы готов к новым славным свершениям... Операция «Гадюка» начинается!

© И.В. Можейко, 1999

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000

Глава первая

Лаврентий Берия

Под камеру переделали один из бункеров связи центра ПВО Москвы.

Но коридор, в который выходили помещения бункера, получился тюремным, как будто создатели его заранее предусмотрели, что тут будет камера смертника.

Судьи еще оставались в зале суда — тоже помещений бункера, но этажом ниже. Когда приговор был оглашен, Лаврентия Павловича Берию повели обратно в камеру. Он почему-то думал, что его расстреляют тут же, не возвращая в камеру. Зачем тратить время? Ведь приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Лаврентием Павловичем в тот момент владело возмущение несправедливостью приговора. Убейте меня за то, что верно служил партии! Убейте в моем лице совесть партии и признайте: да, мы отказываемся от высокого звания коммунистов, потому что решили предать смерти настоящего ленинца. Но какое вы имели право называть меня дашнакским агентом? Шпионом, нечестным человеком? Я не могу умереть с таким пятном на моей репутации!

Он пытался сказать это тупым генералам, которые сидели в ряд за канцелярским столом и старались не встречаться с ним глазами, но генералы боялись его слушать —

они были охвачены страхом не только перед своими новыми хозяевами, но и перед подсудимым.

Ненавидя этих ничтожных судей, Берия улавливал их страх, и потому, когда его повели обратно в камеру, он вдруг ощутил приближение надежды. Не все так просто — с ним хотят разделаться от страха. Его хотят убить. Но этот же страх может ему помочь.

Против него, одного, невысокого, скромного, обыкновенного на вид человека, поднялась вся карательная машина государства. Это Голиаф. Он же — Давид.

Известно, чем закончится тот поединок.

Притом Берия знал секрет, которым не поделился бы с этими хрущевыми ни под какими пытками. Он отправлял доверенного человека в Тибет, в город Шамбалу, и тот привез ему гороскоп. В гороскопе было написано, что планеты предсказывают ему жизнь до конца XX века. Все эти предсказания были нарисованы каллиграфически на местном тибетском языке с английским переводом. Сомнений никаких не было — Лаврентию Павловичу суждено скончаться в 2000 году, точнее — в 1998-м, а тогда, при получении гороскопа, шел сорок шестой. Сомнения оставались, доверенного человека всерьез допрашивали, он поручил это Кобулову. Кобулов поклялся, что документ настоящий. Лаврентий Павлович тогда громко закашлялся, принявся протирать пенсне, чтобы не показать радости, охватившей его. Не зря он расколол гитлеровских астрологов: у тех были связи на Востоке.

Конечно, Лаврентий Павлович был настоящим коммунистом, атеистом, интернационалистом, можно сказать. Но есть вещи выше, чем атеизм, это каждый умный человек понимает, хотя признаваться в этом нельзя, потому что существуют простые люди, так называемый народ, которому не следует морочить голову — в голове должна быть только одна религия. Когда его приговорили к смер-

ти, в глазах встало воспоминание: желтый пергаментный документ, машинописный перевод с английского на русский, пришпиленный скрепкой — так обыкновенно.

Вы можете приговаривать меня к любой казни, сказал он себе.

Но вам до меня не добраться.

Когда за ним затворили дверь камеры, а не повели сразу на расстрел, Лаврентий Павлович чуть-чуть успокоился. Вернее всего, несколько часов в запасе у него есть.

Как — несколько часов?

А гороскоп?

Утешение бывает мгновенным — нельзя утешаться долго. Ведь ты сам казнил стольких людей, что не имеешь права утешаться... Но ты и миловал. Значит, и тебя могут помиловать.

И Берия стал думать, как оттянуть казнь, — гороскоп гороскопом, но как ее оттянуть?

Часы у него отобрали. Камера была подземной — в окно не выглянешь, не поймешь, когда наступит вечер.

А что сейчас? Они же могли устроить заседание трибунала и глубокой ночью — с них станется.

Под потолком лампочка, забранная в решетчатую клетку, — ему все равно не достать. Но в этом порядок... а вот по полу бежит таракан — беспорядок. При нем в тюрьмах такого не допускали. Он лично распоряжался, чтобы дезинфекция тюремных помещений была абсолютно эффективной. Когда-то при нем Ягода пошутил, что заключенные ловят тараканов, чтобы их жрать. Лаврентий Павлович, когда пришел к власти, все эти тараканы дела прекратил. Таких шуток не бывает. И все наスマрку — таракан пробежал по неровному цементному полу и скрылся под койкой. А Лаврентий Павлович не то чтобы боялся тараканов, но испытывал к ним отвращение. Это бывает, даже с очень отважными людьми. Он поднялся и пошел к двери: хотел

вызвать надзирателя, чтобы указать ему на недопустимость, но тут же опомнился (как можно быть таким рассеянным!) — с соседней койки вскочил армейский майор. Он сидел там и смотрел на Берию. Осужденного ни на секунду не оставляли одного. А он забыл об этом.

— Тараканы, — сказал он. — Грязь развели.

Майор посмотрел на него, но отвечать не стал. У офицеров, дежуривших в камере, было строгое указание не разговаривать с преступником.

Берия возвратился на свою койку. Для него сделали облегчение, разрешили лежать — сам он был против того, чтобы заключенные днем валялись на койках: распускаются и излишне отдыхают. А лишний отдых для преступника — лишние заботы и усилия для следователя... Вот куда уходят мысли в последние часы жизни. Или минуты? А о чем думать?

И тут они стали открывать дверь.

За ним пришли.

Он хотел закричать — что-то убедительное хотел закричать, о чем молчал на допросах и на суде.

Кому какое дело до Тибета? Здесь офицеры. В армии его никогда не любили, а он сделал ошибку: противопоставил себя армии, убедил себя, поддался убеждениям Хозяина — армия в России всегда будет подчиняться Госбезопасности. У нас нет настоящих бонапартов. А тех, что были, мы ликвидировали.

А ведь Лаврентию Павловичу приходилось читать о военных заговорах. Елизавету и Екатерину возвели на трон солдаты. Но поверил Хозяину. Потому что то были феодальные, империалистические армии, а наша армия — это армия страны, которая строит социализм.

Он кинулся в угол, подальше от двери, он искал руками — за что схватиться, когда будут уводить. Движения рук были бессознательными — разум в том не участвовал: ну

кому удавалось удержаться в камере, если тебя выводят на расстрел? Скажи это ему в нормальной обстановке — начал бы хохотать. Именно хохотать.

Вошел Москаленко, в форме, встал у двери. Еще какой-то генерал, незнакомый. Может, это хороший знак?

— Выходите, — сказал Москаленко.

— Нет, — сказал Берия. Он старался говорить убедительно и спокойно. Это не удавалось. Получился крик. — Нет, я буду жаловаться! Я прошу дать мне возможность... написать объяснительную записку в ЦК.

— Выходите, — повторил Москаленко.

Он — садист. Он знает, что я останусь жив. Он будет меня мучить перед смертью.

Офицер, дежуривший в камере, толкнул Берию в спину, Москаленко отстранился, чтобы не коснуться Лаврентия Павловича. И получилось так, что Берия очутился в коридоре, а новый толчок в спину заставил его зашагать вперед.

Они шли по коридору, в шаровых стенах таились глухие стальные двери, под ногами — цементный пол. Чудно думать, что он сам принимал когда-то новый центр управления ПВО.

Конечно, это была здравая мысль. Они боялись, что честные коммунисты и работники Государственной безопасности поднимутся на защиту своего руководителя и освободят его. Остались же на свободе его верные товарищи, помощники, командиры дивизий и особых отрядов... А эти заговорщики упятали его в подземелье; может быть, его сейчас ищут друзья, врываются в тюрьмы и лагеря. А его нигде нет. Нигде нет — время уходит, в любой момент маршала могут расстрелять. Вы знаете, что я маршил? Что я — старший по званию? Нет, говорит Жуков. А он рад его растерзать — ведь попался голубчик на грабеже, где твои вагоны с награбленным добром? Нет, говорит Жуков.

ков, твой чин липовый. Ты никогда не был близко от фронта. Это неправда, потому что ценность маршала определяется пользой Родине. И еще неизвестно, победили бы вы, военные, если бы мы не очистили страну от всякой нечисти, перед тем как вступить в войну.

Ну почему мои мысли убегают в сторону? Я должен сосредоточиться! Сейчас от моего слова может зависеть моя жизнь. Пока я не расстрелян, я жив...

Одна из дверей сбоку открылась.

За ней небольшой тамбур, где стоит лейтенант.

Нет, это не расстрельная. Нет.

Москаленко и другой генерал остаются снаружи, в коридоре.

Офицер открывает внутреннюю дверь.

Дверь сзади захлопывается.

В комнате, чуть побольше его камеры, стоит стол, точно как у следователя, конторский стол с двумя ящиками.

За столом мирно сидит Никита.

В пиджаке и белой сорочке, но без галстука.

— Садись, — говорит Хрущев Лаврентию Павловичу.

Берия садится.

И его охватывает слепая радость — тибетские мудрецы врать не будут. Никогда новый главарь государства не будет вызывать к себе смертника только для того, чтобы пожелать ему счастливого пути.

— Ну как? — задает вопрос Хрущев. — Имеются жалобы?

Глупее ничего не придумаешь. Спрашивать о жалобах у приговоренного к смерти. Но, может, это сигнал? Может, дорогие союзнички передрались между собой? А я понадобился?

— Я протестую, — сказал Лаврентий Павлович. — Ты не представляешь, в каком положении я нахожусь! Мне даже не дают бумаги, чтобы написать жалобу.

— Тебя били? — спросил Никита.

— Почему меня должны бить?

Эта комната была также освещена лампочкой в решетке под потолком. От этого на лысине Хрущева искорками перемещались отражения лампы.

— Вот видишь, — сказал Хрущев. — А при тебе происходили нарушения законности.

— Все дело против меня — это сплошное нарушение социалистической законности. И если мне дадут возможность выступить на ЦК...

— Тебе не дадут такой возможности, — сказал Никита.

И этим словно с размаху ударили по вспыхнувшей надежде. Берия так и застыл с полуоткрытым ртом.

Только через минуту, или чуть поменьше минуты, он произнес:

— Тогда зачем вызывал меня?

Он хотел сказать — пригласил, но испуганные губы не сказали этого слова. Они задрожали — глаза Хрущева были холодными, как у взбешенной свиньи.

— Ты все равно приговорен, — сказал Хрущев. — Я хотел с тобой встретиться, чтобы получить твои последние показания.

— Я все сказал.

— Не хорохорься, Лаврентий. Через полчаса будешь в ногах у исполнителя ползать, «Интернационал» петь. А мы будем строить социалистическое будущее. Что ты мне хотел сказать?

— Мне нечего сказать.

— Тогда прощай. Теперь уж совсем прощай. А то я думал, что ты хочешь дать дополнительные показания.

Берия стоял, не двигался, словно ждал, когда войдет конвой.

Никто не входил. В комнате было очень тихо — она была спрятана на много метров под землей. Даже слышно

было, как дышит Хрущев — быстро и резко. Берия слышал и свой пульс — почему-то в шее, справа.

Потом пришло озарение. Такое озарение приходит от Бога, с неба, оно не придумывается в голове.

— Если бы партия дала мне возможность, я бы дал показания на деятельность некоторых руководителей нашего государства. Я не давал этих показаний раньше...

— Почему не давал? — Хрущев был настойчив, как охотничья собака, которая взяла след и рванулась с подвodka.

— Вопрос стоял о партийной этике, Никита Сергеевич. — Лаврентий Павлович пытался ухватить нужный тон. Именно сейчас решается, правы ли тибетские мудрецы из городка Шамбала.

— Конкретнее.

— Речь шла о моих старых товарищах, много сделавших для партии и государства. Мог ли я докладывать о них?

— Даже когда речь шла о твоей жизни?

— Я скажу тебе честно, Никита Сергеевич. — Берия дрожал, ему было холодно. Он видел выход, как говорится — свет в конце туннеля, но кто даст ему добежать до этого конца? — Меня бы все равно приговорили. Днем позже, днем раньше. И приговорили бы именно те товарищи, которые сегодня узурпировали власть в стране и боятся меня хуже смерти.

— Конкретно. Кто конкретно?

А теперь не спеши, Лаврентий. Теперь пойми, что ставка — твоя собственная жизнь. Ты должен назвать имена главных и самых опасных соперников Никиты. Не тех, кого в самом деле надо считать его соперниками, а тех, кого он больше всего боится.

— Я предпочел бы изложить свои соображения в письменной форме, — решил Берия. — Мне нужно время, чтобы все вспомнить и сформулировать.

— Нет у тебя такого времени, — сказал Никита. — Нет времени. Ты приговорен. Уже сейчас... — Никита посмотрел на ручные часы. Берия заметил, что они показывают двадцать минут восьмого. Вечера? Утра? А так ли это важно? — Уже сейчас ты живешь взаймы. Ты расстрелян. И весь Союз будет знать, что ты уже расстрелян. Так что говори, караул ждет.

Берия глубоко вздохнул.

Теперь он в своей обстановке. Это своя игра, и тут у Хрущева нет особых преимуществ.

— Все! — взбесился Хрущев, словно его укусила гадюка. — Ты мертвец! Врал ты все, не знаешь ничего нового.

— Я знаю, — просто и доверительно ответил Берия. Только акцент у него стал еще тяжелее, чем в начале беседы. — Я знаю очень много.

— Где эти документы?

— Не документы. Зачем мне документы-мокументы? Я в голове все держу.

— Выбьем!

— Вряд ли, — сказал Берия. — Что ты выбьешь?

— Все!

— А если отвяжешься от меня, дашь мне время и возможность, получишь не только фамилии — ты получишь иностранные связи, ты получишь шпионскую сеть, ты получишь заговор против самого себя. Все будет на столе.

— Торгуешься? — Хрущев вытащил гребешок — маленький, пластмассовый, дешевый — и стал нервно причесывать лысину. — Не выйдет. Ты мертвец!

— Не надо было звать меня, — сказал Берия.

Хрущев засунул гребешок в верхний карман пиджака, будто успокоился, причесавшись.

— Все же скажи фамилии, — сказал он спокойнее, ровнее.

— Близкие к тебе люди, Никита Сергеевич.

Тон был правильным. И даже сочетание второго лица с отчеством.

— Фамилии!

— Мне нужно будет немного, — сказал Берия. — Мне нужно будет... можно я сяду?

— Ноги дрожать устали?

— А тебя, Никита Сергеевич, приговаривали к смерти?

— Думаю, если бы не Хозяин, ты бы меня давно убрал.

— Были на тебя материалы, — признался Берия с товарищеской искренностью. — Серьезные материалы.

— Какие жс?

— О репрессиях на Украине, о процессах в Москве, твое письмо Хозяину по Бухарину...

— Стой!

«Дурак я, старый дурак, — подумал Берия. — Об этом говорить нельзя! Неужели я все погубил? Именно сейчас, когда блеснула надежда?»

Хрущев молчал.

— Ты боишься, сволочь, — сказал он наконец.

Берия сдержался от естественного и правдивого ответа: «И ты ненамного лучше меня, Никита».

Вместо этого он произнес:

— Я не дал хода делу.

— А кто тебя просил об этом?

— Многие просили. Включая Хозяина.

— И что же тебя остановило?

— Сегодняшний день. Я допускал, что он может прийти. И тогда ты мне нужен как друг. А не как злобный враг.

— Мудришь и крутишь. Ты не выносил соперников.

И опять Берия подавил в себе фразу: «Ты мне не соперник».

Тем более что фраза в конечном счете прозвучала бы глупо — приговоренный к смерти не критикует своего палача.

— Я все документы уничтожил. Почти все...

— И про других документы уничтожил?

Идет торговля. Ну что ж, украинский куркуль, выстoisиши ли ты против мингрельского рыцаря?

— Теперь уже все равно, — вздохнул Лаврентий Павлович.

— Почему все равно? Для партии это не все равно.

— Я — человек конченый, я разоружился перед партией, но партия меня отвергла, Никита Сергеевич, ты же знаешь.

— Сам виноват. Значит, не разоружился.

Каждая минута, говорил себе Лаврентий Павлович, каждая секунда разговора увеличивает мои шансы. Он знал этот закон: если разбойник с тобой разговаривает, а не стреляет сразу, дай ему говорить.

— Послушай, Никита Сергеевич, — сказал Лаврентий Павлович, стараясь отыскать нужный тон — не наглый, не просящий. Тон собеседника. Не то чтобы совсем равного — это может рассердить, но и не униженно просящего. — Ты лучше всех знаешь, что мое положение в Политбюро позволяло мне узнавать о некоторых событиях раньше, чем их участники.

Никита не улыбнулся. Но и не оборвал его.

— Кое-что я прятал в сейфе, кое-что докладывал Иосифу Виссарионовичу. Но были такие вещи, которые я мог докладывать только сюда. — Он постучал себя по виску костяшками пальцев.

— Значит, мы правильно сделали, — вдруг заговорил Хрущев, — что тебя уничтожили. Пока ты живой, от тебя всегда может исходить клевета, яд, вонючая каша.

— Ну уж вонючая каша! — Слово было противно Лаврентию Павловичу. Оно звучало плохо и несправедливо. — Зачем словами бросаться? Мы взрослые люди, руководители великой державы...

— Помолчи, — оборвал его Хрущев.

«Я совершил ошибку? Я не так сказал? Но в чем? В чем моя ошибка?»

Он даже не удержался, обернулся, кинул взгляд на закрытую дверь.

Никита хмыкнул. Он почувствовал страх Берии, и страх сму был приятен.

Хрущев рассердился на самом деле из-за того, что сообщил, как неправильно ведет себя: дал уцепиться Берии за кончик веревочки, и тот, прия сюда как приговоренный, через десять минут посмел назвать себя руководителем державы. И Хрущев понял, что никогда, ни при каких обстоятельствах не выпустит Берию на свободу, не оставит в живых. На свободе он обязательно отыщет способ отомстить... одному из них на свете не жить.

Но это не означает, что не следует выжать из Лаврентия все, до последней капли. До этой минуты Лаврентий давал показания на гласном суде, где имел возможность и желание, даже под угрозой смерти, таить важные и, может, решающие для СССР факты. Надо это изменить.

— Лаврентий Павлович, — сказал Хрущев, — ты приговорен к смерти, я ничего не могу тебе обещать. Уж очень велики твои преступления перед партией и народом. Но я полагаю, что тебя еще рано казнить. Ты еще можешь пригодиться партии.

Никита Сергеевич сделал паузу, и Берия нарушил ее:

— Я готов выполнить любое задание партии.

— Да помолчи ты, не во вражеский тыл с бомбой посылаем. Задание твое — остаться в этом подвале.

— Зачем?

— Чтобы окончательно разоружиться... Потому что сейчас ты даже смерти недостоин.

— Я готов, — поспешил сказать Берия.

— Мне интересно узнать, — Хрущев проговорился, нарушив правило — говорить только от имени партии, — в какие отношения вступали за спиной у партии некоторые члены Политбюро, какой заговор они готовили... если, конечно, они готовили какой-нибудь заговор.

— Кого именно ты имеешь в виду, Никита Сергеевич?

— А ты подумай, кто замышлял, кто устраивал заговоры, ты скажи всю правду партии. И если в наших рядах есть невиновные, то на них не следует напраслину вводить. Ни в коем случае. Меня интересует только объективная информация. Мы, как ты знаешь, решили восстановить ленинские нормы партийной и общественной жизни.

— Я сам настаивал...

— Помолчи. И поэтому совершенно недопустимы наговоры на верных сынов и дочерей нашей партии. За это мы будем беспощадно карать, товарищ Берия.

Что за оговорка!

— Но если вы знаете нечто важное, государственно важное, то придется вам об этом рассказать. Понял?

Хрущев поглядел в глаза Берии — получилось неубедительно: Хрущеву не удалось вогнать себя в истинно гневное состояние.

— Как конкретно, понимаешь... это делать будем? — спросил Берия.

— Конкретно — сядешь и напишешь. И не то, что в бумаженциях, — это мы уже изучили. Конкретно, по именам, никого не жалей. И если знаешь что обо мне — пиши, говори, невзирая, понимаешь?

— А мне бумаги не дают, — сказал Берия. Это был не самый умный ответ, даже глупый, но Хрущеву он понравился.

— Значит, так, — сказал он. — Ты расстрелян, Лаврентий Павлович. Казнен по приговору суда.

Хрущев посмотрел на большие наручные часы.

— Полчаса назад расстрелян. Труп твой, как понимаешь, кинули собакам.

— А вот это недопустимо! — почему-то вырвалось у Лаврентия Павловича. Хотя в той ситуации метод расправы с телом не играл решающей роли.

— Удивительный ты человек, Лаврентий, — сказал Хрущев. — Какие могут быть запросы?

— Я — грузин, Никита Сергеевич. Для нас, жителей Кавказа, надругательство над телом мертвого врага — позор для убийцы!

— А значит, ты никогда... ни разу? Все твои враги похоронены под оркестр на Новодевичьем кладбище?

«Он еще улыбается! Ну, я до тебя доберусь, сука!»

Берия отвел глаза — они его выдают. Но теперь он знал: тибетские мудрецы не соврали — он выберется отсюда, он еще покажет этому хохлацкому недоумку!

— Молчишь? Ну и правильно делаешь. Кавказец нашелся! Да твое имя на Кавказе будет проклятием!

— Врешь! Я национальный герой грузинского народа!

— Я тебе больше скажу. Твои грузины, конечно, нуждаются в святом, в пророке. Так они пророком Сталина сделают. Молиться ему будут, тело его из нашего Мавзолея к себе в Гори утащат, будут там шахсей-вахсей вокруг танцевать!

— Это мусульмане — шахсей-вахсей.

— А, все равно, все вы чернозадые.

— Мы христиане.

— Вы христиане? А кто у нас большевик-ленинец, кто у нас интернационалист?

Как тянуло Лаврентия Павловича оборвать эти кощунственные провокационные высказывания. Но надо терпеть. Настоящий великий человек отличается от политического авантюриста тем, что умеет терпеть. И ждет

нужного момента, чтобы ударить внезапно и беспощадно. Этому нас учили великий Сталин.

— Сталина твои грузины святым сделают, — повторил Хрущев. — Для того чтобы твое имя с навозом смешать. Так удобнее — есть мерзавец и есть святой. Я тебе точно говорю.

— Я устал, — сказал Берия, — меня ноги не держат.

— Что делать, — вздохнул Хрущев, — второго стула в комнате нет, сам видишь.

— Я на пол сяду, — сказал Берия.

Ему стало все равно. Он уже немолодой человек, он провел много недель в ожидании ужасной несправедливой смерти. Он совершал ошибки в жизни, и его можно критиковать, но за что же его так мучить?

— Ты получишь бумагу и канцелярские принадлежности, — сказал Хрущев. — Ты будешь работать, ты запишешь все, что хранится в твоей голове. Я буду знакомиться с твоими писаниями и, может, даже еще побеседую с тобой. Но теперь учти одну вещь и заруби ее себе на носу: для всего мира, включая нашу партию, включая членов Политбюро, — ты умер. Тебя нет. Ты — горстка пепла в общей могиле. И ты не заслуживаешь иной участи, потому что земля еще не носила такого злодея и убийцу, как ты. В любой момент я могу прекратить эту отсрочку и ликвидировать тебя.

— Зачем мне писать? — Берия переступил с ноги на ногу. Его охватила та тупость, что бывала на экзамене — становится все равно, только кончайте ваш экзамен, господин учитель.

— Ты будешь писать, — сказал Хрущев. — Потому что, пока ты пишешь, у тебя остается надежда, что я тебя помилую. Или надежда на то, что меня сковырнут другие мои товарищи и соратники — знаю я им цену! Ты будешь писать, потому что надеешься, что я использую

тебя как союзника — тайного или явного, что ты понадобишься мне как неожиданный свидетель на каком-то еще процессе. Понимаешь?

— Мне приходилось давать такие обещания, — сказал Берия.

— А я тебе не даю обещаний. Я тебе обещаю, что тебя расстреляют, как только ты напишешь последнее слово. Но не пытайся тянуть время. Может, я тебе дам неделю, может, месяц... может, до Нового года. Но я тебя потом расстреляю, потому что кому нужен человек, уже казненный, а?

И Хрущев засмеялся — громко и ненатурально.

Он не вставал, но подал какой-то знак — наверное, под столешницей была кнопка.

Дверь заскрипела, вошел незнакомый капитан.

— Уведите, — сказал Хрущев.

— До свидания, Никита Сергеевич, — сказал Берия.

Хрущев не ответил и не посмотрел на него. Это был плохой знак.

Но ведь человека не убили в день, когда должны были убить.

Новая камера была совсем другой. Правда, тоже без окна.

Койка застелена простынкой — простыней Берия давно не видел. И подушка в наволочке. Откуда-то притащили канцелярский стол без ящиков. Стопка бумаги для пишущей машинки, нелинованная — он сразу попросил линованной, и ему принесли две толстых общих тетради в синих клеенчатых обложках. Писать пришлось карандашами, карандашей было три — если затуплялись, можно позвать, чтобы сменили, — но он рассчитывал так, что трех заточенных карандашей хватало на рабочий день.

Он установил себе рабочий день в четыре часа. Но это не значило, что Лаврентий Павлович строчил не переста-

вая. Он думал. Только приняв решение, писал строчку или две. Он вел себя как поэт, создающий эпическую поэму, — поэт ищет рифмы, старается не выпасть из размежа, не нарушить гармонии.

Помимо того, что спешка не входила в планы Лаврентия Павловича, он должен был идти правильным руслом, должен был дать компромат на своих коллег по Политбюро, но сделать это так, чтобы обвинения были серьезными и в то же время не погубили бы его, если Хрущев падет, дверь откроется и в проеме окажется Георгий Максимилианович Маленков.

Лаврентий Павлович решил, что Хрущев его не убьет. Что со временем он будет все нужнее новому вождю: в своей борьбе Хрущев будет вынужден опираться на сведения, находившиеся в светлой голове шефа Госбезопасности. Они станут союзниками.

Беда заключалась в том, что, составляя досье на Маленкова и Молотова — главных врагов, — Берия не знал, что же происходит снаружи. Газет ему, естественно, не давали, радио в «номере» не было. Попытки разговорить охранников ни к чему не приводили. Охраняли его военные — опять военные, но не те, что подчинялись Москаленке и Жукову, а какие-то другие военные. И Берия никак не мог раскусить — кто их шеф. Он знал, что армия, как и партия, также делится на смертельно враждующие кланы, он отлично помнил, как на процессе Тухачевского и Гамарника Сталин разделся с ними руками Блюхера и Егорова, чтобы вскоре на следующем процессе судить Блюхера и Егорова руками следующего поколения маршалов.

Значит, как ни крути — ставку можно делать только на Хрущева.

Его присутствие рядом он ощущал все время — показания, отправленные из камеры, возвращались порой с

пометками на полях. Порчерк принадлежал Никите. И выражения его: не всегда грамотные, но с чувством.

По этим замечаниям Берия понимал, что Хрущев ос-тается у власти — иначе бы ему и не требовались показа-ния на соратников. И кроме того, он понимал, куда клонит Хрущев, чего ему надо.

Сначала он желал, чтобы основные показания шли против Маленкова. Причем его интересовали не выска-зывания Маленкова против Хозяина, партии и лично то-варища Никиты Сергеевича. Нет, он должен был стать во главе шпионского центра, нужны были связи с США и особенно желательно с Израилем, отношения с которым испортились еще при Иосифе Виссарионовиче, когда начали громить врачей-убийц.

Затем — судя по подсчетам Лаврентия Павловича, ли-шенного даже самого паршивого календарика, к началу декабря — понадобилось включить в заговор и Вороши-лова. Чем-то Ворошилов насолил. Но главным руководи-телем иностранного центра в Москве должен был стать Каганович. Что ж, насолим Лазарю.

Лаврентий Павлович попросил женщину. Пускай она не будет красавицей, но отсутствие женской любви при-водит к нарушениям в организме, привыкшем к любов-ным утехам. Он уже не может логически рассуждать и начинает страдать забывчивостью.

Для того чтобы это пожелание дошло до глаз Никиты, Берия вписал его в качестве отдельного абзаца в общие рассуждения о преступлениях Кагановича.

Бумага возвратилась на следующий день.

На полях возле абзаца было написано очень испри-лично.

В общем, отказ в грубой форме и с насмешкой, касаю-щейся грузинского народа в целом. Лаврентий Павлович был взбешен, он поклялся себе, что, когда выйдет на сво-

боду и посадит в клетку этого Хрущева, в первую очередь отрежет ему яйца. Вот именно! И пускай весь народ знает об этом недостатке покойного Никиты Сергеевича.

Когда Хрущев отказался в такой грубой форме прислать женщину, Берия встревожился. Конечно, он утешал себя верой в могущество тибетских астрологов, но астрологи где-то там, а автоматчики здесь. И если Хрущев решит, что надобность в Лаврентии Павловиче миновала, он не постесняется отдать приказ.

Лаврентий Павлович все ждал успешного заговора против Хрущева. Ждал, надеялся и трепетал. Все зависит от того, кто придет к власти. Если те, кем Берия в своих подневольных записках не занимался, не разоблачал, — есть шансы остаться в живых. Но если победит Маленков или, что еще хуже, — Каганович, то все, беспощадно.

Но вроде бы Хрущев укрепляется на троне. Судить об этом Берия мог только по поведению самого Хрущева, то есть по его заметкам на полях рукописи, то есть по интересу к тому или иному сотоварищу. А раз Хрущев укрепился, то ему не нужны подпорки вроде воспоминаний Лаврентия Павловича.

И вот наступил день, когда Берия, сдавши очередную порцию показаний, не получил наутро карандашей и тетрадку.

Утро было самым обыкновенным. Он проснулся от того, что загремел засов. Теперь он в камере жил один, без наблюдателя: не боялись, что он сотворит с собой что-нибудь. Ему даже вернули очки, хотя преступник может очки разбить и разрезать себе вены — такие случаи в практике органов известны.

Пришел капитан, которого Берия называл Колей, хотя неизвестно, настоящее ли это было имя. Может, и настоящее. Коля был подобнее Ивана, он иногда разговаривал. Вот и сейчас сказал:

— Доброе утро. Вставайте.

Он поставил на стол поднос, на котором лежал кусок хлеба, стояла миска с кашей и кружка с чаем. На куске хлеба — два кирпичика рафинада.

Не вставая, Берия сказал:

— Сегодня какое?

— Не знаете, что ли?

В тоне капитана возникло человеческое сочувствие. Что это может быть? День Стalinской Конституции? Нет, он прошел. День Рождения Хозяина? Конечно же, день рождения Сталина.

— День рождения Иосифа Виссарионовича? — спросил Берия. Теперь все зависело от того, как откликнется на догадку капитан. А вдруг он свой?

— Чего несете? — Капитан, наоборот, вопреки ожиданию как-то скис, будто Берия сказал неприятное.

— Простите, если я что не так сказал. — Берия слышал просительные интонации в собственном голосе. Это было совсем плохо.

— Новый год завтра, — сказал капитан. — Тридцать первое сегодня. А завтра Новый год. Пятьдесят четвертый.

Капитан поставил поднос на стол и повернулся к двери.

Берия сел на койке.

Что-то было неправильно.

— Стой, — сказал он. — Я же тебе вчера говорил! У меня бумага кончилась. И карандаши. Слышишь? Мне сегодня работать, а у меня бумага кончилась.

— Знаю, — сказал капитан от двери. — Я уже спрашивал. Я говорю, у него бумага кончилась.

— И что?

— Сказали, не нужна ему больше бумага. Не понадобится. Он свое написал.

Берия старался сообразить, что надо сказать, как убедить капитана, что бумагу надо нести. Кончится бумага — его убьют. Пока он так думал, капитан закрыл дверь.

Берия вскочил, пробежал к параше. У него и без того было плохо с кишечником, а сегодня — нервы не выдержали — катастрофа.

Он сидел на параше — и не мог встать, чтобы поступать в дверь и вызвать начальника. Доказать ему, что произошла ошибка. И тот поймет, согласится и скажет — да, произошла ошибка.

Завтракать он не смог. Только похлебал чаю.

Он постарался взять себя в руки и думать. Спокойно думать. Если поддашься панике — то погибнешь. Так он уговаривал себя, но его слушал лишь мафонький уголочек мозга. Все тело бешено надеялось на спасение, придумывало за него черт знает что — может быть, к примеру, тридцать первого работать здесь не положено, такое в тюрьме внутреннее правило — день отдыха! Конечно же, день отдыха.

Дурак, отмечал трезвый уголок в мозгу. Тебе даже не положено знать, какой сегодня день. Это капитан тебя пожалел. Ведь ты на ноябрьские работал? Работал, давали бумагу...

Он стал стучать в дверь, но стучал не очень громко.

Глазок открылся.

— Простите, — сказал Лаврентий Павлович, — мне бумагу не принесли.

— Ждите, — ответил бесплотный голос. Но не отказал.

Берия ждал долго, может быть, часа два или три. Он считал про себя секунды, но никак не смог считать ровно — то торопился, то заставлял себя тормозить, считать разменно.

— Сейчас принесут, — сказал он вслух.

Никто его не слышал. Он был один на этом свете, один на Земле, остальные померли.

И когда он, не выдержав, кинулся к двери, она сама открылась навстречу.

Вошли другой капитан и полковник, здешний начальник, его за эти недели Берия видел мельком и не разговаривал с ним.

— Сдайте очки, — приказал он, — ремень, ботинки.

— Почему? Я ничего плохого не сделал.

— Заключенный номер шестьсот двадцать пять, выполняйте и не заставляйте меня прибегать к мерам физического воздействия.

Берия послушно снял очки, вытащил ремень из брюк.

— А как же я без ботинок пойду? — спросил он вежливо.

— Недалеко идти, — сказал полковник.

— А когда идти?

— Скажут, — ответил полковник. И приказал другому капитану унести нетронутый завтрак.

И когда снова закрылась дверь и он остался без очков, без ботинок — сразу стали морзнуть ноги, пришлось подобрать их под себя, — им овладело оцепенение. Проклятые тибетские мудрецы... Никита, как ты поймал меня, Никита! А ведь я должен был с самого начала сообразить, что чем больше я напишу, тем скорее он меня потом прихлопнет. Я знал это, но думал, что обойдется. Все люди так устроены...

Он закутался в одеяло и сидел нахолившись, порой мелко дрожа, порой забываясь в дреме — спасительный сон старался помочь Лаврентию Павловичу, но был хлипок и рвался, как ветхая марля.

Он не знал, сколько прошло времени и идет ли оно вообще.

Потом пришел капитан, утренний, Коля.

Он принес суп и хлеб. И кружку чая.

— Это обед? — спросил Берия.

— Считайте, ужин. — В капитане не было жестокости. — Я сменяюсь. А вы поспите.

— Вряд ли я высплюсь как следует.

— До утра времени много. Так и с ума сойти можно, — сказал капитан.

— Я был бы рад.

— Ну это вы зря, — сказал капитан. — Надо держаться.

— Сколько до Нового года? — спросил Берия.

— Думаю, успею до дому доехать. Мне на трамвае.

Берия вдруг подумал: сейчас я его задушу, переодевшись в его мундир и приеду к нему домой...

Может, он даже совершил какое-нибудь движение, потому что капитан отпрянул к двери. Взгляд его стал испуганным.

— Вы что? — спросил он из спасительного дверного проема.

— Скажи, сколько сейчас времени, — пояснил Берия.

Капитан посмотрел на часы.

— Двадцать один двадцать, — сказал он.

— А когда... за мной придут?

— Назначено на пять ноль-ноль. Но могут проспать. Вы же знаете, что у нас порядка нет.

— При мне порядок был, — жестко ответил Лаврентий Павлович. — Иди.

— С наступающим, — сказал капитан.

Берия не ответил. Он сидел с ногами на койке и не смотрел на капитана. Он и не слышал его.

Капитан ушел, а Берия думал.

Он думал о том, как бы ему не умереть. Он не может умереть. Он слишком много знает о смерти, слишком много видел смертей — ему туда нельзя.

Он был неподвижен.

Полковник, который не пошел встречать Новый год — такой был приказ сверху, и за это ненавидел смертника, — выпивал вместе со своим замполитом в кабинете. Он раза два поднимался, подходил к камере Берии, заглядывал в глазок. Тот сидел неподвижно, как какой-то абреk на молитве. Глаза у него были закрыты. Может, молился?

Полковник уходил к себе.

А Лаврентий вдруг понял — он с ними не останется!

Он не останется с ними в будущем году, он не будет здесь завтра на рассвете. Он уйдет: он не знал, как уйдет, но главное было — не пропустить момент Нового года — единственный момент, когда можно вырваться из этой жизни.

Его слух приобрел невероятную силу и тонкость.

Он даже различал голос диктора, он даже услышал, как начали бить часы...

Они не убьют меня...

Нелепая, а может, и понятная мысль пришла в голову полковника, когда они с замполитом подняли по чарке за здоровье, за родных, за народ.

Он налил в стакан водки и сказал:

— Отнесем ему?

— Ох, рискуешь, Тимофеевич, — сказал замполит.

— Настучишь на меня?

— Нет, Тимофеевич, но с тобой туда не пойду. И знать не хочу, куда ты со стаканом пошел.

— Твое дело партийное, — сказал полковник, положил поверх стакана толстый шмат сала и пошел по коридору к единственной камере в этом каземате.

Возле двери сидел на корточках сержант — из внутренней стражи. Он вскочил.

— Сиди, — сказал ему полковник. — Сейчас я пришлю тебе смену. Утро скоро начнется. Исполнителя привезут.

Сержант слушал молча.

— Посмотри, — сказал полковник.

Сержант заглянул в глазок.

Потом выпрямился и сказал:

— Но там тихо было, я как раз перед боем курантов, заглядывал.

— Что, мать твою? — Полковник сразу понял, что случилось страшное.

Сержант открыл засов.

Полковник ворвался внутрь.

Камера была пуста.

Он кинул стакан и разбил его об пол и тут же показал, что разбил, — надо было выпить.

Потом это спасло его, говорят, от расстрела, потому что следствие не нашло опьянения.

Камера была пуста.

Выйти Берии было некуда, но он вышел. Такова самая большая тайна.

Все равно его собирались расстрелять на рассвете 1 января 1954 года. А объявили об этом уже несколько месяцев назад.

И никто не стал разбираться.

Когда у нас отправляют в никуда политического деятеля, о нем принято забывать. Попросите перечислить наших президентов, нет, не мальчишку с улицы, а любого доктора наук. Многие из них вспомнят Шверника или Подгорного? Их и через неделю после падения или отставки никто в лицо не знал, хотя еще недавно любовались большими портретами во время праздничных демонстраций.

А уж если кого расстреляли, то забыть его — дело чести, доблести и геройства. Ну и конечно, самосохранения.

Кто такой Берия? Не слышал такой фамилии-мамилии! Мало ли какие авантюристы продавались царской охранке или немецкой разведке? Мы-то никому не продавались. Нас никто и не предлагал купить!

Исчез Берия из камеры. И исчез.

Мог бы так же исчезнуть в каком-нибудь другом месте.

Некоторое время беспокоился один человек — Хрущев. Он-то знал, что Берию не расстреляли. Потому опасался, а вдруг Лаврентий Павлович объявится в каком-нибудь неподходящем месте?

Но потом, по прошествии лет, перестал бояться.
Забыл о таком человеке и его странной судьбе.

Мне как-то пришлось попасть в дом, где сохранилось несколько папок и коробок с остатками «дела Берии». Там были свалены в кучу конверты с фотографиями сексуальных партнерш Лаврентия Павловича с заметками полковника Саркисова на обратной стороне, какого числа данная гражданка вступила в половую связь с гражданином Берией и сколько раз в этой связи состояла. Там лежат разорванные пачки от папирос «Север». На обороте — записки Берии прокурору Руденко с просьбой вмешаться и восстановить справедливость. Там много семейных фотографий — Лаврентий с женой и соратником Шарией на пляже, там сложены пачками семейные телеграммы, паспорта и дипломы. Страннейший набор вещей и документов, не уместившихся в обвинительном заключении и недостойных попасть в архив. Хотя порой там встречались бумаги иного звучания. К примеру, письмо Берия Кобулову с просьбой расстрелять к утру следующих граждан...

Глава вторая

Лаврентий Берия

Берия потерял сознание. От страха и внутреннего со- противления тому, что с ним вскоре случится.

Это он понял, когда очнулся.

Потому что был жив.

Но сколько прошло времени после яростного припадка отрицания действительности, он не понял.

Потому что было совершенно темно.

Видно, в камере перегорела лампочка.

Здесь всегда было тихо, до отвращения тихо, — подземная тюрьма! Но сейчас тишина даже давила на уши, такой абсолютной она оказалась.

Сколько времени он был без сознания?

Берия пошарил руками вокруг себя, рядом валялось смятое одеяло. Кровать была холодной. Но в самой камере — не то чтобы совсем холодно и даже не зябко, а подвально. Бывает же в подвале не очень холодно. Но воздух там особенный.

Там пахнет сырой пылью.

Лаврентий Павлович встал на пол. Пол был цементный, холодный, а Лаврентий Павлович был босиком. Почему босиком? Ах да! У него же отобрали перед смертью ботинки!

Берия пошел направо, потому что направо должна быть дверь.

Чуть сбился с пути, ударился ногой о рукоятник, отшатнулся — в темноте трудно рассчитывать движения, — задел ногой парашу. К счастью, пустую, она зазвенела, как кастрюля.

Наконец он у двери.

Ощупал пальцами холодную шершавую поверхность. Вот и глазок. Ни звука, ни движения снаружи, хоть Лаврентий Павлович и приложил ухо к щели. Ему не хотелось стучать в дверь — посетила дикая мысль, что о нем забыли, ушли встречать Новый год и забыли. И может, о нем и не вспомнят больше...

Но тут же он чуть было не засмеялся, трезво оценив такую надежду.

Забыли? В подземелье? И он теперь помрет с голоду, а через двадцать лет будут проводить инвентаризацию

секретных объектов и найдут высохший скелет бывшего министра и члена Политбюро...

Никто ничего не забывает.

У нас так не принято.

Значит, что-то случилось. Какое-то ЧП. Может быть, все-таки произошел долгожданный переворот? Но почему тогда его не ищут? А потому не ищут, понял Берия, что никто и не подозревает о том, что он жив. Охрана сбежала, дверь закрыта, объект пустой. Ну кто сюда сунется, особенно если они обесточили подземелья? Как дать знать о себе?

И тогда Лаврентий Павлович решился. Он принялся бить кулаком по железной двери, удары были громкими. Но не раскатистыми. Звуки как бы застревали в темной пустоте.

Ощупью Берия возвратился в центр камеры и принялся водить рукой по столу. Стол был чист. Тогда он наклонился и нашупал табурет — тяжелый и крепкий. Он подошел к двери, прижал табурет сиденьем к животу, и принялся тыкать ножками в дверь, потом совсем разозлился и стал бить им с размаху, занося над головой, как колун. Звук был громче, но недостаточно, чтобы кто-то услышал.

Берия отбросил табурет и оперся о дверь.

Что-то надо придумать. Он устал. И голова устала думать. Нервный срыв. Все же не мальчик, а над ним так издеваются.

Глаза настолько устали смотреть в кромешную темноту, что в них крутились светящиеся червячки, да и сама голова кружилась — порой казалось, что падаешь, и хотелось одного — лечь и замереть.

Он уже знал — никого в этой тюрьме нет. И не будет.

И ему суждено теперь подохнуть от голода и жажды в этом каменном мешке. И это не плод его больного вооб-

ражения, это не сон — он может ущипнуть себя, ударить, сделать себе больно...

Он смертельно устал стучать и кричать, биться, как мышь в мышеловке.

Лаврентий Павлович нащупал в темноте койку, натянул на себя одеяло и накрылся им. Теплее не стало — впрочем, ему и раньше не было зябко.

Надо заснуть, думал он. Надо заснуть, потому что тогда появляются шансы на то, что это все приснилось. Вот именно — это страшный сон. А когда он начался? Если он начался вчера, то есть сегодня под Новый год, тогда лучше не просыпаться — а то проснешься от того, что вдвоем входят палачи. Может, сон начался, когда его арестовали свои же товарищи по партии, ничем не менее жестокие и уж куда более подлые, чем он.

Тогда тоже не надо просыпаться...

Лежа с головой под солдатским одеялом, Берия понял, что сон как выход из тупика его не устраивает. И даже лучше погибнуть здесь самому в одиночестве, а не от пули какого-то мерзавца.

Время для Лаврентия Павловича перестало существовать.

Пытка, которой его подвергли — а ему виделась в темноте и тишине изысканная пытка злобных врагов, — растянулась в бесконечности. А как человек может определить длительность пытки? Ведь он уже полгода как живет вне времени, не видя дневного света, а в последние дни — часы? — он лишен и света вообще.

Как-то Лаврентию Павловичу доложили, что есть такие специалисты — спелеологи, которые забираются в пещеры и там сидят по несколько дней, чтобы сделать какие-то опыты. Он велел тогда отыскать ему этих спелеологов, чтобы они полазили по подвалам и подземным ходам вокруг Кремля, поискали библиотеку Ивана Грозного. А на самом деле его интересовала не библиотека, а

возможность пробраться в Кремль. Потом спелеологов, которые никакой библиотеки не отыскали, зато нашли несколько неучтенных ходов и туннелей, пришлось ликвидировать, чтобы не лазили куда ни попадя. Но образ людей, которые сидят в кромешной тьме, остался неприятным воспоминанием. Неужели и сму придется завершить свой жизненный путь в пещере? Спелеолог вздернутый!

Он никак не мог заснуть. Хотя, конечно, он не был уверен в том, что ни разу не заснул. Все равно глаза закрыты. Или открыты.

Порой он вставал, подходил к двери, стучал в нее, не надеясь услышать ответа. Потом снова лег на койку.

Он сам удивился тому, что не пьет и не ест, но не мучается от жажды и не умирает. Но его и на парашу не тянуло. Одно объяснение приходило на ум: времени прошло мало, слишком мало, только в этой темноте оно кажется длинным. Кажется, и все тут.

Он сходил с ума и отдавал себе в этом отчет. Я схожу с ума, говорил он в темноте. И пускай это произойдет поскорее, потому что я тогда не буду переживать и бояться. А то по мне вчера или позавчера пробежал по груди таракан, и я чуть не умер от неожиданной спазмы страха. А может, и не было таракана?

Однажды его слуху, невероятно обострившемуся от тишины, показалось, что по коридору кто-то бредет. Шлеп-шлеп — шаги, совсем не военные, домашние шаги.

Берия скатился с койки, побежал к двери. Стал стучать, никто не отзывался.

Он еще стучал. Кто-то подошел к двери и стал возиться с засовом.

— Вы кто? — спросил Лаврентий Павлович.

Тот человек не ответил. И снова стало страшно.

Казалось бы, сколько можно бояться? Разве может быть хуже?

Он отпрянул от двери и кинулся к койке — он завернулся в одеяло и сообразил, как оно провоняло.

И тут он услышал, как скрипит засов.

Дверь чуть-чуть приоткрылась.

— Ох! — произнес кто-то.

В голосе было отвращение.

И дверь захлопнулась. А затем послышались уходящие шаги. Кто-то в тапочках или шлепанцах спешил прочь. Испугался.

Чего он испугался?

Своим испугом он снял страх с Лаврентия Павловича.

Берия вновь поднялся с койки, накинул на плечи одеяло и пошел к двери. Только бы тот, который убежал, не закрыл ее вновь на засов.

Нет, дверь — невероятно, но это случилось, — дверь легко поддалась.

За ней была такая же темень, как и внутри. Но совсем другой воздух, настолько другой, что показался отравленным. Берия даже отшатнулся обратно в застойную теплынь камеры. И вдруг понял, отчего сбежал его спаситель — запах камеры был для него невыносимым.

Интересно, сколько же прошло времени? Я, как Илья Муромец, тридцать три года сиднем просидел?

Лаврентий Павлович провел рукой по лицу — бороды не было. Раньше брился каждый день, а порой, если важная встреча, то и вечером еще раз. А сейчас ничего, так, щетина незначительная... Значит, та же ночь.

Куда идти?

Наверное, следом за убежавшим спасителем.

И чего его принесло сюда?

А какое счастье, что принесло, — какая-то случайность, одна миллионная шанса. Но правы тибетские ас-

рологи, правильно вычислили его гороскоп — ему еще жить и жить, он мужчина крепкий, даже одиночное заключение его не сломило.

Лаврентий Павлович пошел по темному коридору, придерживаясь рукой за стену, добрался до лестницы наверх, на четыре пролета. Он еле поднялся, такая одышка, видно, совсем отвыкли ходить мышцы ног. Но когда же будет свет?

А свет начался, когда он поднимался по четвертому пролету.

Он скучно лился из коридора.

Лаврентий Павлович увидел его и возрадовался, словно те самые цыгане, которых вывела из джунглей старуха Изергиль. Он вспомнил, как Горький читал эту сказочку по личной просьбе Хозяина, а тот качал головой и шевелил губами — знал наизусть.

Лаврентий Павлович шел все медленнее, как бы оттягивая момент встречи со светом. Это только в сказках дурачье несется к лампочке как мотыльки.

Свет выбивался из-под обычновенной двери, из узкой щели.

Лаврентий Павлович постоял, глядя на светлую полоску, потом открыл дверь.

За дверью была обыкновенная служебная комната. Давным-давно пустая, и не потому что пыльная, хотя и пыль была, а потому что у нее было такое состояние.

В комнате было окно — совершенно невероятно, но в комнате было окно.

Он подошел к окну. Сердце билось, пропуская удары.

За окном — обширный пустырь, ограниченный железным сетчатым забором. В заборе — приоткрытые ворота.

А там дальше полз редкий, но непрозрачный туман.

Лаврентий Павлович боком сел на подоконник, чтобы не выпускать из виду пейзаж и подходы к объекту.

«Где же люди? — подумал он. — Как давно меня здесь не было».

Наверное, произошла атомная война, которую развязали империалисты, об этом предупреждала разведка, хотя в это ему самому верить не хотелось.

Но может быть, войну устроил Никита? В борьбе за власть — он же оголтелый, неподконтрольный.

Кто бы это ни сделал — все погибли. Так может быть, если случилась цепная реакция, и сейчас земля заражена. Людей нет, но зараза оставалась.

Лаврентий Павлович вышел в скучный серый вестибюль и выглянул через застекленную дверь наружу. Солнца не видно, низкие облака какого-то осеннего неопределенного цвета. Освещение предвечернее, как бы специально подобранное для ослабевшего зрения.

Холода нет. Скорее — прохладно, и если говорить о температуре воздуха, то ее нет тоже. А когда температуры нет, ты быстро забываешь о ней, о погоде, об освещении.

Радиация, наверное, здесь опасна, но у Лаврентия Павловича не было с собой специального прибора, изобретенного неким Гейгером, позволявшего эту радиацию определить.

Лаврентию Павловичу было приятно осознавать, что память и умение быстро соображать его не покинули, несмотря на длительное заключение. Он перенес это испытание лучше многих других, которые сходили с ума или кончали с собой. Радиация, как он вспомнил, очень опасна в первые минуты, а потом разлетается в стороны. Наверное, большинство людей умерло от первой радиации, а те, кто остался, скрываются в других частях страны, так что вряд ли кому теперь есть дело до бывшего министра.

Но на всякий случай надо придумать себе псевдоним, партийный псевдоним, не в первый же раз приходится это делать. И если сказать, то и в муссаватистской разведке у Лаврентия была кличка. Он числился агентом у полковника Марченко-Алиева, но, естественно, делалось это

для разоблачения планов муссаватистского отребья. Затем стало опасно вспоминать о романтическом периоде молодости, потому что Лаврентий Павлович, как орел, высоко взлетел, а внизу множились бескрылые враги. Верный друг Кобулов тогда достал из бакинского архива все его дело — маленькую папочку, и Берия положил его в свой сейф. Где-то теперь эта папочка? То, что ее нашли, сомнений не было: ведь среди обвинений на этом липовом суде была и строка о службе в муссаватистской охранке, и он тогда сказал — да, было, по поручению партии. Они пропустили это мимо ушей. И Руденко пропустил. А ведь еще недавно кричал о своей дружбе. Было же, было?

Выходить наружу Лаврентий Павлович не стал, а решил начать со здания.

Будем исследовать помещение, помня притом, что по крайней мере один человек здесь есть. Нечаянный спаситель Лаврентия Павловича.

— Эй? — негромко произнес Берия.

Гулко отозвалось эхо.

Справа Лаврентий Павлович увидел выгородку, барьерчик, за которым положено сидеть вахтеру.

Он подошел к барьеру и заглянул за него.

Опыт не подвел Лаврентия Павловича.

Прижатый толстым стеклом, на столе остался лист бумаги со списком комнат и телефонов. Хотя самого телефона на столе не осталось.

Берия приподнял стекло и вытащил список.

Кабинет директора института был на втором этаже. Лаврентию Павловичу стало любопытно, как можно было позвонить к нему, в тюрьму.

Телефоны были разлинованы по этажам. Второй этаж: директор и заместители. Третий — лаборатории. Четвертый — какие-то кабинеты. Там же бухгалтерия, плановый

отдел... Первый этаж — совсем мало телефонов. Значит, не все записаны, даже вахтерам не положено знать.

«Комендатура-1», «Комендатура-2», «Спецкомендатура» — слишком много комендатур для одного института. А что ниже? В подвале? Всего один телефон. «Дежурный». Вот и все. Так и должно быть. При Лаврентии Павловиче тоже придерживались такой системы — если ты прячешь куда-то алмазик, то лучше в кучу стекол такого же размера. И чем меньше народу знает об алмазе, тем лучше.

Он пошел по коридору первого этажа, заглядывая в комнаты.

Странное впечатление оставалось от этих комнат.

Двери всех были открыты или по крайней мере не заперты.

Создавалось впечатление, что, уходя отсюда, люди брали вещи по странной логике. Например, стульев почти нигде не было, а вот столы остались. Ящики их были пусты, хотя в некоторых можно было найти какие-то бланки, книжки для чтения, копирку, ластики, порой записки личного содержания, но ничего, что помогло бы Лаврентию Павловичу понять причины беды.

Зато на столе лежал перекидной календарь.

Вот его изучением Лаврентий Павлович и занялся.

Календарь был за 1953 год. Что и требовалось.

Владелец календаря был человеком аккуратным и не помещал в него секретных или каких-нибудь сомнительных записей.

Но вот 3 марта. Черным и красным карандашами комендант сделал на свободном поле рамочку и внутри написал: «Скончался наш Вождь и Учитель. Вечная слава! Мы осиротели».

Лаврентий Павлович перелистал календарь, не обращая внимания на значки и записи, значения которых ему

все равно не понять. Его интересовали две даты. Во-первых, день, когда его сюда привезли.

Ничего особенного. Или почти ничего.

В нижнем углу маленькими аккуратными буквами написано: «Особый режим».

Можно предположить, что комендант знал о появлении здесь какого-то лица или об изменившихся обстоятельствах. Вернее всего, когда Берию привезли сюда, то подкрутили гайки, пугнули местное начальство. А теперь давай посмотрим, что он пишет... по поводу Нового года? Как случилось, что за мной не пришли на расстрел?

Последний листок календаря — 31 декабря.

Рябнай паек, написано чернилами. И ниже синим карандашом: Поздравить А.А.

Следующего листка нет.

Впрочем, его и быть не может. Даже если что и случилось — если война оборвала ход жизни, то в календаре это не отражено. Любой календарь кончается именно 31 декабря.

И все же обидно. Лаврентий Павлович перевернул страницу, поглядел на обороте. Конечно же, чисто.

Берия знал по собственному опыту, что новый календарь ставился на стол именно тридцать первого. А может быть, секретарша... какая, к черту, секретарша у простого коменданта или сотрудника комендатуры!

Поглядим повыше.

Уже обжившись в этом здании, потеряв опаску, Лаврентий Павлович поднялся на второй этаж, к директору. Интуиция его не обманула. В предбаннике на столе секретарши в верхнем выдвинутом наполовину ящике лежала пачка листков — заготовленный перекидной календарь на 1954 год.

Заготовила, но не успела положить на стол шефу.

Берия заглянул и в кабинет. Там лежало опрокинутое кресло, в открытом шкафу висел плащ, хороший добротный серый плащ с квадратными широкими плечами. Берия тут же вспомнил, что он-то сам ходит как бродяга, закутавшись в одеяло, и первый же прохожий его сдаст куда следует.

Плащ был коротковат, но по ширине в самый раз. Значит, директор здесь был приземист и в теле. Жаль, что он не оставил хороших ботинок и костюма. И сорочки с галстуком.

«Не гневи судьбу, Лаврентий», — сказал он себе.

Он кинул взгляд на свой ноги — ноги были, к сожалению, босыми. Но холода он не чувствовал, и то хорошо.

С появлением плаща настроение немного улучшилось — если попался плащ, будут и ботинки. Доберемся до города, найдем людей, найдем одежду...

В плаще, куда более похожий на приличного человека, он снова вышел на улицу. Ну хоть бы сандалии, хоть бы резиновые сапоги!

Ведь не исключено, что именно на земле эта радиация остается дольше всего. Ты идешь, она в тебя сквозь голые пятки лезет! Да и вообще негигиенично и опасно ходить в сго возрасте босиком по земле, когда неизвестно, какое стоит время года. Земля не ледяная, но прохладная и голая.

Лаврентий Павлович, мучимый такими мыслями, осторожно и с оглядкой шел по дороге, ведущей от фасада сго тюрьмы. Ворота в решетке расступились. Он рассудил, что дорога обязательно упрется в шоссейку, а там уж разберемся по указателям, куда идти дальше, где переночевать и пообедать.

Надо сказать, что пейзаж по обе стороны дороги был странным и каким-то неправильным. Деревьев почти не было, а если и были, то высохшие, неживые, обломан-

ные, а то и просто высокие пни. Такая вот полустепь протянулась далеко вперед, тая в легком бесцветном тумане. То есть местность была как бы открытая и в то же время ограниченная в видимости. Поэтому терялось ощущение перспективы, и когда Берия услышал, как играет какая-то дудочка или свирель, он не сразу даже сообразил, откуда доносится звук.

Он замер — потом увидел музыканта.

Впереди среди пней и редких стволов шел человек и играл на свирели. Он шел по обочине, не глядя под ноги и не боясь споткнуться о корни или камни, которыми была усеяна местность вне узкой асфальтовой полосы.

— Эй! — крикнул Берия. — Погодите.

Человек не обернулся — может быть, не услышал, так как сам производил звуки — он продолжал приплясывать, сам себе оркестр и сам себе танцор.

Берия пошел быстрым шагом, он вдруг понял, что ему плевать, кто этот человек — беженец, псих или просто гуляка, — но оказалось, что больше всего на свете Лаврентий Павлович мечтает о человеке и хуже, чем смерть, — одиночество.

Человек не спешил, но шел так, что расстояние между ними не сокращалось.

И тут Берия выбежал на шоссе. Сам не сразу сообразил.

Теперь музыкант шагал по обочине шоссе, а Берия семенил за ним по центру асфальтовой полосы, перепрыгивая через трещины.

Дорожный указатель справа — «Матвеевская». Черт ее знает, какая Матвеевская и правильно ли мы бежим.

— Эй, постой!

Впереди показалась речка. Небольшая речка, но сформировавшая себе за долгую жизнь глубокую долину, как бы громадный желоб, по которому она спокойно виляла, окаймленная по сторонам повалившимися заборами и пусты-

ми грядками — когда-то местные жители здесь что-то сажали, а потом убежали.

Музыкант начал спускаться по тропинке, вниз от шосс. Звук дудки, и без того прерывистый и негромкий, пропал, и Лаврентию Павловичу пришлось прибавить ходу, чтобы догнать мужчину.

Но когда он добежал до начала тропинки и поглядел вниз, то музыканта не было ни видно, ни слышно.

Лаврентий Павлович довольно долго стоял над крутым склоном, поводя головой и стараясь отыскать пропажу, но тщетно.

Впрочем, укрыться музыканту было негде, если не считать стоявших вдоль берега шалашей, сарайчиков и домиков в различных стадиях деградации.

Вернее всего, именно в одном из них и спрятался музыкант. Но идти туда и шарить по шалашам не хотелось, тем более босиком.

Он так и стоял в нерешительности, потом решил все же спуститься к речке, посмотреть на бегущую воду — он соскучился по зрелищу живой воды.

Лаврентий Павлович начал спускаться по тропинке, глядя под ноги, чтобы не наступить на стекло или гвоздь, — в этих местах очень много опасного мусора.

Спустившись шагов на сто, он понял, что вокруг стало темнее — шалаши, заборы и загородки, а также иные остатки человеческой строительной деятельности были многочисленны, и он потерял свободу обзора.

Конечно, здесь никого не найдешь, а тропинка уже стала сырой, под ногами хлюпнуло. Еще шаг — и попадешь в болото, тем более неприятное, что в нем была не растительность, а валялись консервные банки.

Лаврентий Павлович поскользнулся и ухватился за тонкий столб. Удержавшись на ногах, он поднял взгляд, и оказалось, что он стоит перед металлическим листом, при-

битым к двум толстым шестам. На листе очень приблизительно и аляповато был нарисован олень. Так рисуют оленей на дешевых базарных ковриках. А раньше таких зверей можно было увидеть в Тифлисе над дверью в дубан.

Пока он рассматривал некстати появившегося тут оленя, рядом с ухом свистнуло, и железный лист задрожал от удара стрелы.

Да-да, самой обыкновенной стрелы, как у Робин Гуда.

Еще не хватало здесь мальчишек с настоящими стрелами.

— Так и убить можно, понимаешь! — выкрикнул Лаврентий Павлович. — Я тебе уши оборву.

Но на всякий случай он отошел, шагнул в сторону и тут же провалился в жижу глубже колен.

— Мать твою-перемать! — закричал он в сердцах. — Плащ совсем новый.

Плащ сейчас был его единственной материальной ценностью, он уже успел полюбить его — и тут такая неприятность!

Откуда-то со стороны и в то же время сверху появился человек. Он показался Лаврентию Павловичу очень большим и опасным. Берия отпрянул еще на шаг и оказался в грязи по пояс.

— Я не в вас стрелял, — вежливо сказал человек, не производя никаких враждебных движений. — Я оленя убил. Так что вылезайте.

— Вылезайте! — вдруг рассердился Берия. — Вы же меня пугнули и заставили сюда свалиться. Неприлично как-то получается. Разве можно так к людям относиться!

— Ну давайте лапу, — сказал человек, и Лаврентию Павловичу ничего не оставалось, как протянуть и схватить за пальцы высокого человека. А он оказался высоким — на полторы головы выше Лаврентия Павловича. Но очень худым. Лицо украшала бесцветная эспаньолка и

бакенбарды серого волоса, который так и не приобрел благородного серебристого цвета.

Лицо человека было бледным, морщинистым, на голове фуражка офицерского образца, но далеко не новая, френч, брюки-галифе и высокие, до блеска начищенные сапоги — как только можно сохранить такой блеск в этой грязи!

Но самое удивительное заключалось в том, что вместо сабли или кортика на портупее у этого человека висел кожаный колчан с оперениями стрел наружу, а в свободной руке он держал нечто схожее с луком, но куда короче, — Лаврентий Павлович не разбирался в старинном оружии, но понял, что это вовсе не детская игрушка.

— Ах, у вас нет обуви! — расстроился высокий человек. — Или вы потеряли?

— Нет, у меня не было.

— А как вы сюда попали? — Человек обвел рукой окрестность, как бы давая понять, что пойма речки — его собственность.

— Тут был человек... очевидно, со свирелью, — признался Лаврентий Павлович, — я им заинтересовался. Я давно не видел людей...

Интересно, подумал он, а рад ли я, что вижу этого человека?

— А, крысолов, — сказал высокий мужчина. — Опять заманивает. Значит, он вас вывел из города и хотел утопить, но вы не успели?

— Я не собирался топиться.

— А он всегда так действует. Надоел мне безумно, — сказал мужчина. — Заманивает и делает попытки утопить. Ну кого вы в наши дни утопите, а?

— Никого, — согласился Берия. Он явно столкнулся с сумасшедшим, на психику которого так повлияла атомная война. А может, и сама радиация.

— Разрешите представиться, — сказал высокий мужчина и протянул руку Берии, — Николай Николаевич, Николай Николаевич младший. Вам приходилось обо мне слышать?

— А фамилия, простите?

— Фамилия обыкновенная — Романов.

— Из тех самых Романовых? — догадался Лаврентий Павлович.

— Приходился дядей покойному императору, — сказал высокий мужчина, отчего Лаврентий Павлович окончательно убедился в том, что имеет дело с сумасшедшим, которого лучше не сердить.

— А это мои края, — сказал Николай Николаевич, — мои заповедные, так сказать, леса. Здесь я охочусь, думаю, отдыхаю от дел.

— Ну конечно, конечно...

— Господи, — вдруг рассмеялся Николай Николаевич, глядя на Лаврентия Павловича сверху вниз. — Да вы, как кажется, меня полагаете психопатом, то есть человеком ненормальным. Смотрите же: вот мое оружие, и вы видели его губительную силу. А если хотите, мы можем сыграть в Вильгельма Телля — вы слыхали о таком? Вы киваете, значит, я имею дело с образованным человеком. Кстати, я не люблю разговаривать с людьми, которые не умеют или не хотят вовремя представиться.

— Лаврентий Павлович, — сказал Берия, — Лаврентий Павлович.

— И давно вы у нас, Лаврентий Павлович?

— Недавно, — сказал Берия.

Он правильно рассчитал, что нет вреда называть себя полным именем. По той причине, что если этот сумасшедший изображает из себя дореволюционного князя, то не может ничего знать о Берии. А если покажет, что знает — хотя бы слышал, то тут...

Николай Николаевич ничего не знал о Берии, да и не стремился узнать. Вместо этого он рывком вытащил стрелу из железного листа, как раз из груди оленя, и сказал:

— А ведь неплохой выстрел. Точно в сердце. Уложил с первого раза. А был вон оттуда... — Николай Николаевич обернулся и показал на шалашик метрах в ста на склоне долины.

— Хороший выстрел, — осторожно согласился Берия.

— Я ведь и живу охотой, — сказал Николай Николаевич, — можете называть меня просто князь — тут приходится быть демократом.

— Хорошо, князь, — сказал Лаврентий Павлович, и тут его поразила страшная догадка: а что, если после войны погибло социалистическое государство и к власти снова пришли дворяне? Ну и что — туда ему и дорога, родному государству. По крайней мере среди дворян нет его врагов.

Подумал — и сам испугался своих мыслей. Как так нет? А сколько мне пришлось, выполняя жестокую волю Сталина, расстрелять или иными способами уничтожить этих самых князей? Ведь до самой смерти вождя, до начала пятидесятых, мы их вылавливали и ликвидировали. Нет, наверно, я был не прав, когда открылся. Этот не заметит, другие заметят.

— А вы охотитесь? — спросил великий князь.

— Я давно не охотился.

— А вы откуда будете родом?

— С Кавказа, князь.

Ах, как легко ложится на язык это слово! Будто и не забывал его.

— На Кавказе отличная охота, Лаврентий Павлович, — я там служил. А вы служили?

— Я позже служил, — сказал Берия.

— Этого и следовало ожидать. Но если вы питаете слабость к охоте, я вам должен показать одну штуку, я, зна-

ете, одного хищника тут поднял, а он потом залег. Если вам не сложно, пошли, я попытаюсь его взять. А об олене не беспокойтесь, потом егеря придут и унесут его ко мне в резиденцию.

— Простите, я босой, — сказал Берия.

— Я же сказал — два шага. — Голос Николая Николаевича прозвучал неприятно. Он не любил, когда ему перечили. А Лаврентий Павлович не был склонен сейчас кому-нибудь перечить, тем болеельному манией величия, который выдает себя за дядю императора.

Николай Николаевич сложился почти вдвое и начал подкрадываться к чему-то скрытому заборами и завалами сухостоя. Берия пошел за ним, и Николай Николаевич время от времени приостанавливал его движение ладонью, опасаясь, что Берия спугнет зверя.

Вот он замер.

И начал медленно поднимать свой лук или как его... арбалет.

Он готов уже был спустить тетиву, как совсем близко раздался резкий звук дудочки. Той самой дудочки.

Князь выстрелил и тут же закричал:

— Как ты посмел! Ты мне под руку заиграл! Я же из-за тебя промахнулся.

— А я нарочно! — раздался голос из-за шалаша. — Вы знаете, князь, что диких животных осталось так мало, что каждая особь на счету. Я вам столько раз говорил — стреляйте в людей!

— Да пошел ты! — закричал в ответ великий князь и кинулся вперед.

Резким движением он откинул груду сухостоя, и глазам изумленного Берии предстал еще один железный щит, на котором ярко и аляповато во весь рост был изображен лежащий тигр с гнусной ухмылкой на роже.

Стрела вонзилась в щит где-то возле тигриного хвоста.

Берия тоже сделал шаг вперед, чтобы получше разглядеть это диво, но Николай Николаевич услышал, как треснула ветка, и крикнул:

— Не подходите, Лаврентий Павлович. Вы же видите, он только легко ранен и раздражен. Если он бросится, я не смогу вас защитить.

— И не надоело? — С другой стороны шалаша появился согнутый человек с деревянной дудкой в длинных угловатых пальцах. — Ваши звери — беспомощные жертвы дворянского произвола. Скоро в наших лесах перестанут водиться тигры. Разве мало вам того, что вы перебили всех динозавров!

— Вот это вы зря, Бетховен! — откликнулся Николай Николаевич. — Никто вам не поверит. Динозавры вымерли сами, вам каждый ребенок скажет.

— У нас детей нет!

— Не исключено, что будут. — И великий князь расхохотался.

— Лучше убивайте людей. — Человек по имени Бетховен, совершенно на Бетховена не похожий и даже не глухой, показал дудочкой на Лаврентия Павловича. — Не зря же я его сюда заманил.

— Так это ваша работа!

Они забыли о Лаврентии Павловиче, будто он был и не человеком вовсе, а какой-то мошкой, на которую можно, не заметив, наступить. Конечно же, после радиации остались только психи.

— Моя, Николай Николаевич, моя! Я его отыскал в подвале, в тюрьме. И не зря отыскал. Великий мерзавец.

— Почему же вы так решили?

— Я куда моложе вас, великий князь. И прибыл сюда только в прошлом году. А раз так, то как бы застал его там. В тюрьме узнал о его печальном конце — у нас многие говорили. А потом кинули к нам в камеру одного

капитана — бывшего капитана, не эмвэдэшного, а армейского, и тот сказал, что был в охране Берии, которого вроде бы не расстреляли, а приберегли для следующего случая. А он потом исчез. Вот вдруг подумал, а не наш ли это случай?

— Вы мне надоели, Бетховен, — сказал Николай Николаевич. — Я даже подозреваю, что вы все не Бетховен. У него была совершенно другая прическа.

— Так вы думаете охотиться на этого вот, Берию?

— Я должен сейчас охотиться?

— Ну сколько вам нужно говорить! Я для вас выманил этого мерзавца.

Николай Николаевич глядел на Берию, и во взоре его не было никакой решимости.

— А я хотел еще слона поискать, — сказал он наконец.

— По-моему, вы здесь походили с ума, — сказал Бетховен. — Я даю вам уникальную возможность избавить наш свет от убийцы и злодея, а вы предпочитаете слона.

— Погодите, погодите, — решил воспользоваться заминкой Лаврентий Павлович. — Почему никто не хочет выслушать моего мнения?

— Помолчи, я таких, как ты, уже выманил с полдюжины. И буду ловить!

— Бетховен прав, — сказал Николай Николаевич.

— Я требую открытого суда! Вы докажите, что я виноват! — Берия смотрел на князя.

— А он дело говорит! — сказал великий князь. — Займитесь, коллега, составом суда, подбором присяжных, и чтобы все как положено.

Великий князь пошел дальше по берегу речки, высоко поднимая ноги. Его сапоги блестели, несмотря на грязь.

— Ну что, выкусил? — спросил Лаврентий Павлович. — Никакой ты не Бетховен, и мы еще выясним, кто ты такой.

— Здесь каждый выбирает имя, которое ему больше всего подходит. Должна же где-то быть свобода!

Они стояли по щиколотку в грязи, и понятно было, что никакого вреда друг другу они причинить не могут. Лаврентий Павлович, хоть и исхудал во время заключения и суда, сил не прибавил — он и выглядел бывшим толстяком. Пожилым, скорее немощным, даже если в молодости и отличался силой. Впрочем, никогда Лаврентий Павлович не отличался ни силой, ни ростом, ни красотой — все вместе это вело к желанию повелевать. И он присоединился к неистребимой армии престендентов на мировое господство, которые провели лучшие годы, набираясь сил. Присоединился — чтобы отомстить девочке Наде Иоселиани, презревшей его в шестом классе. А когда он достигнет таких высот, что может сказать: «Теперь ты будешь у меня в ногах ползать, умолять, чтобы я тебя в койку на ночь взял, иначе я весь твой род в порошок сотру», оказывается, что Надя не представляет уже интереса — пускай остается на своей коммунальной кухне со своими тремя шелудивыми ублюдками и алкоголиком-мужем!

Его противник был выше ростом, зато худ и сутул. У него были печальные шоколадные глаза на очень белом лице, удрученном корявым носом.

И тут Лаврентий поччял, что враг не уверен в себе.

Нет, музыкант по кличке Бетховен не чета министру Госбезопасности!

— Что же еще тебе капитан наплел? — спросил Берия.

— Он рассказал, где вас содержат. Он сказал, что вам лично товарищ Хрущев велел писать воспоминания, то есть доносы. А потом вас все равно расстреляют, потому что для всех вы уже расстрелянный.

— А какой твой интерес?

— Я подумал: такая сволочь, как вы, если дотянет до Нового года, наверняка попытается к нам прорваться. Надо было сегодня проверить.

— Почему сегодня?

— Потому что сегодня первое января. С Новым годом, товарищ Лаврентий Павлович Берия!

— С каким еще годом?

— С наступившим. Вот я и пошел проверить. И решил, что если я, к сожалению, угадал, то обязательно вас уничтожу. Хватит у нас здесь своей нечисти.

— А чего же не уничтожил?

С каждым словом Берия как бы наливался силой, словно русский богатырь, прижавшийся к земле.

— Вы же понимаете... я не умею убивать. Я надеялся на великого князя. Если я вас выманю, он обещал вас подстрелить. Но промахнулся.

— И что же будем делать? — спросил Лаврентий Павлович.

— Не знаю, — признался музыкант.

— А на самом деле как тебя зовут?

— Семен Матвеевич, Гуревич Семен Матвеевич.

— А кличку себе придумал — Бетховен. Чтобы я не догадался о национальности? Ну и порода, ну и нация!

— Вы не думайте, что легко отделались, — сказал Гуревич. — Потому что я до вас доберусь. Или другие доберутся. Здесь таких немало.

— У государственного деятеля всегда много врагов, — признался Берия. — Это неизбежно.

Лаврентий Павлович размышлял: то ли перевести разговор в товарищеское русло и выпытать у этого музыканта подробности ситуации — он быстро расколется. Или принять другой, более суровый тон? Последнее победило, потому что уж слишком противно было стоять в этой грязи.

— А ну хватит! — крикнул он, набычиваясь. — Поговорили и хватит. Разувайся.

— Как так разувайся?

— Снимай ботинки.

— Но они же мне нужны.

— Мне нужнее. — Собеседник пасовал, отступал, и вдруг Лаврентий Павлович ощущил почти потерянное, забытое чувство силы — он так любил прежде заставлять людей делать по его воле, желанию, капризу, и делать то, что совершенно противно их природе. Когда-то Хозяина спросили, какое чувство ему вссго ближе, и он ответил — месть. Лаврентий Павлович отвстил бы — чувство власти. Месть мельче, о мести можно забыть... он был крупнее Хозяина!

Теперь Лаврентий Павлович уже полностью овладел положением. Он не спеша оглянулся, зная, что этот Бетховен всецело в его власти. Охотник попался в лапы дичи. Смешно.

Оглянувшись, Лаврентий Павлович увидел совсем рядом обвалившийся забор. Он резко рванул планку, вытащил ее — теперь он был вооружен. Хорошая плоская палка больше метра длиной. Ею можно еще как согреть по спине!

— Осторожнее, — предупредил Гуревич, — там гвозди.

— Ах, гвозди! Ну тем лучше.

— Ну чего вы от меня хотите! — взывал этот самый Бетховен. — Вы же сколько угодно ботинок найдете. — Он показал рукой куда-то наверх. — Зайдите в универмаг, там они стоят, рядами, выберите себе, что нужно.

— Считаю до трех.

Бетховен ринулся на сухое место, Лаврентий Павлович было замахнулся, но сообразил, что Гуревич лишь хочет снять ботинки там, где удобнее.

— Они вам будут малы, — сказал он.

— Ничего, кидай.

Бетховен кинул ботинок, он был мокрый.

— Ничего, — сказал Берия, — не хочу простужаться.

— Простужаться? — И вдруг Гуревич захохотал. Тонко, противно, но не притворяясь. — Как же вы, милостивый товарищ, намерены простудиться?

— Очень просто.

Берия натянул ботинок. Тесновато, но зато как приятно — человек в ботинках совершенно иначе себя чувствует.

— Мне кажется, что вы, как бывает с новенькими, — сказал Гуревич, переминаясь с ноги на ногу (без ботинок ему было стоять неприятно), — вы до сих пор не представляете, куда попали.

— А вот это вы мне сейчас расскажете, — грозно сказал Берия.

— Вы не так страшны, как хотите показаться, — ответил Гуревич. — Ботинки вы еще у меня отнять можете. Но этим ваши возможности практически ограничиваются.

— Пошли, — приказал Берия, показывая вверх по склону.

Бетховен пошел впереди. Он вынул было свою дудку, хотел поднести ее к губам, но Лаврентий Павлович сразу догадался, что Бетховен намерен звать сообщников, а этого допускать нельзя.

— Если ты ее еще раз вынешь из кармана, я ее собственными руками разломаю, — предупредил он.

Тропинка была сырья, но не очень скользкая. Как приятно не глядеть под ноги.

Они поднялись на шоссе.

Где-то там внизу бродит по помойкам великий князь с его жестянной охотой. Его надо беречься, у него есть арбалет. А из арбалета можно и убить.

Бетховен прошел несколько шагов и уселся на асфальт.

— Устал, — сказал он.

Берия хотел было съездить ему палкой по затылку, а потом решил, что пора менять тактику.

— Снимай штаны, — сказал он, — быстро.

— Вы не посмеете!

— Еще как посмею. Ты же меня знаешь. Ты меня знаешь?

— Еще бы, — сказал Бетховен. — Вы моего отца убили, брата убили, жену заморили. Я все знаю...

— Тогда снимай штаны. Мне в штанах больше нравится, а то видишь — что у меня под плащом! Разве это штаны?

— Но у меня ненамного лучше, — признался Гуревич. Берия присмотрелся.

— А ты говоришь, здесь можно достать?

— Конечно.

— И не радиоактивные?

— Да обычные, новые — нет проблем.

— Покажешь?

— Когда?

— Сейчас.

— Мне отдохнуть надо. Вы-то здесь новенький, у вас еще силы остались.

— А ты не новенький?

— На полгода старше вас, а это здесь много значит.

— Радиация?

— Да что вы заладили со своей радиацией? Откуда здесь быть радиации?

Берии не хотелось стоять.

Он уселся на асфальт в двух шагах от Бетховена. Если тот попытается убежать, Лаврентий Павлович его догонит.

— А если здесь нет радиации, то где народ? — спросил Берия.

— Точно! — Почему-то Бетховен обрадовался. — Он ничего не знает!

— А ты объясни старику, объясни.

— Я и пытаюсь объяснить.

— Война? Да? Американцы напали? Атомная бомба? Все погибли? Остались только психи и кто был под землей, да?

— Ах, вот какую теорию вы построили, Лаврентий Павлович! Нет, не выдерживает критики ваша теория. Не было атомной войны, не было радиации, и я вовсе не

псих, а такой же, как вы, беженец. И мне даже смешно, что мы с вами оказались в одном положении. Я вас дудочкой заманивал...

— Неудачно.

— Разумеется, неудачно, я не охотник и даже не настоящий крысолов. Но зато куда информированней вас.

Лаврентий Павлович поднялся и встал над Бетховеном. Тот не стал подниматься.

Лаврентий опирался на палку от забора. Как Геракл на дубинку.

Бетховен смотрел на него снизу вверх.

— Говори, — приказал Берия. В нем росла тревога. Он уже понимал, что происходит нечто вне его понимания, даже более невероятное, чем атомная война.

— Этому еще нет настоящего научного объяснения, — сказал Бетховен. — Но, как вы знаете, отсутствие объяснения не закрывает тему. Вы попали на тот свет...

Бетховен смотрел на него, чуть склонив свою еврейскую голову. И, в общем, его не боялся. Испугался там, внизу, у речки, а сейчас уже овладел собой, потому что знал секрет, и секрет для Лаврентия Павловича вполне страшный.

— На тот свет? — повторил Лаврентий Павлович.

Этот вариант ему в голову не приходил, потому что он был убежденным материалистом, ленинцем, он знал, что тот свет — выдумки попов и всевозможных врагов пролетариата. Но в то же время он сам никогда не участвовал в разрушении церквей или убийстве священников. Если уж приходилось, то поручал другим. И все только потому, что Лаврентий Павлович не знал, что происходит с человеком после смерти. Он столько видел смертей и стольких людей убил сам, что волей-неволей стал мучиться мыслью — а что потом? Куда деваются все эти люди, мгновение между жизнью и смертью которых он наблюдал?

После смерти должно что-то быть. И марксизм не мог дать на это ответа. И как бы ты ни штудировал классиков и даже Хозяина, то ты, будь у тебя голова на плечах, приходил к выводу, что эти умные люди и сами не знают, что происходит после смерти.

— На тот свет... Нет! — Лаврентий Павлович был не согласен.

— Отчего такая уверенность в себе? — спросил Гуревич.

— Он не такой, — сказал Берия.

— Вам это доложили?

— Без иронии!

— Так в чем проблема?

Бетховен не издевался, он наблюдал за Лаврентием Павловичем, как ученый наблюдает потуги муравья, взбирающегося на песчаный холмик.

— Все должно быть иначе.

— Никто с того света домой не возвращался.

— С чего вы-то так решили? Где ангелы и всякие ихние причиндалы?

— Не бунтуйте, товарищ министр, — сказал Бетховен. — От этого ничего не изменится. Тем более что вы правы — наш свет отличается от всех вариантов, которые есть в религиях. Потому что он — материалистический.

— Объяснись.

— Существует и, видимо, всегда существовала категория людей, которые мечтают о том, чтобы спрятаться, исчезнуть, не быть вместе с человечеством. Если им грозит неминуемая смерть или страшный позор. Вот возьмем ваш случай.

Берия кивнул. В самом деле, лучше понимать на своем опыте.

— Вам грозила неминуемая смерть. Все ваши надежды рухнули. И пик ваших переживаний попал на момент Нового года — когда люди переходят из года 53-го в год

54-й. И вы, ваш организм, вопил: нет, я с вами не пойду! Идите без меня! Я согласен на все что угодно — только бы не идти с вами.

— И что же?

— А то, что некая сила — назовем ее природой — эту просьбу согласна выполнить. Но с одним условием — это случается раз в году, в новогоднюю ночь. Погодите, не задавайте мне вопросов, на которые я не смогу ответить. Почему именно христианский новый год? Не знаю, я говорю о фактах. Раз в году, в одну минуту, в одну секунду — если вы отчаянно пожелаете уйти от человечества, ваше желание сбывается. Вы оказываетесь в мире, который вас сейчас окружает. В мире без времени.

— Почему без времени? Я же говорю с тобой, я хожу, значит, в нем есть то, что было раньше, и то, что будет после, — значит, есть время.

— Не философствуйте, министр, — сказал Бетховен. — Факт остается фактом. Мы все здесь такие.

— Те, кто не захотел?

— Да. Вот я, например, был на краю смерти, и в то же время назавтра нас отправляли на этап, который мне не пережить... и я оказался здесь.

— Но почему именно этот момент? Один момент?

— Я просил вас не задавать мне вопросов, на которые я не готов ответить.

— Но вы проверяли?

— Не надо проверять. Каждый новенький узнает о нашей жизни через полчаса после прихода.

— А потом? Что происходит потом?

— Потом? Мы существуем. Мы живем.

— Долго?

— Пока не износимся.

— Я не понял!

— Никто здесь не болеет, не стареет, не ест, не спит, не пьет, не любит... в этом нет нужды. Время остановилось, и кровь перестала течь в ваших жилах.

— Ну уж это в переносном смысле!

— В переносном. Но биологически мы все — мертвые. Мне рассказывал доктор — состав крови, тканей, всего довольно быстро, через несколько дней или недель меняется. Вы даже и не знаете, что температура наших тел на несколько градусов ниже, чем у нормальных людей.

— Ну меня-то ты с собой не путай! — рассердился Берия. — У тебя кровь, может, лягушачья...

— А у вас руководящая, да?

— Нормальная кровь.

Берия непроизвольно потрогал свою шею. Шея как шея. Нормальная шея.

— Если холодное тронуть холодным, то не замстишь, — сказал Бетховен.

— Перестань нести чепуху!

Берия пошел прочь по шоссе. Ему было страшно и противно. Ему сказали, что у него неоправданная опухоль, — неужели он зря старался, бежал... А куда бежал?

Бетховен шел сзади и говорил, занудно, тихо, но Берия не мог его не слушать. И слушал.

— Вы думаете, нас много? Нет, люди не бессмертны, они конечны, хоть здесь никто и не умирает. Мы изнашиваемся, как вещи, и исчезаем, как вещи. Двести, триста лет и конец... да и поступления невелики.

— Помолчи!

— Каждый новый человек вскоре начинает искать себе дело... Кстати, вы не хотите выступать в нашей стенгазете? У нас на Измайловском стадионе есть стенгазета. Ее делают такие чудесные люди! Интернационалисты, увлеченные своим делом, так сказать, пионеры первого набора. Вы были в пионерах?

Этот Бетховен совершенно обнаглел, забыл, наверное, как у него обувь отобрали! С другой стороны — пускай говорит, если не врет, а не похоже, что врет, значит, Лаврентию Павловичу предстоят нелегкие времена. Эти сволочи — тибетские мудрецы, может, предсказали и верно, но по присущей им подлости упустили пустячок — где он проведет последние годы жизни? В какой-то никому не нужной дыре?

Нет, так быть не может! Конечно же, этот мерзавец сошел с ума, и ему чудится этот нелепый мир.

— Видите, — Бетховен остановился, будто угадал мысли Берии, — мы с вами входим на территорию дачи Сталина. Это так называемая ближняя дача. Если вы и в самом деле Берия, вы должны знать, где помер ваш Хозяин. Ходите посмотреть?

— Там охрана, — уверенно сказал Лаврентий Павлович.

— Даже если власть переменилась?

— Какая бы власть и как бы ни менялась, — сказал Берия, — там всегда будет охрана.

— Тогда пойдем поглядим?

Берия остановился. Он не мог заставить себя сделать первый шаг — не потому, что боялся охраны, мало ли что, начнет стрелять... нет, больше всего он боялся, что охраны не окажется. Потому что это означает куда более крутое крушение, чем просто смерть великого вождя. Берия мог быть циничен, но он же оставался коммунистом, то есть человеком, который уверен в незыблемости системы.

— Пошли? — спросил Бетховен.

Он стал спускаться с другой стороны шоссе, и они пошли по тропинке вдоль реки. Откосы берегов сблизились. На них валялись стволы упавших деревьев, валежник и сучья. Но ни одного зеленого дерева, ни полоски травы Лаврентий Павлович не заметил.

И тут Лаврентий Павлович догадался, что эту речку он знает по той, прежней жизни, даже спускался к ее берегу, где в чистой воде медленно плавали пескари. Он вспомнил, как ему пришлось строго наказать двух директоров фабричек, стоявших повыше по течению Сетуни и не сообразивших — ведь русского мужика пока не выпорешь, он не догадаешься, — что мерзопакости от их производств попадают в воду, а значит, доплывают, как сосиски дерьма, по воде до местности, где гуляет вождь.

Он лично обещал Хозяину разобраться и принять меры и искренне был возмущен, как и Хозяин, тем, что плыло по речке в такой близости от дачи. Он сам забил до смерти и пристрелил уже доходивших директоров фабрик, приказал снести домики и огородики у берегов Сетуни, и главное — этим он мог гордиться, он ведь был награжден незаурядным умом — поставил у ограды при входе на территорию дачи вертикальную сеть и сменяющиеся бригады под наблюдением верных людей, чтобы они собирали с поверхности воды и из ее глубин все, что могло нарушить расположение духа Хозяина.

Размышляя о себе и своей роли в истории России, Лаврентий Павлович дошел следом за Бетховеном до открытой полянки, летом обычно поросшей травой, окруженной дорожкой, по которой он столько раз гулял с Иосифом Виссарионовичем и обсуждал с ним не терпящие отлагательства дела государства. Сколько здесь, в неспешных прогулках, было решено человеческих судеб и сколькие фразы кончались смертью для того, о ком вспоминали. Эти прогулки доказывали судьбе, что страна-то маленькая, несмотря на полторы сотни миллионов ее обитателей. Как и при дворе Николая Павловича, который гулял по иной дорожке с Бенкendorфом, люди с фамилиями составляли вряд ли более десятой доли процента, и потому их было легко казнить и миловать. Остальные же

имен и паспортов не имели, их казнили и миловали миллионами, по мере надобности промышленности и сельского хозяйства. Конечно, Лаврентий Павлович был умен, но не настолько, чтобы понять и усвоить — Сталин обладал гениальной способностью отыскать в своем окружении самого подлого и жестокого лакея, но обязательно лакея, и затем дать ему невиданную власть убивать. За исключением того, что срок его собственного пребывания на Земле ему не сообщался.

Впрочем, Сталин и сам не знал, когда закончится нужда в Ягоде, Ежове или Абакумове. И в Берии.

Вид дачи вождя потряс Берию.

Он сначала решил, что у него галлюцинации.

Дом частично обрушился, крыша провалилась, покосилось крыльцо.

Как бы долго ни отсутствовал Лаврентий Павлович, смерть вождя наступила столь недавно, что эти изменения с домом произойти не могли.

Следовательно, это — злой умысел.

Но странный злой умысел: почему-то враги коммунизма и лично Иосифа Виссарионовича уничтожили лес — ведь здесь стояли могучие ели — лишь некоторые из них, сухие, без иголок, поднимались вокруг. Но их было слишком мало, даже не прикроешь забора.

Значит, Хрущев с Маленковым успели совершить это злодейство за то время, пока он сидел в камере.

Берия направился к дому. Из этого следует, что он все же не поверил в сказки про Новый год и возможность остаться в году старом, где нет нигде и никого, провалиться в прошлое. Да и как материалист может поверить в сказку о двойном мире, о мире естественном и мире подземном, в котором время стоит?

Чепуха какая-то! Мы этого не знаем и знать не хотим!

Дверь была открыта. Надо хотя бы проверить, какие повреждения нанесены мемориальному комплексу — так лачу Сталина Лаврентий Павлович называл вполне искренне.

И в дверях Лаврентий Павлович замер.

Изнутри доносилось пение. В два голоса.

Два женских голоса тянули песню «Сулико», любимую песню вождя, исполнявшуюся столь часто и столькими певцами, что даже Лаврентию Павловичу она несколько надосла.

— Что такое? — спросил он у Бетховена.

Тот улыбнулся, и как показалось Берии, смущенно.

— Это милые, ни в чем не виноватые женщины, — сказал он. — Не надо их казнить и разоблачать.

Лаврентий Павлович поморщился. Он уловил издевку в словах Бетховена. И подумал: я до него доберусь. Он еще пожалеет... но о чем пожалеет Гуревич, он не знал, хотя был уверен, что не забудет. Не забывай обид — этому он выучился у Хозяина. И хоть не считал это главным своим занятием, распускаться Гуревичам он не позволит.

— Что они там делают? — Лаврентий Павлович направился к двери, прошел сразу в бильярдную — угадал, откуда идет звук.

Зрелище, представшее его глазам, было ужасно: на большом бильярдном столе, который в последние годы не использовался, стояли две женщины — молодая и старая, высокая и коротенькая. Одеты они были в школьные платья — коричневые, с рукавами, юбки-клеш. Поверх платьев — белые передники с кармашками на плоских грудях.

Одна из них была завита, а может, волосы завивались сами, а на другой был большой черный, не по размеру парик, какие носили когда-то сподвижники Людовика какого-то.

Женщины держались за руки и, тщательно выговаривая слова, пели любимую песню Иосифа Виссарионовича.

Но они были в той бильярдной не одни.

На стульях, принесенных из столовой, сидели еще два человека, мужчина и женщина.

Они образовывали собой аудиторию.

Когда Берия вошел, мужчина обернулся и приложил палец к губам, показывая необходимость блюсти тишину.

Берия с Бетховеном остановились в дверях.

Все в бильярдной было, как прежде, только окна разбиты и общее состояние свидетельствовало о запустении.

Женщины продолжали петь, но глядели на Берию и Бетховена со страхом, и потому одна начала фальшивить, а у второй сорвался голос, и она запела басом.

— Все! Все, все! — Мужчина встал и захлопал в ладоши. — Репетиция закончена. Я вас не выношу! Вы сознательные вредители.

Мужчина был рыжим, невысокого роста, с крупным носом и темными усами. Лицо его было Берии знакомо, но он не мог сообразить почему.

Женщины с трудом слезли с бильярдного стола, для чего им пришлось лечь на животы и сползать, нащупывая ногами пол.

— Вы не смотрите на меня так, — сказал рыжий человек, — я вас отлично знаю, Лаврентий Павлович, и рад вашему к нам прибытию. Это, конечно, случайность, что вам удалось обмануть жестокую старуху с косой, но не чудо то, что мы с вами воссоединились. Ну, обними меня, старый товарищ!

— Вы не Сталин, — сказал Берия. — Вы только изображаете из себя Сталина.

— А я что говорила! — воскликнула одна из певиц. — Он всегда фальшивил, а Иосиф Виссарионович не допускал никакой фальши даже в самых сложных партиях.

— Значит, вы думаете, что он — не Сталин? — спросил Бетховен. — У нас были сомнения, и я привел вас специально, чтобы их развеять.

— Но ведь я давно сюда попал! Посмотрите, какой я молодой! Я совсем юный, я из периода гражданской войны, когда под Новый год меня окружили беляки под Царицыным и для меня остался только один путь — сюда!

— Простите, — сказал Берия, — а кто же тогда боролся с оппозицией, проводил коллективизацию, индустриализацию? Я, что ли?

— Конечно, вы подобрали двойника. Может, даже нескольких двойников.

— В то время, — сказал Лаврентий Павлович, поднимая указательный палец, — никто еще не подозревал, что Владимир Ильич Ленин скончается.

— Я читал, я знаю, — сказал Гуревич, — Сталин был ничтожной сошкой!

— Вот этого я бы не сказал, — возразил Лаврентий Павлович. — Так вы что же, изображаете здесь товарища Сталина? Нехорошо, молодой человек, и это граничит с политической провокацией.

— Я ему говорю — вот придет Берия, Берия нас рассудит, — сказал Гуревич.

Лаврентию Павловичу не нравились словечки, а главное — выражение глаз этого Бетховена еврейского происхождения. Издевался.

— Этого я и боялась больше всего, — сказала высокая певица. — Лжемученик! Вы знаете, что он замучил моего мужа?

— И я верила. Вы меня, может, и не знаете, меня зовут Евгения Бош. Я руководила расстрелами беляков в Крыму.

— Нет, не слышал, — сказал Берия и пожал протянутую ему холодную руку революционерки.

Он пребывал в полнейшей растерянности! Где же он находится! Ведь подземного мира нет, и он не предусмотрен марксизмом, хотя церковь, может быть, его и признает. То ему кажется, что вокруг психи, сбежавшие от атомной войны, то получается, что Бетховен не врет, — иначе как могла так разрушиться и прийти в негодность сталинская дача? Кто мог ее так засорить?

Лаврентий Павлович был сторонником неожиданных действий.

— А где Хрущев? — спросил он у псевдо-Сталина. — Где Никита Сергеевич?

— Там, — ответил за самозванца Бетховен. — Он к нам еще не поступал.

— Вы уверены?

— Мы ни в чем не уверены.

— Вот мы и ждали вашего прихода, Лаврентий Павлович, — сказала большевичка Бош. — Мы хотим, чтобы вы провели в нашем коллективе политинформацию. Поставили нас в курс внутренних и иностранных событий. Можно ли на вас положиться?

Конечно, это просто кучка сумасшедших. Но сумасшедшие — хитрая штука. Оно же не исключает того, что весь мир сошел с ума. Если ты чего-то не понимаешь, Лаврентий, допусти, что ты и сам можешь ошибиться.

Отсюда следует, что Лаврентий Павлович был здравомыслящим человеком. Это делает подобных людей особенно страшными, если они служат сумасшедшем тиранам.

Но в его распоряжении появился один любопытный факт: здесь, на даче Сталина, в Волынском, собралась небольшая группа людей, которые считают себя членами партии и даже ждут политинформации. Среди них Евгения Бош — а может, и настоящая? И другие товарищи. То есть существует база для начала действий.

И если этот мир — особенный мир, не продолжение нашего, если здесь нет Хрущева, если здесь действуют свои законы, то тогда этим миром можно завладеть. А потом уж мы разберемся, кто здесь бессмертный, а кого пустим в расход...

— Продолжайте петь, товарищи, мы любим эту песню, — сказал Лаврентий Павлович и уселся на стул, который раньше занимал псевдо-Сталин.

Глава третья

Лаврентий Берия

Поднялся ветерок.

Вряд ли это можно было назвать ветром. Так, ветерок...

Но для старожилов он был неприятным, забытым знаком возможных перемен, поэтому тревожил.

Сенаторы прибывали в велоповозках или в носилках к необычному зданию ресторана «Взморье» и поднимались по широкой лестнице в зал ресторана.

Ресторан построили в семидесятых годах под Ленинградом в расчете на финских туристов, неподалеку от автомобильной трассы на Выборг. Круглый, полностью застекленный зал далеко выступал вперед, нависая над пляжем и мелководьем.

Берия подумал, что снаружи зал напоминает ему до-военное мороженое. Было такое мороженое между двумя вафельными кружочками. Мороженщик ловко кидал на

дно алюминиевого рожка кружок с твоим именем, потом клал туда ложку мороженого и, прикрыв вторым кружком, выдавливал лакомство наружу.

Но ни разу Берии не досталось мороженое с его именем. Не делали на фабрике вафельных кружков со словом «Лаврентий», редкое имя. Лаврентий думал тогда: стану большой, и все будут меня слушаться. Я приду на фабрику и скажу: «А ну немедленно сделайте вафельный кружок с именем Лаврентий. Иначе не сносить вам головы!» И они сделают такой кружок, а Лаврентий будет облизывать вытекающее из-под кружков мороженое, подхватывать его языком и поворачивать так, чтобы все видели, что на вафельном кружке выдавлено слово ЛАВРЕНТИЙ.

Наверное, это воспоминание было смешным. Но привело к печальным мыслям. До войны, когда он уже был взрослым, он мог, конечно, приказать, чтобы на фабрике сделали такие кружки, тем более что в Грузии уже начали называть его именем детей. Но как-то было недосуг, не вспомнил о таком пустяке.

А здесь, можно сказать, после смерти, начали одолевать земные, но невыполнимые желания. Их не должно бы быть, как не должно быть голода, жажды, стремления к женщине. Но все оказалось куда сложнее. Некоторые чувства остаются и в мире теней: страх, ненависть, месть... А они влекут за собой, оживляют желания, которых и быть не может.

Берия остановился, обегая взглядом уродливое здание ресторана. За ним тянулся пустой пляж, почти серый под серым небом, переходящий в серое море. Серость эта имела оттенки от нежного, желтоватого, свойственного песку, до темного, водяного, у берега. Волн не было, но Маркизова лужа не была абсолютно гладкой. Ветерок, о котором шла речь, кое-где рябил ее гладь, и эти темные или

светлые, в зависимости от освещения, полосы перемещались по заливу.

Людей на пляже не было, единственный сохранившийся зонт давно порвался, полосатые клочья провисли и чуть шевелились от движения воздуха.

Правда, виднелась одна фигура на пляже, метрах в ста от ресторана — вернее всего, это был охранник.

Он стоял возле высохшей корявой сосны, которой при жизни досталось от морских ветров, а после смерти — от одиночества.

Подъехал консул Клюкин со своей подругой, красавицей Ларисой.

Они прибыли в карете, найденной на «Ленфильме», запряженной двумя велосипедистами в красных накидках и пожарных касках.

При всем старании быть первым в городе Клюкин не смог одолеть Берию. Берия разъезжал в «паккарде», и его велосипедисты были все как один в черных блестящих плащах до пят и в немецких стальных шлемах из Музея обороны Ленинграда.

Сейчас он оставил машину в стороне и делал вид, что пришел сюда пешком, так было демократичнее. Ведь сам Чаянов упрямо ходил на все совещания пешком — выходил за три часа из дома. Но кто наблюдает эти часы?

— Что-то поддувает нынче, — сказал Клюкин.

Некогда он был толстяком и занимал ответственную должность. И сам, не без юмора, цитировал Салтыкова-Щедрина из повести о помпадурах и помпадуршах, где престарелый помпадур пишет памятку для губернаторов. Для того он носил с собой в бумажнике ветхую на сгибах бумажку: «Необходимо, чтобы администратор имел наружность благородную. Он должен быть не тучен, не скрючен, роста быть не огромного и не излишне малого, должен сохранять пропорциональность в частях тела и лицо

иметь чистое, не обезображенное ни бородавками, ни тем более злокачественными сыпями. Сверх сего должен иметь мундир».

Произнося последнюю фразу, Клюкин принимался смеяться. Он давно всем надоел, как может надоест человек, помнящий единственный анекдот. Мундир городничего, который он отыскал в Театре юного зрителя, был сильно поношен, но Клюкин утверждал, что состоял в свите Его Величества. Лаврентий Павлович с его дотошностью раскопал на Клюкина материалы — он был всего-навсего жандармским ротмистром, проворовался и должен был застрелиться. По крайней мере родственники так полагали. На самом деле сбежал в Ташкент, потом объявился в Пскове. А дальше Берия потерял его след. Правды же от Клюкина не добьешься. Подруга Лариса, которую Лаврентий Павлович давно уже сделал своей осведомительницей, ничем помочь не могла или не хотела. Она была рыжей красавицей, у нее когда-то был знаменитый муж. Но сама она чуть не умерла от холеры где-то в гражданскую войну, а мужа сотрудники Берии выбросили из гостиницы, с пятого этажа, лет через двадцать. Может быть, не из гостиницы, а из госпиталя...

Лаврентий Павлович любил точность. Особенно когда это касалось личных дел на его сотрудников или других подозреваемых. А в этом чертовом потустороннем мире никогда толком не найдешь концов. Некоторые бумаги погибли, другие и вовсе не существуют или не существовали.

Лариса посмотрела на Лаврентия в упор. Это был такой фокус — он удавался ей в молодости. Мужчины терялись от такого взгляда, не понимая, приглашают ли их в постель, или к серьезному разговору о судьбах революции.

Лаврентий сказал:

— Мы потом поговорим, Лара. Нам есть о чем поговорить.

— Не пугай, — сказал Клюкин. — Лариса находится в моей юриспруденции.

Лаврентий смотрел, как они поднимаются по лестнице. Он ждал, что Лариса обернется. Если обернется, значит, у него остается над ней власть.

Лариса обернулась у самой двери.

— Не пьялься, — сказала она. — И сними наконец шляпу. Здесь не бывает дождя.

За спиной Лаврентия Павловича засмеялся высоким голосом Грацкий.

Грацкий — враль, умеющий устраиваться даже в аду. Высокий, гладкий и обтекаемый. Здесь нет телефона, потому он проводит все время в визитах. Так как хорошие пролетки все давно расхватали, он ездит на мотоцикле с коляской, запряженном рикшами. Уверяет, что это особенная машина, сделанная по его заказу в США, куда он плавал в прошлом году на подводной лодке. Бред этих слов очевиден, так как здесь нет подводных лодок и, весьма вероятно, нет и Соединенных Штатов. Но все слушают Грацкого и соглашаются с ним. Хотя никто не верит. На нем мундир с эполетами, потому Грацкий зовет себя министром обороны. Ни больше ни меньше.

Грацкий относительно молод. Он попал на этот свет лет двадцать назад. Он делает вид, что интересуется женщинами, и делал предложение Ларисе.

— Мальчик, — сказала ему красавица, — мне уже ровно сто лет. Обещают к дате наградить. Кажется, твоя болезнь называется геронтофилией.

— Твой возраст на тебе не нарисован, — сказал Грацкий. — На самом деле я — один из последних соратников Наполеона. Тебе что-нибудь говорит это имя?

— Ничего. — Лариса разводит тонкими руками, щелкаст пальцами перед носом Грацкого и добавляет: — Клюкин сказочно богат и заботлив. Ты — хвастунишка.

Женшине нужен защитник. Может быть, я перейду к Лаврентию. Он — удав.

Берия тоже задумался, откуда у Клюкина такие богатства? Здесь нетрудно стать относительно богатым, если специально этим заняться. Ведь в магазинах, даже в ювелирных, остались кое-какие вещи, почему-то не умчавшиеся в будущее со временем, здесь можно отыскать картины и скульптуры, труднее — перины или хорошее белье. Пустой дворец — пожалуйста! Но богатство — это субстанция куда более сложная, чем сумма бриллиантов или обручальных колец, одежд или апартаментов. Богатство — это особый аромат, талант, очевидный окружающим, хотя допустимо существование не очень богатого богача. Богачи всегда остаются таковыми, даже если их постигает разорение.

Труднее всего оставаться богачом в мире теней.

Клюкин был богачом, имел выезд, хорошо одевался, пользовался услугами горничной и садовника, хотя сада у него не было. В любовницах он держал Ларису Рейснер — самую красивую женщину Ленинграда, хотя и любовница ему не была нужна.

Ленинград... его оставили Ленинградом, хотя от вновь прибывших узнали, что городу вернули старое, дореволюционное название.

Лаврентий Павлович поднялся по лестнице наверх, в вестибюль ресторана. Он не стал снимать шляпу. Лариса правильно подметила — он перестал ее снимать, когда понял, что не нуждается больше во сне или даже отдыхе. Шляпа закрывала лысину, кидала тень на выцветшее лицо — из-под нее только поблескивали линзочки очков. Он предпочел бы пенсне, как в молодости, но не удалось найти — приходится носить очки. Казалось бы, зрению надо вернуться в норму — здесь не бывает болезней. Но зрение не изменилось. Ну и хорошо, он привык к очкам.

Берия вошел последним.

Остальные пятеро консулов уже сидели в мягких креслах, поставленных широким полукругом. Полукруг был обращен к морю, к стеклянной стене ресторанных зала. Некоторые стекла были выбиты, но это не играло роли, потому что там обычно не бывает ветра или холодов.

Нынешний ветерок был заметен только из-за необычности.

Никто не удивился опозданию Берии, так как Лаврентий Павлович отвечал за всеобщую безопасность. И хотя ничего сенаторам не грозило, никто не намерен был отказываться от бериевской службы. Ее существование придавало сенату вес.

Берия обвел взглядом зал.

Справа налево.

Первый консул — Клюкин. Рядом с ним в кресле Лариса, это непорядок, с которым приходилось мириться. Ларису называли секретарем Клюкина, этот паллиатив устраивал и Клюкина, и Ларису, и самих консулов.

Дальше — гладкий, вертлявый, хотя и сохраняющий при том некую вальяжность министр обороны Грацкий. Он глядится в зеркальце, расчесывает поредевшие усы. Одно из преимуществ жизни на этом свете заключается в том, что на человеке не растет ничего лишнего. Ни волос, ни ногтей, не говоря уж об усах. А те, что были у тебя в момент перехода, сохраняются и понемножку истончаются, редеют, приходят в ничтожество. Лаврентию Павловичу было не страшно, он давно облысел. А вот Грацкий лелеял и берег свои усы. Но ведь не сбережешь. Все, что не растет, погибает.

В центре сидел моложавый, пожилой юноша; темноволосый, подвижный академик Чаянов. Экономист по прошлой жизни. Берия проверял. Его вроде бы репрессировали в тридцатом, хотя тогда мало кого не репрессировали.

вали. Видно, состоял в оппозиции. Лаврентий Павлович, разумеется, не имел отношения к его бедам, но все равно между ними царила неприязнь. В Чаянове сохранилось слишком много жизни. Берия не удивился бы, застав его за обедом или в кровати с женщиной. В этом была неправильность, Берия подозревал Чаянова, что тот знает какой-то медицинский секрет, а может, даже магическую тайну — ведь никто еще не доказал, что волшебства не существует.

Чаянов тоже не любил Берию. Хоть и не знал его раньше, на обычном свете. Не успел узнать. Но не скрывал, что погиб по вине чекистов и полагает, что хороший чекист — мертвый чекист.

Дальше сидит господин Победоносцев — старый муравей, Кащей Бессмертный. С него сказки писать. Но, несмотря на возраст и злобу, правящую каждым его движением, он умен и решителен. И это его толкает в союзники к Берии. Они чем-то близки. Оба никому не верят и полагают, что человеческая природа гнусна и низка.

А вот и последний из консулов — его святейшество или как там именуют митрополитов — Никифор. Сладкий старичок с бородой Деда Мороза. Но это ложь. Если дать ему волю, он ухватит власть когтистыми лапками и сожжет на кострах всех подозрительных. Именно он — вождь движения за чистоту мертвого тела, именно он требует закрыть все контакты с внешним миром и, если удастся, вообще уничтожить верхний мир, из которого сюда проникает лишь опасное легкомыслie и ереси.

Консулы привыкли, что Берия отвечает за безопасность заседаний. Кто-то должен брать на себя неприятные обязанности, а для Лаврентия в них нет ничего неприятного. За малым исключением никто из консулов не был знаком с Берией в той жизни, когда он занимал в России важное и зловещее место, за что и был пригово-

рен к смерти. Грацкий уверял, что Берия арестовал и пытал его отца, но Берия, когда Лариса спросила его об этом, категорически возражал — он признавал, что был вторым лицом в государстве после Сталина, куратором атомного проекта — но никогда никого лично не арестовывал и не пытал. А проверить это было нельзя — ни документов, ни свидетелей не сохранилось.

Лаврентий Павлович смутно помнил о том, как же в самом деле складывалась его жизнь. Здесь это было не важно.

Казалось бы, с исчезновением борьбы, женщин, страстей он должен был смириться с продолжением туманного существования, но он и за порогом жизни сохранил в себе достаточно сил, чтобы стремиться к власти. Такая у вас генетика, говорил ему старый доктор. Как бы вы ее ни гнали и ни уничтожали. Лаврентий Павлович ежегодно проходил у доктора полный медицинский осмотр. Он серьезно относился к своему здоровью даже после того, как перестал жить.

— Дует, — сказал Никифор. — Я убежден, что дует.

Все смотрели на море, на полосы ряби, и понимали, что митрополит прав, но эта чертова рябь настолько нарушила сложившийся порядок вещей, что ее проще было игнорировать. Правда, Лаврентий Павлович твердо выучил: мелочей не бывает. Нельзя игнорировать угрозу только потому, что она незначительна или настолько неприятна, что ее и замечать не хочется.

Лица отворачивались от окон, глядевших на море, наталкивались на презрительный взгляд из-под горизонтальных, засаленных полей шляпы и опускали глаза к полу.

— Начнем? — спросил консул Чаянов. Он был ненадежен, и за ним приходилось присматривать. Даже сейчас он мог предать, такие всегда предают — они слишком много размышляют и ерничают.

Но ничего не поделаешь. Сначала, еще в обычной жизни, люди проходят естественный или искусственный — называй как знаешь — отбор. Вот и получается пирамида. Те, кто на самом верху, имеют право — или несчастье — попасть в историю. Их имена вырублены на склоне пирамиды буквами, соответствующими их репутации. Но внутри пирамиды, невидимые для глаз людских, таятся иные люди, может, не менее вождей способные править миром.

Если снести вершину пирамиды, они появятся наружи, как дождевые черви, увиденные тобой, когда ты вывернул лопатой клок влажной земли. Таков Клюкин — кто знал бы о нем в том, живом мире? Или Чаянов. Берия никогда не слышал о таком человеке. Академик? Доктор? Ученый? Мы много видели академиков и знаем, что они мочат штаны так же, как конюхи. А здесь вылез.

Но должен быть вождь.

А вождя сейчас нет. Так случилось, что вождь скончался, растаял, износился. Для человека рационального, здравомыслящего сама мысль о том, что на том свете можно износиться и стать ничем, немыслима, потому что необъяснима по-философски. А ведь бывает. Плоть, даже избежавшая давления времени, выбитая из его потока, не прекращает терять некие атомы...

Еще полгода назад существовал и правил всеми Верховный вождь.

Звали его Иваном, Иоанном, родился он в самом конце XVIII века, был приговорен за разбой к повешению. Казнь должна была случиться на утро после Нового года. А в ночь на Новый год он исчез из камеры. Так боялся смерти, так стремился к жизни, что в новогодний миг перенесся сюда, где нет времени и нет жизни.

Был он разбойником, просто разбойником, вроде и не мог стать иным. А по прошествии двухсот лет он превратился в Верховного правителя мертвого мира, самого

жестокого, холодного и разумного мертвеца в мире живых мертвцов.

Умерши раз, нельзя умереть снова, ибо в этом мире нет времени. Но человека можно сжечь на костре, изрубить на куски — насильственно прервать в нем жизнь, хоть, конечно же, это куда труднее сделать, чем в мире живых.

...Иоанн, правивший миром около ста лет, просто перестал существовать — и в этом была высшая мудрость ухода.

Он оставил после себя шесть консолов — пять прежних, шестой Берия, выбранный на пустое место. Теперь надо найти самого достойного из шести — и ошибки быть не должно.

Сегодня собирались выбирать Верховного вождя.

И решить некие проблемы, даже о существовании которых остальным жителям державы, сколько бы сотен их ни накопилось, и подозревать нельзя.

Лаврентий Павлович прошел на свое место.

Сколько раз он садился вот так, кресло надо бы перетянуть. Все кресла надо будет перетянуть, и если его изберут, он обещает перетянуть кресла. Пора сделать новые шаги, обновить стиль руководства.

Другие не имеют программы. А число и характер угроз все время возрастают. Такова жизнь, даже в отсутствие жизни.

— Мы собирались, — продолжал Чаянов, — чтобы обсудить некоторые события последнего времени, а также выбрать Верховного вождя на новый срок.

Срока не бывало. Если ты занимал это место, то до исчезновения, растворения и гибели ты его не покинешь. Могут убить, могут заклевать. Но еще не было случая, чтобы Верховный ушел сам.

— Начнем ли мы с выборов? — спросил он. — Или с других вопросов?

Тут же голоса разделились. Те, кто мог рассчитывать на место Председателя, хотели начать с выборов, равнодушные или не имевшие шансов хотели заняться сначала своими проблемами.

Лаврентий Павлович тоже не хотел спешить. Пускай те, кто видит в нем угрозу, успокоятся и потеряют бдительность.

— Тогда поговорим о жизни, — сказал Чаянов. — О нашей жизни. И если позволите, я сам и начну.

Он лежал в кресле, вытянув длинные ноги в лосинах и старинных туфлях. У Чаянова была внутренняя склонность к XVIII веку, он не скрывал ее и даже порой, но не сегодня, носил парик.

— В последнее время, — продолжал Чаянов, — усилились тревожные тенденции. Пример сейчас перед глазами — этот ветер, которого быть не может. У нас не бывает ветра. Но миром правят причинно-следственные связи. Нет следствия без причины.

Не красуйся, мысленно укорил профессора Лаврентий. Все равно не изберут. Молод, не знаешь административных игр. Вот Клюкин — это серьезно. У него есть союзник, Лариса.

Лаврентию Павловичу было горько, что его организм не хочет более женской плоти, остались только сладкие следы воспоминаний. Может, это возвратится?

А то попробовать? Вернуться туда, к живым, и посмотреть, вдруг в нем снова запоют трубы. Трубы, трубы...

— В последние дни я занялся расчетами, — сказал Чаянов. — Как меня и просили коллеги.

— Погодите, погодите, — прервал Чаянова господин Победоносцев, тот самый, из учебников истории, мракобес. Он и в самом деле мракобес, а главное — крючкотво-

рец. Вроде бы его никто не принимает всерьез, но игнорировать никто не решается. Среди консулов он теперь старший. Лаврентий Павлович проверял слухи о том, что в мире теней люди существуют вечно. По его сведениям, ничего вечного не бывает даже в вечности. Изнашивается любое физическое, или, если хочешь, называй хоть груздем, астральное тело. Вечной вечности не бывает, потому что за вечностью приходит нечто иное, следующее. «Папочка, а Вселенная бесконечна?» — «Разумеется!» — «А когда она кончается, что дальше?»

Говорят, что в провинции, в деревнях, таятся старцы по триста, пятьсот лет, рассказывают о фараоне, который появился на Невском, искал свою Нефертити. Вернее всего это апокриф.

— Требую, — сказал Победоносцев, — прошу моих коллег по управлению государством почтить память соратников наших, сенаторов Ярославской губернии, сраженных извергами на ристалище.

Все поднялись, помолчали, каждый думал о своем.

Берия смотрел на пляж. Там, где стоял охранник, он увидел две фигуры — мужскую и женскую. Парочка медленно шла вдоль моря, остановились, глядят вдаль. А где же охранник?

История в Ярославле — опасный сигнал. Если Чаянов не даст ей оценки, придется вмешаться.

Чаянов между тем продолжал:

— Волей злой судьбы мы оказались в потустороннем мире. Не нам сейчас говорить о справедливости или излишней жестокости постигшей нас кары. Но так устроен человек, что ему свойственно привыкать к обстоятельствам, даже самым неблагоприятным.

Ближе к делу, мысленно подгонял оратора Берия. Можно подумать, что у нас в запасе вечность, как говорил мой покойный друг писатель Максим Горький.

— Хороши или плохи обстоятельства нашего существования, оказалось, что, как только возникла угроза, мы встрепенулись. Так уж мы устроены: ворчали, ужасались тому, что до конца своего бессмертия будем существовать в мире без времени, без движения, даже без облаков.

— Не надо лекций, профессор, — сказала Лариса. — Каждый из нас завершил жизнь там, наверху, когда удалили часы. Значит, он не желал жить там. Это мы уже выяснили.

— Я в самом деле профессор, — улыбнулся Чаянов, — и потому порой мне хочется разобраться в том, что со мной произошло. Почему же с некоторыми натурами в жуткий момент нежелания двинуться в будущее вместе со всем человечеством, в момент Нового года — что само по себе бессмысленно, так как Новый год — единица неизмеримая, зависящая от множества факторов, — почему с нами случился внутренний взрыв, оторвавший от человечества, от движения времени, выбросивший в странный слой существования, в мир, где нет времени, что есть вариант собственной смерти. Я понятно говорю?

— Ты не вовремя об этом говоришь, — ответил за всех Берия. Он так и не сумел избавиться от тяжелого грузинского акцента. Впрочем, даже проведшие всю сознательную жизнь среди русских грузины сохраняют акцент. Берия же попал в Москву взрослым, сложившимся партийным работником.

— Лучше лишний раз повторить, чем забыть, — ответил Чаянов. — Вам это отлично известно, Лаврентий Павлович.

Берия выкрад недавно у Чаянова книгу, из тех безответственных публикаций, что появились в 90-е годы и клеветали на ведущих членов партии. Как правило, в таких книжках Лаврентий Павлович изображался олицетворением злодейства. Все его заслуги перед Родиной

замалчивались. Страшно подумать, что думают о нем дети будущего!

Лаврентий снова повернулся к окну.

Парочки не было видно. Охранник сидел на песке, прислонившись спиной к стволу высохшей сосны. Ветерок все не стихал, и полосы ряби пересекали залив.

— Мы знаем, — продолжал Чаянов, — что для нас возврата в мир живых нет. Не было никогда выхода обратно. Так сказать, оставь надежду, всяк сюда входящий. Мы смирились. Мы существовали в этом довольно слабо населенном мире, объединяясь в некие сообщества, которые не могли стать единой системой хотя бы потому, что людей слишком мало.

— И потому что нет стимула, — вмешался Грацкий. — Зачем объединяться? Что это даст? Богатство? Славу?

— Я хотела основать газету, — сказала Лариса. — Вы знаете — результат нулевой.

Никто даже не посмотрел на Ларису.

— Различные типы правления, ибо людям свойственно объединяться в социальные группы, появлялись в нашем мире. Если заглянуть в прошлое мира без прошлого...

Грацкий захлопал в ладоши:

— Браво! Браво! Какой афоризм!

— Постепенно выработался образ правления, — продолжал Чаянов, — сначала негласный, затем общепризнанный. Правление консулов. Как только нас не называли и как только мы сами не называли себя! И сенаторами, и хранителями вечности, и подпольщиками... даже такой мир, как наш, нуждается в общем, постоянном и справедливом устройении, иначе люди могут стать неуправляемыми животными.

Лаврентию Павловичу было скучно. Как надоедает стремление поговорить, показать себя.

— Мы охраняем наш мир от внешних влияний, — продолжал Чаянов. — Это не пустые слова. Они отражают действительную опасность. Оказывается, граница между нами и тем миром, в котором мы существовали ранее, прозрачна, оказывается, существовали и существуют пункты соприкосновения миров и возможности обмена между ними. Еще несколько лет назад наши московские коллеги осознали опасность таких контактов, они поняли, что именно этим путем к нам придет страшная гибель! Они постарались прекратить контакты, но были слишком слабы... и если кто-то слаб, то другой оказывается корыстен. Третий просто продажен. Даже в нашей среде нет порядка и не на кого надеяться.

— Господин Чаянов, к сожалению, совершенно прав. Скверна не только подняла голову и проникла в наши ряды, — сказал Победоносцев.

Что-то пробурчал Никифор.

Лаврентий подумал, что все происходит, как в романе, где автор дает героям высказаться, всем по очереди, чтобы читатель притом понял, где происходит действие, кто хороший, а кто сволочь... Сейчас вставит свою реплику Лариса. За ней Грацкий, и разговор утонет в бесконечном обсуждении того, что обсуждать не следует.

— Продолжай, Чаянов, — сказал Берия, называя оператора по фамилии — старая партийная привычка.

— Не надо, — сказала Лариса. — Все и так знают.

— Я продолжу, — сказал Чаянов. — Слишком важна тема нашей встречи.

Берия взглянул в окно. Охранник сидел в той же позе, девочка стояла у ореза воды. Вот она замахнулась — через голову, так никогда не закинуть камешек далеко. Кинула. Было видно, что фонтанчик воды поднялся метрах в десяти от берега.

— Последний сигнал, — продолжал Чаянов, — из Ярославля — показывает, насколько непрочно и опасно наше положение. Но мы, как и положено, спохватились только сейчас. Очевидно, надо было действовать уже после событий на Киевском вокзале в Москве.

— В мое время о таком и не слыхали, — сказал Победоносцев.

— В наше время, коллега, — сказал Чаянов, — вообще ничего не происходило. Тем не менее вы умудрились подготовить падение империи.

— Если бы я был жив... — начал Победоносцев, а Клюкин передразнил его:

— Если бы я был жив...

— Вы, именно вы, и довели страну, империю... — Победоносцев поднял к потолку желтый высохший палец.

Как в таком душа держится, подумал Лаврентий Павлович и чуть было не улыбнулся, что позволял себе очень редко. Вопрос о местонахождении души оставался дискуссионным.

— Вы лучше расскажите, какие проводили расчеты, — сказала Лариса. — И что нам грозит.

Правильный вопрос. К делу. Если бы все случилось лет пятьдесят или сто назад, взял бы я эту бабу. Настоящая баба. По документам дворянка. Лаврентий Павлович предпочитал дворянок.

Он посмотрел на ту девушку, внизу на берегу.

Девушка подошла ближе к ресторану. Это лишнее. Не-прроверенным лицам приближение к ресторану «Взморье» не позволялось. Наверное, ее сейчас увидят велосипедисты или кто-нибудь из охраны. Надо бы ее допросить — почему она оказалась здесь, на пустынном пляже, где ее спутник? И того охранника из внешнего оцепления надо допросить...

Занятый своими мыслями Лаврентий Павлович упустил начало речи Чаянова, но он уже знал это начало. Не впервые разговариваем.

— Да погодите! — Эти слова относились к Победоносцеву, который не был способен по старости и изношенности многое понять, но полагал себя мудрейшим, подобно кавказским старейшинам, давно выжившим из ума и потому очень удобным для экстремистов, которые под видом мудрости готовы вложить в их дряблые уста сумасшедшие лозунги.

Все зашикали на старца, и тот, ворча, замолк.

— Наверное, каждый из нас мечтал или, наоборот, боялся возможности возвратиться обратно — ожить, вылезти из ада, увидеть близких... Проходили годы, и эти желания посещали нас все реже. И не только потому, что наши близкие и даже просто помнившие нас люди ушли из жизни, но и потому, что мы не можем там жить. Изменилась наша кровь, изменились наши ткани... в это трудно поверить, но мы уже мертвецы. Если я вернусь туда, откуда я родом, то через несколько часов или минут я перестану существовать. Откройте гроб, в который не поступал воздух, и в первые моменты вы увидите черты лица покойного, словно он только что заснул, но в течение минут свежий воздух сделает свое страшное дело. Тело превращается в гнилую массу черной плоти...

— Господин профессор, я вас умоляю! — воскликнул Клюкин. — Хватит мне того, что я состою из плоти, смертной и непрочной, не повторяйте, что она отвратительна!

— Мы бесплотны, мой дорогой, — заметила Лариса. — Потому нам так хорошо.

— Не богохульствуйте! — прошептал Никифор.

Лаврентий Павлович смотрел на берег. Девица исчезла, но не уходила по берегу прочь — он бы заметил. Надо бы сейчас сбегать вниз, поглядеть, не подбираются ли чьи-то агенты к ресторану. Чьи-то агенты! Смешно звучит

— Главное, — донесся до него ровный голос Чаянова, — что мы не можем вернуться. Никогда. Мы живем в запаян-

ном гробу. И любой ветерок, любое движение воздуха для нас опасно.

Все посмотрели на море. Все знали, что веет ветерок. Ветерок нес в себе беспорядок и опасность.

— Мы — улица с односторонним движением. Это вообще свойственно смерти. Ты можешь попасть сюда, в Ад, ты никогда не сможешь вернуться. И если кто-то раскроет дверь между нами и миром, в котором мы жили раньше, то вошедшие сюда останутся живы, а живущие здесь умрут.

Чаянов сделал паузу.

— Что нам и грозит, — закончил он.

Все молчали, потому Победоносцев повторил свою фразу:

— В мое время ничего такого не было.

— Ах, что вы знаете! — воскликнула Лариса. — Может быть, этот мир как пузырь на воде — уже возник и погибал. Все может быть.

— Нам неизвестно, — сказал Чаянов, — когда возникла преграда между миром обычным и нашим. Какой она была тысячу лет назад, как изменилась.

— Тогда не тратить время даром, — буркнул Победоносцев. Чаянов не услышал.

— Но мы можем проследить, какой эта преграда была триста, двести лет назад, сто лет назад.

— Ну только не триста. Трехсотлетних среди нас нет.

— Есть, — сказал Чаянов, — я их отыскал. И обнаружил различия между прежними временами и временем нынешним.

Лаврентий Павлович был недоволен. Оказывается, этот пижон Чаянов раскопал каких-то старцев, и Лаврентий Павлович не знал об этом. А он-то думал, что в его списках есть все ленинградцы. И многие за пределами столицы.

— Где эти люди? — спросил Лариса. — Мне любопытно.

— В обители, — ответил Чаянов. — Я отыскал лесную обитель. Там старцы и старицы.

— И мне не доложил? — рассердился Никифор. — Вот уж не ожидал от тебя, голубчик.

Конечно, я слышал о сектах, о людях, что прячутся десятилетиями в пещерах, в лесу, полагая, что они обязаны отмолить свои или чьи-то еще грехи. Но не встречал. И не занимался ими специально, сердито думал Берия.

— Это не мое дело — верующих считать, — ответил Чаянов. — Главное не в этом. Главное, что за подотчетное время вплоть до ближайших к нам лет никаких обратных контактов не было. То есть сюда, к нам, можно было попасть. От нас вернуться нельзя. И не было дыр в занавесе, что отделяет нас от нашего прошлого. Была как бы воронка, она могла возникнуть в любом месте. Ты мог попасть в нее. Но никогда бы не увидел обратного пути. А за последние годы все изменилось и меняется... тревожно меняется.

— Он прав, — сказал Клюкин.

— Я прибегну к обратному методу доказательства. Сперва сообщу вам, в чем причина перемен. А потом приведу примеры и доказательства.

Никто не стал возражать.

— Население Земли увеличивается катастрофически. Уже в начале века появился кризис перенаселения. На рубеже двадцатого века население насчитывало миллиард человек. К концу века, несмотря на две мировые войны, казни, репрессии и так далее, на Земле народилось уже пять миллиардов. В пять раз больше. А что это значит?

Чаянов обвел взором членов Совета, не дождался ответа и продолжал:

— А это означает, что по крайней мере в пятнадцать раз больше людей проникает к нам. Это значит, что существует

очевидная корреляция между населением Земли в целом и нашим населением. Но я скажу больше. Мои подсчеты новых поступлений в наш мир доказывают, что прибавления в нашем семействе увеличились не в пять, а в десять раз. Потому что там, наверху, неуверенность в завтрашнем дне, страх перед концом света все растут... За сто лет в десять раз!

Чаянов ненадолго умолк, давая возможность коллегам охватить разумом его сообщение.

Первым опомнился Грацкий.

— Мои данные этого не подтверждают, — сообщил он. — Я провожу призыв в армию, и он не дает значительного увеличения.

— А кто в твою армию желаєт? — спросила Лариса. — Я подозреваю, что о ней за пределами Невского никто и не слышал.

— А наш парад в день Октябрьской революции? — спросил Грацкий. — А наш оркестр духовых инструментов? Я попросил бы вас не клеветать. Армия — это самое святое в отечестве.

— Люди возникают не только в Москве и Питере, — сказал Чаянов. — Они появляются и в лесных деревнях, и за Уральским хребтом. Главное, происходит так называемый демографический взрыв. А он ведет к изменению обстановки в нашем мире. Разрешите перейти к примерам?

— Давай, — сказал Берия. Он был недоволен тем, как уверенно Чаянов ведет заседание Политбюро. Слово «Политбюро» Берия давно относил к совету. Но вслух не произносил.

— Я ограничусь несколькими примерами, а вы уж решайте, опасны они или нет. Пример первый: несколько лет назад, уже на памяти всех здесь присутствующих, существовала так называемая Империя Кисевского вокзала в Москве.

Присутствующие наклонили головы, все о ней знали.

— Одно из мелких образований, таких здесь десятки, — сказал Чаянов.

Все вновь согласились.

— Там был император.

— Ах, не надо меня смешить, — отмахнулась полной рукой Лариса.

— Люди предпочитают жить по привычным формулам. Чем существовать каждому как придется, в одиночку, они объединяются. Как капли жира. И вот у них есть император, жестокий тиран или вялый барин. Главное, что кто-то их угнетает.

Чаянов скривил смешную гримасу — оттопырил нижнюю губу, закатил глаза — получилось тупое, покорное судьбе создание.

— Ваша любовь к крестьянству потешна, — сказал Грацкий. — В глубине души вы его презираете.

— Зачем же лезть в глубину моей души? Ищите ближе к поверхности.

— Мы ждем, — строго напомнил Лаврентий Павлович. — Мы собирались по серьезному делу.

— Берия, как всегда, прав. Недаром он стал знаменитым палачом, — сказала Лариса.

— Скажи спасибо, что ты до меня не дожила, — ответил Берия. — Я гарантирую тебе неземное наслаждение и мучительную смерть.

— Я продолжаю, — сказал Чаянов. — Или мы будем шутить, господа?

Чаянов знал, как неприятно Лаврентию Павловичу слышать это слово: «господин». Потому любил употреблять его. Чаянов пришел сюда в тридцатом году, подобно Гуревичу, вырвавшись из мира пыток и смерти, который олицетворял для него Берия. Здесь трудно убить человека, люди становятся почти неуязвимыми. Иначе Чаянов

придумал бы смерть для Берии. Он был мстителен. Ведь убили же Распутина. Здесь. Снова. Но это особый разговор и неприятные воспоминания.

— Этот идиот...

— Павел Первый, — подсказал Клюкин. — Я к нему съездить собирался. Любопытно.

— Павел даже устроил ауто-да-фе, — сказал Чаянов. — Порой жег непокорных.

— Или неверных любовниц, — сказала Лариса.

— Вот с любовницами и возникла проблема, — продолжал Чаянов, — именно с ними. Каким-то образом этот император наладил связь с верхним миром.

— Мы же расследовали, — сказал Берия, — допрашивали людей. У него был слабоумный медиум. Приемник. Он чувствовал, где и когда в перемычке образуется отверстие. Этого медиума потом убили.

— Это было потом, — сказал Чаянов. — Но самое удивительное, что император наладил регулярный обмен с тем миром. Получал оттуда бананы и девочек. Так по крайней мере нам потом рассказали. Даже притащил оттуда какого-то певца, страшно богатого, но больного, чтобы он поджидал в нашем подвале, пока отыщут лекарство от его болезни.

— Какая-то чепуха, — сказал Грацкий. — Я гарантирую. Как ты можешь дождаться, если не можешь вернуться?

— А кто-то не хотел в это верить, — ответил Берия.

— Все это кончилось бунтом, войной, возмущением, гибелью императора. Мы посыпали наших людей, они не вернулись.

— А где была та дыра? — спросила Лариса. — Где было то отверстие? Ведь они должны были пользоваться им регулярно.

— Правильный вопрос, — сказал Чаянов. — Точный вопрос. Ответа на него нет. А вот император погиб, но

погибли и наши люди, которые старались следить за ним, хотя не погибли, очевидно, те агенты из верхнего мира, которые проникли в Империю Киевского вокзала.

— И где они? — спросил Берия. Это был не вопрос, а продолжение спора. Чаянов был убежден, что некие молодые люди — даже их имена ему якобы были известны: Егор и Людмила — Пришли из Верхнего мира не с помощью новогоднего желания, а через отверстие в перемычке. Понимаете разницу?

— Живыми на небо берут лишь праведников, — заметил Никифор.

— Именно они попали живыми в наше чистилище, — сказал Чаянов.

— И вымерли вместе с нами, — заметила Лариса. — Стали тенями.

— Такова история первого прямого контакта, о котором нам известно, — продолжил Чаянов. — И учтите, мы не знаем, сколько всего людей переходили границу между нашими мирами. И сколько из них остались тут

— И сколько мерзости и грязи приходит к нам из греховой каши, — добавил Никифор. — Прости меня, грешного.

— Мерзость и грязь, — согласился Победоносцев.

Берия смотрел, как волны накатывают на песок. Такого быть не могло. Они прожили здесь долго, они понимали, что им некуда деваться, и потому взяли на себя ответственность править этой пустынной страной. Но она погибала.

— Она погибает на глазах, — сказал Берия вслух.

— Что ты несешь? — спросил Клюкин.

— Ветер, — сказал Берия. — Здесь не может быть ветра.

— Почему?

— Потому что он может разогнать тучи, и обнаружится потолок, понимаешь, товарищ Клюкин?

— Недавно был другой случай, еще более тревожный, — сказал Чаянов, — потому что следы от него ведут к нашим коллегам. К ярославским сенаторам.

И хоть недавняя страшная история была всем известна, все замерли, ожидая рассказа.

Как дети, знающие наизусть страшную сказку, но готовые до смерти пугаться, когда слушают ее вновь.

— Группа сенаторов в Ярославле...

— Все сенаторы Ярославля, — поправил Никифор. Владыка был уже несколько мессяцев глубоко оскорблен событиями в Ярославле.

— Все сенаторы Ярославля соблазнились, либо были соблазнены кем-то, использовать связь с верхним миром в корыстных целях.

— Хуже, в святотатственных! — закричал вдруг Победоносцев.

Никто не ожидал от него такой вспышки. Получилась долгая пауза. Берия откашлялся.

— Давайте сегодня не будем судить сенаторов. Более важные проблемы стоят перед нами, — сказал Чаянов.

— Человек прав, — поддержал Чаянова Клюкин.

— Итак, — сказал Чаянов и поднял вверх руку, как на лекции, призывая к тишине. Он был ранним профессором, даже бородой обзавестись не успел, как его шлепнули. Или собрались шлепнуть. — Сенаторы придумали нечто, не поддающееся человеческому разумению. Томясь скучой и всевластием, они нашли дыру в верхний мир и наладили свободный переход купленных ими мерзавцев туда и обратно. Эти мерзавцы доставляли им солдат, бойцов, гладиаторов — как хотите, так и называйте, которым внушалось, что они находятся на настоящей войне. Они сражались насмерть на крытом стадионе, а сенаторы на верхней трибуне, невидимые снизу, делали ставки на солдат, на солдатиков, устроили тотализатор... Наконец кто-

то из солдат не поддался гипнозу. И всех их перестрелял. А это все для нас означает... третий звонок.

— Третий звонок, — повторил Берия. Он был совершенно согласен с Чаяновым. Еще несколько лет, еще несколько дыр, еще несколько контактов, черт знает сколько — и наш мир перестанет существовать.

— Мы знаем о случае в Ярославле, мы знаем о случае на Киевском вокзале в Москве, о трагедиях... и мы знаем, что еще полвека назад это было невозможно. К нам прет зараза, к нам идет гибель.

Это говорил не Чаянов. Он как бы передал право на заключительный аккорд старшему в роду.

То есть владыке Никифору.

Тот поднялся, но от этого не стал выше ростом.

— Господь замыслил наказать нас за прегрешения, за грехи, в которые мы впали даже здесь, в чистилище. И нет нам прощения, если мы не возьмем в длань меч справедливости!

Закончив монолог, Никифор окинул взглядом аудиторию.

Никто на него не смотрел. Обернулись к Чаянову.

— Итак, — сказал Чаянов, — поток беженцев к нам расшатывает перемычку, истончает ее. Допускаю даже, что прочность ее имеет предел. Чем больше здесь людей, тем больше шансов, что среди нас плодятся без меры сумасшедшие, преступники, лица, желающие любой ценой восстановить связи со своим прошлым. Не исключено, что среди нас уже есть люди оттуда.

— Они есть, — сказал Берия. — Их цель — сломать перемычку. Одним это нужно, чтобы безнаказанно грабить, другим — ради бессмертия.

— Иллюзии бессмертия, — сказала Лариса Рейснер.

Берия посмотрел на берег.

Девушки не было видно. Где она спряталась? Охранник сидит все так же спиной к сосне. Почему? Сейчас же надо проверить.

— Мы обречены, — сказал Чаянов. — Прошу отнестись к этому трезво. Говорят, в Североамериканских Соединенных Штатах врачам велено честно рассказывать раковым больным, что они обречены, и даже сообщать, сколько им осталось жить на Земле. Я, как американский врач, могу сказать, что жизнь нашего неладного, нелюбимого, но единственного для нас возможного мира исчисляется месяцами или даже днями. Если мы не примем мер, то не сегодня-завтра дыры в перемычке превратятся в ворота. Смертельный для нас воздух проникнет в наш мир, смертельные для нас люди, да простит Господь их невежество, ибо они вернее всего погибнут в потопе, который вызовут, пройдут по нашим телам... Что потом?

— Все равно — что потом, — сказал Берия. — Но это не значит, что мы сдаемся. У нас есть план.

— Какой? — спросила Лариса.

— Пока о нем знают двое, — сказал Берия. — Чаянов и я. Кто будет третий, мы решим по мере его разработки.

— И все же вы обязаны намекнуть. Уж если скрываться от нас, — сказала обиженная Лариса, — то тогда некому доверять.

— Хорошо, намекни им, — сказал Берия. — А я должен кое-что проверить.

И он быстро пошел к выходу из зала.

— Наша цель, — сказал Чаянов за его спиной, — единственная возможная для нас цель — уничтожить Верхний мир.

— Как так? — Это голос Никифора.

— Как сделал Бог, послав на Землю потоп, — ответил Чаянов. — Но мы не будем искать среди них праведника. Прошли времена праведников. И если мы не уничтожим

людей там, наверху, завтра они ворвутся сюда, неизбежно ворвутся, и тогда погибнем мы.

Берия прошел мимо охранников, сидевших у лестницы, спустился по ней и вышел к велосипедистам, носильщикам и иной обслуге. Каждый из консулов имел свой штат обслуги. Самая роскошная карета у Клюкина — его лакеи одеты в красные ливреи.

Откуда пришли те двое? Куда делись? Зачем в этих краях кому-то гулять по берегу?

Берия спускался по лестнице не спеша, оглядываясь и пытаясь понять, где бы он устроил засаду, где бы затаился, если бы ему самому пришла в голову мысль выследить сенаторов и подслушать, о чем они тут рассуждают.

Вот здесь широкий ход в банкетный зал, уютный, но не имеющий такого славного вида на море, как основной, круглый. Он прилепился к круглому залу, как гондола к дирижаблю.

Лаврентий Павлович хорошо помнил полет дирижабля «Земля Советов» через Главный Кавказский хребет. Когда это было? В тридцать втором? Они встречали его на военном аэродроме под Тбилиси, большое было торжество и большое застолье. Капитан дирижабля... как его звали? Панкратьев? Его потом удалось отыскать и убить где-то в Аргентине. Этим занимался Судоплатов. Зонтик? Зонтик с иглой на конце? Как же фамилия его главного мастера по ядам? Могилевский? Могильный? Доктор наук, наверное, остался в институте. Нс Менгеле... А Судоплатова похоронят с почестями... Дирижабль тогда поднялся: как красиво, как величественно — великое проявление человеческого духа! Лаврентий Павлович, что выгодно отличало его от обычных людей, умел одновременно думать в двух плоскостях. Люди же, неспособные на это, попадались в тиски, расставленные Лаврентием

Павловичем. За видимым безразличием к окружающему миру он оставался его острым и настороженным наблюдателем. Многие здесь постепенно теряли интерес к жизни, лишенной ее земных атрибутов, физически отпускались, что и приводило к исчезновению — не к смерти, а к исчезновению. Но Лаврентий Павлович полагал, что если судьба забросила его в дальнюю страну, значит, в этой стране требуется вождь. И требуется борьба.

За пятьдесят лет, проведенных в мертвом мире, он еще более укрепился в своем убеждении. Может быть, он не стал первым на этой Земле. Но одним из первых — да! И станет первым обязательно. Как только окончательно сковырнет своих ближайших соратников.

Пятьдесят лет... прошли ли они как один день? Нет, порой дни тянулись бесконечно, порой отчаяние охватывало его деятельную натуру, порой хотелось прервать эту цепь дней без ночи самоубийством.

Пока существует тот, Верхний мир, не может быть полной власти в этом. Он всегда будет влиять на наши дела, вмешиваться и в конце концов подавит и поглотит нас.

Верхний мир должен быть уничтожен. В этом Лаврентий Павлович не сомневался.

И тут он увидел, что охранники ведут к нему девушки. Ту, что гуляла по берегу. Через два часа Берия уже допрашивал ее в Смольном, в кабинете Ильича.

— Имя?

— Людмила.

— Целиком. Имя, отчество, фамилия!

— Здесь это не важно.

— Мне важно.

— Людмила Тихонова.

— Меня ты знаешь?

— Я раньше думала, что вы давно вымерли. А оказывается, вы сюда пробрались. А вас что, должны были расстрелять? Я ведь читала, что вас расстреляли, Лаврентий Павлович.

— Значит, все-таки помнишь. Любопытно. И многие меня помнят?

— Больше по кино. Вы там страшнее, чем в жизни. В шляпе и маленьких очках.

— Чего плохого в моей шляпе? Тогда все так ходили.

— Как вам сказать... Ленин — в кепке, Сталин — в фуражке. А вы в шляпе.

— Меня ставили рядом с ними?

— Нет, я в кино видела, там показано, что вы садист.

Исполнитель.

— А ты не задумывалась, что это клевета?

— Почему? Рано еще.

— Почему рано? — удивился Берия.

— Еще многие живы, которые помнят, — сказала Люся, — или их родственники погибли. А когда они все вымрут, а другим станет все равно, тогда вы можете вернуться.

— А ты думаешь, что можно будет вернуться?

— Физически, чтобы жить, — нельзя. А чтобы побывать и поглядеть, как там жизнь идет, — я думаю, что это будет можно.

— Это твоя мечта, или тут есть к этому основания?

Люся насторожилась. Берия не просто разговаривал. Он ее допрашивал. И хоть странно и необычно оказаться на допросе, в обычном кабинете из художественного фильма, откуда Ленин руководил взятием Зимнего дворца, Берия был смертельно серьезен, и, самое, конечно, удивительное заключалось в том, что у него были основания ее допрашивать, а ей было что скрывать от него.

— Я надеюсь, что есть такие основания, — сказала Люся. — Мне бы хотелось.

- Почему?
- Надоело мне здесь ошиваться.
- А как вернуться, ты не знаешь?
- Не знаю. А вы знаете?
- Есть некоторые соображения. Тебе, думаю, тоже известные.
- Поделитесь?
- А ты хорошенъкая была.
- Я и сейчас хорошенъкая.
- Нет, у нас хорошенъкие быстро вянут. На тебе тоже видно. Тебе надо поспешить с возвращением.
- Поспешу, если смогу.
- И одной трудно. Нужна компания. Ты с кем была на пляже?
- Там был один мужчина, — честно призналась Люся, — он ко мне еще в посслке подошел. Очень приятный дядечка. Он здесь живет.
- Молодой? Старый?
- Здесь молодых нет.
- Ты — молодая.
- Я — исключение.
- И куда твой дядечка делся?
- А он сказал, что устал и ушел к себе.
- Куда ушел?
- Ну не знаю я! Вы лучше вашего стукача спросите, который на пляже топтался. Он нас видел, даже разговаривал.
- Мы спросим, — сказал Лаврентий Павлович.

Он смотрел на Люсю и огорчался, потому что глазами мог ее раздеть и уложить рядом с собой, но в самом деле не чувствовал к этому склонности, позыва. Даже в камерс ему очень хотелось, просто ночами просыпался от похабных образов, а сейчас знал, что ничего не получится. Он съе сорок—сорок пять лет назад пробовал себя и вынуж-

лен был сдаться. Это было невыносимо, и за это он тоже будет мстить тому миру, что остался наверху и наслаждается ночами в постелях. Когда ты лучше прочих знаешь о масштабах этого счастья, о его разнообразии, о том, что, пожалуй, нет ничего выше счастья соединиться с женщиной, тебе остается лишь власть и ненависть. И об этом никто не должен догадываться.

Лаврентий Павлович углубился в чтение бумажек на столе — они были разбросаны по зеленоей поверхности как бы невзначай, как бы слетевшиеся к нему из окон или дверей и требующие внимания.

— Ну, я пошла? — спросила Люся.

Берия выдержал паузу. И только за тысячную долю секунды до того, как она повторила вопрос, он поднял глаза и уставился на Люську карими маленькими внимательными глазами.

И увидел худенькую — или, может, худую? — девушку, совсем еще молодую, наверное, лет двадцати. Лицо у нее было простое, таких называют дворняжками — от слова «двор» или «дворня». Ее бабушка еще была просто крестьянкой, скуластой и курносой, мать уже обрела правильность фигуры, стройные ноги, небольшую грудь, бледность кожи — это происходило от недоедания, вечных недостач, может, и пьянства — крестьянская кровь осталась, но разбавилась городской водицей. А в дочке, в этой самой Люсе Тихоновой, все вспыхнуло совершенством красоты бледного квартала, может, арабских дворов, а может, мытищинского общежития. И уже за пределами жизни Берии эти девочки вырастали шестифутовыми дылдами, из чего половина или две трети падали на стройные ноги.

А вырастали такие девушки в конце века, потому что на них пошел большой спрос — выросли двухметровые женихи и невысокие, но богатые пожилые толстяки, которые могли за них славно платить и держать их вочных

клубах или на Канарских островах. А многиे попадали в модели или просто в проститутки: везде в них была нужда. Вот и эта Людмила Тихонова, видно, была длинноногим заморышем, белой дворовой вошкой. А теперь она на две головы переросла Берию и хорошо еще, что она сму не нужна — а то даже в постели разница в габаритах будст ощущаться.

— Расскажи биографию, — потребовал Лаврентий Павлович.

Он отметил про себя, что раньше ее не встречал в мертвом времени. Значит, либо новая жертва, либо жила где-то в другом месте. Да и вообще молодых девушек здесь почти не бывает — молодые не могут так страстно желать чего-то, для этого требуется жизненный опыт. Молодые не умеют ценить собственную жизнь. Не могут цепляться за нее. Как можно цепляться за то, что не имеет великой ценности?

Волосы у девушки были русыми, обыкновенными, лицо — правильным, большелобым, чуть скуластым, ровно настолько, насколько нужно для шарма, нос чуть вздернут, губы великоваты для такого лица, но лишь чуть-чуть великоваты.

Совершенно не во вкусе Лаврентия Павловича, который любил пышных полногрудых блондинок, можно даже крашеных, такие его и возбуждали. Не такие палки, как эта.

И в то же время в ней что-то было...

— Я родилась в 1980 году, — сказала девушка. — Попала сюда, когда мне было двенадцать лет.

— Ребенком?

Это уже совсем немыслимо. Детей здесь не было.

— Мы бедно жили, — искренне сказала Людмила, — мать пила, у нее любовники. Я своего отца не знаю, но одного ее мужчину очень любила и на него надеялась. Ждала его под Новый год... .

Она улыбнулась, вспомнив зал наверху в конце эскалатора на станции «Университет» в Москве. Как она смотрела на людей, поднимавшихся по эскалатору, и ждала — вот сейчас покажется голова Константина, и он будет улыбаться, завидев Люську, — ты чего, малыш, на ночь глядя прибежала, снова мать гуляет? Хоть сам был тоже алкашом. Может, потому и не доехал под тот Новый год?

— Врешь, — сказал Лаврентий Павлович. — Врешь и не краснеешь.

— Почему? — Людмила даже не обиделась и не испугалась.

— Потому что, если тебе было двенадцать лет, тебе бы и осталось двенадцать лет. Не думай, что перед тобой недоноски сидят.

Вдруг Лаврентий Павлович испытал странное, давно забытое чувство — он захотел избить ее так, чтобы она кричала и просила о пощаде, и потом овладеть этой девушкой... неужели такое счастье возможно? Неужели с ней он сможет?

И пролетело это чувство, и исчезло. Вернулась уверенность в том, что все это в прошлом.

«Надо будет подождать, — сказал он себе. — И если что-то получится, почувствую — надо быстро действовать».

— Правильно, — сказала Людмила. — Я тут два раза побывала.

— Что? — Берия вцепился в край стола, чтобы не вскочить и не выдать своего изумления. — Ты... снова вернулась?

— Странно, что вы не слышали об этом. Здесь народу не так много, а вы тогда уже здесь были, — сказала девушка. — Я думала, все знают.

Он в самом деле что-то слышал об этом. Давно. Но что? Опять подводит память — она должна быть безукоризненной, и все должны об этом знать.

— Я недолго здесь пробыла. Несколько дней. Еще не успела заразиться... ведь можно до недели. Вы же знаете.

— Знаю.

— А потом мне удалось бежать. Вернее, меня отпустили. Меня отпустил император Киевского вокзала в Москве. Неужели вы и о нем ничего не знаете?

— Знаю, знаю! — Берия вспомнил. — Так это тебя он вернул через шесть лет, чтобы жениться? Он думал, что сможет жениться, идиот!

— Это я была, — призналась Людмила, — меня украли и притащили сюда, это была плата одного человека за то, что ему дадут тут место... не обычным путем, не под Новый год — а через дырку...

— Да, через дырку, и это самое ужасное, — вздохнул Лаврентий Павлович. — Мы здесь погибнем из-за этих дыр. Тебе известно, что через них просачивается смертельная для нас субстанция?

— Нет, я не слышала.

— Я покажу, я обязательно покажу.

Лаврентий Павлович поднялся со стула и пошел по кабинету. Он подошел к окну. Когда-то в это окно смотрел сам Владимир Ильич. А в то время уже существовал наш мир... как бы у него под ногами. Наверное, когда заболел, он был бы рад сюда уйти, но не догадался. Вот гений, а не догадался. А жаль — мы бы с ним вдвоем тут славно поработали. Как мне не хватает рядом умного решительного человека. Ведь остальные — сборище неполноценных уродов.

А с этой девицей все выходило как нельзя лучше. В смысле, что он правильно на нее вышел. Интуиция сработала. Нас, старых ищеск, не проведешь. Конечно, она уже бывала в своем времени, вернулась, снова ушла. И я должен всему этому верить? Да она же камикадзе, она пожертвовала собой, чтобы держать нас под контролем...

а вдруг не пожертвовала? А вдруг есть способ оставаться здоровым? И она, эта Людмила Тихонова, — член заговора, полна живой кровью?

— А как у тебя с половой жизнью? — неожиданно спросил Лаврентий Павлович.

— Так же как у вас.

— Не употребляешь?

— Мы мертвцы, — сказала Людмила.

— Про Александра Матросова помнишь? — спросил Берия.

— И про Муция Сцеволу, — сказала девушка.

Про Муция Сцеволу Лаврентий Павлович не слыхал. Потому ее слова как бы не услышал.

— Некоторые, — сказал он, — жертвуют собой ради работы. Мне это понятно. Я таких людей уважаю. Разведчик всегда уважает настоящего разведчика.

Он с ожиданием впился в нее очками.

— Вы ошибаетесь, Лаврентий Павлович, — нет здесь шпионов сверху. По крайней мере я таких не видела.

— А почему?

— Я думаю, что невозможно, — сказала Людмила, — никто там не верит, что мы живы. А дырки, если возникают, то они, как я понимаю, непостоянные. Не уловишь...

— А как же у императора Киевского вокзала дырка была?

— У него был особенный человек, в кресле. Я его видела. Он чувствовал, когда и как образуется дыра. Его убили.

— Правильно, — согласился Берия. — А в остальном ты сделала ошибку.

— Какую ошибку? — Тонкими дугами высокие брови поползли наверх, к краю волос. — Я сделала ошибку?

— Лучше бы настаивала на одной версии, — сказал Лаврентий Павлович. Он говорил поучительно, заботливо. Как с собственным агентом, которого готовил к серьезной операции. — Стояла бы на своем, и я бы в конце

концов тебе поверил, что глаза обманули старика. А ты сначала сказала, что была одна, а потом плохо придумала местного жителя. А здесь нет местных жителей. Это проверено.

Люся смотрела мимо него, не отвечала.

— По твоим реакциям я все понимаю, — усмехнулся Лаврентий Павлович, — ты сейчас в тупике.

Люся пожала узкими плечами. Упрямилась.

— Жаль, ты мне нравишься, — сказал Берия. — И я сначала просто хотел проверить, не подозревал ничего серьезного. Но интуиция меня не подвела. Тут все очень серьезно. Кому-то важно было знать, о чем мы говорили? Враги у нас могут быть двоякого рода. Или внутренние враги, скажем, какая-то организация в Ленинграде. Сейчас такой организации я не знаю. Была группа интеллигенции — мы ее разогнали... Или не разогнали?

У него была манера: говорить, говорить, прервёт поток речи и задает неожиданный вопрос.

— Не знаю, — сказала Люся.

Может, и в самом деле не знает?

— Тогда остается враг внешний. Вот это серьезно, потому что сегодня совет заседал именно для того, чтобы выяснить вопросы, касающиеся внешней опасности. Вопросы секретные. И тут появляешься ты, с неизвестным мужиком, с твоей загадочной биографией. Ну что бы ты стала делать на моем месте?

— Отпустила бы меня, — сказала девушка.

— Зачем? Кто тебя ждет? Что тебя ждет? Нет, я тебя не отпущу. Я сначала попытаюсь узнать о тебе все, что можно. Я ведь не один, у меня есть агентура. Есть и список жителей Ленинграда. Могу затребовать список из Москвы. Так что я твоего мужика найду. А ты пока посиди у меня, благо пиши не просиши. Или тебе надо пишу подавать?

Лаврентий Павлович ждал ответа с нетерпением — от него многое зависело. Потому что, когда больной узнает о том, что кто-то вылечился от его безнадежной болезни, в нем просыпается надежда касательно самого себя.

— Меня не надо кормить. — Люся чуть улыбнулась, потому что догадалась о цели вопроса.

Лаврентий Павлович подошел к двери, открыл ее, там в белом коридоре стоял охранник.

— Здесь есть надежное место спрятать ее, или надо везти на Литейный? — спросил он.

Вопрос был ритуальный. На Литейном никого не было. Дом НКВД пустовал, не хватало людей, чтобы его поддерживать в боевой форме. Да и не было дел — как ни придумывай, слишком мало здесь населения и слишком мало это население желает.

— Найдем. Будет надежное место, Лаврентий Павлович, — ответил охранник.

— Тогда отведите гражданку Тихонову, — сказал Берия, — я с ней завтра побеседую.

Это все был набор слов из давно исчезнувшей жизни, но так как охранник когда-то был старшим майором Госбезопасности и берег память о той власти, он с наслаждением служил Берии и поддерживал игру в прошлое.

Берия остался в кабинете Ленина.

Он сидел за его столом, но не исключено, что стол заменяли, так что помохи от стола ждать не приходилось. Но хотелось.

Неожиданно он вскочил и потребовал отвезти себя к заливу, где проходило заседание. Никак не мог успокоиться...

Велосипедисты плелись еле-еле, он по их спинам видел, как они его ненавидели. Но это были его люди, ветераны, некоторые попали сюда в тот же Новый год, что и

он сам. Тогда хрущевские недоноски подняли руку на самое святое — на кадры.

Когда они снова остановились перед рестораном, Берия подошел к велосипедистам и сказал:

— Наша служба легкой не бывает. Но кто-то должен взять на себя ответственность. Вы вольные люди, можете идти на все четыре стороны. Но учтите: кто остался в рядах, тот подчиняется строжайшей дисциплине. Иначе нас растопчут враги.

Велосипедисты знали цену таким словам, но человеку нужна востребованность, чувство локтя и право наказывать других, кто слабее.

Берия прошел внутрь ресторана. За ним шагал старший майор.

Лаврентия Павловича интересовали служебные помещения вокруг зала, где они заседали. Раздаточная, куда поступали блюда снизу из кухни, моечная, туалеты, кладовка...

— Если бы раньше, — сказал догадливый старший майор, — мы бы собаку пустили. А здесь и курицы нету.

Снаружи можно было проникнуть через кухню, лесенка вела в раздаточную — об этом не подумали. Кладовка Берии не понравилась. Под ее невысоким потолком были решетки. Вели они почему-то в зал. Если встать на табуретку, то можно все слышать и видеть.

Лаврентий Павлович взобрался на табуретку и заглянул в решетку. И видно неплохо, подумал он. Как на выставке.

— И видно неплохо, — сказал он старшему майору. — Что ты скажешь?

— Это вы табуретку к дырке подвигали? — спросил старший майор.

Берия посмотрел себе под ноги. И чуть не выматерился. Ведь если на пыли были следы Люськиного мужика, он их стер. Прав майор...

Он вернулся в раздаточную и здесь взял реванш.

— Убери ногу, сейчас наступишь, — сказал он старшему майору.

В легком слое пыли были видны четыре квадратика — тут стояла табуретка. Следы тоже были, неясные, но обозначались. Мужские ботинки, размер сорок четыре.

— Судя по следу, — сказал старший майор, — из недавних. Импорт.

Берия поглядел на помощника по-птичьи. Тот занимался криминалистикой — просто так, из любви к искусству. Бывают же такие монстры.

— Будем возвращаться, — сказал Берия. — Если он подслушал, весь наш план под угрозой.

— У него есть связь? — спросил старший майор.

— А вот это мы вышибем из Тихоновой, — сказал Берия. — И срочно. Пока он не ушел.

Но срочно не получилось.

Может, к несчастью для Лаврентия Павловича.

Когда он уже повернулся, чтобы снова оседлать уставших велосипедистов, сверху по лестнице скатился агент, из тех, что стояли за шторами, подслушивали, пока шефа нет.

— Лаврентий Павлович! — крикнул он. — Они провели выборы!

— Не понял, — сказал Лаврентий Павлович. Хотя сразу и тяжело все понял.

Он отстранил агента, который хотел что-то сказать, объяснить, и пошел вверх по лестнице. Он шел тяжело, медленно, иначе здесь не сделаешь ничего.

А когда вошел в зал заседаний, они как раз собирались расходиться.

— Что произошло? — спросил Берия от входа.

— Ага, вернулся, — сказал Клюкин. — Ну и хорошо. А то мы решили, что ты, как всегда, гоняешься за врагами отечества.

Он не улыбался, улыбалась подлая Лариса.

Она ненавидела Лаврентия Павловича, брезговала им.

И он ей отомстит за это.

— Вы провели выборы без меня? — спросил он тихо, с тяжелым грузинским акцентом, подражая голосу Хозяина.

— Мы тут посоветовались, — сказал Грацкий неуверенно. Он уже испугался.

— Вы тут посоветовались без меня и решили?

— Лаврентий Павлович, — сказал Чаянов, — можете поздравить меня с выборами на ответственный пост, несущий куда более забот, чем привилегий.

— Почему меня не подождали?

— Мы не знали, вернетесь ли вы, — сказал митрополит.

— Все было сделано по закону, — сказал Клюкин. — Кворум был, голосование открытое. Один голос за Победоносцева, остальные за Чаянова.

Берия непроизвольно кивнул. Он знал, что за Победоносцева был подан голос Победоносцева.

— Но почему не подождали? — повторил он.

Старец Никифор бочком-бочком засеменил к двери, Берия поймал его за рукав сутаны и придержал.

— Я вам скажу, — произнесла Лариса. — Мы хотим согласия, мы не хотим страха. И без того страшно. А жандарма делать президентом — грех и гибель для отечества. Жандармов в президенты никогда не избирают.

— Если бы ты присутствовал, — сказал Клюкин, — ничего бы не изменилось. Ты бы нас не переиграл. Все против.

— Но не против вас лично, — вмешался Чаянов. — Мы решили поручить вам проект.

— Что за проект? — зло спросил Берия.

— Ликвидацию Верхнего мира. В нашем распоряжении будут все ресурсы и возможности нашего чистилища.

— Я передам вам столько солдат, сколько вы сочтете необходимым, — быстро сказал Грацкий.

— А это знак абсолютного доверия к вам со стороны консулов, — сказал Чаянов. — И я предлагаю вам подумать и без обид остаться, когда остальные уйдут. И мы с вами обсудим некоторые проблемы, те самые, которые у нас считаются секретными. Надеюсь, вы не возражаете?

Последние слова относились к консулам.

Консулы не обижались.

Они по очереди подходили к Чаянову. Жали руку, желали успеха в трудной работе Верховного вождя чистилища.

Глава четвертая

Людмила Тихонова

Охранник, которому Берия велел отвести Людмилу в надежное место, провел ее в подвал. Там были обширные низкие помещения с мраморными столами — видно, бывшая кухня.

Он отыскал пустую кладовку за кухней. Там даже стула не было. И окна не было. Ничего не было. Он толкнул Люсю в спину, и она пробежала пять шагов, прежде чем уперлась в стену ладонями. Сзади хлопнула дверь, и слышно было, как задвигается засов. Люся догадалась, что они уже использовали эту камеру для заключенных.

Здесь все просто. Дверь без щелей. Как же дышать? Она знала, что при замершем обмене веществ потребность в кислороде не столь велика. Впрочем, они с Егором стара-

лись разгонять кровь — двигаться, бегать, пить и даже целоваться...

Она села на пол, обхватила руками колени и стала ждать. Кто-то обязательно придет раньше, чем она задохнется. А куда так поспешил Берия? Не проговорилась ли она? Нет, вроде бы не проговорилась.

Она сидела долго. Впрочем, ощущение времени здесь относительно, хотя есть понятия — долго и коротко, есть даже понятие дней, которые поддерживаются песочными часами — кто остановит песок от движения? Он отмеряет время, но независим от него.

Наверное, Егору удалось узнать нечто важное, недаром они забрались пешком в такую даль. Консулы собрались там, чтобы их никто не видел, и позвали только самых главных. Неужели слухи, что пронизывают гнилую ткань этого мира, несли в себе зерно истины?

Люська ненавидела этот мир и не раз говорила Егору, что лучше покончить с собой. Ведь те, кто влачит здесь жизнь без жизни, чаще всего не способны задумываться о том, что потеряли. Люська знала, что потеряла, и знала, что потерял Егор, когда остался здесь ради нее. И этого она ему не могла порой простить. Без него она давно бы повесилась или лучше — прыгнула бы с крыши гостиницы «Астория». А раз он здесь — она не имеет права это сделать.

Но потом пошли слухи о том, что консулы нашли способ уничтожить Верхнюю Землю, ту, которую Люся и Егор считали своей, хоть и покинули ее. Они были одними из последних людей в Ленинграде, которых называли его Питером и любили его.

Егор сказал, что их долг узнать, что замышляют сенаторы.

Они бессильны, говорила Люська, они старые бессмысличные мизантропы.

— Ты права, но у них злобные мозги, а наши миры связаны воедино, ты это знаешь лучше всех. А раз они связаны воедино, то Верхний мир можно погубить...

— Но как?

— Не знаю.

— Это бредовая выдумка.

— Может быть. Но грош нам цена, если мы ничего не сделаем для людей.

— Мы сами не люди.

— Ты так не думаешь.

— Чего думать, если я знаю.

— Ты отказываешься?

— Конечно, нет.

Они сидели тогда в своем убежище, на пятом этаже дома на Большой Подъяческой. Он сохранился целиком. Над подъездом латинская надпись «SALVE» — «СПАСИ». С пятого этажа были видны крыши и подвалы между ними.

— Если мы узнаем что-то особенное, в самом деле не бредовое...

— Ну как может быть не бредовое? — удивилась Люся.

— Объясню. Представь себе каменный замок, но под ним — карстовая пещера. Может, и небольшая, но точно под центральной башней.

— Ну, ты фантаст!

— И в один прекрасный день замок провалится.

— А если что-то узнаем?

— По крайней мере будет жизнь.

Он бывает совсем мальчишкой...

Люся сидела, обхватив коленки, и думала. Вспоминала. Потом сидя выпянула ноги, ноги были длинные и очень стройные. Еще она любила свои щиколотки — узкие, как у породистой кобылы. Это ей еще там сказал один ухажер. И ей понравилось. Только никому эти ноги не нужны. Конечно, Егор ее любит, она знает, но ноги женщины

созданы совсем не для того, чтобы бродить по пустым улицам, потому что нечем заняться, или совершать дурацкий поход в Хельсинки, а потом бежать от бандитов на шоссе у Выборга и вернуться еле живыми... Разве это жизнь?

По коридору кто-то шел. Охранник? Или вернулся Берия?

Ей стало страшно. Его боялись на Земле, его боятся и на том свете... Нет, это не его шаги, это шаги осторожные...

Люська кинулась к двери и прошептала, прижав губы к щели:

— Егорка, ты?

Он остановился у двери, отодвинул засов. Люська бросилась к нему на шею.

— Здорово он за тебя взялся, — сказал Егор. — Испугался. Я был прав.

— Как ты догадался, что меня здесь надо искать?

— Я видел, как тебя увезли. А дальше рассчитать несложно, они мыслят стандартно. Если ты Лаврентий Павлович, то отвезешь в свою резиденцию. Ну пошли, а то кто-нибудь заметит.

— Ты услышал? Узнал? По глазам вижу, что узнал.

— Я был прав. Они хотят всех убить. Всех живых.

Егор с Люсей жили на Большой Подъяческой в большом доходном доме конца XIX века. Большинство домов на прямой скучной улице исчезли, образовались пустыри, провалы, сквозь них виднелся канал Грибоедова. Всего на Подъяческой жили четыре человека — Егор с Люсей, слесарь Эдик и сама Чумазилла.

Квартиру нашла Чумазилла.

Эта странная девушка, скрывавшая от остальных и свое прошлое, и даже стаж жизни, порой казалась юной, а чаще

безмерно старой, и обладала рядом странных талантов. Среди них был талант чувствовать дома.

Оказывается, дома бывают совсем мертвые, в них даже вредно жить. Лучше ночевать на набережной, но не каждому это приятно, хоть ночей в Питере и нет — кажется, что в нем стоит бесконечная белая ночь. В Москве такое освещение кажется странным, а в Петербурге оно привычно.

Бывают дома нейтральные, никакие.

А в некоторых сохранилась жизнь. Как говорила Чумазилла — эманация жизни. То есть истечение ее.

Такие дома образуют теплую полосу, сохраняют в себе остатки человеческого тепла. В них жить полезно, и домам лучше, если в них есть жильцы.

Конечно, эти теории, которые Чумазилла излагала ровным голосом, для человека постороннего звучали бы бредом, но здесь неизвестно было, во что верить, потому каждый выбирал для себя глупость по нраву, что, впрочем, не так уж отличалось от предыдущей жизни.

Разумеется, Егор с Люсей перебрались в квартиру на третьем этаже. Генерал Мидзогути Кодзи утверждал, что лучше всего жить еще выше, убийцы не любят ходить по лестницам. Но и Люсе не хотелось ходить по лестнице — трудно, задыхаешься.

Егор с Люсей выбрали комнату в длинной коммунальной квартире с большой кухней, на которой сохранились четыре газовых плиты. Из комнаты открывался вид на Исаакий и ряды крыш, по которым будто прошлась бомбардировочная авиация.

Генерал навестил своих молодых друзей. Он пожил у них, пока не надоело. Он никому не мешал. За право принять генерала спорили лучшие умы Ленинграда.

Генерал был совершенно лыс, у него было благородное старояпонское лицо с орлиным носом и тонкими гу-

бами. Он носил халат, подобие кимоно, и предпочитал сидеть на полу — на ковре или хотя бы на подушке.

Генерал Мидзогути Кодзи был давним другом России. Когда-то, в начале тридцатых, будучи молодым капитаном в Харбине, он увидел там, в русском театре, постановку «На дне» Горького. В то время он уже работал в кэмпетаи и как разведчик учил русский язык. Он не все понял в пьесе, но стал еще упорнее учить язык и каждый вечер ходил в русский театр в Новом городе. У него даже была связь с бездарной, но хорошенкой актрисой театра.

Будущий генерал был потрясен образом Луки, того самого, которого было принято проклинать в советских школах. Лозунг Луки — жалость — стал жизненным лозунгом Мидзогути.

Чем выше он поднимался по ступенькам узкой, облитой кровью служебной лестницы, тем лучше узнавал русский язык и больше жалел русский народ, которому, несмотря ни на что, повезло в истории куда меньше, чем японцам.

Попал в чистилище он под Новый 1949 год, когда понял, что ему больше не выжить в лагере для японских военнопленных в Канске, и бежал. Он замерзал в поле и понимал, что в лагерь не вернется.

Генерал не замерз, а оказался в чистилище, ничему не удивился и прошел по этому миру без времени несколько тысяч верст, прежде чем окончательно осел в Ленинграде. Он мог бы пойти и дальше на запад, но в Ленинграде он нашел единомышленников и друзей. И достиг цели своего существования — остановиться в потоке времени и проводить вечность в беседах и покое.

Почему этого японского генерала, человека **без** возраста, несколько ленинградцев почитали своим учителем, объяснить трудно. Может, и потому, что в любом генсрале есть сила, которая позволяет ему **повелевать** людьми. Иначе бы никто не становился генералом.

Как-то Егор спросил генерала:

— Почему вы не вернетесь в Японию?

— Нет дороги в Японию, — ответил Мидзогути Кодзи.

И улыбнулся. По-японски, хотя обычно улыбался по-русски.

Генерал говорил по-русски правильнее всех. Может, потому, что не впитал язык из воздуха, безответственно, как и все туземцы, а сознательно выучил.

Сам генерал обычно обитал ближе к центру, может быть, в Адмиралтействе. Но никогда никого к себе не приглашал.

Чумазилла как-то сказала:

— Я бы вам носки стирала и горшки выносила.

— Забавно, — ответил генерал, — наши чувства, например, материнские, не умирают вместе с телом, а продолжают излучать некий жизненный фон. Может быть, ад и рай в самом деле существуют?

Егор с Люськой пришли сюда год назад, может, побольше — как вычислять дни во время вечных белых ночей?

Они пригляднулись генералу потому, что относились, как и он сам, к славному племени путешественников. Ведь в подавляющем большинстве жители мертвого мира никуда и никогда не двигались. Человек может прожить здесь двести лет, не поднимаясь с постели. Правда, постепенно он сгинет.

Егора и Люсю в Питере называли молодыми, молодоженами. Это было констатацией факта.

Сначала они жили в Москве. В Москве было сумрачно, страшно и безнадежно. Город был подслеп между банками и королями, они устанавливали карикатурные войны, так как убивать в зазеркалье трудно, а заманить в армию еще труднее.

А как ты будешь воевать, если нет настоящих стимулов к победам? Нет любви, страсти к размножению, к

продолжению рода, и страха перед смертью. И все же войны вспыхивали, потому что питались злобой, тщеславием и завистью, а сорочий инстинкт заменял собой страсть к обогащению.

Егора вначале удивляло, как много в чистилище коллекционеров. Какие странные предметы они собирают. Собирательство компенсировало многие страсти.

В пути Егор и Люся не раз слышали, что именно в Петербурге, ставшем столицей не то России, не то Советского Союза, живет много разных людей, там они чуть ли не театр устроили. То есть в Питере обитают интеллигенты. Там читают книги, там беседуют о судьбах отечества. Интеллигенцию уничтожают всевозможные власти, а если нет сил уничтожить, обвиняют во всех бедах, свалившихся на землю русскую, но она выживает, она бессмертна.

От Москвы до Питера Егор с Люсей шли больше трех месяцев. У них не было песочных часов, так что время можно было мерить только условно. Известно, например, что даже в мире с нормальным временем спелеологи, которых оставляют в тишине и темноте на несколько недель, постепенно переходят на сорокавосьмичасовую неделю и, выйдя на землю, ошибаются в сроках жизни под землей вдвое.

Путешествие молодоженов было невероятным даже по меркам чистилища. События и существа, с которыми они сталкивались, были настолько необычны и неожиданы, что даже отступившее от чудес мертвого мира воображение в ужасе сжималось либо разражалось неудержимым хохотом.

Об этом путешествии поведать соблазнительно. Его можно поставить в один ряд с плаванием Магеллана или походом к полюсу лейтенанта Седова, но скороговорка лишь погубит очарование одиссеи, а действие этой повести не позволяет нам остановиться на полдороги и вернуться назад.

Смиримся с мыслью, что все это случилось, но мы никогда не узнаем как.

...Егор с Людой поднялись по лестнице. Раньше, до революции, здесь обитали состоятельные люди, их достаток был виден по той лестнице.

Егор открыл дверь. Замок в ней был выломан в неизвестно какой древности.

В коридоре было темно.

Егор замер, прислушиваясь. Показалось, что из их комнаты донесся чей-то вздох.

Он сделал Люде знак оставаться на лестничной площадке.

Надо быть осторожным. С недавнего времени в Петербурге стали пропадать люди. Непонятно, кому понадобилось входить в комнаты и уводить жильцов. Генерал подозревал сектантов. Чумазила грешила на старцев из Валаамского скита. Могли быть извращенцы, бандиты.

Тихо.

Егор пошел впереди. Люда на два шага сзади.

Те, кто увел или убил человека, ничего не оставляли — ни записки, ни следов, ни креста углем на двери.

Генерал велел всем своим знакомым запирать двери.

Это было сложно сделать, так как не все жили в домах, в квартирах, некоторые предпочитали странные открытые или затаенные места. Здравомыслие теряло власть над обывателем.

Был один философ, бывший милицейский майор, который устроил гнездо на крыше Биржи. Другой человек, бородатый, косноязычный, по его же уверению, гомосексуалист, освоил канализационные колодцы.

Но в большинстве своем люди не хотели жить в доме, под крышей. И не обязательно в доме обыкновенном. Зачастую их влекли дворцы или даже музеи, в которых почти не осталось экспонатов.

У Люси была подруга, феминистка, которая даже в мертвом мире с трудом переносила существование мужчин — этих скотов и угнетателей. Называла себя она Лукрецией и обитала в спальне императрицы в Зимнем дворце, куда притащила несколько одеял из магазина ДЛТ. Недавно она совсем рехнулась и стала уверять знакомых, что понесла на этой кровати от Петра Великого, чья сперма сказочным образом сохранилась в простынях. С историей Лукреция была плохо знакома и не догадывалась, что дворец построили после смерти Петра.

После того как пропали без следа три или четыре человека из друзей генерала, Эдуард поставил желающим замки.

Эдик был странным человеком, самый настоящий слесарь, но при том он попал сюда, пройдя через тюрьму, куда угодил при безнадежной попытке уйти в Европу через границу в 1939 году. Он истратил все свои деньги и силы на переход границы в Польше, чудом добравшись до нее сквозь колонны танков и пехоты, решил переждать немного в лесу по ту сторону границы, а на вторые сутки, когда вышел на дорогу к Львову, на окраинах города был задержан патрулем НКВД, ибо за те двое суток наша доблестная армия далеко вклинилась на территорию Польши, освободила Западную Украину и обогнала беглеца. Ему бы признаться в том, что он следует за доблестной Красной Армией, чтобы укреплять советскую власть, а он кинулся бежать и очутился в тюрьме, хорошо еще не расстреляли. Но мучили так, что через полгода решил повеситься... и очутился здесь. Вот Эдуард и ходил по квартирам своих знакомых на том свете и ставил им замки. К тому же он хотел выяснить, что же случилось с пропавшими людьми.

Когда Егор с Люсей возвратились из похода на Взморье, Эдуард ждал их дома, он принес замок, но из деликатности не стал ставить его в отсутствие хозяев.

Он сидел на тахте и читал книжку, журнал «Новый мир», в котором была напечатана повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Он давно собирался прочесть эту повесть, о ней говорили у японского генерала, но ни у кого не было своей книжки.

Егор сказал, что ему нужно сходить к генералу, чтобы рассказать о том, что они с Люсей услышали. Но Эдуард стал настаивать, чтобы он не спешил, потому что надо поставить замок.

— Подождет генерал, — сказал он. — Не могли найти нашего генерала, японца им подавай!

По правилам игры следовало возмутиться, защитить генерала, а слесарь должен был спорить.

Но Егор спорить не стал, устал, не было настроения.

— Книжек у тебя много, слишком много, — сказал слесарь.

— Ты же знаешь, — сказала Люся.

У нее гудели ноги. Сладостная боль — так давно ее не испытывала! Значит, все же в ней есть какая-то жизнь. Жизнь — это боль. Если нет боли, то нет и жизни.

Люся сбросила туфли, разношенные, как тапочки. Других здесь не нужно. Правда, говорят, что надо особо одеваться на бал у консулов или на ужин у Клюкина. Но это все за пределами нашего общества.

— Я потому к вам первым и пошел, — сказал слесарь, — чтобы вы меня с собой взяли.

— Может, в следующий раз? — спросила Люся.

— А ты дома оставайся. Я сначала замок поставлю, а потом мы с Егоркой сходим.

Слесарь был заядлым книгоочеем, но книги и газеты редко попадали в этот мир, правда, были люди, которые любили и умели охотиться на книжки, но слесарь к ним не относился и мест не знал. А вот у Егора была репутация удачливого охотника.

— Человека отличает от животного мира, — говорил слесарь, — особенная любовь к чтению, к значкам.

— К значкам? — удивился Егор.

— Черные значки на папирусе или на бумаге — это мистический знак высшего существа, переданный человеку. Такова ситуация.

Эдуард принес с собой из живого мира любовь к научным словам, которые, как и многие малообразованные люди, он вставлял в непригодные для них ситуации, чтобы показать свою ученость.

Интеллигенты, окружавшие японского генерала, охотились за случайными газетами — чего только не заносило в мертвый мир сверху! Они переживали за битвы у Белого дома, следили за сражением в Думе, рыдали при известии о смерти принцессы Дианы. Мало кто застал принцессу в том мире, но скорбь заразительна, и, наверное, английские газеты заплатили бы безумные фунты за то, чтобы взять интервью у наполеоновского капитана, попавшего в русский плен в 1812 году, и узнать о том, что его привлекало в облике принцессы.

Намерения слесаря Эдуарда были также связаны с охотой за информацией. Он, как и Егор, принадлежал к жаждущим наладить связи с верхней Землей, дать о себе знать, надеясь на то, что земная наука найдет средства помочь покойникам, оживить их, согреть кровь. Ведь бывают чудеса? А здесь, в постоянном изгнании, тебя ждет лишь исчезновение, тоскливая смерть через много лет жизни в стране, где никогда не бывает темно, но никогда не видишь солнца.

— Чумазилла недавно отыскала новый учебник истории, — сказал слесарь. — Ты не поверишь, Егор, какая трактовка там дается сталинским пятилеткам!

— Отрицательная?

— Они были направлены на то, чтобы полностью обескровить и лишить способности сопротивляться русский народ. А Молотов с Кагановичем названы преступниками. Разве это справедливо, если у них жены были репрессированы? Тебе принести учебник?

— Не надо, я его видел, только поучиться по нему не успел.

— Я все забываю, что ты свежий, — засмеялся слесарь. — Что ты у нас как бы гость. Но все равно тебе интересно узнать, что там происходит?

— Мы сходим за книжками, я не обману.

— Тогда я сейчас побыстрее управлюсь.

— Ты меня сначала проводишь к генералу? — спросил Егор.

— Провожу. Я согласен, что ему надо менять места. Агенты старца хотят до него добраться.

— Или агенты Берии?

— Я разве спорю? Но точнее знать не мешает. А что ты хочешь от генерала?

— Ты не обидишься, если я сначала все расскажу генералу, а потом остальным?

— Конечно, обижусь, — сказал слесарь. — Ты любишь секреты, и люди тебе не верят. Я пришел сделать тебе замок, по дружбе, потому что хочу защитить тебя от опасности. Вот брошу с тобой дружить, живи тогда без замка.

— Я и так живу без замка. Ты его еще не поставил, — заметил Егор.

— Не поставил, потому что ты отвлекал меня пустыми разговорами.

Егор сказал гостю:

— Пошли, пошли к генералу.

Они оставили Люсю одну в квартире, но всерьез ни она, ни Егор не боялись убийц. Нельзя же здесь все время бояться.

Слесарь шагал по самой середине улицы, Егор чуть отстал. Возле домов ходить было плохо, потому что иногда от стен отваливались и падали кирпичи или куски штукатурки. К тому же в центре мостовой меньше мусора, легче пройти.

Эдуард говорил сам с собой, вполголоса.

В городе громко говорить не хотелось. Здесь многие верили в привидения и почти все видели их, но так и не сходились во мнении, что эти привидения означают. Связаны ли они с миром людей, или они лишь фантомы.

— Я тут прочел, — говорил Эдуард, и в застоявшемся воздухе его слова как бы покачивались в киселе, — что мы выполняем свои функции в муравейнике, который зовется человечеством. Встает вопрос, а где мы с вами? Это не муравейник, а потерянная веточка, по которой бегают несколько муравьев. Может, я виноват перед народом? А как вы думаете, виноват, или просто так, по закону вероятности? Ты слышишь или как?

— Слышу, но ничего не могу тебе ответить.

— А вот генерал уверяет, что, помимо него, никого на свете не существует. Все ему кажется.

— Он шутит.

— Я тоже так думаю.

Мостик через канал Грибоедова отражался в сизой воде. Было тихо и очень красиво.

Перешли на тот берег. Зашли во двор.

— Кодзи, — позвал Эдуард. — К вам пришли Откуда-то сверху, с неба, ответил голос:

— Пускай войдут.

— Иди поставь наконец замок, — сказал Егор Эдуарду.

— Если поклянешься, что тотчас пойдем за книгами, то уйду, — сказал Эдуард.

— Иди, раз тебя просят, — сказал генерал, который вышел на лестничную площадку, чтобы встретить Егора.

— Слушаюсь. — Эдуард любил, когда ему солидно приказывали. И не надо больше спорить, сопротивляться. Сказали — пошел!

Генерал провел Егора к себе.

Это было временное убежище, и генерал его уже привел в тот вид, какой имело любое из его жилищ: много бумаг, обрывки книг, гнездо человеческой кукушки, которое, впрочем, не производит впечатления неопрятности. Это была тайна генерала. Он всегда был опрятен.

— Достал сегодня, — сказал генерал, — сразу годовую подшивку «Московских новостей» за восемьдесят девятый. Чудесное чтение. Дюма. Что тебя беспокоит, Егор?

— Я был на Взморье, — сказал Егор. — Я забрался в помещение над залом, где заседали консулы.

— Я предупреждал тебя, что это опасно.

— Вы знаете, я давно заподозрил их в заговоре. Я даже разговаривал с Ларисой Рейснер.

— Она тебе не по зубам, — сказал генерал.

Он уселся на коврик и начал жадно листать подшивку, серую от старости или влаги.

Он спешил.

Егор не обижался. Генерал все слышал и видел. Чтение газеты было лишь дополнительным занятием, не мешающим прочим.

— Она рассуждала, что граница между мирами становится прозрачной, что наш мир скоро погибнет от вторжений извне. Иммиграция превысила все возможности...

Генерал кивал в такт словам.

— Вы говорили, — продолжал Егор, — что консулы могут быть опасны, но чисто умозрительно. Что им не добраться до Верхнего мира.

— Правильно, — согласился генерал. — Я и сейчас так думаю.

— Но если есть ходы сюда и их становится все больше — я согласен в этом с Ларисой, — то есть ходы и отсюда. Помните случай в Ярославле?

— Не учи меня, — вежливо усмехнулся японец. — Мои мысли следуют по тем же путям, что и твои. То, что мне кажется невозможным, не будет невозможным для другого человека. А раз так, он преодолеет препятствия, потому что не подозревает, насколько они непрекоролимы.

— Там, наверху, есть место или база. Она называется Максимово — либо подобно этому. Возможно, там атомные бомбы. Они намерены послать туда своих людей или отыскать каких-то людей там, наверху. И с их помощью рвануть. Выпустить джинна на волю, как они говорили.

— Кто присутствовал на совете консулов?

— Все, кроме Берии. Он в это время схватил Люсю и повез ее к себе в Смольный.

— И она до сих пор там? Ты ее не выручил?

— Она дома. Я ее отыскал в Смольном. Берия носится на своих велосипедистах. У него много дел. Без него Верховным избрали Чаянова.

— Он относительно молод, — сказал генерал.

— Он тоже считает, что спасение этого мира зависит от гибели Верхнего. Что это надо сделать обязательно.

— И все остальные консулы?

— Их убедили. Они боятся смерти.

— Точнее, они боятся жизни, которая для них означает смерть, — уточнил генерал.

— Они хотят послать наверх диверсантов, — сказал Егор.

— Как же они взорвут эту бомбу, — спросил генерал, — если мы не можем там жить? Мы помрем через несколько часов.

— Во-первых, можно прожить дольше, — сказал Егор, — а во-вторых, это может сделать купленный ими человек или

люди наверху. У консулов достаточно золота и камней, чтобы купить любого полковника.

— А что мы можем сделать?

— Мы можем предупредить наших друзей, — сказал Егор.

— Ты думаешь, что там остались твои друзья?

— Я знаю, что мои друзья ждут от меня вестей.

— Я завидую тебе, — сказал генерал, — мне так не хватает живых друзей. Ты знаешь, куда сообщить?

— Да, — сказал Егор. — А у вас есть путь наверх?

— Может быть, скоро откроется, — сказал генерал. — Но прости, пока я не вправе тебе сказать больше.

— Это все равно для меня радость. Я уж и не надеялся отыскать связь. Я напишу письмо? Сейчас? Его передадут?

— Держи конверт, — сказал генерал. — Он почти чистый.

Егор написал адрес, который хранил в памяти все эти месяцы. Конечно, он мог бы написать и Гарику с Калерий, но надежнее — дяде Мише. Если он еще существует. База. Максимово. Наверное, бомба. Хотя нужно много бомб, чтобы убить весь Верхний мир.

Глава пятая

Гарик Гагарин

Раньше следовало говорить так: в одном из тихих московских переулков располагался старинный особняк графов Ш.

А теперь надо писать так: в одном из некогда тихих, а нынче заставленном в три ряда иномарками переулке рас-

полагался особняк графов Ш., на который уже неоднократно покушались коммерческие структуры.

Все это — о нашем институте, Институте экспертизы, учреждении вполне академическом, настолько академическом, что зарплаты не дают уже третий месяц.

В наш институт поступают проблемы. Извне. Которые по какой-то причине раньше не могли быть решены. Или их не существовало, а потом они начали существовать.

Или проблемы неразрешимые. С которыми никто не хочет возиться.

В нашем институте все как у людей и немножко, как в сумасшедшем доме.

А вот с помещениями плохо.

Некогда особняк состоял из ограниченного числа просторных покоев, а теперь каждое из помещений разделено на клетушки. Например, у нашей лаборатории две таких клетушки. И мы ходим в институт по очереди, чтобы не наступать друг другу на голову.

Вернее так, Лера-Калерия Петровна Данилевская, доктор физматнаук, наш завлаб, ходит всегда. И не потому, что она синий чулок, лишенная личной жизни. Калерия — женщина редкой, но строгой красоты, мать и жена (это за пределами института), ее главное чувство — это чувство долга, что женщину красит, но не украшает. Разница тонкая и не для всех очевидная.

В моей смене трудится еще Тамара, дитя Ближнего Подмосковья, лаборантка и цельная натура (если я чего решил, то выпью обязательно), и Катрин, которая на моих глазах выросла до младшего научного и учится в заочной аспирантуре. Наши отношения непросты и балансируют на грани дозволенного. Или мы разбежимся совсем, или поженимся. Не знаю, что лучше.

Во второй смене остается научно-технический сотрудник Саня Добряк, существо не очень доброе, особенно по

отношению ко мне, и очень серьезный человек в больших очках по имени Ниночка, она тоже аспирант и появилась у нас недавно.

Два слова обо мне, любимом.

Я — младший научный, дитя детдома. Зовут меня Юрием Гагарином. Чтобы не путать с героем, меня все называют Гариком. Имя и фамилия у меня вымышленные, так как меня нашли не то в лесу, не то в поле, где меня выронил из пеленки аист*.

В детдом я имел неосторожность поступить 12 апреля, в День космонавтики. Воодушевленные санитарки дали мне героическое имя.

Я обладаю рядом особенностей, которые и обратили на себя внимание Калерии. То есть сначала меня изучали, как очередной объект, и для того подослали ко мне Катрин. Она закрутила со мной бурный роман, и я до сих пор не знаю, на самом ли деле она мною увлеклась, или из чувства долга. А так как этот вопрос не решен, мы и остаемся с ней в странных отношениях: то ли я жених, то ли подопытный кролик, который не выносит людей, сделавших его кроликом. Иногда я люблю Катрин, иногда не выношу, а виновата она лишь в том, что, будучи человеком крайне ответственным, выполнила задание Калерии с полной серьезностью.

И я, и Калерия, и, к сожалению, Катрин полагаем, что я — инопланетянин. И это не умствование: кстати, за несколько дней до того, как я был принят Калерией на работу в институт, ко мне заявил мой соотечественник и предложил возвратиться на родную планету. Я чуть было не согласился, но в последний момент струсил — я настолько сбылся со своей долей, что светлые дали меня отпугнули.

* См. первые романы цикла «Театр теней»: «Вид на битву с высоты» и «Старый год». — Примеч. автора.

После разоблачения мне не оставалось ничего другого, как сдаться Калерии, но все уладилось к общему согласию: мне предложили место младшего в институте и выделили скромную зарплату.

Вот вроде и все.

В тот день я пришел в институт позже обычного, потому что поезд метро застрял в туннеле и простоял минут двадцать, отчего у меня случился приступ клаустрофобии — то есть боязни замкнутого пространства. Мне стало так дурно, что я, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, вышел из вагона через стеклянную дверь, спрыгнул на пути и дошел до следующей станции. Тут наш поезд приехал на станцию и чуть меня не задавил. В результате я влез в какую-то служебку, кое-как там отряхнулся, и тут появился электрик, который отнесся ко мне как к дикому путешественнику по туннелям: в Москве есть такая группа или даже несколько групп, кажется, они называются диггерами, их любят за таинственность журналисты и не выносят работники метро и водопроводчики.

От электрика я бежал, а когда добрался до института, лаборатория была пуста, потому что директор созвал общее собрание по вопросам не то приватизации, не то акционирования — я никогда в этом не разбирался.

Пока я был в лаборатории один, я достал журнал ежедневных наблюдений — любимое детище Калерии, потому что в него заносится все необычное, что случилось с нами или у нас на глазах, — одно условие: пишем только чистую правду.

Я открыл журнал на странице 87 и начал записывать свое путешествие под землей. Конечно, можно было наговорить все на пленку, но Калерия — консерватор, и мы — ее дети, племянники, кузены — желаем существовать лишь по тем законам, которые она для нас пишет. Мы ее любим.

И даже если я, к сожалению, урод и вынужден в этом признаться, то признаюсь я в первую очередь Калерии.

Позвонил мужской голос. Я не сразу узнал дядю Мишу.

Дядя Миша мне не дядя, это странное прозвище я приклесил к нему в прошлом году, когда произошли события, связанные с миром без времени. В его существование почти никто не верит, и это хорошо. Чем мы от него дальше, тем спокойнее.

Это как бы подвал, в котором в темноте копошатся белые слепые крысы.

Наверное, несправедливо так рассуждать о людях, попавших в безвременье от страха или боли. Но они все равно мертвцы. Даже милая Люся и славный Егорка.

Недавно я читал исследование нашего умника Мирского, ДСП — знаете, что такое? — «Для служебного пользования». Есть у нас такая наука — ДСП. Да и не только у нас. В Штатах тоже. В мире статей ДСП есть какие-то исследования и обо мне. Наверное, надо их извлечь и почитать, что врут о моем феномене умные люди.

А Мирский написал о зомби, о зомбировании. Он решил, что зомби — это и есть жители мира без времени, угодившие к нам и умирающие от излишка времени и огня. Он думает, что в Карибском бассейне есть выбросы из того мира, включая, возможно, и Бермудский треугольник.

Может быть... завтра или послезавтра. Если будет свободный час, пройдусь по улицам Интернета — неужели до сих пор ничего из информации туда не вывалилось? Может, и вывалилось, но пользователи не сообразили, на какой самородок ониглядят! А может быть, ведомство дяди Миши научилось эффективно перекрывать кислород?

Нет, еще в прошлом году они сами не сообразили, с чем имеют дело. Только после ярославских событий кое-кто спохватился.

Когда же я попытался отыскать Александру, мою знакомую по Меховску, оказалось, что ее нигде нет. Выписалась. Уехала. Исчезла. И даже Лера по своим каналам не смогла помочь. Хотя, может быть, она не обращалась к дяде Мише.

— Это ты, Гарик? — спросил дядя Миша.

Тогда и я его узнал.

— Я вас слушаю, господин полковник, — сказал я.

Когда ты говоришь слово «господин», чувствуешь себя неловко, будто намерен посмеяться над собеседником. Но и говорить «товарищ» несерьезно.

— Вольно, — сказал дядя Миша. — Тем более что с чином ты не угадал.

— Ясно, — согласился я, — вас понизили.

— Или повысили. Калерия Петровна на месте?

— Заседают.

— Пожалуйста, попроси ее позвонить мне. Хотелось бы поговорить.. И сам не уходи.

— Когда не уходи?

— Они у директора заседают?

— Вы много знаете, генерал-майор.

На этот раз он не стал возражать. Значит, я угадал. Скоро его выгонят, но он не догадывается.

— Кончат к ленчу?

— Да, минут через сорок пять, — сказал я.

— Я буду у вас через час. Кофе привезти или есть?

— Тамарочка придет, Тамарочка решит, — сказал я.

— Куплю на всякий случай. Вы — кофейная держава.

Пьете, как в современном детективном журнале, где лейтенанты и следователи бегают из кабинета в кабинет и просят щепотку кофе.

— Читал, — признался я.

Дядя Миша повсил трубку.

Он давно у нас не был, так что мы жили мирно.

Дядя Миша несет с собой опасности, тревоги и тайны. Ничего хорошего, если ты не любишь диких приключений.

Я не люблю приключений диких, хотя люблю цивилизованные.

Вошла Тамара — ангел нежной красоты, пока не откроет розовый ротик.

Она тут же его открыла.

— Я за продовольствием ходила, — сообщила она. — И один Лже-Нерон тронул меня за грудь. Восхитительно.

Понимай как знаешь. Конечно, Тамара ждала расспросов и даже воплей с моей стороны. Но я думал о дяде Мише и потому ее разочаровал.

— Ты что? — спросила она через полминуты, отчаявшись дождаться взрыва моих чувств. — Зуб болит, да?

— Нет, — сказал я, — с зубами у меня все в порядке. Сейчас дядя Миша приедет.

— Ну, дела! — Тамара сразу забыла о своих проблемах. — Значит, обвал, да? Вот бы за кого вышла. А потом нас с ним утром у подъезда из «калашниковых» наемные киллеры — тра-та-та-та!

— Чувства есть, ума не надо, — невежливо ответил я, чем Тамару не обидел, потому что она уверена в своем сильном оригинальном уме.

— Я кофе не купила, — сказала Тамара. — А этот командарм хлещет кофе, как водку, стаканами.

— Он принесет, — сказал я.

Пришли Лера с Катрин. Лера гармонична и, если хочет, именно с помощью этого совершенства становится незаметной — растворяется в воздухе, как аромат. С Катрин все иначе — она велика, но не массивна, в ней есть элегантность баскетболистки. Я сам не маленький, но уступаю ей два сантиметра. Вернее, три, но она считает, что один — мы сошлись на полдороги. У нее такая грива во-

лос, словно на голове пшеничное поле. Сейчас лето, она обгорела, но еще не загорела, так что носик покраснел, а глаза чуть выцвели и приобрели берилловый цвет. Вы видели когда-нибудь хороший берилл, который не стал изумрудом, потому что счел свой цвет не уступающим драгоценному?

— Чего натворил? — спросила, поздоровавшись, Лера. Она смотрела на журнал, лежавший передо мной.

— Почему не был на заседании? — спросила Катрин.

— Дядя Миша звонил, — сказал я. — Он стал генералом.

— Сорок дней назад они праздновали, я не пошла, — сказала Лера.

У Леры один недостаток — она знает ВСЕ.

За исключением того, с какой планеты я родом.

— Когда он приедет? — спросила Катрин.

У них с Катрин не было взаимной симпатии. Катрин ощущала опасность для меня, которая исходила от дяди Миши. Я ее понимал — я знал, что дяде Мише, по большому счету, плевать, буду я жив или нет, убьют нас всех или сохранимся для истории, главное — сделать свое дело.

Я тут как-то думал — зачем Ленин все это делал? Зачем ему была нужна революция, почему он так отчаянно боролся за нее и был так последователен в проведении своей линии? Любил пролетариат и трудовое крестьянство? Никогда в это не поверю. Пролетариат и трудовое крестьянство были орудиями для того, чтобы захватить власть. Они должны работать ради его идеи. Они были абстракциями, тем более что ни пролетариат, ни крестьянство его не любили, а он не любил их, так как русские труженики слишком отличались от немецких добросовестных и честных арбайтеров. О, как он ждал революции в Германии! Как стремился к ней, как старался верить в нее даже в двадцать третьем! Когда с его умом нетрудно

было сообразить: это нелепая и мелкая авантюра. Впрочем, тогда у него оставалась лишь малая доля разума.

Значит, им правила месть? Месть за брата, ненависть к Романовым? Но, полагаю, он не был одержим местью. Месть — это сталинское дело, его наслаждение. Конечно, Ленин ненавидел царя и его семейство, конечно, он убил их всех, до кого дотянулись руки. Но не своими — это он сделал чужими руками. Для этого у него был соратник номер один — Свердлов. Не Сталин, которого он не любил, а Свердлов, которого он держал за равного себе. Хотя с восемнадцатого года побаивался. Но убил — и дело с концом. Кошмары его не мучили, о совести он имел приблизительное представление, как о категории в психологии.

Нет, месть не получается.

Тщеславие? Если и тщеславие, то его особенная тиранническая разновидность, когда гордец подчеркивает свою скромность, оставляя петушиную красоту подчиненных, которых он за это может презирать. Наполеон, Ленин, Гитлер, ранний Сталин — как они презирали мишуру власти! Но радовались, когда мишуре окружала их, высвечивая истинную ценность одетого в серый сюртук вождя.

А может, страх? Обычное свойство тиранов, которые понимают — сумма ненависти, обращенная против тебя, уже так велика, что остановиться нельзя, ступить в сторону нельзя, смерти подобно. Ведь Ленин не выносил физических неудобств — всю жизнь он прожил, как настоящий буржуа, и в Россию не совался — могут посадить. И второго Шушенского, где теща и жена кормили его пампушками, а полы мыла прислуго, уже не будет.

Он не мог быть добрым или злым — это дозволялось лишь на уровне семейном. Мне интересно — вот теперь пишут и публикуют его записки и приказы: расстрелять, уничтожить! В назидание прочим! Интересно, что из этих

приказов было выполнено, а что было и воспринималось подчиненными как риторика?

Ведь существуют всевозможные табу. И одно из главных — это Ленин. Даже разоблачители вождя эти табу соблюдают.

Почему я подумал о Ленине? Наверное, потому, что какие-то его черты я ищу в непонятных мне, значительных и холодных людях.

В генерале дяде Мише.

Он хороший работник. Он видит за конкретным делом интересы страны (как он их понимает). Он все запоминает, складывает на полки своего мозга — а какова его окончательная цель? Власть? Страх? Тщеславие? Ведь трудно представить себе человека, который бы действовал только в интересах народа или страны. Без симпатий и антипатий. Он понимает, что мы с ним живем на вулкане? Мы не знаем, что может замыслить мир без времени. Какой Гитлер или Ленин родится там? Или перейдет туда из нашего мира. Кстати, разве я уверен, что Ленин умер и похоронен в Мавзолее? Я уверен, что Гитлер покончил с собой, а не загремел в безвременье? А не возникнет ли завтра новая дырка в прошлое? Где возникнет? Какой певец или актер решит туда сбежать?

...Вошел дядя Миша.

— Все в сборе, кофс я принес, «Золотой нестле». Хотя я больше уважаю «Черную карточку».

Он поцеловал Катрин в щечку — он уступал ей полголовы. Это мне понятно: генералам нельзя быть очень высокими, их могут пристрелить. Ага, вон там, среди врагов, стоит кто-то чрезвычайно высокий, направьте на него всю огневую мощь наших пулеметов!

Леро он поцеловал руку — ах ты, хитрец, не будешь же ты обниматься с Лерой!

Тамарочка сама его поцеловала, нарочно оставила на щеке темно-красное пятно и любовалась им.

Но генерал в штатском обладает замечательной интуицией — иначе бы не выжил. Он понял, что натворила коварная Тамарка, по ее взгляду, взял со стола бумажную салфетку и протер щеку. Тамара была разочарована.

— Та ж вы догадались, — сказала она с украинским акцентом — настоящим, не наигранным: Тамарина мама — дитя украинского юга, принесенное в Подмосковье турецким ветром, чтобы найти счастье, мужа и знания. Пока что она была почти счастлива, остальное на подходе.

Дядя Миша склонил свою сухую, правильную, страшно обыкновенную голову, чуть улыбнулся тонкими губами, пригладил редкие волосы и сказал, глядя на Тамару:

— Болтун — находка для шпиона.

— Я могу уйти, — сказала Тамара. — Я могу вообще уехать из Москвы, я могу эмигрировать в Израиль. Динка уже эмигрировала, вот и меня лишитесь.

— Ты еврейка? — спросил дядя Миша.

— Да ты шо? — возмутилась Тамара. — У мэнे уси предки мордва.

Дядя Миша открыл рот, а Тамарка, страшно довольная тем, что обыграла генерала, пошла в маленькую комнату, где стояла кофеварка, и занялась делом. Ее вроде бы и не было, но в ее маленькой комнате было слышно каждое слово.

Наступила недолгая пауза. Дяде Мише не терпелось спросить, есть ли мордва в предках Тамарки, но он сдержался и достал из своего «дипломата» папочку в прозрачном пластике, вытащил оттуда белый лист и сказал:

— Мы с вами получили письмо.

Никто с ним не стал спорить, хотя ясно было, что письмо получил именно он. Или его контора.

Я смотрел на листок — обычный машинописный, А-4, и у меня нехорошо билось сердце. У меня бывают предчувствия, я им верю. Я не телепат и не знаю, существует ли телепатия, или жулики выдумали. Но эмпатия есть, и я эмпат, один из редких таких уродов.

Ничего хорошего нам от этого письма ждать не приходилось.

Дядя Миша прочел:

Консулэ замяслили погубить Землю. Они говорили об абсолютном оружии. Оно спрятано в районе города или села Максимово. Вернее всего, не очень далеко от Питера, иначе им не добраться. Цель — истребить жизнь на Верхней Земле, чтобы спасти себя от проникновения сверху. Консулэ боятся, что граница между мирами исчезает, и если она исчезнет, они тоже исчезнут. Они очень серьезные люди. Они уверены в успехе. Нас с Люсей обнаружил Л.П. Берия. Он у нас. Слышали о таком? Мы скрываемся, и это нелегко сделать. В.И. обещал мне отправить письмо через окно, которое ему известно. Постоянной связи нет. Подозреваю, что это канал котрабандистов наркотиками. Ищите канал там. Отличите Максимово. Что за угроза? Не могу написать, где будем скрываться, боюсь предательства. Сроков не знаем. Ваши друзья. Люся и Егор.

Дядя Миша передал листок Калерии.

Потом сказал:

— Написано карандашом.

Лера прочла, из маленькой комнаты выплыла Тамара с кофейником. Поставила кофейник на стол и протянула руку.

Лера молча передала ей письмо, потом прочла Катрин. Только потом оно добралось до меня.

А я уже знал, что вернес всего первый кандидат на командировку в мертвый мир — ваш покорный слуга. Или, как можно сказать обо мне: «Ваш покойный слуга».

Тамара разлила кофе по чашкам. Чашки у нас хорошие, Пушкинский дом подарил за нашу электронную собаку. Сервис Ломоносовского завода.

Мы вели себя, как на рауте: чинно, благородно. И товарищ генерал был не хуже нас.

— Что вы скажете, Калерия Петровна? — спросил наконец наш гость.

— Почерк Егора? — спросила Калерия.

— Да, мы проверили, — ответил дядя Миша. Он не удивился милицейскому вопросу. В любом случае мы здесь все следователи.

— Тогда у меня нет сомнений, — сказала Лера.

— А какие ребята! — сказала Тамара и вдруг принялась рыдать. — Вы бы знали!

Дядя Миша встрепенулся, он еще не привык к Тамаринным рыданиям — Тамара легко плачет, легко смеется, у нее все железы и гормоны расположены под самой кожей.

Я понимал Тамару. Я был рад, что Егор смог прислать нам письмо, что он остается на живой земле, хоть и умер для нее. Хороший парень.

— Вы чего? — спросил дядя Миша.

— Она так ребеночка хотела, — взывала Тамара.

Вряд ли у нее был шанс побеседовать с Люсей наедине — я о таком не слышал. Но мыслила она верно.

Наши друзья остались там — так случилось, что они не смогли возвратиться, они стали мертвецами, но не прониклись злобой и холодом Нижнего мира.

— Если вы тоже не сомневаетесь, — сказал дядя Миша, — то мы должны поверить всему, что сказано в письме.

— Вы представляете, как ему было трудно нам весточку послать? — сказала Катрин.

— Я думаю, что трудно, — согласился дядя Миша.

— А вы этот канал засекли? — спросила Лера.

— Пока нет, — сказал дядя Миша.

— А как же вы получили письмо?

— Люди, которые передали, знали обо мне, — ответил дядя Миша. — Они не знали о вашем институте, и плевать им на институт, простите за выражение.

— Понимаю, — улыбнулась Лера.

Тамара обиделась:

— Если плевать, зачем пришли? Тоже поплевать захотелось?

— Преувеличиваете, Тамара, — сказал генерал.

— Вы тоже всегда пресумпционисты, — согласилась Тамара.

Наступила пауза. Она была прелюдией к новой стадии разговора.

— Может, кто-нибудь от вас сгоняет туда на десант? — спросил генерал.

— Может быть, — ответил я. Зачем заставлять других людей говорить за тебя. Дядя Миша имел в виду меня, и только меня.

— Не сейчас, — сказала Калерия Петровна. — Сейчас рано.

— Может быть, — согласился дядя Миша. — Но в принципе?

— В принципе никуда мне от вас не деться, — сказал я.

— Дело достаточно серьезное, — сказал дядя Миша. — Я обращаю ваше внимание на возможные последствия не только для вас лично, но и для всей нашей страны.

— А также всего прогрессивного человечества! — Когда Тамару заденешь, на конце языка у нее вырастают шипы.

— Я не с вашей Земли, — сказал я. — Так что считайте меня альтруистом.

— Какая последовательность действий? — спросила Калерия Петровна. — Что вы намерены делать?

— Первое, — сказал дядя Миша и загнул палец, — найти нужное Максимово и узнать, что там за абсолютное оружие. От этого многое зависит. Второе — нащупать связь с ребятами. Чтобы использовать канал для наших

целей. Это тем более важно, что у нас не осталось сейчас каналов. А нужно.

— И третье? — спросила Катрин.

— Наладить наблюдение за консулами-правителями так называемого Нижнего мира. Может, выйти на контакт с кем-то из них? Там ведь тоже разные люди есть...

Разговор с дядей Мишой произошел во вторник. В пятницу после обеда от него позвонил милый женский голос и спросил, чем я намерен заниматься в выходные дни. Я ответил, что самообразованием. Видимо, милый голос не был готов к такому ответу. Возникла пауза, потом женский голос осторожно хихикнул и произнес:

— Тогда возьмите с собой теплую куртку, там плюс десять—двенадцать.

— И комары? — спросил я.

— О комарах речи не было, — сказал милый голос.

— Значит, комары тоже будут. А когда мы вернемся?

— Возвращение в воскресенье в восемнадцать часов.

Все остальные вопросы смысла не имели — я и так обо всем знаю.

Машина гуднула под окном в шесть тридцать утра в субботу. В машине, скромной престижной «ауди», сидел военный шофер в штатском. Когда я спустился — сумка через плечо, в ней белье и куртка, — он спросил:

— Ваше имя, отчество, пожалуйста?

— Гагарин Георгий Алексеевич.

— Вам как удобнее, спереди или сзади?

— Спереди.

С шофером мы немного поговорили о тополином пухе, засохших березах вдоль шоссе и гаишниках, которые вроде бы нашей машине не угрожали, но шофер их все равно не любил.

За дядей Мишой мы заехали к нему домой, у «Аэропорта», он уже спустился и ждал.

- Выспался? — спросил он меня.
- Почти.
- А я думал, что тебе сон необязателен.
- Но желателен, — сказал я.
- Ничего, в самолете выспишься. — Он был почему-то разочарован.
- Я не супермен, — признался я. — И не рассчитывайте.
- Зато юмора у тебя на двоих суперменов, — укоризненно сказал дядя Миша, у которого с юмором бывали провалы.
- Куда едем? В Максимово? — спросил я.
- Без имен и фамилий, — сказал дядя Миша. — Если о чем-то думаешь, оставь мысли при себе.
- И где вы нашли это Максимово? — спросил я.
- Гарик!
- Неужели у вас шоферы непроверенные?
- Дядя Миша вздохнул, шофер хмыкнул.
- Весь атлас прошурковали. Никогда не думал, что в стране столько Максимовых.
- Сколько?
- Семнадцать.
- Немного.
- Каждое надо было проверить. Ведь Максимово могло оказаться только ориентиром. Например, есть город Максимов. Вокруг деревни.
- И спецобъекты?
- Разумеется, иначе что же мы искали?
- А потом что прикажете делать с Максимовскими, Максимами и Максимычами? Тоже немало?
- Тоже.
- А пароход не нашли?
- Какой пароход?
- «Максим Горький»?

- Отплывал свое.
- И что же вам удалось найти?
- К сожалению, не так много, как хотелось.
- Чем меньше нашли, тем спокойнее человечеству.
- Есть одно место, — сказал дядя Миша. — Я тебе в самолете документы покажу. Вроде бы коллеги говорят, что там уже ничего не осталось. Поэтому я тебя и позвал.
- Почему?
- Ты имеешь опыт, ты в курсе дела. У тебя к тому же интуиция.
- Если это так называть, — вздохнул я.

Когда мы доехали до Шереметьево-1 (я-то думал, что полетим с какой-нибудь секретной базы), уже взошло солнце. День обещал быть великолепным. Хотя нас здесь не будет!

— Я все хочу тебя спросить, — сказал дядя Миша, — чего ты на этой академической ставке сидишь? С твоими способностями можно целые стадионы морочить.

— Я занимаюсь домашней практикой, — серьезно ответил я. — У меня есть хрустальный шар. Могу судьбу предсказать.

— Ты мне здесь предскажи, в полевых условиях.

— Нельзя. Несолидно.

Самолет был вполне гражданский — ЯК-40 или что-то вроде, я не поглядел. Кроме нас, в салоне был полковник, очень грустный человек. У него были густые брови домиком. И черные глаза.

— Овсепян, — представился он.

— Герман Аршакович, — развил тему дядя Миша.

— Я лечу с вами, чтобы не возникло трений, — сказал полковник Овсепян.

Он сел отдельно от нас и всю дорогу курил.

Мы летели часа три. Сначала мы с дядей Мишой немного поговорили, вспоминали боевых товарищей и ми-

нувшие битвы. Мне казалось, что существование мира без времени пора рассекретить, все равно рано или поздно это случится бессконтрольно, и, может быть, с большим бенцем.

— Дурак ты, Гарик, — сказал генерал. — Мы когтями цепляемся, как мальчик вдоль рваной плотины носимся. Представь себе, какое это крушение всех законов физики!

-- И религий, — согласился я.

— Религия выпутается, даже будет рада. Докажет, что это чистилище для некоторых душ. А дальше дорога или в рай, или в ад.

— А может, это и есть ад.

— Пока мы сами не поймем... — сказал дядя Миша. — Религия потерпит.

— Вы можете опоздать. Американский империализм не дремлет.

— Как ты понимаешь, я не один. Если полгода назад нас было шестнадцать человек, и то по совместительству, то сейчас... больше тысячи.

— И вы охраняете тайну?

— Из этой тысячи дай бог десятеро знают, о чем идет речь. Если проблему разделить на параграфы, ты никогда не догадаешься, какой кусочек тебе достался и что он означает, если сложить сто кусочков. Да и по-человечески все во мне против того, чтобы люди знали. Это же мир ложных надежд.

— Может быть, вы правы, — сказал я. — Недаром из нашего института ничего не ушло. Уж на что Тамара — открытая книга.

— Тамара — себе на уме. Но некоторым пришлось наложить швы.

— Что? — не понял я.

— Условное обозначение. Но некоторым людям мы наложили пустое место на воспоминание о Нижнем мире,

мире без времени. Они вроде бы и помнят, а желания поделиться с человечеством не высказывают. И вообще я тебе должен сказать... нам этот мир без времени помог решить несколько таких интересных физических проблем... Ого-го!

— Какого черта вы меня позвали?

— Ваша лаборатория для меня как родная деревня. Понимаешь, когда я провожу совещание, то понимаю дай бог каждое пятое слово. Там все умнее меня. А для вас я — кум королю. Эйнштейн.

— Не зазнавайтесь, — сказал я. — Передо мной вы, может быть, и Эйнштейн.

— Неужели ты думаешь, я посмею кинуть камень в Калерию Петровну?

Вот у него и прорезалось чувство юмора. В минимальной форме.

— Этот мир, — сказал он после паузы, за время которой достал сигареты и закурил, — этот мир — лишь часть тех диких тайн и опасностей, которые нас окружают. Ма-а-аленькая часть. Ты просто не представляешь ситуации.

— Маленькая часть? Дай пример более важной проблемы.

— Знаешь, как-то Менухина, это был такой скрипач, спросили, что он думает о советском скрипаче, лауреате Сталинской премии Ойстраке. И Менухин сказал, что Ойстрак — второй скрипач в мире. А кто первый? — спросили Менухина советские люди. — А первых много, — ответил этот агент сионизма.

Дядя Миша замолчал. Этот номер у него был отработан. Я в этом убежден. Но ухмылка была наполеоновская.

Я не выспался и потому задремал. И если дядя Миша хотел меня испытать — сплю или нет, он разочаровался. И меня к себе в тайные агенты на высокую зарплату не возьмет. И правильно сделает. Я сначала разлюбил, а по-

том и возненавидел передачу «Что? Где? Когда?», которую когда-то держал за лучший телеспектакль. Вместо соревнования интеллектов и чувства юмора возникло соперничество денежных мешков и мешочков. Глазки горят, ручки дрожат — какая тут команда! А мы детдомовские, нас не купишь! И чего я сижу в этом институте? А потому что мне интересно в нем работать и жить его жизнью, потому что там рядом со мной работают люди, которых я считаю своей семьей — и я не идеал, и Тамара не идеал, — но лучше других нет, и перекупить меня нельзя. Вы можете платить мне миллион долларов ежемесячно при условии, что я буду любить, как своих родных, товарищей Иванова, Петрова и Рабиновича? А я их не полюблю. У меня гадкий характер.

Говорят, что каждого человека можно купить, была бы предложена настоящая цена. Нет, господа, встречаются исключения. Ваш покорный слуга доволен своей зарплатой...

Я проснулся, когда самолет снижался, и дядя Миша с чувством превосходства начальника, который никогда не спит, сказал:

— А ты, оказывается, храпишь?

— У нас дома только так и отличают благородного маркиза от золотаря.

Дядя Миша рассмеялся и пристегнул ремень. Он был из тех людей, которые всегда выполняют инструкции.

Мы сели на военном аэродроме. Близко к посадочной полосе подступал лес. Сколько мы летели? Часа три? Два с половиной? Мы на Урале? Гор не видать...

Погода была похуже, чем в Москве, холоднее, ветреней.

И ветер был лесной, зябкий.

— Я думал, что вы с собой возьмете команду, — сказал я, когда мы спустились на бетон.

— Куртку захватил? — спросил дядя Миша.

Я расстегнул сумку и достал куртку. Тогда дядя Миша ответил на мой вопрос:

— Даже среди самых близких ко мне сотрудников никто не знает всего... того, что известно тебе. И зачем расширять круг? Мои люди проверили окрестности всех Максимовок, все прочесали, залезли в документы. Нашли одну Максимовку, возле которой была база. Закрыта в связи с конверсией два года назад. Но была. Те, кто искал и проверял, не знали, зачем это нужно. Полковник Овсепян представляет соответствующее управление Минобороны. Но он не знает, что мы ищем, а ты не знаешь, где он служит. Так лучше.

— А вы знаете, что мы ищем?

— В том-то и проблема, — сказал дядя Миша.

По трапу спустился полковник Овсепян. Он был в плаще и фуражке.

От небольших строений рядом с вышкой диспетчера к нам катили две машины.

Первая, к мосму удивлению, оказалась малиновым «мерседесом», не самым новым, но добротным и недешевым. Вторая была обычным «уазиком».

«Мерседес» лихо развернулся и тормознул. Из него вылезли два офицера — полковник и майор. Полковник был помоложе, поухватистей, и недостаток роста компенсировал фуражкой с такой высокой тулей, которой могли бы позавидовать преображенцы при Бородине. Майор был вялым, ленивым, растолстевшим без физической закалки провинциальным штаб-офицером. И фуражка у него была обыкновенная.

Полковник сразу вычислил, кто у нас начальник, и, козырнув, сказал:

— Шауро, местный мельник.

Он был слегка и привычно пьян. Такие штуки я чую за полкилометра. Глаза наглые, самоуверенные от безна-

казанности. Я подумал, что при осторожности ~~дяди~~ Миши сего чина и должности полковнику не сообщили — так, шишки из Москвы из министерства, проверить шахты. Я думаю, что не ошибся. Такие, как полковники Шауро, не ухмыляются в лицо генералам секретных ведомств.

Майор стоял на шаг сзади и кивал. Он тоже был пьян.

Дядя Миша представился, но без чина, и уступил площадку Овсепяну — видно, так было договорено, пока я спал.

— Мы к вам ненадолго, — грустно сообщил Овсепян, брови еще более надломились, и кончик носа пополз к верхней губе. — Покажите, будьте любезны, состояннис шахт, как они... — Тут он замолк. И посмотрел на дядю Мишу.

Дядя Миша был недоволен. Он рассчитывал на то, что Овсепян будет краток и строг. Но не получилось.

— Понял, — сказал полковник Шауро. — Сейчас завтракаем. Мы вас ждем. Сами понимаете — гости из Москвы. Комиссия.

Он нам сообщил, кто мы, зачем мы и что будем делать.

Дядя Миша смотрел в небо.

— Будет дождь, — сообщил он.

«Ох, где же твоя предусмотрительность, где твой инстинкт самосохранения, полковник Шауро? — подумал я. — Ни черта ты не почувствовал. Думаешь, если у тебя «мерседес» и покровители в округе, то ты можешь вести себя снисходительно с дядей в штатском, для которого из Москвы при всем режиме экономии не пожалели самолета?»

Но постоянное пьянство ослабило хватку. Шауро продолжал:

— Угостим мы вас в квартире майора Хромого. — Кивок в сторону мягкого майора, на что тот принялся болтать головой, как болванчик. — Столовая у нас не работает за отсутствием персонала — у нас, считайте, только материальный склад и строения. Вот как решат в Москве, куда все это девать, уеду, кем ни быть, усду! Ваше отчество как?

— Михаил Иванович.

— Чудесно. А я Матвей Иванович, считайте, что тезки. Супруга майора уже салатик порезала, лимонадик на столе... — Он не удержался, засмеялся. — Чай кипит.

— Мы бы хотели сразу осмотреть базу, — сказал полковник Овсепян.

— Нет, не пойдет, — твердо сказал полковник Шауро, — кто здесь хозяин? Кто здесь мельник? Мы!

Он сделал шаг к «мерседесу», откуда вылез парень в камуфляже и с автоматом на животе. Он открыл заднюю дверцу.

Я видел, что впереди, кроме этого парня, сидит шофер — тоже в камуфляже.

— Садитесь, места хватит, — сказал Шауро дяде Мише и подтолкнул его внутрь. Другой рукой подхватил и ловко подтащил и кинул туда же Овсепяна, успев тут же показать мне перстом на «уазик», где со мной оказался и майор Хромой. Он сразу снял фуражку и стал большим клетчатым платком утирая пот с лысины.

— Погода, — сказал он мне, — никуда не годится. Все дожди и дожди. Сегодня первый день без дождя.

— Далеко ехать? — спросил я.

— А вы из какого управления? — спросил майор Хромой.

Мне было видно, что на сиденье рядом с водителем лежит автомат.

— У вас что, сложная ситуация? — спросил я, показывая на автомат.

— Везде сложная ситуация, — ответил майор. — Растили страну, сволочи, нажираются теперь. А шахтеры на рельсы идут.

— И вы? — спросил я.

— А у нас, думаете, когда в последний раз жалованье давали? Весной, можете представить?

У водителя бритый затылок и прижатые уши.

Майор подумал и добавил:

— Дерьмократы!

Тут он увидел, что «мерседес» свернул с бетонки на «кирпич» и пошел, покачиваясь, по старому асфальту.

— Ну вот, — сказал он, — разве так договаривались?

Я догадался, в чем дело: генерал настоял отложить завтрак — сначала заглянем на объект. Там, в «мерседессе», полковник Шауро был в меньшинстве, и ему пришлось уступить.

— Я думаю, что Михаил Иванович, — сказал я, — хочет поскорее вернуться.

— А он сам, — спросил майор, — он из ХОЗУ?

— Почему вы так решили?

— Слышал, что хотят шахты утилизировать.

Я не стал отвечать. Чем в большем недоумении будет оставаться местное начальство, тем лучше для дела. Ведь не объяснять ему, что на объект обратили внимание консулы. Какие консулы? Советские.

По сторонам дороги шел редкий недокормленный лес, иногда между стволами блестела вода — болотца или маленькие озера, — не очень привлекательный пейзаж.

Майор стал встревожен, даже напуган, от начальства добра не жди. А они-то здесь живут тихо, мирно, «мерседес» привезли, им чужие глаза не нужны.

До меня докатывались волны его страха и неприязни, и я подумал: вот в Москве, в институте, я неделями не чувствую чужих страхов и опасений. Живу как все — а здесь сразу включился, видно, внутри меня сработал выключатель: ты на работе, Гарик, для Миша на тебя надеялся.

— А что тут за деревня? — спросил я. — Максимово?

— Максимовка, — поправил меня майор. — Но до нее километра три. — Он показал пальцем направо. — Но название объекта Максимовка. А что?

— Ничего, — сказал я. — В документах было — Максимово.

— Нет, Максимовка.

— А вы давно здесь?

— Шестой год, — сказал Хромой.

— Семья?

— Жена, двое детей. — Почему-то он полагал, что обязан мне отвечать, хотя, наверное, я вдвое его моложе. Но из Москвы, на спецсамолете. Спецрейсом. И хоть видно, что не я — главная шишка, но всегда опасен тот, кто имеет доступ к начальственному уху. Часто — опаснее самого начальства.

«Уазик» выехал на широкую просеку. Она была перекрыта забором из колючей проволоки, в которой были ворота.

«Мерседес» затормозил перед воротами.

Я увидел спрятанную под вековыми сосновами сторожку. Наконец из нее вышел солдат.

Он принялся копаться в замке — обычном висячем замке. Но по крайней мере здесь есть охрана... И тут же я поймал себя: у них было время не только охрану поставить. Ведь сейчас майор успокоился, ничего плохого не ждет. Они могли год сюда не заглядывать. А прислать солдата — дело минутное.

Ворота захрустели, заскрипели. Солдат тянул створку на себя, она не поддавалась, охранник выскочил из «мерседеса» и принялся помогать солдатику. Они догадались поставить часового, но забыли, что ворота два года не открывались... видно, как ушли отсюда, так и не пришло в голову заглянуть снова — заняты были своими делишками.

Оставшись с приятным чувством превосходства над местными ротозеями, я дождался, пока машины проехали по внутренней дорожке и остановились перед входом в бункеры, спрятанные подобно деревенскому погребу под поросшей травой насыпью.

Полковник Овсепян, выйдя из машины, достал из «дипломата» схему, и они с дядей Мишой расстелили ее на радиаторе.

Полковник Шауро тоже стал заглядывать на схему и, просунув руку между телами гостей, водил по ней пальцем. После каждой его фразы дядя Миша и Овсепян поднимали головы и взглядами находили объект, отмеченный на схеме.

Когда мы с майором подошли, дядя Миша как раз говорил:

— Вот тут мы и начнем.

Он первым направился налево, к просвету в кустарнике. Он шагал по-суворовски размашисто и быстро, остальным приходилось поспевать за ним, как придворным на картине Лансере, не помню, как она называлась. Там Петр Великий шагает по берегу.

Полковник встал на колени, потому что замок на бункере не хотел поддаваться.

Дядя Миша отыскал меня взглядом.

— Все в порядке? — спросил он голосом настоящего генерала, который вспомнил о существовании адъютанта.

— Так точно, — ответил я.

Когда-то вход в бункер был иным, посовременнее, но, верно, многое увезли при демонтаже, так что амбарные замки столетней давности вполне соответствовали уровню сохранности базы.

— Почему нет света? — строго спросил дядя Миша.

— Мы дали ток, — сказал полковник. — Но, оказывается, лампы перегорели.

Он сделал жест рукой — показал наверх. Сюда падал свет снаружи, и было видно, что перед лифтом некогда была лампа в матовом колпаке, обтянутом проволокой, чтобы осколки не разлетались. Колпак был разбит, лампочки и следа нет.

— Тогда время было такое, — сказал полковник Шауро.

— Ясно. — Дядя Миша был недоволен. — А почему не проверили, когда получили шифровку о прибытии?

— Мы думали, что сначала позавтракаем, — вмешался майор Хромой. — Я дал распоряжение, но у нас тоже дефицит, приходится в одном месте вывинчивать, чтобы в другое ввинтить.

— Альхен и Сашхен, — сказал я.

Полковник Овсепян улыбнулся углами полных губ.

— Простите? — Полковник Шауро прожег меня снизу жгучим злобным взором. Лишь дядя Миша, который наплевательски относился к юмору и ничего лишнего не читал, остался к моему замечанию совершенно равнодушным.

— Ну что ж, — сказал дядя Миша, — мы погуляем вокруг, пока свет привезут.

— Нет-нет, — расстроился Шауро. — Сейчас все будет. А вы тем временем позавтракайте. Я же предупреждал!

Дядю Мишу ничем не стронешь с места.

— Мы и не уверены, — вдруг сказал майор, — что наши лампы со склада подходят. Нам недавно присыпали, а это старые отечественные.

— Пошли, Гарик, — сказал дядя Миша, — а вы, товарищ Овсепян, отдохните пока, покурите, вы, кажется, курите?

— Курю, — по-граждански ответил полковник из Москвы.

Дядя Миша пошел к леску, я догнал его. Уходил он как статуя командора, совершившая свое дело. Упрашивать о снисхождении было бессмысленно.

Сзади слышались переговоры, они велись с помощью густого мата.

Когда я догнал дядю Мишу, взревел мотор «уазика» — он помчался за лампочками.

— А я думаю, — сказал дядя Миша, поднимая нависающие ветки и держа их, пока я не пройду, — что эти лампы, вернее всего, исчезли сегодня ночью.

— Они не хотят нас пускать?

— Точно не хотят. И это меня радует. Значит, мы не зря сюда приехали.

— Может быть, какое-нибудь другое объяснение?

— Может быть. Но мне куда лучше покончить с этим сумасшедшим домом сегодня, чем существовать и дальше в нерешительности, в неуверенности. Наверное, это и есть шизофрения.

— Что вы имеете в виду?

— Когда у шизофреника бывает просветление, он останавливается и спрашивает себя: а чего же я вчера так боялся? Что за идиотские видения меня посещали? Никогда больше в них не поверю... А на самом деле он боится, что видения вернутся, и даже знает, что они вернутся. Мне лучше бы, чтобы не было этого Нижнего мира, этих озверевших от вечности консультов... мне надоело жить на пороховой бочке! А если, я думаю, они доберутся до забытой атомной бомбы и рванут ее? Потом я думаю — нет никакой забытой атомной бомбы, не теряй времени, Михаил. А если я поверю в то, что ее нет, а она рванет?

— Это не шизофрения, — сказал я. — Я там был. А я не шизофреник.

— Ты вообще урод с Марса, — буркнул дядя Миша. Он не хотел меня обидеть. Я в самом деле урод с Марса.

— Если бы с Марса, — вздохнул я.

Дядя Миша не улыбнулся.

— Послушай, Гарик, — сказал он, — я же тебя не зря с собой взял. Ты мне должен заменить десяток моих сотрудников. Мне не нравится, как себя ведет Шауро и этот... второй.

— Хромой.

— И «мерседес» не нравится. И этот завтрак, и лампочки. Ты мысли не умеешь читать?

— Вы же знаете, что не умею, и вряд ли кто-нибудь умеет.

— Все равно читай мысли, — приказал генерал.

— Слушаюсь.

— И не смейся, мне не до смеха.

— И мне они тоже не нравятся, — сказал я.

— Смотри, чтобы на тебя в темноте что-нибудь не упало. А то окажется, приехали дураки из Москвы, полезли, куда не просили, а на них крыша упала.

— Не настолько они напуганы, — сказал я. — Если бы была такая ненависть и такой страх, я бы почуял.

— Дай-то бог. Ты не голоден?

— Нет, завтракать с ними не собираюсь. А вы Овсепян хорошо знаете?

— Я думаю, что он здесь чужой. Значит, могу доверять. Мне он нужен, потому что знает расположение всех объектов.

— И вы допускаете, что здесь могли забыть бомбу?

— Это была ракетная база. Здесь не могли забыть бомбу. Но, что маловероятно, здесь могла очутиться ядерная боеголовка. Некогда, в древности, года три назад, они еще стояли на боевом дежурстве. Разумеется, я в это не верю.

— Где мы находимся? — спросил я.

— Если даже я тебе координаты укажу, ты все равно не поймешь.

— Как знаете.

Он мне не доверял. Я для него все равно чужой. Если для пользы дела меня придется ликвидировать, он сделает это без особых терзаний.

Мы повернули обратно.

Вскоре вышли снова на прогалину. Там был только Овсепян, он сидел на валуне и курил, любуясь колечками дыма.

Валун, отметил я, значит, мы где-то к северу от Москвы, в зоне ледника.

«Мерседес» стоял у ворот, через ветровое стекло мне было видно, как шофер и охранник о чем-то мирно беседуют.

Ну скоро они эти чертовы лампочки привезут? И надо было им обоим ехать!

И тут же, откликаясь на мои возмущенные мысли, вдали зарычал форсированный движок — возвращался «узик».

Через три минуты он проскочил ворота, оттуда выбежал полковник, изображавший желание услужить и отделяться от гостей, за ним, переваливаясь на ходу, — майор Хромой, который нес мешок.

— Да будет свет! — сказал Овсепян с жестким кавказским акцентом. А я думал, что он — московский армянин. Это грузины всегда говорят с легким хотя бы акцентом, даже если всю жизнь провели в Москве, грузины и англичане. А армяне, как народ диаспорный, говорят чисто, как буряты.

Мы снова спустились вниз. Шесть человек. Троє нас и они с автоматчиком.

— Давай, Сашок! — приказал полковник автоматчику. Видно, не хотел терять своего командирского достоинства.

Автоматчик встал на цыпочки, ввинтил лампочку. Лампочка не загорелась.

— Рубильник, — сказал дядя Миша. — У вас рубильник вырублен.

— Сашок, — приказал полковник.

Автоматчик прошел в темноту, исчез в ней. Лампочка загорелась.

— А вы говорили, — укоризненно заметил полковник Шауро.

— Я не говорил, — произнес дядя Миша, — я спрашивал, задавал вопросы. Лифт работает?

— А как же! — сказал полковник. — Все в полном порядке, мы расконсервировали... А про лампочки, извините, забыли.

Мне было понятно, что лампочки были вывинчены только потому, что в сердце полковника жила наивная надежда: увидит приезжий чин перегоревшую лампочку, выругается и пойдет завтракать — на чем инспекция завершится, как завершались подобные инспекции раньше.

В лифте мы спустились в два приема — шесть человек там не поместились. Еще одну лампочку пришлось ввинтить на нижней площадке. Но дальше, как ни удивительно, все лампочки оказались в патронах, значит, бандиты и воры сюда не добрались. Ленивые у вас воры, товарищи!

Всюду царила пыльная, паутинная, заброшенная пустота. И в служебных комнатах, где сохранились предметы мебели и старые компьютеры.

Полковник стал говорить, что надо бы вывезти, но нет средств на окончание демонтажа. Дядя Миша и Овсепян знали, куда идти, где смотреть. Оказалось, что подземное хозяйство не ограничивается шахтами, из которых должны хищно выползать осинные жала стратегических ракет. Немалые народные деньги сгинули при создании подземного городка.

Овсепян активнее всех совал нос по разным углам и задавал вопросы: где то? где это? Дядя Миша вслушивался в ответы, и я тоже вслушивался в ответы, стараясь угадать — нет ли внутренней дрожи в голосе. Врут или нет?

Но если вначале и были какие-то вздрагивания, то постепенно все успокоилось, и стало непонятно, зачем лампочки вывинчивать? Как я понимал по вопросам Овсепяна, кое-чего не хватало, кое-что вытащили, правильно или нет, не знаю. Но это все не преступления, а лишь должностные упущения, а так как Овсепян не за скальпами приехал, он спрашивал и выслушивал ответы довольно равнодушно.

Лампы светили тускло, по полу пробежала мышь-полевка, как сюда попала? Неужели и бетон можно прогрызть?

Мы вышли к какому-то другому лифту.

Полковник улыбался. Он был почти спокоен.

— Вот и все, — сказал он. — Ну уж теперь обедать придется.

— Это все? — спросил дядя Миша.

— Все, все! — Страх рухнул на полковника Шаура. Меня передернуло от этого страха. Из него потек пот.

— Никаких больше помещений? — Дядя Миша смотрел на Овсепяна.

Овсепян не ожидал этого вопроса — он уже собрался подниматься.

— Может быть, и есть, — сказал он после паузы, морща лоб и стараясь вспомнить, не упустили ли чего-нибудь.

Ему было все равно, найдут здесь чего-нибудь или нет. Он даже не следил по схеме, хотя и делал вид, что следил, где мы бродим. Он отвечал дяде Мише, но сам думал о чем-то другом.

— Дай-ка мне схему, — сказал дядя Миша.

— Мы все посмотрели, видит бог, все посмотрели, — настаивал полковник.

Дядя Миша прижал схему к бетонной стене, разглядил ладонями и, взгляdevшись, спросил:

— Мы здесь?

— Кажется, здесь, — ответил полковник Шауро.

— Мы здесь? — уже настойчивее и злее спросил дядя Миша у другого полковника.

— Да, — сказал Овсепян.

Он приглядывался, щурясь, словно забыл дома очки.

— А это что? — спросил дядя Миша.

Я стоял в стороне, мне не все было видно. Я только шкурой ощущал смятение чувств и мыслей, кипевшее вокруг.

— Я спрашиваю, что это?

Овсепян вдруг вскипал, словно Шауро его оскорбил.

— Что это — я спрашиваю! — закричал он. — Отвечайте в конце концов!

— Где? А, здесь? Слушай, майор, — обернулся Шауро к Хромому, — что там у тебя, товарищи интересуются.

— Вы же знаете, — плачущим голосом откликнулся майор, — это еще при Язове замуровали. Там проседание было, и замуровали.

— Покажи, — приказал дядя Миша.

— Что показать? — спросил майор. Дурак дураком. Это меня всегда тревожит в людях, которые сначала дураками не кажутся.

— Где замуровали?

— У вас устаревшие схемы, — сказал Шауро. — Ну подскажите ему, товарищ Овсепян, что это устаревшие схемы.

— У нас других нет! — отрезал Овсепян. — Что это еще за самодеятельность!

Конечно, он сплоховал и теперь боится за свою шкуру — тебя специально из Москвы прислали, а ты все думал о завтраке?

— Ну пошли, я покажу, — сказал полковник Шауро. — Сами убедитесь.

Мы пошли по коридору. Дядя Миша сложил схему так, чтобы все время держать перед глазами эту часть подземелья.

— Стоп! — неожиданно крикнул он. — Здесь!

Одна лампа освещала эту часть коридора, тупичок, полутьма.

— Видите, штукатурка. Старая штукатурка, — сказал полковник Шауро. — Вы постучите, постучите.

Дядя Миша послушно постучал костяшками пальцев. Стук был глухой — стена капитальная, я чувствовал.

— Это должно быть в документах отражено, — сказал майор. — Мы вам покажем, если хотите, и сметы сохранились.

— Какие сметы! — закричал полковник Шауро. — Сколько прошло! Лет пять, наверное, меня еще не было. Никого из нас не было.

— Я был, — сказал Хромой, — при них замуровали. Тогда Иваненко на округе был. Он подписывал. Я же помню ЧП. Приезжали из штаба округа, опасались, что может грозить шахтам, геологи брали пробу. Я как сейчас помню.

— Ну вот видите, — сказал полковник Шауро. — А вы говорили.

— Ничего я не говорил, — мрачно ответил дядя Миша. — Только о таких вещах во время инспекции забывать не положено.

— Это правильно, — сказал Шауро. Он не знал, как величать дядю Мишу, потому концы фразы зависали у него на языке.

— Теперь все? — спросил дядя Миша.

— Теперь все, — обрадовался, что к нему обратились, Овсепян.

— Ну пошли. — Дядя Миша был недоволен.

Все поспешили к выходу. Полутемное опустевшее подземелье удручало.

Дядя Миша стал отставать, кроме меня, этого никто не заметил.

— Ты как думаешь? — спросил он тихо, кроме меня, никто не мог услышать.

— Я не уверен.

— И я не уверен. Надо будет тебе отстать и поглядеть.

— Хорошо, — ответил я, — что-нибудь придумаю.

— Попробуй, — сказал дядя Миша. — А то я не знаю, что делать.

Признание генерала меня порадовало. Не часто дядя Миша признает поражение.

— Не отставайте, не отставайте! — воскликнул полковник Шауро. — Все из-за вас и так пять раз греть пришлось. А ведь для вас грибочки собирали.

— Здесь грибы есть?

— Да вы по базе походите, — сказал майор, — белых корзину наберете. Собирать-то некому. Деревенские уже не ходят, естественно, а нашим далеко, полковник машину не дает.

— Я бы остался, пособирал грибов, — предложил я.

— Уважаете грибочки? — спросил майор. — Мы это для вас тут же организуем. У нас соленые есть, маринованные, а Клава уже сушила.

— Я сам люблю, — сказал я. — Пятая охота.

Ох и плохой же я лжец.

Себя слышу и думаю, как плохо и неубедительно звучит голос этого молодого разведчика.

— А если свежих пожелали, — откликнулся полковник Шауро, — то моя жена сегодня утром на рассвете ходила, мы вам с собой корзину сообразим.

— Вот и чудесно. — Дядя Миша прессек все мои дальнейшие попытки отпроситься за грибами. — Спасибо за заботу.

Мы погрузились в машины, я опять ехал с майором, он чувствовал себя хорошо — пронесло!

Нас и в самом деле ждали, обессиленные от разогревания и тщетных пробегов к окну — едут, не едут?! — жены офицеров. Для меня даже привезли какую-то племянницу. Кроме наших офицеров, еще пришел маленький, изображавший Суворова за написанием «Науки побеждать», подполковник по политчасти. Дядя Миша не спорил — он усился основательно.

Дом, в котором жили офицеры, стоял на краю деревни Максимовка, на высоком берегу речки, отсюда открывались прелестные северные дали.

После первых тостов я сказал Хромому:

— Я пойду на улицу.

— Зачем? Тут все удобства у нас.

— Я пофотографировать хочу, вид у вас чудесный.

— Стоит ли? — Хромой все еще не хотел расслабляться.

— Ты куда? — услышал дядя Миша.

— Пофотографировать хочу, — ответил я.

— Гарик у нас отличный фотограф, — сказал дядя Миша.

Майор догнал меня у дверей.

— А аппарат у тебя где? — спросил он.

— В машине.

— Я с тобой, — вызвался майор Хромой: видно, считал, что мы уже в приятелях.

— Я далеко отходить не буду, — сказал я.

Мы говорили негромко, но нас слушали. Хоть и через шум, который создавали развеселившийся после нескольких рюмок Овсепян и женщины, явно испытывавшие облегчение от того, что наконец-то ожидание благополучно завершилось и их труды не пропали даром.

Нас слушал дядя Миша, улыбаясь жене Хромого, слушал полковник Шауро, даже уши у него покраснели.

— Проводи, проводи гостя, — приказал или попросил Шауро.

— Я и говорю, — откликнулся Хромой.

Я пошел к двери.

Мы гуляли на втором этаже двухэтажной каменной казармы, разделенной на квартиры. Я вышел из дверей, лестница была широкая, ее недавно покрасили синькой, а потом побелили потолки — во всем был уют и скромное достоинство буржуазии.

«Уазик» стоял неподалеку, шофер сидел рядом в тени елки, на корточках, так приучаются сидеть в лагерях, впрочем, солдаты так тоже умеют сидеть, когда сесть не на что.

— Откройте машину, — сказал я шоферу. — Мне сумку взять надо.

— Нет там никакой сумки, — сказал шофер.

— Как так нет? Я ее в машине оставил. Там у меня аппарат.

— У нас ничего не пропадет, — сказал Хромой. Он открыл дверцу «уазика» и наклонился внутрь. Зад у него был широкий, как у пожилой кухарки.

— Нету, — сказал он.

Шофер поднялся. Подошел к машине.

— И я говорю, что нету. Что, я не заметил бы, что ли? Я тоже присоединился к поискам.

Моей сумки не было.

— А вы в машину садились без сумки, — сказал водитель. Он был немолод и строг лицом. Со мной он говорил как с трудновоспитуемым подростком. — Я бы заметил.

— Но где я ее мог оставить? — спросил я водителя. — У меня там аппарат лежит, импортный.

— Да не пропадет твой аппарат! — рявкнул Хромой, который и вовсе во мне разочаровался.

— Может, и вовсе прилетел без сумки? — спросил водитель.

— Вы же говорите, что имеете память, — сказал я укоризненно, — а не видели, что я из сумки вынимал предметы.

Я не помнил, что это за предметы, но говорил уверенно.

— Если вынимал, то твое дело, — сказал шофер.

— Значит, я ее оставил в подвале, — сказал я.

— Этого еще не хватало! — расстроился Хромой.

— Давайте я съезжу, — попросил я. — Можно я воспользуюсь «уазиком»?

— Как так «воспользуюсь»? — спросил майор.

— Сяду и сгоняю туда.

— А кто тебя пустит? — спросил майор. — Бабушка?

— Скажите шоферу, что можно, он пароль или что там передаст вашему часовому.

— Вы военную службу-то знаете? Проходили?

— А почему мне нельзя съездить?

— Ну ладно, — вздохнул майор. — Придется полковнику донести, пускай он решает.

Я остался в полной растерянности и расстройстве — сумку терять мне не хотелось.

Мне казалось, что майора нет полчаса, я даже замерз.

Потом он вышел мрачный, но деловитый.

— Я съезжу, — сказал он, — с шофером, а вы возвращайтесь на завтрак.

— Нормально, — ответил я. — Мне нетрудно. Сейчас сгоняем и обратно.

Я мог бы оставить его здесь. Мало ли что можно внушить испуганному майору! Но я подумал, что мне даже удобнее вернуться в подземелье вместе с Хромым, ведь надо преодолеть часового, спуститься вниз...

Я лишь навел на него некоторое внутреннее недоумение, смешав мысли, от чего он тупо смотрел на меня, когда я устраивался рядом с ним на заднем сиденье.

— Поехали, — сказал я водителю, который следом за нами влез в машину, но ничего более не делал.

Водитель обернулся к Хромому, тот проморгался, надвинул фуражку на брови и сказал:

— Тебе же велели!

— С вами не разберешься, — сказал водитель.

Ехать было недалеко, но я не хотел давать Хромому возможность опомниться и задуматься на тем, почему я возвращаюсь в шахты.

— А вы сами не фотографируете? — спросил я.

Хромой ответил обалделым взглядом.

— Ведь у вас такие здесь пейзажи, — сказал я, — просто одно удовольствие производить съемки. Я бы на вашем месте и видео купил.

— На какие шиши? — спросил Хромой.

— Это не так дорого, — сказал я, — ведь у вас семья? Дети? Вот видите — двое, а ведь детей надо фотографировать, потом память остается. Мы когда вернемся, я обязательно сделаю фотоснимки ваших детей и пришлю. Нет, не надо благодарности, это из чувства взаимности, вы так хорошо нас встречаете.

Водителю этот разговор не нравился, по затылку видно.

— Слушайте, — сказал он майору, что было неуставным обращением, — а ведь часового сняли, я слышал, что полковник собирался снять.

— Да погоди ты! — рассердился майор Хромой. — Мы еще не досхали.

И тут мы встретили часового — водитель как в воду глядел.

Часовой брел по мокрой сизой дороге, перепрыгивая через трещины и лужи, навстречу нам. Выехали бы мы чуть позже — отыскать мою сумку было бы труднее.

— Садись сюда, — крикнул водитель, — а мы к тебе в гости. Ключи с собой?

— Я обедать иду, — сказал часовой, хотя обедать было еще рано.

«Ну и распущенная у вас часть, майор», — хотел сказать я, но, конечно, не сказал. Хромой не должен меня опасаться.

— Садись, садись, — велел майор, — сколько раз говорить! Вот наш гость в шахте аппаратуру забыл.

Часовой, молодой, действительной службы, с ровным розовым глупым лицом, спросил:

— Какую такую аппаратуру?

За шпиона он меня принял, что ли?

— Фотоаппарат, — сказал я.

Перед воротами мы остановились, часовой ворчал, словно рассерженный медведь.

Любопытно, они успели лампочки вывернуть? Нет, решил я, не будут они этого делать, теперь не надо.

— Подождите здесь, — сказал я, когда часовой открыл дверь в бункер. — Я на минуту.

Майор, конечно же, не стал меня оставлять одного.

— Не положено, Гарик, — сказал он.

Подслушал, значит, как меня кличет любимый генерал.

— Не положено — полезем вместе, — сказал я. — За компанию что-то уже натворили?

— Натворили? — нахмурился майор.

Когда мы спустились на лифте на нижний этаж, он спросил:

— Хоть помнишь, где поселял?

— А мы тут шли?

Но он уже был в моих мягких пальцах — одурачить одного майора, тем более неуверенного в себе, растерянного и принявшего для храбрости граммов триста, для такого бандита, как я, — легче легкого.

— А где же еще идти? — спросил Хромой.

Теперь напрягись, космический урод, Гарик Гагарин! Проведем образцовый допрос сомнительного майора.

— Посмотри на меня, — приказал я майору.

Я уже увидел мою сумку, вон она лежит, удачно положенная мною час назад за упавшим стулом.

Хромой смотрел на меня с готовностью, потому что ему показалось, что он слышит голос своего начальника.

А теперь он и видит своего начальника и пытается понять, что тот здесь делает.

— Товарищ полковник!

— Без разговоров, — осадил его я. — Этот самый, приезжий фотограф — он что-нибудь узнал?

— А я его и близко не подпустил. — Майор обрадовался ясности.

— Не подпустил? — Я был язвителен. — А где же, прости меня, ты его оставил?

— А он... он где-то здесь... — Майор принял оглядываться.

— Не ищи его, он уже там, — сказал я.

Тут я увидел, что Хромой полез за пушкой.

— Погоди, — сказал я, — сначала пойдем посмотрим на него. Ты же не хочешь детей сиротками оставить?

— Почему?

— А потому, что эти гады спецрейсом прилетели, забыл? С Овсепяном. Ясно? От нас не отвяжутся. Убивать нельзя.

— Да я только попугать, — виновато произнес Хромой.

— То-то, смотри.

Ему приходилось нелегко. Он не мог не верить глазам — в нескольких шагах стоял любимый (или ненавистный) начальник. Но ведь я — гипнотизер-любитель, я могу воздействовать на людей, но, во-первых, никогда не учился этому, во-вторых, всегда стесняюсь — какое я имею право лезть грязными руками в разум чужого человека? Я же не фашист! Не какой-нибудь Судоплатов...

— Он не пронюхает? — спросил мой Шауро.

— Чего? — Как в Хромом боролись страх, осторожность и желание довериться Шауре!

— Сам знаешь чего! — Мой Шауро рассердился. — Я же не прошу тебя лишнего говорить! Я боюсь, что стенка тонкая!

— Да ты сдуру! Она в три кирпича.

— Пойдем проверим, не нравится мне это.

Он пошел к тупику, за которым находились замурованные помещения. Я наклонился поднять сумку и потерял контроль над Хромым. И когда выпрямился, он уже прижался к стене спиной — он перепугался всерьез.

— Пошли, пошли. — Мне пришлось взять его локоть, физический контакт усиливал мой контроль.

Хромой покорно пошел к стене.

Он бормотал невнятно, но смысл был ясен.

— Ты, это... не понимаю, кто тут и как тут, что говорить, ты хотя бы объяснил...

— Вот тут? — спросил я, не отпуская его локтя.

— Ты же знаешь? — В голосе звучал вопрос.

— Что я знаю — тебя не касается. А с той стороны, там надежно?

Я предположил, что если часть этого подземелья ими замурована, то никакого входа отсюда нет. Замуровать нечто и скрывать его от Москвы означало достаточно серьезную тайну. Но к тайне надо иметь доступ. Иначе она уже не твоя тайна. А доступ мог быть с другой стороны.

В то же время я боялся задавать прямые вопросы, на которые Шауро наверняка знает ответ — сознание Хромого не настолько мне подчинялось, чтобы не вырваться из-под моей власти, как только я ослаблю хватку, и толчком к этому может быть неосторожный вопрос.

— Ты лучше знаешь, — сказал Хромой. Он дернул руку, стараясь освободить локоть.

Я решил — бывает же вдохновение! — задать вопрос совсем уж дикий:

— А людей оттуда убрал?

— Каких людей?

Мы стояли у самой стены. Я чувствовал, что там, по ту сторону стены, кто-то есть. Как чудовище, замурованное в горе... я чуял живое присутствие.

Ну не мог я раздвоиться! Я переключил вниманиес на то, что происходит за стеной...

Хромой рванулся, отскочил от меня.

— Стой! — Я кинулся было за ним, но он, находясь в полном смятении, кинулся бежать по коридору, проскочил мимо лифта и побежал вверх по винтовой железной лестнице.

Я за ним.

Нельзя было его отпускать. Черт их знает, как тут все организовано...

Я поднялся на лифте, но не догнал его. Человек грузный, немолодой, нетренированный... и все же он бежал, как заяц.

Он выскочил из бункера и начал наваливаться на дверь, стараясь замуровать меня внутри.

Он был вне себя, иначе подумал бы о возможных последствиях для своей карьеры.

Я навалился на дверь изнутри, он кричал солдатам:

— Давай сюда, изолирай его! Враг, враг!

«Почему враг? — подумал я. — Неужели он ничего лучше не придумает?»

Вдруг я увидел, что в широкую и расширяющуюся щель — сму меня все же не одолеть — влезла рука с пистолетом.

Ну сумасшедший, прямо сумасшедший!

Я отпрянул к стене, и пистолет начал стремительно вспыхивать, стрелять. Я слышал странный звук, как пули ударялись о бетон. Я считал выстрелы.

Потом снаружи загремели, искаженные преградой, голоса, дверь в бункер, способная выдержать атомное попадание, замкнулась... я остался графом Монте-Кристо, узником подземелья, железной маской...

Тишина.

Я даже и не думал, что бывает такая тишина.

Вот дурак... эта мысль относилась и ко мне, и к майору. Два дурака — пара. Я дурак — попался. Он дурак — себя разоблачил.

Интересно, что за чудовище таится там?

Что ж, пойдем, еще раз посмотрим на перегородку — зачем терять время попусту? Надеюсь, у него нет шлюза, чтобы меня затопить? Это было бы красиво, как в американском боевике.

А может, они сейчас устроят за мной охоту? Что у них есть? Один «калашников». Этого недостаточно, чтобы меня выловить. Три человека...

Но они не посмели сунуться за мной. Все-таки майор Хромой не был по-настоящему боевым фельдмаршалом. Трусил он. Сейчас помчится в Максимовку советоваться с полковником.

Они выбрали третий путь, который не исключал и бегства к полковнику.

Трень!

Свет погас.

Простите, я вам не крот, чтобы совершать подвиги в кромешной тьме. И я так надеялся, что наверху нет ру-бильника... есть, однако!

К счастью, у меня неплохая пространственная память.

Я зажмурился, чтобы не было так темно, и отправился в путешествие к той самой стене.

Добирался я до нее минут десять, включая винтовую лестницу на четыре этажа вниз, и наконец прижался к холодному бетону, за которым мои тонкие чувства улавливали биение биологической жизни. И если вы мне не верите, то вряд ли вам стоит встречаться с нами, братьями по разуму. Контакта не будет!

Я пошел вдоль стены, простикивая ее костяшками пальцев и стараясь уловить волны, исходящие из того пространства.

Майор фактически признал, что в бункере есть второй вход. Надо пробиться вовнутрь.

Эта процедура заняла еще минут пятнадцать.

Спасение все не шло, а ногти я сломал. Хоть я могу сосредоточиться и ударить в нужную точку в нужный момент, мне не мешает иметь инструмент или взрыв-пакет. Руки — хороший инструмент для игры на рояле, но не для проламывания бетонных стен.

На мое счастье, ставили эту стену в высшей степени халтурно, стройбатовцы делали — а вы же знаете, какие они мастера!

Я отыскал методом тыка самый слабый участок стены и смог протолкнуть внутрь висевшую на проржавевших палках арматуры глыбу рассыпчатого бетона.

Потом прополз на ту сторону Тайны.

Там тоже было темно.

Но не так безнадежно темно, как в основном бункере.

И когда я прошел ощупью метров пятьдесят, то увидел вдали свет голой лампочки.

Я устроил осторожность.

Там могла ждать опасность, засада, гибель...

Впереди слышались голоса, придавленные низким потолком. Раздался звон.

Я оказался в небольшом зале, заставленном ящиками.

Ящики давали достаточное прикрытие.

Наконец я смог выглянуть из-за последнего штабеля.

При нсярком свете голых ламп несколько человек снимали одинаковые бутылки с не спеша плывущего транспортера и ставили в ящики.

Я сунул руку в ящик рядом.

Мне досталась бутылка водки «Максимовка». Наклейка изображала обнаженную женщину в бане, создание руки народного художника Пластова.

Конечно, можно было бы и посмеяться, но этот подпольный заводик был достаточно осязаемым источником колоссальных доходов, и ради него вполне можно разделаться и с неким Гариком, и с генералом в штатском, заплатив потом за их смерть по существующему курсу в соответствующей прокуратуре.

Наверное, та же мысль пришла в голову и моему отважному дяде Мише, который в этот момент догнал меня.

Его сопровождал полковник Овсепян, который почему-то повторял:

— Ума не приложу... ума не приложу, как я упустил...
ума не приложу.

А я уже знал, что Овсепяна потому и послали сюда, что на него была надежда в управлении, без помощи и крыши которого полковнику никогда бы не купить «мерседес» и не поддерживать деловые отношения в районе.

Дядя Миша был согласен с моим диагнозом:

— Им проще было бы с нами расправиться. Два лишних трупа в такой большой стране — разве это много?

— А я? — спросил Овсепян.

— С вами сложнее, — сердито ответил дядя Миша. — Вас пришлось бы тоже убрать. Вы слишком много знаете. Как в старом шпионском фильме.

— Я тоже так думаю, — печально согласился Овсепян. Он почему-то погладил дядю Мишу пальцами по рукаву.

— Но я вам крайне благодарен, — сказал дядя Миша, может быть, почти искренне. — Вы так испугались за моего юного друга, когда он ринулся за любимой сумкой, что я понял — вам известна тайна страшного подземелья.

— Я как раз намеревался вам сказать, — поспешил с ответом Овсепян. — И как только вы спросили... разве я чего-нибудь скрыл?

— Лучше поздно, чем никогда.

— И лучше войти в дверь, чем ломиться сквозь бетонную стенку, — добавил я.

— Без тебя мне было бы труднее отыскать этот заводик, — сказал дядя Миша, и я понял, что в этой успешной операции моя роль так незначительна, что ею можно было бы пренебречь. Но генерал настолько великодушен, что даже человеку-приманке говорит спасибо.

Грузчики восточного типа, которые трудились на заводике, весьма удивились, увидев, как по проходу между ящиками шагают неизвестные люди, включая армянского полковника. Но работать не прекратили.

— Дурак Хромой застрелился, — сказал дядя Миша. — Это им и спутало все планы.

— Это ужасно, просто ужасно, — сказал Овсепян.

Он первым подошел к солдату, который стерег вход к Али-Бабе, и сказал:

— Выпусти-ка нас.

— Слушаюсь! — Солдат вскочил и нажал на что надо — ворота раскрылись.

Он смотрел нам вслед. Грузчики тоже смотрели нам вслед.

Мы вышли на высокий берег реки.

Я вынул из сумки аппарат и сделал два удачных кадра.

— Мы пойдем прямо на аэродром, — сказал дядя Миша. Потом обернулся к Овсепяну и предложил: — Если вам нужно, то оставайтесь.

— Нет, это не по моему ведомству, — вежливо ответил Овсепян вовсе без акцента. — Пускай военная прокуратура занимается.

До аэродрома пришлось пройти километра три, но нас никто не обогнал и не увидел.

В самолете дядя Миша сказал:

— Может, и лучше, что мы ничего не нашли.

Глава шестая

Лаврентий Берия

В мире без времени нет автомобилей, и огонь зажигается нехотя, горит так, словно ему не хватает кислорода. А может, и в самом деле не хватает.

Если ты простой человек, то ходи пешком, благо что никто здесь не устает, никто не может проголодаться, испытать жажду или желание заснуть. Можно обойти за два-три года весь материк, такие попытки бывали, но никто из путешественников не возвратился назад.

Чумазилла говорила, что есть мнение: Земля уже не круглая, а так, дощечка в океане.

Особы высокопоставленные — даже в Чистилище такие водятся — ногами ходить не любят. Для них есть два вида транспорта: телеги или кареты, запряженные велосипедистами, и портшезы — крытые носилки.

У Лаврентия Павловича был автомобиль «паккард» 50-х годов. Спереди сидел водитель, он командовал четырьмя велосипедистами, а на заднем сиденье располагался сам консул, порой он сажал к себе кого-то из нужных людей, чтобы поговорить. Иногда с ним рядом ездил охранник. Велосипедисты набирались из бывших сотрудников органов и были вооружены хорошими боевыми арбалетами. Лаврентий Павлович брал охранника лишь в крайне опасном случае.

В тот день велосипедисты устали: четыре ездки из города на Взморье — любой завоет.

Они вяло нажимали на педали, и Берия, хоть и очень спешил, потому что им владело чувство мести и оскорбленного достоинства, свойственное проигравшему игро-

ку, понимал, что ему ничего большего из «коней» не выжать. Хоть и сотрудники.

В мире без времени трудно заставить человека делать то, что тебе хочется, а ему вовсе не нужно.

Но методы есть.

У всех сохранился страх перед болью.

Память о боли.

И ее можно возвратить. Об этом лучше всех знали бывшие сотрудники Лаврентия Павловича, попавшие сюда в страхе перед своими бывшими коллегами и жертвами. Неизвестно, кто страшнее. Пожалуй, свои.

Наверное, для нормальной жизни четвертое путешествие Лаврентия Павловича за один день — немыслимое предприятие.

Но кто мерил день в мире без времени? Там никогда не наступает ночь и никогда не встает солнце. Раз нет времени, то нет температуры, нет дождя и снега, нет ветра и облаков. Если бы Лаврентий Павлович возил с собой песочные часы, они могли бы рассказать объективно, сколько миновало отрезков времени. Они умеют мерить уровень воды в пересохшей речке.

Лаврентий Павлович чувствовал, что устал. Устал от того, что не имел возможности прервать череду дел, интриг, споров и передвижений.

Но отдохнуть нельзя.

Потому что каждое поражение рождало в этой удивительной натуре не смятение и не упадок сил, а немедленное желание вновь ринуться в бой.

Кто бы ни был врагом Берии, тот всегда проигрывал ему в беспощадности.

Сейчас Берия был разгромлен собственными союзниками, которые воспользовались его кратким отсутствием, чтобы не дать ему взойти на трон. Но они не были беспощадны. Они полагали, что он смирится и будет работать

вместе с ними, ибо это разумно. Правда, не первым, но оставим ему силу и права второго.

Глупцы, решившие, что одолели невысокого плотного плешилого вождя, который — ну что поделать — раздобыл в этом мире старую шляпу и носил ее, как носил на парадах, стоя рядом с Хозяином.

Дважды велосипедисты останавливались и переводили дух.

Берия не торопил их. Понимал, что они уже износились и следует поискать им смену. К примеру, говорят, что где-то на берегу Рижского залива есть общество «Здоровое тело». Надо проверить.

Затем мысли Берии перетекли в инос русло — к делам более важным. Во-первых, следовало решить, как избавиться от консулов — если они сумели объединиться и единогласно отвергнуть его кандидатуру, значит, будущее ничего хорошего не сулит. Они его не только не выносят, они его заслуженно боятся. И при первой же возможности постараются убить. Нельзя поворачиваться к ним спиной. Ведь не будь они слюнтями, способными лишь говорить и готовыми тут же переложить грязную работу на его плечи, то давно бы убили. Нашли бы легальное основание... А у них даже нет палача. Честное слово — на все государство нет палача! У Лаврентия Павловича даже среди велосипедистов по крайней мере три бывших исполнителя.

Не додумав важную мысль, Берия вдруг спохватился: кто и почему подслушивал в ресторане на Взморье? Это люди изнутри или снаружи? Разница могла оказаться жизненно важной.

Девицей он займется. Никуда она не денется.

Сначала надо запустить основную машину.

К счастью, жизнь подарила ему удивительных, исключительных агентов.

Пока они у него в руках, пока они в безопасности — черта с два консулы посмеют поднять на него хвосты! Чайнов знает об агентах, но кто они — лишь догадывается.

И такие козыри всегда радуют.

Не зря мы живем на свете, если еще можем вербовать и держать в норме таких людей!

Ни в коем случае нельзя оставлять экипаж возле Шахматного клуба.

Кто за ним следит, кто ему изменил, кому он случайно попался на глаза — все приходится учитывать.

Центральный шахматный клуб располагался в самой глубине Елагина острова — никогда не догадаешься снаружи.

У входа сохранилась вывеска «ЦПКиО им. С.М. Кирова».

Для ленинградцев эта надпись легко расшифровывалась, а для приезжих, наверное, казалась египетскими иероглифами.

Потому все, кто знал, называли парк Елагиным островом.

Берия сошел на землю и велел велосипедистам ехать дальше.

Они знали куда.

Мостик через протоку был ветхим и опасным. Кое-где доски пропали, в длинных дырах виднелась серая вода.

В одном месте Лаврентию Павловичу пришлось замереть и потом прыгнуть вперед. Прыжок вряд ли был красивым. Главное — не попасть в воду. Даже если и вылезешь, промокнешь до нитки, а здесь все так плохо сохнет!

Лаврентий Павлович пошел по дорожке в глубь острова. На дорожке валялись ветки, куски истлевшей бумаги, проржавевшие консервные банки, подметка, рваная зеленая фуражка. Кое-где на голых стволах были прибиты картонные стрелки с надписью «ШК», что означало — Шахматный клуб.

Сам клуб таился на поляне, между Елагиным дворцом и летним кафе.

Это была истоптанная поляна, с эстрадой, длинными скамейками и несколькими столами, видно, притащенными с разных концов парка или из других мест. Далеко не все столики были шахматными, но все раскрашены белыми и черными квадратиками.

Это и был Центральный шахматный клуб.

Людей там оказалось немного: был промежуток между большими турнирами, а Лаврентий Павлович об этом знал, потому что не раз сюда заходил. Он любил поглядеть, как играют другие, но сам не садился: не хотел, чтобы его обыгрывали.

Шахматисты в основном сидели за столиками.

Но не все.

Некоторые лежали или сидели на земле, другие разговаривали между столиками, наблюдая за игрой своих коллег либо просто беседуя.

В сторонке, возле виселицы, на которой висел труп, стояли действующий чемпион мира Эдик Мирзоян и главный судья федерации Хлопский, он же бессменный шахматный палач.

К ним и направил свои шаги Лаврентий Павлович.

По дороге он остановился у столика, за которым играли Майоранский и Лядов. Они играли блиц, и их руки, совершив движение над доской, неслось к кнопке шахматных часов, чтобы остановить бег времени. Шахматные часы, разумеется, не работали.

Майоранский с Лядовым были так поглощены партией, которая перешла в эндшпиль, что не заметили Лаврентия Павловича. Тот и не стал привлекать к себе внимания, а отошел к виселице, чтобы поздороваться с чемпионом и палачом.

— В чем проблемы? — спросил он.

Он не поздоровался, потому что в мире без времени редко здороваются, не принято. Приветствие после разлуки тоже рождено движением времени. Если время стоит на месте, то нет расставаний и встреч.

— Надо его снимать, — сказал Хлопский.

Это был очень высокий мужчина, схожий по форме с веретеном, так как шире всего он был в бедрах. Он напоминал также скульптуры египетских фараонов периода вырождения династий: маленькая головка с большой нижней челюстью, круглый животик, широкие бедра и ноги, заканчивающиеся маленькими ступнями.

Оскар Хлопский в шахматы играл плохо, но любил игру и не мог представить себя вне ее. Поднимаясь по общественной лестнице, он стремился наверх именно для того, чтобы на общественных началах занимать места в шахматных федерациях. В той жизни он дорос до поста замминистра топливной промышленности и члена Московской шахматной федерации. Но после крушения Хрущева потерял свой мирской пост, а затем его, как раз под новогоднюю ночь, изгнали из федерации как ненужного более функционера. Вот он и оказался в мире без времени. В нем он возвратился в федерацию, больше того, стал ее воссоздателем.

Оскар Хлопский был одним из немногих обитателей Чистилища, полностью довольных своей судьбой и полагавших, что им в жизни повезло. Он не только стал главным судьей федерации; но и видел перед собой будущее, лет на двести вперед, в котором он занимал бы тот же пост.

Лаврентия Павловича Хлопский ценил, так как полагал в нем увлеченного своим делом коллегу, который также всего добился именно здесь. Поэтому радостно принял объяснение чекисту, что же беспокоит верхушку шахматного истеблишмента.

Повешенный возле шахматных столиков международный гроссмейстер Кремерс вот уже несколько дней как стал подавать признаки жизни. Следовало решить, казнить ли его еще сильнее, как требует устав шахматного общества, либо объявить амнистию и оживить без всякой надежды на то, что его мозг сохранил свои способности. Все-таки он уже месяц условно висит у эстрады.

— А как проявляется? — спросил Лаврентий Павлович.

— Посмотрите на пальцы, — сказал чемпион Мирзоян.

Лаврентий Павлович присмотрелся. Чемпион был прав.

Примерно через минуту наблюдения за голубыми отекшими пальцами повешенного Берия уловил легкую судорогу, движение ногтей.

— И веки дрожат, — сказал Хлопский.

— Понятно, — ответил Берия.

Это и в самом деле была нелегкая проблема.

В мире без времени человека убить нелегко. Он приобретает дополнительные системы прочности. Не раз расстрелянные из пулеметов, убитые ударом дубинки люди через некоторое время оживали, кто дома, а кто в могиле. Издавна уже было принято оставлять мертвеца на некий срок в морге, чтобы убедиться, умер ли он на самом деле.

Но как оставишь в доме шахматиста? У шахматиста нет дома, нет крыши над головой. Шахматист — одни из немногих здесь людей, у которого есть цель в жизни, есть друзья и спутники, соперники и враги. Его жизнь куда более наполнена, чем жизнь иных обитателей гетто. Шахматист, нашедший путь к игровой площадке, остается тут до смерти, до настоящего перехода в небытие. И к тому есть различные пути.

Например, ты можешь проиграть турнир, в котором ставка — твоя жизнь. Правда, такие турниры заканчиваются на небесах. Чаще всего когда речь идет о чемпионском титуле.

Кто-то сказал, что шахматные поединки подобны боям гладиаторов.

Давно сказал.

И шахматисты усвоили это правило.

Эдик Мирзоян за свою шахматную карьеру лишил жизни уже шестерых гроссмейстеров — своего рода рекорд.

Нет, сам он никого не убивал. Его дело — выигрывать.

А потом уж в дело вступали судьи.

И зачастую на казнь претендента приходило больше зрителей, чем на сам турнир. Правда, чаще зрители съезжались к началу боя и оставались до казни.

Как-то Лариса Рейснер попросила Лаврентия Павловича как отвечающего за безопасность в столице запретить эти страшные поединки.

— Ты не права, Лариса, — ответил Берия. — Борьба за шахматную корону пожирает всего человека, настоящий гроссмейстер не мыслит себя без шахматных побед. Скажи мне, чем шахматист может быть награжден? В чем его слава или гибель?

— Они могут встретиться вновь.

— Чепуха. Это было хорошо, когда в шахматы приезжали играть из других стран или континентов, когда шахматисты получали громадные деньги и должны были придумать, на что их истратить. На что победитель истратит гонорар? На новое одеяло, чтобы мягче лежать у столика? Они страшно надоели друг другу. И возможность с помощью игры, своего ума, своего таланта избавиться от надоевшего конкурента — разве это не счастье?

— Вы монстр, Лаврентий Павлович, — сказала Лариса.

— Значит, они — монстры. Я ни с кем не играю на жизнь.

...Берия стоял под виселицей и смотрел, как оживает, цепляется за крохи жизни отвисевший свое Кремерс.

— Может быть, вернем его? — вдруг спросил Мирзоян.

— И тогда вы лишитесь славного трофея, — сказал Хлопский. — Я лично за то, чтобы историческая справедливость восторжествовала.

— Ах, как мне все это надоело, — вздохнул Мирзоян, или Дюка, как его звали коллеги.

— Я за стремянкой пошел, — сказал главный судья.

— Какие у вас творческие планы? — спросил Берия. — Будем ли мы свидетелями новых достижений?

Мирзоян не ответил. Он стоял, запрокинув голову и вглядываясь в лицо повешенного соперника.

— Мне интересно смотреть на убийц, — сказал Берия. — А у вас такая же психология?

— Молчи, палач! — ответил Мирзоян, он не смотрел на Берию.

— Когда-то, а значит — скоро, придет молодой волк и тебя сожрет.

— Этого не будет. Я навечно останусь молодым. Самым молодым чемпионом мира, понял, мент поганый?

Слово «мент» пришло в язык позже, чем Берия ушел из мира. Поэтому он не понял его, но ощутил оскорбительность.

— Я дождусь, когда тебя тоже повесят... чемпион! — в сердцах ответил Берия. Хотя давал себе слово — забудь о мести! Это самый непродуктивный способ сводить счеты с жизнью.

Берия отошел к Майоранскому и Лядову. Они продолжали играть, не обращая внимания на разговоры у виселицы.

— Отойдем, — предложил он, — погуляем?

Его агентам не хотелось прерывать партию. Они относились к числу истинных рыцарей шахматной игры, им она не надоедала, и им неинтересны были корыстные и тщеславные расчеты великих шахматистов. После того как,

намаявшись в Чистилище, они отыскали для себя шахматный угол, их жизнь приобрела новый смысл. Они даже не заметили, что эту жизнь им устроил Лаврентий Павлович, который провел с ними беседы, долгие, за ненадобностью торопиться, душевые, выташил из них все, вплоть до мелких слабостей, и обнаружил общую для Лядова и Майоранского страсть к шахматам. Это позволило ему отправить их в шахматный лепрозорий, подальше от любопытных глаз. Ну кто будет искать агентов Берии среди шахматистов? Какой прок от шахматиста, который лишь об одном мечтает — чтобы его не трогали, не выгнали с площадки.

— Сейчас, — сказал Майоранский, — у меня проходная пешка.

И продолжал метаться руками: кнопка на часах — фигура — кнопка — фигура...

Пешка не прошла в ферзи. Лядов нашел опровержение на мастерском уровне. Берия подумал, что если в чем-то и есть прогресс в Чистилище, то в шахматной игре. Ведь мозги работают, кое-как, но работают. А это значит, что могут обучаться.

Они прошли мимо виселицы.

Палач как раз спускал с виселицы тело Кремерса, короткое, широкое костлявое тело.

Мирзоян, хоть ему не нужно было трогать убитого, помогал палачу.

Берию охватило лукавое чувство. Оно всегда в нем жило. Если есть жертва, а даже и не жертва, а просто человек рядом, то надо его поймать так, чтобы можно было унизить. Это мальчишеское чувство. Испорченные мальчики любят подложить учителю кнопку на стул, а на приеме, ставши министром, подложить нижестоящему торт, почувствав на то желание вождя. Не под каждого положишь.

— А ну, мальчик, — сказал Берия, — поможем главному судье, а то неловко получается.

— На это есть перворазрядники, — сказал Майоранский, который дорожил своим реноме кандидата в мастера. Лядов, перворазрядник, ничего не успел придумать, прежде чем Берия подтолкнул его к виселице. И ему пришлось подставлять руки.

— И ты иди, Лев Яковлевич, — сказал Берия. — Нехорошо бросать товарища в беде. Скоро вам на задание выходить, а вы еще в бою не обтрепались.

Майоранский сделал шаг к виселице, но тут покойник, которого уже вытащили из петли и укладывали на землю, шевельнулся, будто сделал попытку вырваться.

Майоранский отшатнулся, схватил Берию за рукав и прошептал:

— Я боюсь, боюсь, я покойников боюсь!

— Кончай врать-то, — сказал Берия. — Что я, твоего дела не читал?

— Там неправда, все клевета, — откликнулся Майоранский.

Он так испугался, что потерял часть своего интеллигентного облика. Майоранский всегда старался выглядеть настоящим интеллигентом, для чего носил бородку клинышком. Так в советских фильмах изображали меньшевиков или даже троцкистов.

Видно, он в том мире был полноват, отрастил брюшко, и ему шло бы пенсне. Но здесь он потерял вес, не смог консервироваться. Бывший толстяк.

Таких здесь немало. Есть даже бывшие богатыри.

Берия с интересом смотрел на Майоранского. На лице профессора отражался ужас и какой-то странный восторг.

Как же эти люди называются? Ему же говорили, есть специальное слово.

— Ты некрофил, — вспомнил Берия нужное слово.

— Ни в коем случае! Только не это!

— А что?

— Старый, нервный человек. У меня деликатная конституция.

Нужда в участии Майоранского уже миновала. Лядов помог Хлопскому уложить труп на землю.

— Как ваше мнение? — спросил главный судья у профессора. — Он будет жить?

— Без сомнения, — ответил Майоранский, не глядя на кадавра.

— Я протестую, и вы знаете почему, — вмешался Эдик Мирзоян. — Если бы проиграл я, Кремерс добился бы моей смерти. Оживши, он станет моим злейшим врагом. Всем известно, что случается с зомби.

Все согласились. Были уже случаи, когда недоубитые мертвецы возвращались к жизни полуумными убийцами, неадекватными людьми. Порой из всех человеческих чувств в них оставалась лишь месть. Они становились бессмысленными и беспощадными охотниками за теми, кого полагали своими обидчиками.

— Тогда надо голову отрезать, — сказал без радости Хлопский. Последняя милость — так называлась эта процедура — входила в его обязанности.

— Я топор принесу, — вы毛泽лся Эдик.

Подошли другие шахматисты, стали смотреть на оживший труп, но Берия подтолкнул Майоранского, который никак не мог сделать шага в сторону, где их ждал Лядов. Лядов вытирая руки песком, он сохранил в себе разумную брезгливость.

Берия шел в центре, шахматисты — справа и слева.

— Наше время наступило, — сказал он, когда они отошли на порядочное расстояние от шахматной площадки. — Достигнуто решение.

Майоранский спросил:

— Вы гарантируете, что мы останемся живы?

— Я ничего не гарантирую, — сказал Берия. — Я не специалист.

— Я бы и сам не смог гарантировать, — заметил Лядов.

Лядов был похож на Суворова, но помоложе того фельдмаршала, которого изображают на портретах, будто никто его раньше сорока и в глаза не видал.

Он был прям спиной, скор в движениях, и на голове поднимался суворовский хохолок. Но лицо у этого молодого человека было немолодым — оттого, что тонкую кожу лица изрезало множество морщин и морщинок.

Берия присел на поваленное дерево. Лядов послушно опустился рядом, а Майоранский отошел в сторону. Он все время пытался держать дистанцию между собой и Берией.

Лядову все это было интересно и даже забавно.

Майоранскому страшно. И страх его разделялся между Берией и предстоящим заданием.

Он не мог понять, что же хуже.

Все хуже.

Майоранский был большим специалистом. Всемирно не известным. По ядам и отравлениям.

Он был никому не известен, потому что всю жизнь проработал в самой секретной лаборатории КГБ.

Его шеф, генерал Судоплатов, наблюдал за активной деятельностью Майоранского со смешанным чувством презрительности и возмущения. Для близких людей у Судоплатова не было иного обращения к Майоранскому, как «эта сволочь». Но он же сам подписал документы на орден Боевого Красного Знамени после удачной смерти чехословацкого президента Бенеша, который срывал все наши попытки осуществить в Праге настоящую революцию. А сволочью Судоплатов называл Майоранского после того, как побывал у того на опытах.

Это так и называлось — побывать на опытах.

Некоторым нравилось. Некоторые избегали таких визитов.

Майоранский проводил испытания ядов на глазах у генералов, чтобы они были в курсе его изобретений и открытий. Некоторые не выдерживали криков и мучений бывших писателей или инженеров. Одно дело, когда ты просто избиваешь жертву сапогами или ломаешь ей пальцы. Это просто, это понятно «детям» Дзержинского. Но иное дело, когда у тебя на глазах синий человек, исторгая рвоту, хрипло молит о смерти, когда страшные корявые судороги никак не приносят этой смерти, а Майоранский с помощью сотрудников делает все, чтобы возвратить жизнь жертве только для того, чтобы назавтра повторить опыт и выяснить, что же помешало подопытному преступнику эффектно умереть вчера.

Когда Майоранский был посажен вместе с Судоплатовым, он получил скромный срок — все же не палач, а ученый, — и принялся осыпать соответствующие органы письмами и прошениями, доказывая, что всю жизнь бескорыстно трудился на благо Родины, ничего не нажил, кроме гастрита и геморроя, награжден и отнесен и может принести большую помощь, так как ему известны способы истребления империалистов. Отсидевши, по протекции старых друзей он получил незаметное место в Институте биосинтеза и стал ходить на работу, ставить плановые опыты и ждать, когда же вернется настоящая власть, которая вытащит его из забвения. И даст достойный пост. И право закончить свои революционные опыты по прекращению жизнедеятельности живых организмов под влиянием внешних агентов.

А потом случилась нелепая история.

Бывают же ошибки и в работе органов.

Особенно если они попадают под топор каких-нибудь глупых и даже либерально-преступных реформ.

Его узнали на улице. Просто на улице. Бывшая медсестра.

Медсестер Майоранский не терпел. У них, как правило, были слабые нервы. Специальный помощник Майоранского по кадрам старший лейтенант Госбезопасности Лютый (фамилия, а не прозвище) следил за психическим состоянием младшего персонала, без которого, к сожалению, в большом деле не обойдешься. И если усматривал опасные тенденции, сестры и санитары ликвидировались или становились подопытными объектами без права выжить.

Эта медсестра очень хотела жить. Она отдавалась любому солдату на скамейке в служебном помещении, она была льстива и послушна, Лютому бы заметить и ликвидировать, но бывает же — была она нежно хороша настолько, что у Лютого не поднялась рука. Он хотел обладать ею и дальше. Вот Лютый и помог ей сактироваться в обычный лагерь, а потом на поселение. Сам он в пятьдесят третьем смог избежать наказания, но был уволен из органов, уехал в Краматорск, где жила эта Альбина, и женился на ней.

Разумеется, служба ликвидации выследила этого Лютого, и он был уничтожен. А о ней не догадались. Не проверили. Лютый, хитрец, сделал ей липовые документы.

Если бы не ликвидация Лютого, правильная сама по себе, эта Лялька не стала бы искать Майоранского, не потратила бы месяцы и годы, чтобы вычислить его после выхода на свободу. Увидела на улице и подошла.

А подойдя, нагло сказала:

— Я убью тебя. Но не сейчас. Перед этим ты, трусливая скотина, помучаешься. Ты будешь ждать смерти, ты будешь молить о ней. И знать, что твои часы отстукивают последние дни.

И последние дни декабря 1964 года профессор Майоранский, заслуженный деятель науки, видный и способный биолог, специалист по отравлениям газами и ядами,

провел в страшном ожидании смерти. Он исхудал, бородка клинышком вылезла, он не мог уже соответствовать скромным желаниям своей сожительницы. Он знал, что Лялька его убьет.

И в ночь на 1965 год он увидел, как у дома остановилось такси, а из такси вышла Лялька. С ней какой-то мужчина.

Звонить в милицию поздно. Да и станет ли милиция его защищать?

Майоранский убежал в ванную и заперся там.

Он был один в квартире, сожительница уже уехала на Новый год к маме. Майоранский сидел в уборной, когда они позвонили в дверь. И Майоранский умер от страха.

Он очнулся в мире без времени.

Там он вскоре встретил Лаврентия Павловича, который не был его непосредственным начальником, но не раз заглядывал в лабораторию на показательные опыты по воздействию на преступные организмы отравляющими веществами. Ничего забавного Берия в том не усматривал, но уклоняться от посещений, подобно другим генералам, не считал нужным. Служба бывает приятной, но чаще она неприятна. Чем легче и тверже ты преодолевашь неприятности, тем выше взойдешь по служебной лестнице.

Майоранский, испытавши страх, постепенно забыл о нем и стал в Чистилище тосковать. Даже искать путей обратно, так как понял — разоблачение было случайностью, может, оттого, что он так его ждал. Больше оно не повторится.

Но отпустить его обратно никто не мог. И не хотел. Он как бы угодил из одной тюрьмы в другую, бессрочную.

Встреча с Лаврентием Берий сначала испугала бывшего завлаба, но Лаврентий Павлович ничего от него не требовал, даже не очень признавал. Но и не отпускал.

Следил и даже как-то защитил от психа. Психи — о них особая речь — бывает, мотаются по свету, хотят убивать или погибнуть. Кто чего.

Лаврентий Павлович не спешил.

Идею расправы с Верхним миром он сначала внушил глупому Грацкому, так что Чаянов осознал ее и посчитал своей, не связывая с Берией.

Чаянов от имени консулов поручил Берии осуществить ее.

Берия не хвастал своими победами. Ни перед кем. Ему достаточно было сознания того, что он победил. Таких людей мало. Побеждает и молчит. Зато такие люди могут побеждать снова и снова — их не так остерегаются, как следовало бы.

Мысль о необходимости спасти Чистилище от проникновения сверху, от неизбежной заразы и гибели, овладев консулами, стала его делом.

Еще до этого он стал ходить и охранять Майоранского. А потом отыскал и Лядова. Как бы случайно встретил, а на самом деле нашел, потому что искал.

Именно такого.

Скромного, простого парня. Биолога из закрытого городка.

«Кто ищет, тот всегда найдет» — эти слова из советской песни были его гимном. Подпольным гимном.

Но Берия устроил фильтрацию. По всему городу Ленина. Он даже провел перепись населения. Трудно поверить. Конечно, далеко не все попались ему в тенета.

Зато каких полезных людей он приискал!

Лядов был сокровищем. Может, большим, чем Майоранский. Но Лядов был скромен и лишен инициативы.

Прошлую его жизнь состояла из удобных компромиссов.

Компромиссы не помогли. Оказался здесь.

Пришел Лаврентий Павлович и взял на себя функции государства, которому так честно служил Лядов.

Теперь он честно служил Берии.

Лядов был Берии мил и полезен — он не боялся, а намерен был работать по доброй воле.

Потому что в нем, в его маленькой как летний прудик душе тоже жила месть. Маленькая и терпеливая.

И потому неистребимая.

Лядову задерживали заработную плату. Затем вообще законсервировали городок, совхоз имени Максима Горького. Лядов был одним из последних, кто остался в городке, он не желал искать другой работы, раз любил ту, на которой провел уже четверть века. Один, в почти пустом городке, где даже свет и воду выключили, он пожелал себе смерти или забвения в ночь под Новый 1993 год. И очутился здесь.

Знать бы тогда Лядову, что через неделю за ним приведут из Семипалатинска-13, где на подобном же максимовском предприятии разворачивается производство по контакту с одной азиатской страной... впрочем, Лядов об этом так и не узнал.

Потому что приехали седьмого января.

И никого в его квартире не нашли. Даже удивительно — все вещи на месте, а человека нет. И гитару не взял.

Решили, что ушел в лес, заблудился и погиб. Мало ли что может случиться с человеком в новогоднем лесу.

О нем помнила только первая жена — давно снова замужем, а сын Коля зовет отчима папой.

— Будьте готовы, — сказал Берия. — Я начал подготовку к акту. Строжайшая дисциплина. Считайте себя мобилизованными. Физически вы готовы?

Лядов пожал плечами:

— Я давно жду. Хочу посмотреть, как они запрыгают.

— Посмотришь.

— Появились новые средства? — спросил Майоранский. Он стремился к благородной деятельности. Он стольких убил, что считал себя совсем безвинным.

— Только что беседовал с доктором Фрейдом, — ответил Берия. — Вы получите уколы, которые позволят вам находиться в тылу врага трое суток. Надеюсь, что больше задерживаться не придется. Троекратные сутки — это с запасом. Придется ехать на поезд.

— Мы не шпионы, — сказал Лядов, — нам нечего бояться.

— Тогда играйте в шахматы, — сказал Берия. — Только берегите себя. Не падайте, не ушибайтесь и не ввязывайтесь в турниры.

— Виселица по мне еще не плачет, — сказал Майоранский.

Он почесал жидкую треугольную бороду. Он думал. Берия мог следить за ходом его мыслей. Он не доверял. И правильно делал.

Отпустив биологов, Берия вышел с Елагина острова через мостик с другой стороны, куда уже подъехали велосипедисты. Они немного отдохнули.

— В Смольный! — приказал Берия.

От Елагина острова до Смольного путь неблизкий, особенно если ты сдешь на машине, которую влекут за собой четыре велосипедиста.

Берия откинулся на кожаную спинку открытого лимузина.

Предстоял разговор с Леонидом Моисеевичем, доктором по прозвищу Фрейд. Доктор — маленький, деликатный, добрый — был постоянно робок и потому склонен подчиняться приказам: он выполнял их, потому что не знал, как их не выполнить. А согласившись, был дотошен в исполнении, потому что честен. Он всегда держал слово. Такому человеку, как Лаврентий Павлович, доктор Фрейд был удобен.

Но сначала его надо убедить или испугать.

Какой путь наиболее удобен сейчас?

Надо начинать с роли доброго следователя.

Беспокоила девушка, которую привезли в Смольный.

Кто, зачем может наблюдать за ним? Подслушивать консультов? Может быть, в городе есть силы, затеявшие захватить власть?

Не генерал ли? Чертов самурай!

В конце концов в столице не так много активных организаторов. В большинстве случаев здесь обитают амебы. А вот самурай — интересная птица. Но у него нет сил захватить власть. И не нужна она ему. Он имеет что хочет.

Перед въездом в Смольный Берия ждал сержант.

Девушка убежала. Ничего удивительного. Подвалы, старые ходы, крысиные норы, кабели и трубы...

Берия в который раз пожалел, что у него нет пистолета. Сейчас бы размазать этого сержанта по стенке.

Берия просчитал про себя до пятидесяти. Сержант покорно стоял перед велосипедистами. Те смотрели на него, наклонив машины и упервшись о землю одной ногой.

— Ты ее знаешь в лицо, — сказал он сержанту. Совершенно спокойно. Только снял очки, протер и снова напялил. Спрятал под поля шляпы.

— Так точно, — сказал сержант.

— Ты ее найдешь. Но так, чтобы тебя не заметили и не разгадали. В таком случае тебя, сукин сын, никто жалеть не будет. Я тоже тебя жалеть не буду. А вернешься, не выполнив приказа, мои ребята тебя ликвидируют.

Ребята, велосипедисты, ответили на эти слова довольным гулом, словно цепные псы.

— Ну куда ты пошел, дурак? — остановил сержанта Берия. — Сначала поднимись в штаб. В архив. В отдел внешнего наблюдения. Пускай тебе там дадут рапортчику на японского генерала. Через него отыщешь эту девку. Ты понял?

— Так точно, товарищ министр!

— Исполняй.

Берия поднялся по широкой лестнице. Ему всегда мерещилось, что эта лестница освещена неверным светом прожекторов, стоят пулеметы и пирамиды винтовок. По лестнице спешат люди с красными повязками на руках. Часовые курят цигарки... Ждут Ленина.

Берия поднялся по лестнице. Впереди маячила спина сержанта.

Он прошел к себе в кабинет.

У двери стоял часовой Василий, фамилию Берия забыл.

— Доктора привезли? — спросил Лаврентий Павлович.

— Доктор здесь.

— Приведите сразу Ну, чего вы Ѷацкаетесь!

Сам усился за стол. Столы был пуст. Он и в Кремле не любил на столе бумаг.

Почему-то старая гвардия, бывшие сотрудники, никак не могли отделаться от грубых манер. Впрочем, грусть требовалась, чтобы подавить первую линию сопротивления арестанта. Задержанный должен понимать, что здесь он козявка, деръмо, ничтожество.

Но Лаврентий Павлович в последнее время потерял интерес к формальным правилам игры, и страдания отдельных людей его перестали забавлять. Сегодня, например, с этим повешенным престендентом. Ничего не шевельнулось в душе. Висит, и хрн с ним!

Когда часовой втолкнул Леонида Моисеевича, Берия с укором сказал ему:

— Дурак, старого человека обижаешь. Иди отсюда, мы без тебя поговорим.

Часовой сразу ушел, даже каблуками не щелкнув, такая вот распущенность царила в этих местах. Впрочем, и это не самое главное.

— Садись, Моисеич, — сказал Берия. — В ногах правды нет.

— Спасибо, Лаврентий Павлович, — сказал доктор. Доктор всегда ходил в халате, пожелтевшем, не очень чистом, он раньше служил у императора Киевского вокзала, потом попал в плен к бандитам, они продали его Калининскому Голове. Врачи всегда нужны. И так, меняя хозяев, Леонид Моисеевич добрался до Ленинграда, а там попал в руки Лаврентия Павловича. Лаврентий Павлович полюбил его, насколько мог полюбить другого человека, но доктору о своей любви никогда не говорил и даже не намекал. Он был уверен, что признание в любви так обезоруживает, что тебя любая ворона заклюет.

Берия был к доктору требователен.

Теперь ему предстояло выполнить ответственное задание.

Другого для этой цели не найдешь.

Предварительно он прощупал Леонида Моисеевича и почти не сомневался в успехе. Но придется не спускать с доктора глаз. Он очень мягок, добр, совестлив, а потому ненадежен.

— Итак, мы отправляем экспедицию на тот свет, — сказал Берия. — Все готово. Ты ждал этого момента?

— Я чувствую себя неловко, — сказал доктор. — Как баран на бойне. А может, это старый козел?

— Я не понял, — сказал Берия.

— На бойне есть специальный козел. Когда приходит стадо овец, его выпускают к ним, и он говорит: пошли, там кормить будут! И ведет их под нож.

— Ночи не спиши, думаешь? — спросил Берия.

— Я тут давнее многих, — сказал доктор. — Я за облаками потолок видел.

— Не говори глупостей. Если надо, я другого козла найду.

— Я рад.

Доктор встал, он держал руки перед собой, сплетя пальцы. Жалкий человечишко. Но вызывает жалость. Куда денешься от собственного доброго сердца?

— Вакцина готова? .

— Мне нужны помощники, я не закончил испытаний. Найдите хотя бы одного медика, профессионала.

— Все тебе будет. Отправляйся в институт и жди. Не уходи, не спи, не гуляй. В любой момент — через час, через сто часов — я буду у тебя.

— Что час, что сто часов, — сказал доктор. — Кстати, я написал стихи.

— Читай!

Что час, что сто часов.

Когда умчалось время,

Оставив пустоту и тяжесть в голове...

— Резинка от трусов! — перебил доктора Берия и засмеялся.

— Я вас не понял, — удивился доктор.

— Я тоже стихи писал. Когда мальчиком был. Бедным мальчиком. Сто часов — резинка от трусов. Иди.

Доктор не уходил. Он ждал главного ответа.

— Тебе что-то непонятно? — спросил Берия.

— Я могу, боюсь, подвести вас, Лаврентий Павлович. И погубить невинного человека.

— Погубим — другого пошлем. Важен не человек, важно дело.

— А в чем оно заключается?

— Это государственная тайна.

— А что эти люди будут делать там, наверху?

— Выполнять мое задание, — ответил Берия. — Что еще они могут делать там, наверху?

— Но я надеюсь, что это не преступно?

Берия рассмеялся.

— Преступление — это только точка зрения на поступок, — сказал он. — Для тебя преступление, для меня — геройский подвиг во благо нашей многонациональной родины. Теперь иди.

Доктор пожал плечами. Он ничего не добился, хотя был убежден, что становится соучастником преступления. С этой мыслью он покинул кабинет.

Берия не спешил. Он подошел к окну. По асфальтовой, в трещинах, прямой дорожке шел к воротам маленький сгорбленный человек в белом халате. Он шел в туман.

И вокруг была пустота и безнадежность.

— Ничего, — сказал Берия. — Ничего особенного. Мы с этим справимся.

Доктор остановился, оглянулся, видно, сообразил, что ему некуда идти, и повернулся к Смольному.

Берия крикнул:

— Василий, веди сюда Крошку.

Василий услышал. В такой мертвыйтишине трудно не услышать.

И побежал по коридору. Трусцой, медленнее шага.

Тут же заглянул сержант, принес папку с делом генерала Мидзогути Кодзи.

Берия раскрыл папку, начал читать.

Он многое знал. Сейчас искал организацию. Подполье. Опасность. Связь с той самой девицей, которую взяли на берегу. А он так и не выяснил, кто помог ей убежать. Наверное, ее хахаль. А может, у них есть боевики?

Вошла Крошка.

Создание чуть больше лилипутки, но лицом — хорошенькая маленькая женщина. У нее была какая-то таинственная любовная история, то ли с большим мужчиной, то ли с настоящим лилипутом меньше ее самой.

Она попала сюда не так давно, в ней сохранилась сила, может, потому, что для поддержания ее маленького организма не нужно было большой энергии.

Берия увидел ее на улице, приказал привести к себе. Он вдруг ощутил желание и думал, что, овладев Крошкой, снова станет мужчиной. Оказалось, что желание не было подкреплено силой. Крошке все равно было лестно. Она любила мужчин и такого серьезного, в очках и шляпе, которую он не снимает даже в постели, полюбила страстно.

Не то чтобы Лаврентий Павлович доверял ей, но она была ему ближе всех, они даже порой лежали в постели часами, и им было приятно.

Настоящее имя Крошки было Зинаида. Зинаида Дурних. Она говорила, что это немецкая фамилия, а Берия понимал, что хохлацкая.

— Садись в углу, — приказал он, — и читай. Ты должна знать все про этого японского генерала и его свору. Пойдешь к нему, вотрешься в доверие. Немедленно.

Генерал рассказал Егору, что его письмо отправлено навсех и, видимо, дошло до адресата в тот день, когда пошел дождь.

Это было немыслимо.

Некоторые прожили по двести лет и не подозревали, что дождь может сюда пробиться. И хоть все понимали, что небо здесь настоящее — ведь поднимались же вверх воздушные шары и уходили на высоте во мглу и непроницаемые облака, но до потолка не добрался еще никто, что означает, что потолка, конечно же, нет — там, наверху, небо. Условное небо, как условна жизнь.

А когда легкий дождик пронесся по городу, подгонянный легким ветром, тревога охватила всех жителей Ленинграда.

Человек сматывается, смиряется с постоянной бедой, рабством, болезнью, но любое неожиданное смешение событий и появление новых бед пугает, как бы плохо ни жилось. Казалось бы, галерный раб может мечтать лишь о смерти, но, когда поднимается буря, в днище галеры обнаруживается течь, он пугается больше, чем капитан. Может, и потому, что он прикован к скамье и лишен возможности прыгнуть за борт.

Дождь испугал всех жителей Чистилища.

Лаврентия Павловича дождь взбесил, потому что перемены в климате означали для него новую ступень в слиянии со старым миром, который желает и может уничтожить своих слабых нижних братьев.

Он бы еще тянул время, потому что был занят другими планами и хотел действовать наверняка, безошибочно. Но тут сам поехал к Чаянову, который проводил время в Музее этнографии, — ему приятен был академический дух залов кунсткамеры, хоть и разрушенной катаклизмом, в библиотеке которой Чаянов собственными руками навел порядок.

Дверь в кабинет к Чаянову была заперта.

Чаянов боялся покушения. Точно, боялся Лаврентия Павловича.

Но Берия не намеревался убивать. Дождик испугал его настолько, что он чувствовал нужду в союзниках. Дождик — свидетельство тому, что персона рассасывается и не сегодня-завтра исчезнет вовсе, погубив всех жильцов Чистилища. Надо спешить. Разборки и расправы с неверными и коварными коллегами можно отложить. Глупо оставаться одному перед лицом угрозы.

Лаврентий постучал.

В двери был стеклянный глазок. Его притащили из какого-то нового дома.

Берия отступил назад, давая себя рассмотреть.

— Это вы, Лаврентий Павлович? — спросил из-за двери Верховный вождь. — Что вам надо?

— Беседы, — ответил Берия.

Берия оглянулся. За его спиной был зал библиотеки. И никого больше.

— Не валяйте дурака, — сказал он. — Если мы будем бояться своих союзников, с нами легко расправятся.

Чаянов все еще колебался.

— Александр Васильевич, — сказал Берия. — Если понадобится, я всегда найду возможность с вами разделаться. Но это не входит в мои интересы.

Чаянов открыл дверь.

Ему было неволко за подозрения. Он сказал:

— Извините, но я отвлекся. Занимаюсь изящной словесностью. Перо, простите, стремится к бумаге. Я отпустил охрану — на что мне она?

У Чаянова не было настоящей охраны. Берия предлагал ему своих людей, но Верховный сказал, что на него никто не покусится. Теперь, наверное, раскаивается. Или радуется тому, что не доверился собственной Госбезопасности.

Лаврентий Павлович вошел в кабинет Верховного вождя Чистилища.

Чаянов был одет тщательно, в костюм, потертый, но выглаженный — наверное, держит под матрасом, подумал Берия. Галстук, светлая сорочка — типичный средний чиновник нашего времени.

Только лицо не чиновничье, но и не научное. Этакий... радиолюбитель.

— Дождь, — сказал Берия.

Не снимая шляпы, он прошел к узкому высокому окну.

Дождь прекратился, но мостовая была мокрой. Велосипедисты раскрыли зонты. Откуда у них зонты? Ведь раньше дождей не было.

Чаянов тоже подошел к окну.

— А я не заметил, — сказал он. — Этого быть не может.

— Но случилось, Александр Васильевич.

Пока Чаянова не избрали Верховным, Берия избегал обращаться к нему по имени-отчеству. А теперь подчеркивал такое обращение.

— Вы считаете, что это связано... с общей тенденцией?

— Есть другой вариант? — спросил Берия. — Люди живут здесь по сто лет, по двести лет — никто никогда ни капли с неба не видел.

— М-да, — согласился Чаянов. — В такой ситуации надо отложить в сторону обиды и заговоры. Вы знаете, что кто-то убивает людей? Они исчезают.

— Мне это известно лучше, чем кому бы то ни было. Я — единственный, кто старается с этим бороться.

— А есть мнение, что за убийствами стоит ваша служба, — сказал Чаянов. Не вовремя сказал. И не дождавшись ответа, переменил тему разговора: — Дождь был холодный? — спросил он.

Берия снял очки и без нужды протирал их. Он не ответил.

— Все ложится в логическую цепочку, — сказал Чаянов. — К сожалению, все это — явления одного порядка.

По набережной шел человек. В длинном пальто. Неизвестный.

Берия подумал, что он так еще и не выяснил, кто та девушка, кто тот мужчина? Он опасался отправлять экспедицию наверх, если возле сидят шпионы. Агенты неизвестного врага. Враг должен быть известен. Неизвестного очень трудно уничтожить.

Человек поравнялся с велосипедистами, что стояли перед входом в музей. Что-то сказал им, велосипедисты отвечали.

— Глупо, — сказал Берия, — подозревать меня в желании убивать местных жителей. Потому что мне нужен мир, населенный людьми. Чем их больше, тем лучше. Неужели вы этого не понимаете?

— Понимаю, — сказал Чаянов. — Расскажите мне, как идет подготовка к экспедиции.

— Что бы вы хотели узнать?

— Когда, сколько людей, где расположена цель вашего похода? И наконец, главное, о чем вы так упрямо не хотите рассказать нам, Лаврентий Павлович. Как вы сделаете, чтобы эти люди остались живы и выполнили задание?

— Наоборот, — улыбнулся Берия, поворачиваясь спиной к окну. Его силуэт казался Чаянову страшной карикатурой на человека, бочкой с большой затычкой. — Они должны знать, что, оставшись там, наверху, предав меня, они обязательно погибнут. У них должно быть одно желание — вернуться как можно скорее.

— Сколько же они там пробудут?

— Не больше трех дней. И это правда. Я нашел врача, который имеет вакцину.

— Вы не врете?

— Я не буду делиться с вами секретом. Не хочу, чтобы все стали бегать наверх на экскурсии. Но когда там, наверху, не останется живых, я сам организую вам экскурсии.

— Они вам поверят?

Это означало, что Чаянов поверил не до конца.

Лариса Рейснер вбежала в комнату. Черные, ничуть не потускневшие коротко остриженные кудри туго закрутились.

— Дверь была открыта, извините, — сказала она. — Вы знаете, что шел дождь?

— Я промок, — сказал Берия. — Дождь мог быть радиоактивным.

— Но дело не в этом, — сказала Лариса.

Она замолчала, переводя дыханис — в этом мире нельзя долго бегать.

— Что еще случилось? — спросил Берия капризно. Любое чрезвычайное происшествие касалось его, а он не выносил неизвестности. Он не любил, если узнавал о чем-то не самым первым.

— Там человек, чужой.

— Ну и что? Даже я не всех знаю, — сказал Берия.

— Вы не поняли, Лаврентий Павлович, это совершенно новый здесь человек. Он одет по-новому, это военный.

— И что же? — спросил Чаянов. — Я не понимаю.

— Он только что пришел... его увидели. И он начал стрелять.

— Что ты говоришь! — Берия направился к двери. Именно не пошел, не побежал, а направился, как положено выдающимся людям.

Он спешил навести порядок.

— Он не понимает! Он не понимает, что этот человек вышел из отверстия где-то рядом, совсем рядом...

Берия понимал куда больше, чем эти интеллигенты. Он знал, что сегодня не Новый год. И нигде нет Нового года, даже в чертовом Китае, даже у мусульман. Август месяц. Конец августа, скоро дети в школу пойдут.

Это означает, что нарушилось самое главное правило двух миров: переход возможен только в «Юрьев день». У Берии была неплохая память, он помнил еще с детства поговорку: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Эта поговорка знаменует собой отмену известного издавна правила отпускать крепостных к другому барину. Хотя за день многим не перебежать.

Но если пошел дождь и кто-то провалился к ним в конце августа, то дела наши плохи. И раздумывать и планировать дальше нет смысла.

Все. Сегодня же. Завтра. Я не могу больше ждать...

Берия сбежал по лестнице вниз. Велосипедисты стояли тесной группой, прислушивались.

Сзади послышались быстрые шаги. Лариса и Верховный спешили за ним.

Берия слушал.

Были слышны выстрелы.

Их здесь странно слышать. Природа оставила этот мир без огнестрельного оружия.

— Изготовиться! — приказал сержант.

По команде велосипедисты открыли багажники велосипедов и вытащили из них короткие черные арбалеты — самое мощное и редкое оружие, их положено иметь только полиции.

— Зачем он стреляет? — спросил Чаянов.

— Он стреляет в людей, — сказала Лариса. — Он бежит там, за Биржей.

Впереди пошли три велосипедиста и сержант — один велосипедист остался сторожить машину консула безопасности.

Открылся простор площади перед Биржей, прямо — ростральные колонны и направо мост к центру города.

Солдат стоял на ступеньках Биржи, оттуда ему было лучше видно вокруг.

На ступеньках неподвижно лежал человек.

Солдат нервно озирался.

Сержант скомандовал веселым голосом — давно ему не приходилось так командиновать:

— Рассредоточиться! Номера первый — второй заходить справа, третий за мной перебежками!

От звука этого голоса Берия взбодрился. Началась славная охота на человека!

Велосипедисты двумя парами побежали к ступеням Биржи, так, чтобы зайти к солдату с флангов.

В центре остались Берия и Чаянов с Ларисой, но они не спешили вперед. Они предпочитали быть наблюдателями.

Солдат не стрелял, ждал, пока враги подойдут поближе. А может, раздумывал, куда бежать.

— Может, спросить его, чего он хочет? — спросила Лариса.

— Сначала его надо уничтожить, — сказал Берия. — А потом будем разговаривать.

Но Лариса, как всегда, тут же сделала наоборот. Она взяла за обычай делать все поперек Лаврентию Павловичу. Настолько очевидно, что Берия даже подумал, не влюблена ли она в него. Так бывает с женщинами, которые не смогли побороть свою любовь и не смеют в ней признаться. Об этом ему рассказала когда-то чудесная птичка, весь организм вздрогивает и напрягается, когда вспоминаешь о ней.

Лариса быстро пошла вперед, она поднялась на несколько ступеней, солдат отступил чуть выше и смотрел теперь на нее.

— Эй! — крикнула Лариса. — Мы не желаем вам зла. Откуда вы, зачем к нам прибыли?

Солдат смотрел на нее. Слушал.

— Вы убили людей?

— Нет, — вдруг ответил солдат. — Я из части ушел, сил нет, как сержант Митяев меня бил, неуставные отношения, понимаешь, вот я и ушел из части. Что будет?

— Ничего не будет, — сказала Лариса.

— А я у вас одного убил, — сказал солдат, показывая автоматом на человека, лежавшего у его ног. — Я не хотел, я думал, что он за мной.

— Ничего, мы разберемся, — сказала Лариса и пошла к нему. — Отдай мне оружие. Хватит убивать, правда? У тебя же мать есть. А невеста есть?

Солдат не знал, что ответить. При чем тут невеста, когда ты стоишь на верхней ступеньке гигантской лестницы, весь открытый, и не знаешь, кто тебя убьет.

И тут ближайший к нему из велосипедистов поднял арбалет и ловко, быстро выпустил стрелу. Стрела летела прямо и чуть жужжала.

Она вонзилась солдату в плечо так, что чуть не опрокинула его.

Солдат завертелся на месте, схватился за плечо, между пальцами била кровь, он рванул стрелу, стрела выпала на камни. Солдат прижал к животу приклад и дал длинную очередь.

Некоторые пули попали в велосипедистов, один упал, другой согнулся вперед, прижимая живот. Упала Лариса; ей досталось хуже других — в лицо. Солдат побежал вдоль фасада Биржи.

Велосипедисты, те двое, что остались на ногах, пустили вслед ему по стреле. Одна из них угодила солдату в лопатку и торчала из камуфляжа, дергаясь от каждого его шага.

— Ах, суки! — кричал солдат. И тут было так тихо, что издали его слова долетели до Берии.

— Это неприлично, — сказал Чаянов. — Не было никакого смысла его убивать. Прекратите эту погоню, Лаврентий Павлович.

— Во-первых, это мое дело, — сказал Берия. — Мое дело. Во-вторых, мне не остановить людей, они полны справедливого гнева.

— Ах, не говорите красиво! — рассердился Чаянов и побежал по ступенькам наверх, туда, где лежала Лариса Рейснер.

Он присел над ней, повернул к себе ее лицо. Лицо было размозжено пулей, и Чаянов понял, что даже если Лариса выживет, она уже никогда не станет такой же красивой, как прежде.

Красота не восстанавливается.

Чаянов не видел, как Берия и два велосипедиста гнались за солдатом.

У солдата не оказалось больше магазинов, автомат зарядил — он выкинул автомат.

В спину ему угодила еще одна стрела.

Он бежал к воде, к парапету, почему-то решив, что там ему удастся спастись.

У парапета остановился, поднял кулак, стал грозить, материться.

Берия видел, какой он молоденький, лет восемнадцать.

А что значит — неуставные отношения? С таким термином Берия еще не сталкивался, надо будет обязательно поговорить с недавно прибывшими.

Велосипедисты подбежали совсем близко, подняли перезаряженные арбалесты.

Солдат понял, что пощады не будет, он перевалился через парапет и сгинул.

На граните и асфальте было много алоей крови, такой у местных не бывает. Живой крови.

Потом они все подбежали к парапету.

Здесь воды Невы медленно ударялись о гранит и выворачивали под мост и вниз, к Академии художеств.

Вода была красной, в ней угадывался силуэт солдата.

Его уносило водой.

Потом вода взмутилась, показалась голова солдата, он хватал воздух. Сержант был готов к этому. Он сразу выпустил стрелу, точно в горло. Солдат стал тянуть к горлу руки, но не дотянул и ушел вглубь.

— Собаке, — сказал Лаврентий Павлович чужие слова, — собачья смерть.

Он посмотрел на сержанта. Тот ответил:

— Так точно, товарищ маршал Советского Союза.

— Пойдите помогите товарищам, — сказал Берия, — положите их в мою машину, только не запачкайте сидений. И быстро везите в Смольный к доктору.

Сам же Берия пошел к Чаянову. Тот все еще сидел, держа на коленях голову Ларисы.

Берия покачал головой. Рана была страшная.

— Наверное, лишится глаза, — сказал Берия.

— Она так дорожила своей красотой.

— Да, эстетика, — сказал Берия.

Внизу зашумела машина. Она остановилась, шофер побежал наверх помочь товарищам затащить в машину раненых. Один пошел сам, второго поддерживали, и он кое-как передвигал ноги. «Ну и славно, — подумал Берия. — У нас так трудно найти хороших людей. А я этих чуть не потерял».

— Ее надо к доктору, — сказал Чаянов.

— Сейчас отвезут моих сотрудников, — сказал Берия, — и машина вернется. Тогда мы и ее отвезем.

— Поменяйте порядок действия, — сказал Чаянов. — Первая очередь — Лариса. Она — консул республики.

— Она любовница консула Клюкина, — сказал Берия. — И то липовая.

— Она близкий мне человек.

— Мы поехали, Лаврентий Павлович! — крикнул сержант.

— Сдайте их доктору и сразу возвращайтесь за мной, — сказал Берия. — Я буду ждать на мосту.

Машина, в которой сидели двое раненых, взялась с места. Сержант и второй велосипедист крутили педали.

Берия смотрел вслед.

— Ты сволочь, — сказал Чаянов.

— Знаю, — сказал Берия. — Но это вопрос точки зрения, понимаешь? Для тебя сволочь, а для моих сотрудников — добрый бог.

— Тише, — предупредил Чаянов, — она приходит в себя.

— Смотри-ка. — Берия заглянул через плечо Чаянова.

Внимание Чаянова было приковано к Ларисе.

Берия оглянулся. Машина уже почти переехала мост. Оттуда ничего не увидят.

Он быстро вытащил нож. Нож был очень острый и тяжелый.

Он ударил Чаянова ножом под лопатку. Он знал, куда ударять.

Тот сразу обмяк и упал головой вперед. Две окровавленные головы — Лариса и Чаянов. Как в фильме ужасов.

Лариса снова застонала.

Берия рванул ее за плечо, освобождая от тяжести Чаянова, тело которого послушно отвалилось в сторону.

Берия резанул тяжелым ножом по горлу Ларисы, в горле забулькало, захрипело, по телу пробежала судорога.

Берия твердо знал закон Чистилища. Только безголовый человеческий мертв навсегда.

Берия потянул Ларису за тугие завитые волосы и в три или четыре удара отрезал ей голову — у нее была тонкая шея.

С Чаяновым пришлось повозиться. Но, к счастью, нож был отличный, хороший нож достали сотрудники консульта.

Закончив работу, Лаврентий Павлович поднялся, спрятал нож, взял за волосы головы убитых и отнес к парампасту. Он выкинул их в воду. Потом поднялся снова и осмотрел тела — нет ли в карманах или ухоронках чего-нибудь ценного?

Ничего особенного он не нашел.

Он оставил тела лежать на ступеньках.

В этом городе ничего не портилось. Тела будут лежать всегда.

И в эти края заглядывают немногие. Когда найдут обезглавленные тела да опознают их, некому будет мстить или обвинять.

Берия не спеша перешел Неву по мосту и у того, Адмиралтейского, берега стал поджидать свою машину.

Глава седьмая

Агент Крошка

Гости собирались на концерт.

На этот раз генерал выбрал для него просторный зал «Ленфильма», небольшой зал, в котором когда-то собирались редакторы или съемочные группы смотреть отснятый материал. Двадцать мягких кресел, белый экран во всю переднюю стену, а сзади дырки в стене, откуда некогда на экран падал луч света.

Генерал выбрал зал, потому что в нем были окна. Прежде они мешали на просмотрах, и их закрывали тяжелыми шторами.

Штор не было. Стульев осталось семь штук.

Гостей встречала Чумазилла. Она была одета как Пьеро: белый брючный костюм, колпак с шариком на конце, на щеках красные круги. Настоящий Пьеро! Неизвестно, где она все это раздобыла.

Чумазилла стояла на входе в студию и каждому объясняла, как пройти наверх.

Гостей набралось человек пятнадцать. Стулья достались желающим, остальные, склонные к богемной жизни, уселись или улеглись на полу, оставив между собой и экраном лишь полосу метра в два. Там и должны были выступать актеры.

Генерал тоже хотел сесть на пол и даже объяснял это японской склонностью сидеть на татами, но его не стали слушать, а посадили в кресло, в первый ряд.

Егор сидел на полу, опервшись спиной о стенку, сбоку от экрана. Люся — перед ним, полулежа, положив голову

ему на плечо. Художник Богуславский из Серебряного века стал говорить, как они отлично смотрятся, и приглашал их к себе в студию, чтобы сделать вот именно такой портрет! Но все знали, что Богуславский давно уже не берет кисти, только говорит о своей студии и даже верит, что на Зверинской у него много полотен, набросков и даже скульптур.

Чумазилла пришла позже всех, отдежурив у входа, и сказала:

— Вроде мы больше никого не ждем?

Егор спросил у генерала:

— Вы уверены, что наше письмо дошло?

— Сколько можно спрашивать одно и то же! У меня нет двухсторонней связи.

Генерал был чем-то встревожен.

Потом стало ясно, что случилось.

В двери возникла хорошенъкая девичья головка.

— Здесь театр? — спросила девушка. Маленькая, миниатюрная, почти лилипутка, но все же не лилипутка, а просто маленькая девушка. Трогательная и беззащитная.

Генерал вскочил с кресла. Он не мог скрыть радости.

— Входи, крошка, входи, — сказал он, протягивая девушке руку.

Крошка робела, и Егору показалась, что она покраснела, чего быть не могло.

Генерал вывел Крошку вперед, развернул лицом к аудитории и сказал:

— Я ждал, что Крошка придет. Эта наша новая спутница, добрый человечек, талантливая поэтесса.

— Позвольте! — воскликнул Марат Хубаев. — Место поэзии завоевывается самой поэзией, а не покровительством властей.

— Ну что ты несешь, Марат, — остановила его Чумазилла. — Это банальная сцена ревности. А я тебе намере-

на сказать, что места в поэзии хватит всем. Раз уж мы переписываем поэмы от руки.

— Я печатаю на машинке, — отрезал Марат. Словно это было весомым аргументом.

— Крошка пришла к нам из Царского Села, там она жила в Лицее.

По комнате прошел шум — было непонятно, зачем жить в Лицее?

— Можно я скажу? — спросила Крошка. Голос у нее оказался глубоким и звучным, непонятно, как он помещался внутри нее.

— Она скажет. — Генерал смотрел на Крошку с нежностью.

Можст, потому, что она была мала, что он возвышался над ней великой горой, а до этого значительно уступал ростом любому из своих учеников и друзей.

— Когда я осознала себя, — сказала Крошка, — я пошла пешком в Царское Слово, к моему кумиру Пушкину. Вы меня понимаете?

— Понимаем, — сказал Марат, готовый уже перейти в стан союзников маленькой поэтессы.

— Я провела несколько лет, а может быть, и месяцев... разве это так важно, в комнате Александра, Саши. На его кроватке. И строки лились из меня, как свежая вода из лейки.

— Хороший образ, — сказал Марат.

— Ты нам потом почитаешь свои стихи?

— Только после всех, — сказала Крошка. — Я здесь новая и не заслужила mestечка под солнцем.

— Наш генерал, — прошептала Люся, — плавится как лед под этим солнцем.

— Мне интересно, где он ее раскопал? Ведь он почти не выходит.

— Слово «почти» уже содержит в себе слабость, — ответила Люся.

Сначала выступала Чумазилла, которая раздобыла где-то пьесу Гоцци, в которой был милый и скучный монолог Пьера, но она произнесла его так весело, с такими ужимками и даже танцами, что ее наградили бурными аплодисментами, и она танцевала на бис.

После нее сам генерал читал Чехова, отрывок из рассказа «О любви». Правда, он заглядывал в томик, который держал в тонкой руке.

Марат Хубаев разразился формалистической поэмой, построенной на повторении гласных. Это было похоже на вой каких-то койотов, но никто не свистел и не гнал Марата со сцены. Все знали его вой, и его не в первый раз слушали.

Потом вышел человек, который редко приходил на концерты, потому что жил где-то далеко, за Удельной; он рассказывал старые анекдоты. Он их набрал уже более трех тысяч и учил наизусть, потому что полагал, что скоро кончится бумага и тогда, как в повести Брэдбери, он будет ходить от поселения к поселению, как живая книга.

Крошка читала последней, все готовы были примириться с ней, даже несмотря на излишнее внимание к ней генерала.

Крошка вышла к экрану.

Это было трогательное существо. Даже бедное платье с кружевным воротничком не казалось противоестественным. Светлые легкие кудряшки падали на воротничок.

— Стихи о жизни и смерти, — сказала она. — Написаны мною под влиянием моего кумира Александра Сергеевича Пушкина. Прошу тишины.

Все и в самом деле замерли.

— Пора, мой друг, пора, — начала Крошка, — покоя сердце просит.

Летят над нами дни,
И каждый час уносит
Кусок моих мозгов.
И мы с тобой вдвоем
Намеревались спать,
Но скоро мы умрем.

Крошка вздохнула. В комнате было тихо, потом генерал захлопал в ладоши.

— Браво, — сказал он. Обернулся к остальным и сказал: — Будем считать это счастливой вариацией на тему.

— А мне кажется, что это издевательство, — сказал Марат. — И я буду настаивать.

— Александр Сергеевич приходил ко мне, — сказала Крошка. — Он нашептывал отдельные слова и выражения мне на ухо. А я запомнила и донесла до вас. Я думаю, что сам Александр Сергеевич не успел записать слова, потому что его убили из пистолета.

— Вот именно, — сказала Чумазилла, — но он успел записать, правда, не про кусок твоих мозгов.

— Ах, оставьте ее, Чумазилла, — вступил за Крошку генерал. — Ей так кажется. У каждого из нас есть свой воображаемый мир.

— Может, она притворяется? — спросил Егор. Тихо, чтобы только Люся могла услышать.

Люся прошептала в ответ:

— Мне она не нравится.

Егор положил руку на пышные волосы Люси. Волосы были живыми, но не такими теплыми, как раньше.

После концерта все разговаривали, спорили, генерал особенно ценил эти возможности общения.

— Пока мы еще интересны друг другу — мы живы, — говорил он.

Крошка уселась у его ног — живой мягкий комочек плоти. Она переводила с одного спорщика на другого удивленный взгляд голубых глаз, приоткрывала коралловые губки, словно хотела вмешаться в разговор, но потом обрывала себя, смущенная смелостью, и поднимала милую головку к генералу. Тот часто мигал, снимал, протирал очки, виновато оглядывался, будто боялся, что его ученики заметят слабость учителя.

Марат Хубаев присел рядом с Егором и стал говорить о поэзии как моменте уважения. Не может человек, искающий великие строчки даже подсознательно, считать себя поэтом, правда же?

Когда Крошка покинула свое место возле генерала и подошла к Егору с Люсей, Марат демонстративно отошел.

— А вас как зовут? — спросила Крошка у Люси. — Меня вот все называют Крошкой, а у меня есть имя, Миранда. Правда красивое имя?

— Люся.

— А фамилия?

— Тихонова.

— Какое красивое сочетание, — сказала Крошка Миранда. — А вы давно здесь?

— Не очень.

— И вы тоже посвятили себя поэзии?

— Нет.

— Как жаль! Все хорошие люди должны быть поэтами. Мы с вами раньше не встречались?

— Наверное, нет, — сказала Люся. — Я бы вас заметила.

— Ах, как верно! Я бы хотела с вами дружить. И с вашим мальчиком.

— Вы имеете в виду меня? — спросил Егор.

— А вы можете меня поцеловать. Мне все говорят, что у меня шелковая кожа, вы хотите меня поцеловать, правда? А Люся не возражает.

И Крошка закатилась маленькими колокольчиками смеха.

Она легко отстранила Люсю и проникла, пролилась к Егору. Тот почувствовал легкое прикосновение ее губ.

— Ах, он такой у тебя милый, — сказала Крошка. — Мы будем с вами гулять. Вы любите долгие пешие прогулки?

— Мы иногда гуляем, — сказала Люся, которую эта сцена забавляла.

А Егору в ней вдруг почудилось что-то зловещее. Он не мог бы объяснить, что за опасность могла исходить от этой малышки. Но его интуиция била во все колокола.

— А я люблю гулять на Взморье. Там чудесно, правда?

— Правда, — сказала Люся.

— У тебя чудесные волосы. Здесь у всех вылезают. А у тебя не вылезают?

— Нет, не вылезают, — сказала Люся.

— Я только вчера гуляла по Взморью, а вас не видела. Вы вчера гуляли?

— Что значит — вчера? — спросил Егор.

— Значит, недавно, — сказала Крошка. — Егорушка, я тебя буду звать Егорушкой. Ты настоящий викинг — ты моя девичья мечта. Как жаль, что я не могу отнять его у тебя, Люси.

— А вы откуда знаете мое имя? — насторожился еще большее Егор.

— Мне Кодзи сказал. Он такой милый. Я, может, выйду за него замуж. У меня будет благородный платонический муж. Разве это не исполнение мечты для женщины в моем положении?

— Ничего особенного не вижу в вашем положении, — сказала Люся, которой Крошка тоже не нравилась. Вернее, сначала она находила ее забавной, а теперь вдруг увидела, что у нее маленькие острые зубы, как у акуленка.

Подошел генерал.

— Я позволю себе прервать вашу беседу, — сказал он. — Когда смотришь на вас со стороны, кажется, будто мы там, в живом мире. Я так рад, что вы уже подружились.

— А вы как нашли генерала? — спросил Егор.

— Это я ее нашел, — ответил за Крошку генерал. — Я совершил милю и вижу эту патетическую фигурку, бегущую по улице. Вот именно.

— За мной гнались крысы, — сказала Крошка и захмурилась, как будто вновь переживала страх. — Я не знала, куда прибежала.

Крысы были частью фольклора. Многие твердили, что их видели, другие утверждали, что даже умные крысы не смогли бы пробраться в Чистилище. Но Егор с Люсей знали, что в Чистилище есть по крайней мере один песик. А если в мире есть собака, то крысы должны водиться почти наверняка.

— Вот такие большие крысы.

Крошка расставила ручки, чтобы показать, какие они были большие.

— Крошка будет жить со мной, — сказал генерал.

Крошка сделала шаг, приблизилась к генеральской подмышке, выглядывала, как котенок.

— Дай вам бог, генерал, — сказала Чумазилла.

Все в той или иной степени чувствовали ревность. Генерал был общей собственностью. Платоническая любовь тоже может вызывать ревность.

Егору и Люсе было далеко идти домой. Они вышли пораньше. Хоть Чумазилла и Эдик жили рядом, но хотелось побывать вдвоем.

С Королевского проспекта они свернули по трамвайной линии и прошли мимо Зверинца задами Петропавловской крепости. Колокольня собора когда-то лишилась,

а может, и не дождалась золотого острого шпиля, отчего нарушился весь силуэт города.

Потом они перешли через мост к Пушкинскому дому и повернули налево, к ростральным колоннам.

На ступенях Биржи их глазам предстало страшное зрелище. Они знали о бандитах и убийцах, но сцена на ступенях Биржи превышала возможности воображения. Там лежало четыре трупа, два из них — обезглавленные. Видимо, убийца боялся, что его жертвы могут ожить, так бывало с убитыми.

Они не стали подниматься к трупам. Конечно, можно было поглядеть в их карманах — станет ясно, кто убит. Но, в сущности, в Чистилище не играло роли, кто погиб. Вид убитых лишь напоминал о бренности существования.

— Я хочу уйти отсюда, — сказала Люся.

— Как уйти?

Этот разговор Люся затевала не впервые. Егор знал, что она скажет дальше.

Люся была куда серьезнее Егора, она не умела отшучиваться и выбрасывать заботы — будет другой новый день, и все образуется.

У нее в жизни никогда ничего не образовывалось.

— Можно утопиться, — сказала она. — Только надо бетонные глыбы к ногам как следует привязать. Так привязать, чтобы не отвязаться.

— Глупо, — сказал Егор. — Куда мне без тебя?

Так он, не говоря прямо, напоминал Люсе, что остался здесь из-за нее и ради нее.

— Я говорю — только вместе. Может быть, следующий мир будет для нас лучше?

— Ты веришь в еще один мир?

— А кто бы мог поверить, что мы попадем сюда?

— А я думаю, — сказал Егор, — что наши там, наверху, что-нибудь придумают. Обязательно придумают.

— Сначала пускай они придумают лекарство от СПИДа, потом средство от рака, а потом заглянут к нам. Ну как можно придумать, если мы с тобой и все вокруг — как бы и не существуем! Те, кто знает, боятся сказать вслух, чтобы это не перескнулось на Землю. Или планируют спрятать здесь какие-нибудь военные базы или склады.

— И победить Америку, — улыбнулся Егор.

Они шли по мосту, слева поднимался Зимний дворец, внешне почти целый, справа — адмиралтейские здания.

— Интересно, а наш мир — под всей Землей? — спросила Люся.

Она остановилась и стала глядеть на воду.

Они уже забыли о телах на лестнице Биржи — в однобразной действительности, где потеряны связи между событиями, легче забывается.

— А Нева все-таки течет, — сказала Люся, как будто не говорила этого уже несколько раз, — как-то медленно течет. И вода совсем черная.

— Ей нечего отражать, — сказал Егор.

На площади перед Зимним дворцом они встретили пару странников. Старик был в военном мундире времен последней войны, а платье старухи было длинным, до земли. Они принадлежали к разным эпохам.

— А встретились здесь, — сказала Люся.

Старики вежливо раскланялись с ними.

Направо, в бывшем сквере у Адмиралтейства, они сели на лавочку возле памятника дедушке Крылову.

— По улице слона водили, — сказал Егор. — Почему этой Крошке не полюбить басни? Писала бы их.

— Она тебе не нравится?

— Она лживая.

Берия приказал дежурному по Смольному сразу же, как явится, вести Крошку к нему. Где бы он ни был. Сра-

ту вести. Он надеялся на ее доклад. Не первый раз Крошка добывала ему сведения, которые не раскопали бы и десять сотрудников. Лучший агент. И бескорыстный. Ее не перекупить. Она получает наслаждение от работы, от риска и пробежек по краю пропасти.

Сам Лаврентий Павлович спустился в подвалы, где когда-то была кухня института. Там располагалась лаборатория Леонида Моиссеевича. За время, которое он трудился под крылом Берии, лаборатория обогатилась вполне приличным оборудованием, которое искали по бывшим почтовым ящикам, ни в чем не отказывая доктору.

Берия не был столь наивен, чтобы полагать, что доктор по прозвищу Фрейд, бывший лейб-медик императора Киевского вокзала в Москве, сможет создать чудо-вакцину. Хотелось бы, но ясно: открытия делают большие коллективы. Недаром атомную бомбу разрабатывали несколько институтов, десятки шарашек и официальных групп в Академии наук. Подпольные гении водятся только в романах Жюля Верна.

Но законы в Чистилище другие. Здесь нет больших коллективов. Здесь вообще непонятно, где искать докторов. Оказывается, как правило, ученые не кончают с собой таким образом.

Здесь нужны доктора. Сильные мира сего нуждаются в медицине. Если кто-то сломал ногу, то вернее всего он так и останется доживать — нога не залечится. Если глубоко порезался, то рана вряд ли скоро заживет. Несчастья случаются не только с простыми грешниками, но и с властителями Чистилища. Леонид Моисеевич смирился с тем, что в его услугах всегда все нуждаются.

Всю жизнь он мечтал заняться наукой Но то жена, то дети, то безденежье, то иные заботы и беды. Настолько серьезные, что решил покончить с этой суматохой и с собой в том числе. А в результате оказался здесь.

Леонид Моисеевич был историческим оптимистом. Он убедил себя, что все складывается как нельзя лучше. Заботиться о семье не следует. Деньги не нужны, время не считано.

Значит, судьба хочет, чтобы он углубился в науку.

Ни один человек в Чистилище не знал, что же происходит в организме человека, переместившегося вглубь. А Леонид Моисеевич знал. Для этого не нужен институт. Нужно упорство, определенный талант, хорошая школа I-го Меда и, главное — время, в котором нет сна и обедов. Идеальная жизнь.

Леонид Моисеевич пережил гибель империи Киевского вокзала и после ряда приключений оказался в Ленинграде. Доктора нужны даже бандитам. В Ленинграде он попался на глаза Грацкому, стал его врачом, потом об опытах доктора узнал Берия. Ему не стоило труда украсть доктора Фрейда и устроить ему лабораторию.

И передать ему сначала двух сотрудников со званием санитаров (они же должны были обеспечить доктора, если нужно, трупами или отдельными органами), а потом и двух ассистентов.

Раньше, пока еще не родилась идея уничтожить Верхний мир, Берия хотел было объединить Фрейда и Лядова, настоящего биолога. Но они не спелись с Леонидом Моисеевичем, Лядов ушел в Шахматный клуб, а доктор вздохнул с облегчением. Он не выносил, когда кто-то стоял над его плечом.

Берия сказал доктору, что надеется на его вакцину. Ну, не вакцину еще, а средство, не испытанное на собаках и мышах — откуда их тут возьмешь? Средство, которое позволит прожить там, в настоящем мире, дня три, четыре. Может, два. При условии, что будешь соблюдать правила. Строгие правила. Иначе сгоришь. Мучительно.

— Все они сделают. Они добровольцы, — сказал Берия, — но одно условие обязательно. И поймите меня правильно, Леонид Моисеевич. Эти люди не должны знать лишнего. Они могут испугаться. Они погибнут от страха.

Леонид Моисеевич кивал кудлатой пегой головой, он знал, как можно погибнуть от страха.

— Это укол? — спросил Берия.

— Это курс подготовки.

— Прошу сделать пилюлю, — приказал Берия. — Самое простое. Пилюлю.

— Это я сделать смогу. Это просто.

— И постараитесь сделать эту пилюлю быстро, через час, через два, вечером, понимаешь? Я всегда могу найти другого доктора.

Берия ушел, уверенный, что доктор его боится и что доктор сделает все возможное. И что доктор не может догадаться, правду ли говорит Берия, или просто пугает. А почему бы у Берии не быть другому доктору, другой лаборатории? Это в пределах теории вероятности.

Хотя доктор понимал, что пилюля не поможет. А Берия понимал, что ничего плохого он доктору не сделает и будет беречь его больше, чем себя самого. Доктор — его надежда. А раз надежда, пускай думает, что его цена ничтожна.

Поэтому Берия, спустившись к доктору после смерти Чаянова и неприятного разговора с Клюкиным, который носится по городу и разыскивает свою Ларису, постарался придать лицу выражение замкнутое и злобное.

Впрочем, это ему всегда удавалось.

Доктор жаловался на темноту и хотел перенести лабораторию на крышу Смольного, но Лаврентий Павлович не разрешал, опасаясь диверсантов. В лаборатории и в самом деле было полутемно.

Один охранник сидел на корточках перед дверью. Не спал, не баловался. Вскочил при приближении Берии.

— Вольно, — сказал Берия. — Никаких событий не было?

— Никак нет! — ответил охранник. — Все там, не выходили.

Помещение было широким, мраморные столы сохранились с дореволюционной кухни. На них стояли приборы. Немало приборов. Берия порадовался тому, как ему удалось славно организовать работу лаборатории. Ему не было дела — да он и не узнает никогда — что девять десятых приборов, которые приволокли сюда по его приказу, пользы не приносили. А с половиной остальных доктор и его помощники не знали, как обращаться.

Но зрелище было внушительным, Берии казалось, что у него в подвале работает целый институт. Поэтому он приказал, чтобы сотрудники — Фрейд, санитары и ассистенты — всегда были в белых халатах.

Так они и ходили в белых халатах. Правда, новых не давали, а старые уже испачкались.

Фрейд сразу пошел к Берии. Он почти бежал.

Берия протянул ему вялые негнущиеся пальцы.

— Какие успехи, Леонид Моисеевич? — спросил он. — Скоро вы нас порадуете?

В лаборатории он снова почувствовал себя советским министром и потому пользовался словами и интонациями прошлых лет.

— Мы трудимся, — в тон ответил доктор. — Принимаем меры.

Остальные сотрудники лаборатории замерли на местах, где их застал приход Берии. Это ему понравилось.

— Я намерен привести сюда наших товарищей, — сказал он, — которые отправляются туда.

Он показал пальцем в потолок.

— Я польщен, — сказал доктор.

— И чтобы это была пилюля. Я ее выдам, они проглотят — и пошли!

— Я должен сделать им анализы, — сказал доктор, стараясь не бояться Берии. — Затем мы изготовим вакцину, именно из конкретной крови каждого пациента.

— Этого еще не хватало!

Берия знал, что процедура должна быть именно такой — доктор не раз ему о ней рассказывал. Но делал вид, что впервые слышит о вакцине.

— Иначе я не смогу ничего сделать! — Доктор готов был заплакать. — Мы же хотим, чтобы товарищи вернулись живыми и здоровыми.

— Вот именно, — ответил Берия. — Живыми и здоровыми. И открывшими нам широкие пути к сотрудничеству с товарищами там.

Берия снова указал пальцем в потолок.

Доктор сокрушенно кивнул.

— Какой срок гарантируете? — спросил Берия.

— Я не могу, к сожалению, гарантировать, — ответил доктор. — Ведь мы же не испытывали.

— Значит, может вообще не подействовать?

— Вообще подействует. Мы же проводили некоторые испытания на вас... кровь изменяет параметры. Это факт.

— Тогда постарайся сделать пилюлю, — сказал Берия и рассмеялся.

Сегодня день складывался славно. Чаянов с Ларисой сами подставились ему. И не было свидетелей. Редкое везение!

Дверь в лабораторию осталась открытой. Поэтому Крошка вошла незамеченной, она остановилась недалеко от двери и сказала глубоким, так не соответствующим ее нежным размерам голосом:

— Лаврентий Павлович, можно с вами поговорить?

— Ну вот! — Берия обернулся к агентше. — Я же просил меня не беспокоить.

— Напротив, — сказала Крошка, которая боялась его куда меньше, чем другие обитатели Чистилища. Не только потому что была ценным агентом, но и потому, что считала себя любовницей Лаврентия Павловича.

Разумеется, это была не та, настоящая любовь, но Берия старательно ласкал ее, гладил, мял, щипал, а она стонала и причитала:

— Ты мой викинг! Ты мой богатырь! О, сделай мне больно!

Оба они знали, что это подделка, но оба делали вид даже друг перед другом, что это и есть любовь — единственная в мире.

— Напротив, — сказала Крошка, — вы мне велели идти к вам сразу, где бы вы ни находились.

— Тогда подожди в кабинете, — велел Берия.

— У меня мало времени, — сказала Крошка. — Я обманула генерала, сказала, что пошла в Салтыковку искать поэтические книги, но он может меня спохватиться в любой момент. Он меня полюбил.

— Еще чего не хватало! — рассердился Берия. — Я тебя не за развратом посыпал! Тогда говори, но коротко.

— Я нашла людей, которых вы искали, Лаврентий Павлович.

— Не может быть! — Берия забыл, что он стоит в лаборатории и несколько человек слушают его. — Не может быть! Кто они? Как тебе удалось?

— Мне удается то, что недоступно другим, — сказала Крошка. — Я же маленькая, беззащитная и добрая.

— Говори, кто ее мужик! Кому они служат?

— Последнее я еще не успела узнать. Но узнаю скоро. Вам нужна Людмила Тихонова? Это она от вас сбежала?

— А он? Кто он?

— Его зовут Егор Чехонин. Они живут вместе.

— Где? Адрес?

— Я была одна. Я не могла побежать за ними. Они пошли пешком. Вернее всего, они живут в районе канала Грибоедова. На Подъяческой.

— Я посылаю людей.

— И не думайте. Как вы будете обыскивать Подъяческие улицы?

— Мне хватит исполнителей, чтобы снести весь район!

— Лаврентий Павлович, — укорила его Крошка. —

Время — это то, что у нас есть.

— Времени у нас нет.

— Что-нибудь случилось?

Берия не слушал ее.

— Мне нужно срочно, архисрочно узнать, кто стоит за твоими мерзавцами. Они подчиняются генералу, или у них есть хозяин? Что им нужно, зачем они следили за мной?

— Я все это знаю, мой викинг, — сказала Крошка. — Я тебе обещаю.

— Хорошо, — сказал Берия. — Иди. Чего стоишь? Иди.

— Как в цирке, — сказала Крошка. — Морской лев открывает пасть, идрессировщик кидает ему рыбешку.

— Я помню, — сказал Лаврентий.

— Вы всегда забываете. Ведь время стоит?

— Хорошо, пошли ко мне.

Он вышел первым, так и не отдав никаких больше приказаний доктору. Леонид Моисеевич присел за свой стол.

Он сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, и это было так непохоже на доктора, что его ассистент, бывший зубной техник, бездельник и бывший двоечник Коля Гоглидзе подошел и спросил:

— Эта сволочь произнесла что-то оскорбительное?

— Кто? — Леонид Моисеевич с трудом вернулся из плена своих мыслей.

— Этот мингрел паршивый. — Гоглидзе сбавил голос до шепота.

— Ах, нет, — сказал доктор. — Я просто задумался о том, как мал наш мир.

— Еще бы — от двери до двери. Под колпаком живем.

Доктор знал Егора и Люсю. Давным-давно, хотя нельзя сказать, насколько давно это было. Но в другой жизни, в Москве, когда Люську приволокли туда как невесту императора. Господи, какая глупость! Но потом Егор с Люськой убежали? Всё погибли, а они убежали. Значит, они живы, и они здесь?

Но никакой радости от этого доктор не испытывал.

За ними охотится его шеф, Лаврентий Павлович, самая ядовитая змея из рожденных природой.

Он послал выслеживать их свою лучшую агентшу — Крошку Миранду. Он так говорит о Люссе, словно она личный враг, словно он ее боится. Он хочет что-то выследить и, конечно же, постарается убить Люсю. Не важно за что.

Главное — не допустить этого.

Следовательно, надо самому успеть к ним, найти их раньше, чем это сделает Крошка.

Подьяческая? Кто там живет из его знакомых?

Была у него приятельница, некая Чумазилла, даже приглашала доктора на концерт. Почему-то тогда они не сдружились — доктор как раз начинал свои исследования и не хотел новых связей, людей, разговоров, а уж тем более концертов — неестественных здесь, на кладбище.

Они как-то раз гуляли с этой странной женщиной, он ее провожал на канал Грибоедова, и она рассуждала о мертвых и живых домах. И даже уговорила его сменить жилье — переселиться в живой дом.

А он как раз перебрался в подвал Смольного, о чем не стал рассказывать Чумазилле. Стыдно было признаться, что он работает на Лаврентия Павловича.

— Гоглидзе, — сказал доктор, — я хочу пройтись немножко.

— Ты? — удивился ассистент.
— Мне надоело дышать нашей химией.
— Наконец-то я слышу речь не мальчика, но мужа, —
сказал Гоглидзе, — и дядя Лаврентий не должен ничего знать?
— Я не намерен делать ничего тайного...
— Я тоже думаю, что в ближайший час-два он сюда не
зайдет.
— Странное чувство, — сказал доктор, — будто на ста-
рости лет я убегаю на тайное свидание.

Доктор не спеша поднялся на первый этаж, вышел на
прямую дорожку, что вела от здания к воротам.

Дорога была пустой, если не считать медленно иду-
щего навстречу велосипедиста и охранника у ворот.

Доктор обернулся. Ему показалась, что кто-то наблю-
дает за ним из окна Смольного. Но он ошибся. В серых,
чуть отсвечивающих жемчужной серостью облаков окнах
никого не было.

Однако на всякий случай доктор пошел медленно,
изображая пожилого джентльмена, которому прописан
ежедневный мочон.

Глава восьмая

Доктор Фрейд

Туфли шлепали, даже чмокали по влажной после не-
давнего дождика мостовой. Это были домашние туф-
ли, без задника, растоптанные, удобные, но совершенно
неприспособленные, чтобы ходить в них по мостовой.

Идти долго, жаль, что трамвасв нет.

Надо дойти до Московского вокзала, оттуда по Невскому, до Гостиного двора. Удивительно, но Гостиный двор пропал — будто его и не было. На сго месте большой пустырь, бывшая помойка.

Доктору повезло. Он шел в отчаянии, думая, что Берия наверняка заметит его отлучку в такой ответственный момент, когда надо гнать работу над вакциной.

И тут он увидел рикшу.

Это был легендарный человек, единственный чудак в столице. Он сделал тележку из велосипеда и инвалидной коляски. Кресло спереди, а сзади руль, и педали, и сиденье. Видно, он был чудаком и до того, как попал сюда. У него была длинная седая борода и длинные волосы. Говорили, что он — бывший чемпион по шоссейным гонкам и ему так скучно без велосипеда. Но идти в полицейские ему не хотелось. Он придумал извоз.

Платы за проезд он не брал. Говорил, что закаляется. Может быть, и закалялся.

Доктор раньше не видел сго, но слышал о нем от других.
— Эй, прокачу! — крикнул рикша.

Доктор не сразу сообразил, что это относится к нему. Потом обрадовался. Рикша ждал его на маленькой прибрежной площади перед Александровской лаврой. Как-то доктор заходил туда и удивился тому, что исчезли некоторые надгробия, может быть, их и не было.

У рикши был куда более живой цвет лица, доктор подумал, что надо будет уговорить сго, чтобы согласился пройти исследование в Смольном.

Кровь каждого из пациентов таила в себе загадки, нелогичность и удивительные остатки жизни. У каждого — свои.

Рикша был в накидке, в пелерине, что носили до революции студенты и гимназистки — когда-то доктор видел такис в кино. Седые в желтизну космы падали на плечи

и на спину, борода была кривая, хотелось сказать: ну подровняй ты ее, в конце концов!

— Садись, устраивайся, — сказал рикша. — Отвезу. Таксу знаешь?

— Нет, не знаю, — сказал Леонид Моисеевич, хлопая себя по бокам, словно под халатом и брюками был кошелек с деньгами.

— Правдивая история из жизни, — сказал рикша. — Пока едем, рассказывай. Согласен?

— Разумеется, конечно... вы не представились, и я не знаю вашего имени-отчества.

— Рикша. У меня нет имени, и я его не желаю. А ты — доктор. А может, парикмахер?

— Доктор.

— Где же твоя больница?

— В Смольном, — сказал Леонид Моисеевич.

— Ты хочешь сказать, что служишь тому пацку в шляпе?

— Ничего подобного! — Леонид Моисеевич, всегда ожидавший такого вопроса и заранее оскорбленный, поднял острый подбородок. — Я работаю для людей и ради людей.

— А я не спорю с тобой, — сказал рикша. — Садись, в ногах правды нет. Куда поедем?

— На канал Грибоедова, — ответил Леонид Моисеевич. — Вы знаете, где он находится?

— А точнее?

— Точнее мне надо на Подъяческую. На угол Большой Подъяческой и канала.

— Все ясно, — сказал рикша.

Он нажал на педали, и тележка поехала довольно быстро — только бегом можно угнаться.

Ветер бил доктору в лицо — он давно не испытывал такого ощущения.

— Был дождь, — сказал доктор.

— Еще какой по нашим меркам! — откликнулся рикша. — Я такого не припомню, хоть живу здесь лет сорок, а может, пятьдесят.

— А я раньш жил в Москве. Там тоже дождей не бывает.

— А я бы сказал, что это тревожный знак, — сказал рикша. — Это значит, что дождь, который не мог зародиться здесь, где нет циркуляции воздуха, пришел оттуда, сверху, прорвался. Представьте, какой должна быть отдушина? Но до этого были ветры. Вы чувствовали?

— Чувствовал, — сказал доктор.

И вдруг засмеялся.

— Вы чего?

— Представьте себе, — сказал доктор, улыбаясь, — мы с вами разговариваем о погоде. А это значит, что есть погода.

— Точно! — согласился рикша. — А мне и в голову не приходило.

— И это меня тревожит, — сказал доктор.

Ему трудно было беседовать с рикшей, потому что он сидел в кресле и смотрел перед собой, а голова рикши находилась сзади над его затылком. Голос рикши был в затылок и был бестелесным.

— На наш век хватит, — сказал рикша. — Хотя умные люди говорили, что это от тех, кто к нам идет. Слишком их много стало за последнее время. Раньше, бывало, едешь по Невскому, от Московского вокзала до Зимнего, и ни одного человека не встретишь. А теперь — смотрите! Вы уже привыкли? А я еще не привык. Не сегодня-завтра новые рикши потребуются. Ведь люди стали переезжать с места на место, транспорт нужен. Потом мы трамвай пустим.

— На какой энергии?

— Без энергии, будут велосипедисты трамвай возить, до революции это называлось конкой.

Навстречу проехали два самокатчика. Они ехали на больших самодельных самокатах. Отталкиваясь ногой. Ехали и разговаривали. Оба нестарые. С рикшей они раскланялись.

— Вот видите, — сказал рикша. — А я что говорил?

— Кто они такие? — спросил Леонид Моисеевич.

— Служба внешнего наблюдения, — ответил рикша. —

Я их знаю. Сам помогал им машины делать, но в штат, как они звали, не пошел. Зачем мне в штат идти? Я — птица вольная.

За Московским вокзалом, уже у Литейного, они встретили цыганку. Та стояла посреди мостовой и кричала:

— Кому судьбу? Гарантирую точность и долговременность. А ну, соколики, стройтесь в очередь за судьбой!

— Это тоже внешнее наблюдение? — спросил доктор.

— Не думаю, — серьезно отозвался рикша. — На что ему крикливая цыганка?

Цыганка некоторое время бежала вприпрыжку за коляской рикши.

Они выехали на канал Грибоедова у Сенной площади. Набережная была узкой, неровной, асфальт в выбоинах, кое-где проходила полоса булыжника.

— Вылезай, — сказал рикша, он уже познакомился с доктором, даже расспросил, кого ищет, хотя доктор не стал говорить, зачем ему нужна Чумазилла, которую рикша, оказывается, знал.

— Вылезай и пойдем дальше пешком, а то я по этим колдобинам свою телегу сломаю. А она мне дороже твоих удобств, сам понимаешь, источник существования. Не будет кобылы, сам сдохну от голода.

Это была шутка, наверное, отработанная, привычная.

Леонид Моисеевич пошел вперед. Сначала он хотел было распрощаться с рикшей, но рикша обещал отвезти

его обратно в Смольный, как только доктору удастся отыскать своих знакомых, но ждать не хотел — предпочел погулять в хорошей компании.

Они пошли дальше.

Рикша не задавал лишних вопросов. Он даже объяснил:

— А меня улица научила, дикая жизнь на свежем воздухе. Если ты очень настойчив в вопросах, люди думают, что ты — враг. Потому что рассказывать о себе и своих занятиях опасно. Тот, кто узнал, где спрятана куча золота, и никому не сказал, — останется жив и богат. Ты меня понял?

Рикша оставил коляску — надоело ее толкать по буграм набережной.

— Ничего, — сказал он, — никто не возьмет. Здесь людей и не бывает. Ты кем раньше был?

— Врачом.

Леонид Моисеевич предпочел бы, чтобы рикша оставил его в покое, но, с другой стороны, вдвоем спокойнее. Леонид Моисеевич давно не уходил так далеко от родной лаборатории, и ему казалось, что в темных провалах между домами таятся разбойники, намеренные перегрызть ему глотку.

— А я руководил учреждением. Честное слово. Приходил каждый день в свой кабинет — дубовые панели по стенам, стол с тремя телефонами — и думал: ну почему я не стал велосипедистом-гонщиком?

Вдали показался мостик — он угадывался во мгле.

Доктор заглянул в канал. Вода в нем была черной, бездонной, но в ней замерли клочки человеческой жизни — старый башмак, консервная банка, бутылка...

— А у тебя здесь баба живет? — спросил рикша.

Леонид Моисеевич взглянул на него. Пригляделся.

Волосы белыми космами по плечам. А глаза такие прозрачные и светлые, словно летнее небо над Северным полюсом.

Страшные глаза.

Доктор не смог ответить на глупый вопрос рикши.

— Познакомишь? — спросил рикша. — А то у меня так давно бабы не было — страшно подумать.

— Вы ничего не сможете, — сказал доктор.

— А вот грязных шуток я не потерплю! — взревел рикша. — Ты можешь поплатиться, понял? Меня в Москве в цирке хотели показывать с научными целями за неутомимость, не веришь?

И тут же рикша улыбнулся и продолжал совсем другим тоном:

— Испугался, доктор? Я люблю людей пугать. Если людей не пугаешь, они тебя уважать не будут. А в сущности, люди должны быть братьями. И мои шутки могут показаться шутками дурного тона. Прости, доктор. Вот и Подъяческая. Тебе какую из них нужно?

— Вроде бы Большая, — сказал доктор. — В угловом доме должна жить моя знакомая. Навес над подъездом.

— В этом?

— Кажется, в этом. Вы подождете здесь?

— Не хочется мне тебя отпускать, — сказал рикша. — Могут и убить. Я лучше на лестничной площадке подожжу-
рю. Вы разговаривайте, мне ваши дела не интересны. Но охрана необходима. И ты не думай, что я слишком бди-
тельный.

— Хорошо, — сдался доктор. — Подождите здесь, в подъезде.

Но заходить в подъезд не пришлось. Чумазилла как раз спешила им навстречу через мостик от Телеграфа.

Где-то она добыла синий плащ, широкий, но короткий. Ее туалет дополнял желтый берет и большие мужские ботинки.

— Здравствуйте! — закричал Леонид Моисеевич. — Вы меня помните?

— Как же не помнить, Леонид Моисеевич.

— А меня вы точно знаете, — сказал рикша.

— По-моему, вы рикша, — сказала Чумазилла, — наша городская достопримечательность. Не имела чести на вас сздить, не по карману.

— А я бы на тебе съездил, — ответил рикша. — Я еще этого удовольствия не забыл.

— Оставим это, — строго сказала Чумазилла. — Я не выношу сексуальных домогательств даже в скрытой форме.

Непонятно, за что ее называли Чумазиллой. Может, потому, что у нее пышные густые черные брови и усики над полной верхней губой.

Но она не кажется грязной.

— Роман откладываем, — вздохнул рикша.

— Что вас привело, Леонид Моисеевич? — спросила Чумазилла, будто не видя его спутника.

— Мне надо поговорить с вами конфиденциально, — сказал доктор. — Мы можем отойти?

Чумазилла удивилась.

— Вы не хотите при рикше разговаривать? Так чего же вы его сюда притащили?

— Вот именно, — подтвердил рикша. — А то получается, что притащил, защити, говорит, спаси, говорит, от разбойников, а теперь отказывается от признания.

— Так случилось, — сказал доктор. — Этот товарищ и в самом деле мне помог, а мне еще надо вернуться в Смольный.

— Тогда зайдем ко мне.

Доктор пошел к дому Чумазиллы, открыл дверь в подъезд и чуть склонился, приглашая Чумазиллу войти.

— А я как же? — крикнул вслед рикша.

Дверь в подъезд захлопнулась.

Чумазилла остановилась.

— Теперь вы можете рассказать?

— Мне нужен адрес Людмилы Тихоновой, — сказал Леонид Моисеевич.

— Зачем?

Чумазилла поджала губы и сощурила большие глаза. Видно, полагала, что так она выглядит страшнее.

— Можете ее не защищать, — сказал доктор. — Но я боюсь, что им с Егором может угрожать опасность. Клянусь вам.

— Постараюсь поверить, — сказала Чумазилла. — Да-вайте я вас провожу.

— Далеко отсюда?

— Не очень.

— Как бы мне отвязаться от рикши?

— Прикажите ему ждать здесь.

Когда они вышли снова на набережную, рикша стоял возле двери в подъезд.

— Значит, так, — обратился к нему Леонид Моисеевич. — Вы ждете меня здесь. Отсюда ни шагу.

— Это приказ? — спросил рикша.

— Считайте, что приказ, — сказал доктор.

— Слушаюсь! — Рикша усмехнулся и уселся на край тротуара.

Чумазилла повела доктора по Большой Подьяческой.

До дома с надписью «Salve» было шагов сто от угла. Рикше было несложно за ними наблюдать.

Но его не было видно.

Они вошли в подъезд.

— Я не могу гарантировать, — сказала Чумазилла, — что ваши друзья сейчас сидят дома. У нас был такой сложный и радостный день! Концерт, беседы... А по дороге сюда все очарование было погублено. Возле Биржи мы натолкнулись на обезглавленные трупы. Кто-то хотел, чтобы его жертвы погибли безвозвратно.

В подъезде было сумрачно, масляная краска полотнищами отваливалась от стен, и казалось, что пахло скисшим супом, хотя запахов в Чистилище не бывает. Струйка рыжих муравьев бежала по стене, как струйка крови.

— И кто они — не опознали?

— Кто? — Чумазилла забыла о том, что сказала минуту назад.

— Вы говорили о трупах.

Леонид Моисеевич начал взбираться по лестнице, и Чумазилла последовала за ним.

— Они были обезглавлены. Но Клюкин их узнал. Он подозревал неладное. Он примчался со своей охраной и понял — это Чаянов и Лариса Рейснер.

— Этого быть не может! — Леонид Моисеевич остановился. — Кто поднимет руку на Верховного вождя?

— Вы убеждены, что его избрали Верховным?

— Почти так же, как в своем имени, — ответил Леонид Моисеевич.

— Нам ничего не сообщают.

— На каком этаже они живут? — спросил доктор.

— На третьем. Еще один пролет.

— Вам нет смысла оставаться внизу.

— Разумеется, — согласилась Чумазилла, — только дайте перевести дух.

Они постояли на площадке, потом Чумазилла закричала:

— Егор, открывай, принимай гостей!

— Егор! — Леонид Моисеевич поднимался по последнему пролету.

Дверь отворилась.

— Какие гости! — обрадовался Егор.

За время, пока Леонид Моисеевич его не видел, молодой человек исхудал, лицо осунулось.

Жизнь здесь не красит, подумал доктор, но вслух ничего говорить не стал.

Люся встретила их в коридоре.

Они прошли в комнату, где стоял широкий диван, покрытый одеялами, стол, на котором лежали листы бумаги и несколько карандашей. У стены стоял книжный шкаф, старый, столетней древности, из красного дерева. Книги, которые в нем не поместились, лежали стопками вдоль стены.

— Такой дом был бы приятен и у нас, — сказала Чумазилла, и все ее поняли.

— Садитесь, — сказал Люся.

Леонид Моисеевич любовался ею, и не только потому, что она не потеряла стройной красоты, балетной прямоты спины и изысканной сухости щиколоток. Лицо ее, как и прежде, было простым, может быть, простоватым, но гармоничным и тонко очерченным, словно оно было мраморной копией живой Люси. Румянец ушел, пропал, но Люся припудрила щеки, а может, даже клала тон, чтобы казаться живее.

Она обрадовалась доктору даже больше, чем Егор, потому что для нее доктор был первым и одно время единственным другом в этом мертвом мире, куда она впервые попала девочкой и смогла вместе с Егором отсюда убежать — первая и единственная беглянка.

Доктор защищал ее, как мог, когда было совсем худо. А потом они потеряли друг друга. И Люся даже не подозревала, что доктор оказался в Петербурге.

— Садитесь — сказала Люся, расцеповав доктора, для чего ей пришлось немного наклониться. — Мне жаль, что нельзя вас чаем напоить. Не могу привыкнуть. Ко многому привыкла, а к жизни без чая — не могу.

— Я тебя понимаю, — сказала Чумазилла.

— Да вы садитесь, садитесь. — Егор уговаривал гостей посидеть на диване. — Тут не жестко.

— Почему вы нас искали? — спросила Люся.

— Вот именно! — Тут и Чумазилла сообразила, что этот вопрос надо было задать давно.

— Я услышал имя Люси от Берии, — сказал Леонид Моисеевич. — Вот испугался и побежал.

— Почему испугались? — спросил Егор. Но и сам он напрягся.

— Мне не понравился контекст, в котором прозвучало имя Людмилы.

— А что за контекст?

— Лаврентий Павлович разыскивает Люсю, — объяснил доктор. — Он даже узнал, что Люся живет на Подъяческой, только не выяснил, на какой из Подъяческих. Вот я и кинулся сюда, мне еще повезло, я риクшу поймал.

— Который по Невскому людей возит? — спросил Егор. — Я как-то на нем ездил.

— Погоди ты, Егорка, — перебила его Люся. Хоть она и младше Егора на шесть лет, она всегда чувствовала себя старшей, потому что была бедной, битой, несчастной и страшно живучей помоечной кошкой — так ее называла мать. И все, чего она добилась, она добилась упрямством и трудом. Егорка мягкий. Егорка жил в нормальной семье, его лелеяли и любили, у него были друзья, а родители не пили. — Погоди, Егорка, — повторила Люся. — Объясните, зачем меня ищет этот палач?

— Я знаю только, что он посыпал своих людей искать вас. У него есть верный агент по имени Крошка, это маленькое хрупкое создание...

— Знаю, — сказала Люся.

— Этого быть не может! — воскликнул Егор.

— Я так и думала. — В голосе Чумазиллы звучало торжество победившей справедливости. — Я с самого начала почудила неладное — как она могла случайно встретить генерала и втереться к нему в доверие? Гадина, задушу ее собственными руками.

— Эта Крошка — агент Берии? Но зачем?

— Я могу воспроизвести ход его мыслей, — сказал Егор. — Мы хотели послушать, о чем они будут говорить на сенате, на выборах Верховного.

— Зачем вам это слушать? — спросил доктор.

— Я чую, — вмешалась Люся, — что грядут перемены. Это не очень торжественно звучит. Но в самом деле что-то плохое, я убеждена. Могут же у нас быть предчувствия?

— Конечно, вам не все равно, — согласился Леонид Моисеевич, который знал, что молодые люди оказались здесь не потому, что убегали от действительности.

— И мы не зря туда пошли, — сказал Егор. — Я услышал страшные вещи. Настолько страшные, что смог рассказать о них только генералу.

— А он теперь все разболтает своей фаворитке, — сказала Чумазилла. — Если уже не разболтал.

— Берия выследил меня и поймал, — сказала Людмила. — Но Егорушка вытащил меня из Смольного, а потом мы... забыли, что Берия будет нас искать.

— Это следствие жизни в нашем мире, — мрачно сказал Егор. — Такие глупости надо наказывать.

— Я виновата, Егорушка, — сказала Люся.

Будучи девушкой сдержанной и даже сухой, всю свою нежность, благодарность и преклонение она обращала лишь к Егорушке, единственной ее ценности.

— И чего же Берия хочет? — спросил Егор у доктора.

— Как я понимаю, ему очень хочется отыскать Люсю. Он не знает, чем она ему угрожает, с кем она связана. Может, он даже преувеличивает ее опасность... — Доктор замолчал, посмотрел на Егора, на Люсю, ничего не прощел на их лицах и продолжал: — Он замыслил какой-то большой эксперимент. И для этого ему нужен я и еще другие люди. Но он, конечно же, никому здесь не доверяет, он боится и своих союзников, консолов.

— Боюсь, что слишком боится, — сказала Чумазилла. — Если это он убил Чаянова и Ларису, значит, будет война. Клюкин ему этого не простит.

— Я бы на его месте больше боялся владыку Никифора, — сказал Егор. — Мы с Люсей шли через леса из Москвы, мы бывали в скитах. Берия не подозревает, что и кто там скрывается.

— Вы и мне ничего не рассказывали, — обиженно заметила Чумазилла.

— Ты не спрашивала, — сказала Люся.

— Что еще знает Берия и что еще замышляет? — спросил Егор у доктора.

— О вас он больше ничего не знает. Он снова послал Крошку к генералу, чтобы она выведала у него, кто вы и кто за вами стоит. А я как услышал, то улучил момент и убежал из лаборатории.

— Из какой лаборатории? — спросила Люся.

— Из моей лаборатории. Каким бы дурным ни был ваш Берия...

— Он не наш.

— Каким бы дурным он ни был, но он дал мне возможность работать. Без этого я бы снова погиб.

— Бог с ней, с лабораторией, — сказала Чумазилла, — но нам надо отсюда уходить. Если Крошка узнала, где вы живете, то с минуты на минуту могут нагрянуть велосипедисты.

— У Крошки нет крыльев, — сказал доктор. — Даже если ее повезли велосипедисты... я думаю, что у нас есть время.

— Скажи тогда, дядя Леня, — Люся вдруг погрузилась в прошлое, когда была девочкой, попавшей сюда по случайности и могущей надеяться лишь на доктора, — скажи, что у тебя за лаборатория? Чем можно здесь заниматься?

— Кровью, — сказал доктор, — ты же знаешь, что по происхождению я гематолог. Мне было интересно узнать, какие изменения претерпевает человеческая кровь в этом безвременном мире. Мне нужно было понять, не обратимы ли эти процессы.

— Свежо предание, — заметила Чумазилла.

— Я понимаю, насколько малы мои возможности — ведь это проблема глобальная. Но ведь кто-то должен начать? Даже если там, наверху, знают о нас и наших бедах, у них нет возможности изучать нашу кровь. А у меня есть.

— При чем здесь Берия? — спросил Егор.

— А при том, что он помогает мне. Ему тоже хочется это узнать.

— Еще бы, — сказала Чумазилла, — он хочет расправиться с нами здесь, а потом вернуться туда.

— Вряд ли, — сказал доктор. — Но он планирует какую-то вылазку.

— Зачем? — быстро спросил Егор.

— Не знаю, он мне не говорит. Будут добровольцы, какие-то добровольцы, они пойдут туда, на день или на два...

— Значит, вы что-то смогли? — спросила Чумазилла.

— Не знаю. Но у меня есть какая-никакая лаборатория, помощники и оборудование, и мне кажется, что я нашупал некие пути...

— Вы можете возвращать жизнь крови? — спросила Чумазилла.

— Я бы не говорил так решительно, — замялся доктор, — но мне кажется, что я могу защитить человека, уходящего туда, наверх, от гибели. Ненадолго, конечно, но защитить.

— Я боюсь, — сказала Люся, — что Берия использует твою работу, дядя Леня, для каких-то страшных целей. Он плохой человек.

— Я не хуже тебя знаю, что он плохой человек. Ведь я прибежал сюда не только потому, что соскучился по тебе. Но и потому, что испугался.

— А что эти люди будут там делать? Сидеть у выхода и курить? Нет, так быть не может, — произнесла Людмила.

— Я тоже думаю, что не может, — согласился доктор. — Но больше ничего пока не знаю.

— Нарисуйте мне план, — сказал Егор.

— Какой план?

— План вашей лаборатории и план Смольного. Так, чтобы, если нужно, я мог бы вас найти.

— У тебя есть карандаш?

Доктор принял рисовать, Егор склонился к нему, запоминая детали плана, Чумазилла с Люсей отошли к окну, которое выходило на Большую Подъяческую.

— Ты думаешь, что их убил Берия? — спросила Люся.

— Да. Я почти уверена.

— Мы их тоже видели, когда шли сюда, но мне в голову не пришло, что там лежит наш Верховный вождь.

— А что узнал Егор, когда он подслушивал их заседания? — спросила Чумазилла.

— Я не хочу тебе говорить, — ответила Люся. — И не обижайся. Пока ты ничего не знаешь, из тебя не вытащат признание. У тебя будут шансы остаться в живых.

Чумазилла хотела было возразить, но потом вдруг согласилась с Люсей.

— Правильно, — сказала она. — По мне будет видно, что я ничего не знаю.

— Теперь понятно? — спросил Леонид Моисеевич, закончив рисовать схему.

— Да, я думаю, что смогу вас найти.

Доктор вздохнул и дотронул пальцами до рукава Егора.

— Честно говоря, я давно не испытывал такого приятного чувства, — произнес он. — Как будто снова встретил живых людей.

Чумазилла ответила быстрее, чем Егор.

— А вы приходите к нам почаще, доктор — сказала она, — у нас бывают концерты, а не очень давно мы ездили на Взморье, искали живые сосны, и знаете — нашли.

— Разумеется, — согласился доктор, — разумеется. Я с удовольствием приду на ваш концерт.

— Как будто, — сказала Люся, — как будто встретили живых людей.

— Не грусти, — вдруг улыбнулся Егор. — Как говорилось на Земле, еще не вечер.

Но Люся не ответила. Она думала о другом.

— Доктор, — сказала она, — а что, если Берия готовит какую-то страшную вещь, для этого ему нужна ваша вакцина.

— Что же он может готовить? Разве хуже бывает?

— А если это смерть? Смерть тем, кто остался наверху.

— Сразу всем? — усмехнулся доктор.

— Сразу всем. Пяти миллиардам.

— Не говори глупостей, Людмила, — сказал доктор.

— Но ему этого хочется.

Доктор пожал плечами, он был не согласен с Люсей, но понимал, что замыслы Берии, как и других сумасшедших диктаторов Чистилища, могли привести к трагедии.

— А теперь, — сказала Чумазилла, — как вы понимаете, нам надо отсюда уходить.

— Почему? — удивился Егор.

— Если здесь замешан Берия, то рикшу могли нарочно подсунуть доктору.

— Чтобы выследить, где мы скрываемся? — догадалась Люся.

— Вот именно, если ты знаешь какой-нибудь безопасный дом, мы туда перейдем, — сказал Егор.

— Пошли, — сказала Чумазилла.

Егор хотел забрать какие-то книги, но Люся разрешила ему захватить с собой только сумку через плечо, в которую он положил бумаги.

Они быстро спустились по лестнице. Муравьиная дорожка исчезла, словно она им приснилась.

Улица была пуста.

Только в конце ее, где Подъяческая упирается в канал Грибоедова, на мостике, опершись спиной о перила, стоял рикша.

— Это он? — спросила Люся.

— Тот самый, — сказал доктор. — Он ждет меня, чтобы отвезти в Смольный.

— Идите, — сказала Люся доктору. — И уезжайте в свой Смольный. Если нужно, Егорушка сам к вам придет. А вам лучше не знать, куда нас поведет Чумазилла.

— Ну уж это излишняя осторожность!

— Не знаю, — сказала Люся, — но лучше, если этот рикша уйдет.

— Излишней осторожность не бывает, — поддержала Люся Чумазилла.

Они стояли и смотрели вслед доктору, который, не оборачиваясь, подошел к рикше. Они видели, как рикша сделал несколько шагов навстречу и стал смотреть на Люсю с Егором. Что-то спросил доктора. Тот ответил.

Потом доктор пошел направо, к проспекту Майорова, и рикша последовал за ним. Они скрылись из глаз.

— Давай показывай нам резервный дом, — сказал Егор.

Обратный путь прошел в молчании. Доктору не хотелось подозревать рикшу. Рикша остановил коляску у ворот Смольного. Доктор попросил его к подъезду не приближаться. Он боялся, что кто-то из охраны, а то и

сам Лаврентий Павлович увидит, что он возвращается издалека.

— Мне бы как-нибудь в Смольный попасть, — сказал рикша. — Очень хочу посмотреть, где работал Ильич, как он ковал победу рабочему классу.

— Мне вас не провести, — сказал доктор. — Охранники меня совсем не боятся.

Он слез с кресла, с трудом выпрямился.

— Старость — не радость, — сказал Леонид Моисеевич.

Он шарил взглядом по окнам второго этажа, боясь увидеть за окном шляпу и очки Берии.

Но не увидел, потому что Берия отошел за старую пыльную штору, чтобы не попасться ему на глаза.

Берия подождал, пока доктор доберется до подъезда — Леонид Моисеевич семенил, чуть не бежал.

Когда доктор вошел в здание, Берия вызвал из коридора сержанта.

— Одного человека, — сказал он, — отправь в подвал, пускай смотрит, чтобы доктор больше никуда не выходил. А второго человека — к кухонному выходу, чтобы провел ко мне человека по фамилии Кондратенко. Понял? Исполняй.

Берия мелко и напористо принялся ходить по кабинету.

Он был зол, потому что упустил ситуацию из рук и позволил противникам объединиться. Возможно, объединиться. А раз так, то он должен был принять меры и наказать виновных. В этом и состоит задача руководителя.

Но, как Лаврентий Павлович понимал, принять меры было не в его силах.

Он вспомнил старый анекдот:

Скорпион просит лягушку:

— Провези меня через реку.

— Не перевезу, — отвечает лягушка. — Ты меня укусишь.

— Зачем я буду тебя кусать, если хочу доплыть до того берега живым, я ведь плавать не умею.

Лягушка поверила.

Поплыла.

На середине реки скорпион укусил лягушку.

В страшных мучениях она начала тонуть.

— Зачем ты это сделал? — кричала она.

— Такое вот я дермо, — отвечал скорпион.

Что ни будешь делать, понимал Берия, все равно окажешься в положении скорпиона... или лягушки.

— Всюду предатели, — бормотал Берия.

А всему виной нехватка людей. В старой жизни, если тебя предал какой-нибудь Иванов, ты расстреливал его и на место Иванова находил еще десяток других Петровых, не хуже.

А здесь у тебя нет выбора:

Некем у тебя заменить негодяя.

И что тогда должен делать руководитель учреждения?

Руководитель учреждения, скажем прямо, государства, должен уметь ждать. Ждать даже тогда, когда уже невмочь, когда сжимаются кулаки и скрипят зубы. Потому что придет сладкий час мщения, и предатель будет ползать у тебя в ногах, моля о пощаде.

Сержант ввел в комнату рикшу.

Рикша остался у двери, он нервно дергал себя за длинные белые пряди, нос покраснел. Рикша боялся Берию — еще с тех времен, когда оба были живы.

— Чего молчишь, Кондратенко? — спросил Лаврентий Павлович так, словно именно рикша был перед ним виноват.

— Я догнал объект недалеко от Московского вокзала и предложил подвезти его.

— Он шел быстро или медленно?

— Обыкновенно шел, товарищ Берия.

— Как реагировал на ваше предложение?

— Как все реагируют. Сначала удивился, а потом обрадовался.

— Сказал, куда едет?

— На Подъяческую.

Берия скрестил на груди руки, чтобы успокоить задрожавшие пальцы. До этого момента он мог утешать себя возможной ошибкой.

Но ошибки не было.

Худший диагноз подтвердился.

— Продолжай, — сказал Берия.

Рикша видел лишь поля шляпы, нижнюю часть очков и нос с подбородком.

— Я повез его.

— Что удалось узнать по дороге?

— Ему надо было отыскать знакомых, которые живут на Подъяческой.

— На какой Подъяческой! — вдруг завопил Берия.

Рикша не смог понять, что прогневило министра Госбезопасности.

— Он не сказал. Или не знал.

У стариков в Чистилище память никуда не годится.

Рикша знал, что его задание — выслеживать обитателей Смольного. Кто куда пошел, к кому, зачем? Что касается доктора, то к рикше специально примчался велосипедист, велел догнать доктора и отвезти туда, куда тот пожелает.

Рикша это и сделал.

— Я потом с ним пошел, пешком.

— Зачем пошел? — спросил Берия.

— Моя коляска по набережной не проходила. Я ее оставил и с доктором пошел.

— Как он к этому отнесся?

— Не знаю. Может, огорчился, а может, обрадовался.

— Идиот! Это же важно!

Слушая рикшу, своего давнего и полезного агента, Берия понимал уже, что виноват сам. Позволил Крошке

говорить при докторе. Что-то доктора связывает с преступниками. И это нельзя пускать на произвол судьбы. В конце концов не исключено, что доктор — один из этой компании, тоже враг, которой копает под Берию. И тогда его нужно уничтожить. Уничтожить... а что тогда делать с операцией «Гадюка»?

— Вот именно, гадюка! — воскликнул Берия, чем удивил рикшу.

— Простите, вы ко мне? — спросил он.

— Ни в коем случае, — отмахнулся Берия. — Я придумал название операции. И неплохо получилось. «Гадюка»! Как тебе нравится?

— Очень нравится, — неубедительно произнес рикша.

— Тогда продолжай. Продолжай.

— По берегу канала Грибоедова мы пошли до Большой Подъяческой.

— Дальше, дальше!

Рикша вспоминал с трудом.

— Я много времени провожу на свежем воздухе, — сообщил он Берии. — Людям нужен свежий воздух и физические упражнения.

— Отлично, — взял себя в руки Берия. — Замечательно. Вы дошли до угла Большой Подъяческой улицы.

— Там что-то было, несущественное, но потом появилась женщина. Любовница доктора.

— У доктора любовница?

— Неприятная, одетая не по моде, грубая в обращении, короткое синее пальто, желтый берет. Когда я руководил учреждением, то никогда таких типов ко мне не допускали.

— Продолжай. — Берия из последних сил держал себя в руках. Ему смертельно надоели недоумки и вялые зомби — ни на кого нельзя положиться!

Рикша уставился на Лаврентия Павловича очень светлыми безумными глазами. Все остальное в нем — рамки. Серая рама — лицо, белая рама — космы.

— А меня они не взяли, — сказал он. — Обидно, правда?

— Куда не взяли? Ты не торопись, думай. Тебя обидели, не взяли. Потом появилась молодая женщина. И что она тебе сказала?

— Ничего, она даже разговаривать со мной не стала. В синем коротком пальто, черная ведьма!

— Куда тебя не взяли?

— Вспомнил! Они с доктором в подъезд вошли и закрылись. А я ведь стоял и слышал.

— Молодец! Что ты услышал?

— Она сказала — пойдем, я покажу.

— А он что сказал?

— А он еще раньше спросил.

— Что он спросил? Что?

— Мне нужно... он сказал, что ему нужно. Нет, нужен...

— Кто?

— Не кто — а что! — с торжеством ответил рикша. — Адрес ему был нужен!

— Чей?

— Этой самой.., не помню! Я, знаете, плохо фамилии запоминаю. Мне не раз на это указывали ваши коллеги, Лаврентий Павлович. А вот ваше имя-отчество отлично помню. Потому что оно имеет значение.

— Спасибо. — Берия был мягок и вежлив — со стороны такой кажется пантера, засевшая в кустах. Но мгновение — она собирается в снаряд и выстрелит собой. — Значит, доктору была нужна женщина, девушка, правильно?

— Как точно! Как прозорливо. — Рикша старался лестно защитить себя.

— А как выглядит эта девушка?

— Которая в подъезде?

— Которую искал доктор.

— Высокая, — сказал рикша, — худая, лицо простонародное, да, именно простонародное, но не лишенное кра-

соты. Такое, знасте, точеное, профиль точеный, лоб широкий, высокий, головного убора не наблюдается. Куртка, именно куртка, такая же, как и у него...

— У кого? — Берия вцепился когтями в плечо рикши. Тот дергал головой, чтобы освободить прядь белых волос.

— Вы же сами сказали.

— У кого? — Берия не сдержался. Ударил ладонью рикшу по щеке. Несильно, но злобно. Таким несильным ударом можно сорвать кожу со щеки.

Рикша слготнул слюну, хлюпнул носом. Он не посмел заплакать или закричать.

— С кем была девушка?

— С молодым человеком.

Рикша говорил быстро и отрывисто, он боялся, что Берия ударит его снова.

— Как ее зовут?

— Я его близко не видел. Они ко мне не подходили. Только доктор подошел.

— Не сходится, — сказал Берия. — Показания твои не сходятся. Получается, что доктор с этой... в желтом берете вошли в подъезд, а из подъезда вышла другая девушка, но ты ее близко не увидел?

— Нет. — Рикша даже руками замахал. — Они в подъезде поsekретничали и вышли, прошли по Большой Подъездской, зашли в дом номер двенадцать, пробыли в нем полчаса, а потом вышли уже вчетвером.

— Вот! — обрадовался Берия. — Всех вас лупить надо! Пока не применишь физического воздействия, вы все путаете.

Голос был строгим, но не грозным, даже скорее печальным. Берия вроде бы жаловался рикше на то, с какими бестолочками ему приходится работать.

— Вот именно, — обрадовался рикша, который понял, что больше бить не будут.

— Номер двенадцать?

— Большая Подъяческая, дом номер двенадцать, над подъездом надпись по-латыни, одно слово — «сальве».

— Сальве, — повторил Берия. — И куда они пошли?

— Трое — по улице прочь, а доктор подошел ко мне и поехал обратно.

— Девушку и парня узнаешь?

— Непременно, — сказал рикша.

— Тогда иди отдохай. Катайся по городу, поближе к каналу Грибоедова. Если что-то узнаешь, сразу возвращайся на пост.

Рикша кивнул. Он знал, что Лаврентий Павлович установил посты на расстоянии километра. Постовые были снабжены хорошими велосипедами и если получали донесение, то могли понестись стрелой, и Берия получал сообщение куда быстрее, чем другие консулы и даже Верховный вождь. Которого уже не было на свете.

Берия позволил себе легко улыбнуться. Улыбка у него была жуткая, узкогубая, губы разъезжались в стороны и становились нитью.

Рикша вышел.

Берия задумался.

Глава девятая

Лаврентий Берия

Берия не сомневался в том, что рикша видел именно ту девицу, которую надо поймать. И ее спутника, который представляет большую опасность, чем девица. Это

он забирался под потолок зала и слушал, о чем говорят консулы. И мог наслушаться ненужных для мелких людей подробностей.

Крошка, конечно же, опаздывает со своими сообщениями — ей надо встретиться с генералом, разговорить его... А тут судьба подарила адрес опасной девицы.

Время поджимало.

Надо было серьезно поговорить с доктором и понять, случайно он вляпался в эту историю, или он давнишний предатель.

Надо было послать экспедицию на поимку девицы и ее спутника.

Что сделать сначала?

Берия вызвал к себе сержанта и приказал ему отправиться в Шахматный клуб на Елагин остров, взять там двух человек и привезти в Смольный. И собрать свободных людей внизу, ждать приказаний.

Сам спустился в лабораторию.

Если вызвать доктора к себе в кабинет, тот будет готов к разговору, сберется, придумает ложь.

Нет, брать его надо тепленьким, сонным, из постельки. Недаром столько лет чекисты работали без ошибок — надо арестовать врага на рассвете, и он поплывет.

В лаборатории все было тихо.

Доктор сидел за рабочим длинным столом, уткнувшись длинный нос в микроскоп. Тварь проклятая!

Остальные — оба ассистента и санитары — тоже занимались какими-то делами...

— А ну, все долой! — закричал Лаврентий Павлович. — Долой из комнаты! Катитесь!

Белые халаты побежали, кто как мог, к двери.

А Берия смотрел на Леонида Моисеевича.

Доктор сразу уменьшился, съежился, он не был отважным человеком и ждал этого визита. Не знал, как Бе-

рия расправится с ним, но не смел надеяться на то, что его отсутствие прошло незамеченным.

Берия медленно подошел к доктору, изображая статую командора, хотя оценить медленную поступь было некому.

— Ты знаешь, что пришел твой последний час? — спросил Берия, точно как командор.

— Лаврентий Павлович!

— Молчать! На колени!

— Что вы сказали? — Приказ Берии не дошел до испуганного сознания Леонида Моисеевича.

Берия толкнул доктора, сильно, расчетливо, так, чтобы тот, падая, не задел стол с препаратами и приборами — стол был нужен.

Доктор грохнулся на пол, сел и постарался сразу подняться.

— Где они? — зарычал Берия.

— Кто они?

— Где твоя подружка Люся Тихонова и ее хахаль? Немедленно отвечай! Не ответишь — убью. И ты знаешь мою биографию, я умею убивать, а такую мразь, как ты, я давлю походя!

Слова были банальными, как из дурного фильма, но в этом мире не было фильмов, и Леониду Моисеевичу, человеку всю жизнь страшно боявшемуся драк, физического насилия, не пришло в голову, что у него есть иммунитет от бериевских угроз. Пока доктор — единственный носитель тайны вакцины, которая позволяет хотя бы на несколько дней остаться там, наверху, Берия не посмеет ничего с ним сделать.

Где-то Леонид Моисеевич читал формулу Солженицына: «Не верь, не бойся, не проси».

Формула касалась поведения на допросе. Потому что все следователи устроены совершенно одинаково. Они пугают, обманывают и ждут, когда ты попросишь милости.

Хорошо пользоваться этой формулой в разговоре на кухне или хотя бы в комнате участкового.

Но когда тебе угрожает смертью сам главный чекист Советского Союза, то лучше ничего не слышать, умереть, провалиться сквозь мраморный пол...

Берия подцепил доктора за рукав халата и стал тянуть наверх, чтобы тот встал. Поднять доктора отвыкшему от физических упражнений Лаврентию Павловичу было нелегко. Тем более что доктор не хотел ему помогать и, как маленький капризный ребенок, которого бабушка хочет посадить за стол есть манную кашу, сопротивлялся пассивно, но эффективно.

Берия отпустил доктора и стал шарить по столу в поисках тяжелого предмета, отыскал ступку и поднял ее, чтобы раздробить доктору голову, и тот закрылся руками.

И тут вошел охранник из старых и сказал:

— Люди ждут приказаний.

— Знаешь рикшу? — спросил Берия, кладя на стол ступку и сразу сбрасывая с себя личину страшного палача.

— Так точно.

— Он ждет у выхода. Он покажет вам, как доехать до Большой Подъяческой. Задерживайте там всех подозрительных. Но главная добыча и моя личная благодарность: молодая девушка по имени Людмила Тихонова. Ты запомнишь, или мне самому для них повторить?

— Обижаете, Лаврентий Павлович, — сказал охранник.

— Слава богу, хоть один нашелся. С этой девкой должен быть парень. Он мне нужен еще больше. Запомнил?

— Запомнил.

— Все дома осмотреть. Они могут сменить квартиру: подозрительные, черти!

Берия обернулся к сидящему на полу доктору:

— Они сменили квартиру?

И вопрос оказался столь неожиданным, что доктор, не желая того, ответил:

— Конечно, сменили!

— И далеко переехали?

Доктор замолчал. И даже удары ногой, носком ботинка, вполне болезненные, не смогли заставить его заговорить.

— Больше мне от тебя и не нужно, — сказал Берия. — Ты обречен. Вставай и работай.

— Я не буду работать.

Охранник от дверей спросил:

— Нам можно идти?

— Так чего волыните? Идите, и поскорее! Летите, молодцы!

Берия вновь занялся доктором.

— Подумай, Фрейд, — сказал он. — Ты мне нужен, пока полезен. Только попробуй устроить забастовочку! У меня уже есть доктор, подобрал его в Москве. Он тоже вакциной занимается. Может, еще не всего достиг, но завтра достигнет. Главное — жалование.

И лишь тут доктора посетило озарение: нет у Берии никакого другого доктора, не может он без Леонида Моисеевича обойтись! Потому-то он так гневен.

— Ты теперь ходишь по ниточке, — сказал Берия. — Никаких ошибочек, никакого вредительства. Твои ассистенты — мои люди, над твой головой — видишь дырку? — сидит наблюдатель. Так что делай выводы.

Доктор медленно поднялся на ноги.

Куда медленней, чем мог.

— Мне трудно, — сказал он с трудом, — мне трудно работать... мне надо отдохнуть. После ваших избиений мне нужно отдохнуть.

— Сначала ты мне все расскажешь: откуда знаешь Людмилу Тихонову, почему побежал к ней, кто за ней

стоит... Я из тебя вышибу сведения. А потом отдохнешь на своем рабочем месте.

Берия был все еще уверен в своей силе, не замечая, что доктор уже меньше боится его, что доктор догадался: Берия его не убьет.

— Ну! — крикнул Берия.

Доктор смотрел куда-то за его плечо.

Берия резко обернулся.

Там стоял один из велосипедистов, в левой руке держал арбалет, правый рукав был распорот, и по нему струилась кровь.

Жидкая кровь Чистилища.

— Что? — спросил Берия, отступая. Он терял смелость, когда видел кровь и оружие.

— На нас напали, — сказал велосипедист.

— Кто? Кто посмел?

— На нас напали люди Клюкина, — сказал велосипедист. — С ними монахи. А у нас мало людей...

— Где люди, где?

— Вы послали людей в город, искать преступников.

— Эх, черт! — Берия сообразил, что ошибся, забыл об опасности, о возмездии за Ларису.

Он вышел в коридор, велосипедист отстранился, чтобы не испачкать кровью Лаврентия Павловича.

Главное, как понимал Лаврентий Павлович, быстро провести в Смольный Майоранского и Лядова, чтобы они не попали в руки напавших. Остальное уладится...

В коридоре у дверей стояли тесной группой ассистенты и санитары.

И два охранника.

— Оружие есть? — спросил Берия у Гоглидзе, старшего из ассистентов.

— В шкафу. Тесаки и два арбалета, — сказал Гоглидзе.

— Вооружи людей, запри дверь, чтобы до ваших приборов и до доктора никто не добирался. Всё ляжсте, а доктора мне сохраните, ясно?

— Мы постараемся, Лаврентий Павлович, — сказал Гоглидзе, который считал себя дальним родственником Берии. Он получил образование и раньше в Госбезопасности не служил. Только здесь вступил в ряды, по необходимости.

— Ты за мной! — велел Берия раненому велосипедисту.

Пока они шли по коридору к лестнице, Берия допрашивал велосипедиста:

— Что произошло? Сколько их? Сколько наших? Какие потери?

Велосипедист отвечал неуверенно, да и понятно — он был в парке, на обходе, когда к Смольному побежали монахи. Он выстрелил раз, вроде бы кого-то убил и тут же получил стрелу. Еле смог добраться до Смольного.

Эх, сержант повезет шахматистов через главный вход! Он же не подозревает, что на Смольный напали.

В бою у Смольного произошел перерыв, пауза, в которой нападающие искали новые пути к овладению цитаделью большевиков, а защитники зализывали раны и решали проблему — убежать или сражаться.

Появление Берии несколько изменило настроение его войска.

Он даже кричать не стал.

Он прошел к тем велосипедистам, что охраняли входные двери и дежурили у окна первого этажа. Он говорил так:

— Ребята, они пришли, чтобы всех убить. Жестоко и безжалостно. Убегать нам некуда. Они выследят нас по одиночке и затравят как зайцев. Мы можем остаться в живых и существовать дальше, если не пустим их внутрь. Ясно вам?

— Ясно, — ответил за всех сержант. — Но что делать? Поглядите, сколько их.

Берия посмотрел в окно. Нападающие не скрывались.

Справа стояли толпой черные монахи владыки Никифора, человек тридцать. Слева — ополченцы Клюкина. Их было меньше, но Клюкин снабдил их бронежилетами и кольчугами — что удалось добыть по музеям — и даже шлемами. Они и вооружены были посерьезнее.

Вожди стояли сзади своих армий. Клюкин с Грацким, Никифор с Победоносцевым.

На земле между ними и зданием лежали два тела — оба велосипедисты Берии. Если кто-то погиб или был ранен у монахов или ополченцев, их оттащили за босые порядки.

Как раз между армиями тянулась дорожка, что вела к Смольному.

На ней вот-вот могли показаться шахматисты — и это будет катастрофой — вряд ли сейчас Клюкин и его союзники помнят о договоренностях недавних часов или дней. Их не так волнует поход в Верхний мир, как желание разделаться с Берией.

Наверное, не стоило там, у Биржи, убивать Ларису и Чаянова, из тактических соображений не стоило, — но момент был слишком удобным, чтобы им не воспользоваться. Не удержался он. Как тот скорпион. Да-да, именно как тот скорпион.

Но ведь сделал он это в надежде на то, что вину свалят на сумасшедшего солдата.

Почему же так не подумали?

Почему решили, что виноват Берия?

Он же ушел оттуда сразу, и никто его не видел.

Можно попытаться переговорить врагов, не доверяя им, разумеется, и не ожидая доверия с их стороны.

— Ташите пушку, — приказал Берия.

— Ах, боже мой! — откликнулся сержант. — Ну как же мы... ну прямо головы садовые!

И он принял кричать на велосипедистов, заставил троих побежать за ним на склад.

А Берия тем временем велел принести рупор.

Рупор часто использовался в Смольном. Берия любил кричать или приказывать в него, чтобы голос грохотом пустых бочек катился по коридору.

Берия подошел к окну, в нем давно не было стекол.

Он крикнул в рупор:

— Клюкин, ты чего сюда пришел?

— Сдавайся, Лаврентий! — откликнулся Клюкин. — Тебе все равно не жить. Ты зачем убил наших товарищей?

— Каких товарищей?

— Не крути, Лаврентий. Ты головы в Невку кинул, тебя видели.

— Клянусь, что я не имею никакого отношения к этим событиям. Я даже не знаю, умерла ли Лариса, или ты шутишь.

— Дай сюда! — Клюкин выцарапал арбалет из рук своего солдата и выстрелил в Берию.

Стрела не долетела до здания и косо вонзилась в голую землю.

Тут же по ступенькам лестницы сбежал один из велосипедистов Берии и поднял стрелу.

— Не смей! — закричали солдаты Клюкина.

— Брось вещь! — кричали монахи.

Некоторые даже побежали к велосипедисту, но тот успел вернуться в Смольный, а когда другой солдат приблизился к ступенькам, он получил стрелу в грудь — велосипедисты были наготове.

— Молодец! — крикнул в рупор Берия.

Он видел, что его армия подготовлена к бою куда лучше.

И понятно — он учил велосипедистов воевать, и им приходилось и стрелять, и убивать людей... а солдаты Клюкина были декоративными.

В коридоре послышался грохот.

Катили сооружение, созданное еще в давние времена, когда в городе воевали банды.

Это была катапульта. Ее называли пушкой.

Если оттянуть ложку, то она, освободившись, метала вперед горсть металлических шариков или гравия.

— Клюкин, уходи! — крикнул Берия.

— Сдавайся, убийца! — крикнул Клюкин.

— А вам что здесь делать, братья? — спросил Берия монахов. — Шли бы молиться.

— Эй! — завопил Клюкин. — Войско, к бою готовься! Вперед на штурм преступника и убийцы Лаврентия Берии, объявленного вне закона в обоих мирах, шагом марш!

И тут забил настоящий барабан. Берия даже не знал, что у Клюкина есть барабанщик, и это ему не понравилось. Организуются, сволочи!

Войска союзников направились в бой.

Берия вселен своим велосипедистам держать наготове холодное оружие.

— Подпускай их поближе, — сказал он, бросив рупор на пол. — Подпускай, но без моего приказа не стрелять.

Пушку-катапульту подтащили к дверям, но не открывали их.

Велосипедист, который знал, как из нее стрелять, насыпал в ковш гравия и гвоздей.

Берии было трудно поверить, что такая большая, но серьезная на вид игрушка может причинить какой-то ущерб. Притом он понимал, что выстрелить из пушки можно единожды, так что следует подождать, когда нападающие сбываются в кучу на лестнице.

Берия стоял рядом с пушкой, затем подошел к двсрям, но высовываться не стал.

У нападающих были в основном луки и пращи, а также всякого рода копья и топоры — это была армия каменного века. Ее оружие было примитивным.

А войны, если и случались, не могли зваться войнами — это были стычки между бандами.

Настоящее оружие сюда не попадало. А если и попадал пистолет, он отказывался работать. Потому солдат у Биржи мог расстрелять патроны, что были в автомате, но, перезарядивши автомат, он ничего бы не добился. Оставалось использовать оружие как дубинку.

Несколько стрел влетело внутрь Смольного.

Они добрались до цели на излете, так что вреда не причинили.

Нападающие шумели зловеще и громко.

Особенно монахи, которые пели какой-то гимн или псалом, слов не разберешь, но понятно, что пощады ждать не приходится.

Монахи шли подобием римского легиона, сплоченными рядами, локоть к локтю. Они были похожи друг на друга, только бороды у одних отросли немного, а у других так и не выросли.

Солдаты Клюкина подтягивались с боков, они-то и стреляли из луков и кричали разрозненно, но боевито.

Берия уже видел рожи, разверстые в криках рты, бешеные, но тусклые глаза...

Вот они начали подниматься по лестнице.

Берия мысленно торопил их.

Он ждал, что вот-вот вдали, от ворот, появятся его шахматисты, его главнос сокровище.

От волнения и ожидания в глазах Берии все начало двигаться замедленно.

И чем более он торопил нападавших, тем медленнее они передвигались.

Но вот они уже в опасной близости от дверей.

Еще несколько шагов, и они ворвутся внутрь.

Тогда не устоять.

Уже начали отступать оробевшие велосипедисты.

И тогда Берия закричал:

— Огонь!

Он вообразил себя героем Бородина, офицером, поднявшим руку в белой перчатке.

Сейчас рванут огнем сотни пушек его батарей.

— Огонь же!

И велосипедисты отпустили ковш, он рванулся кверху, ударился с размаху о железную балку и метнул металл и камни в толпу.

Берия и сам не ожидал такого эффекта.

Ревущая толпа словно наткнулась на стеклянную стену.

И если передние начали падать назад, так как каждого из них поразило несколько пуль, задние не понимали, что случилось, и еще несколько шагов они пронесли погибших и раненых товарищей вперед.

— Заряжай снова! — закричал Берия.

Он был в восторге. Ему хотелось прыгать, только ноги не слушались.

Пораженных было больше, чем тех, кто уцелел, но не все из упавших умерли, большей частью они были ранены или контужены.

— Ну что вы? — Берия понимал, что время — это враг. Нужно выстрелить еще раз, через три минуты враги опомнятся. — Стреляй же! — крикнул Берия. — Пли!

Но пушка не выстрелила.

Канониры оттягивали обратно ложку. Сзади стоял мужик, прижимавший к груди тяжелый мешочек с пулями.

— Вперед! — закричал тогда Берия. — Молодцы! Вечность смотрит на нас от стен Москвы! Враг не пройдет! Да здравствует товарищ Сталин!

И тут он увидел, что вдали от ворот идут трое — шахматисты и велосипедист, которого он посыпал за ними.

Все! Ваше время истекло.

И Лаврентий Павлович совершил то, чего не совершал никогда в жизни.

Он повел за собой армию в бой.

Всегда он благородно следовал совету Чапаева из одноименного фильма: командир должен оставаться позади своих войск, чтобы видеть весь бой и руководить им, стреляя, если надо, в спину припозднившихся соратников.

Но никогда еще у него, да и у Чапаева, не возникало такой критической ситуации.

Видя, как шеф побежал по ступенькам, перепрыгивая через копошащиеся тела врагов, как развевается его длинное пальто, как твердо и прямо возвышается на его голове непримятая шляпа, велосипедисты и охранники почувствовали невиданный прилив сил, словно красноармейцы, увидевшие, что в бой их ведет лично Иосиф Виссарионович.

Они обгоняли его, размахивая саблями, стреляли из арбалетов и были столь неудержимы, что толпа монахов и Клюкинских необученных пехотинцев кинулась назад, смела Клюкина, завертела и понесла с собой владыку Никифора и покатились по асфальтовой дорожке.

Завидев эту лавину, шахматисты благородно отступили в сторону и спрятались за толстым стволом мертвой липы.

Берия остановился первым и крикнул велосипедистам, чтобы не гонялись за врагами, а вернулись к лестнице и прикончили раненых и убитых.

Шахматисты были в недоумении.

— Что у вас происходит, Лаврентий Павлович? — спросил Майоранский.

Эдакий отвлеченный академик, мухи не обидят.

— Беспорядки, — ответил Берия. — У нас развелось самозванство.

— Ах, опять смутное время, — сказал Майоранский сочувственно.

— Лаврентий Павлович, — позвал велосипедист. — Смотрите, кого пулей задело.

Лаврентий Павлович сразу повернулся к лестнице.

На лестнице лежал консул Грацкий.

На лбу ссадина, на щеке кровь, консул тяжело дышал.

Он был ранен.

— Что делать? — спросил велосипедист.

Вокруг происходило страшное действие, схожее с тем, как промысловики добивают котиков на Командорских островах.

Велосипедисты проламывали черепа, а то и рубали головы павшим на лестнице.

— Спокойно! — велел Берия велосипедисту.

— Что делать? — спросил промысловик.

Берия вытащил из-за пояса острый длинный нож, которым обезглавил Чаянова и Ларису. Он протянул его рукоятью к сотруднику.

— Голову, — шепотом сказал он. — И быстро!

Велосипедист был из старых чекистов, все понимал с полуслова. Он опустился на колени, прикрыл спиной Грацкого и в два сильных удара отсек ему голову. Грацкий только подтянул колени к животу и вытянул их, будто засыпал.

Потом чекист поднялся, вытер лезвие ножа о плащ и протянул нож Берии.

— Молодец, — произнес тот.

Потом посмотрел на шахматистов.

Майоранский жадно глядел на умерщвление, а Лядов отошел повыше и читал памятную доску возле входа.

Ну что ж, сказал себе Берия, неплохой выдался день. Совет консулов уменьшился вдвое.

Нет — Верховного, Чаянова. Нет Ларисы Рейнер, а вот теперь к ним присоединился и Грацкий, человек пустой и никому не нужный.

К сожалению, Клюкин и владыка Никифор успели сбежать с поля боя. Еще остается Победоносцев.

И конечно же, Берия Лаврентий Павлович.

Нет никакого смысла дополнять или переизбирать консулов, потому что в любом случае тогда у врагов будет большинство. Они уверены, что Берия убил Чаянова. И не простят, потому что боятся. Трепещут.

Обойдемся без них.

Будем ликвидировать поодиночке.

Это совсем не так сложно в этом пустом мире. Только надо внимательнее относиться к собственной безопасности. Никому не доверяй. Предатели водятся в любой норе. Даже в самом сердце империи.

Моей империи.

Империя — неправильное слово.

Мы будем создавать великую мировую державу. Советский Союз, ту самую, за которую выхаркивал легкие Дзержинский и погиб Владимир Ильич.

Советский Союз.

Единственный, неповторимый, преданный и разбазаренный ничтожествами. Которые понесут Кару.

— Пройдемте внутрь, — сказал Берия.

Он посмотрел на чекиста. Тот приподнял брови и расправил плечи, как бы прося шефа отдать приказ.

— Возьмешь мешок, — сказал Берия, — и отнесешь голову Грацкого ко мне в кабинет.

— Слушаюсь.

— Поставь несколько человек с арбалетами у входа. Пускай смотрят. Чтобы снова к дверям не подпускать... И еще, как только уберут трупы, пускай собирают пули и снова зарядят пушку. Это не последнее нападение.

— Скоро они не сунутся, — ответил велосипедист.

— Пушку держать заряженной и возле нее — человека, так сказать, держи порох сухим. Так нас учил Суворов.

— Так точно, товарищ министр!

Берия оглядел подходы к Смольному: окровавленные ступени, трупы, вестибюль, в котором, запрокинув ложку, стояла нелепая пушка. Все вроде в порядке. Всё охвачено внимательным взглядом вождя.

Глава десятая

Доктор Фрейд

В подвале диспозиция не изменилась. Так как время в Чистилище идет лишь индивидуально, люди, пожившие там, привыкли к пассивности перед его лицом. Привыкли ждать, пока что-нибудь не случится. И хоть лаборатория доктора Фрейда была одним из немногих живых уголков того мира, санитары, ассистенты и охранники, которых Берия оставил перед дверьми, впали как бы в кататонию и замерли, но не заснули, а проводили время в ожидании того, о чем не имели представления.

Появление Берии в сопровождении двух незнакомых мужчин вернуло всех к жизни, как обитателей заколдованный пещеры после того, как принц поцеловал спящую царевну.

— Все в порядке, — сказал Берия. — Всем оставаться на местах. Гоглидзе, доложи, беспорядков не было?

— Не было, Лаврентий Павлович, — ответил самозванный родственник консула. — Леонид Моисеевич молчит.

— Его счастье, — заметил Берия и открыл дверь.

Доктор сидел за столом, что-то писал.

— Встать! — крикнул Берия.

Доктор послушно поднялся.

Это успокоило Лаврентия Павловича, который боялся бунта на корабле.

— Закройте за собой дверь, — приказал Берия шедшему последним Лядову.

Тот осторожно, чтобы не хлопнуть, прикрыл дверь.

Берия прошел к центру зала. Остановился возле рабочего стола, не доходя нескольких метров до доктора.

— Познакомьтесь, — сказал он. — Доктор Фрейд. Наш медицинский гений. Леонид Моисеевич. Уже давно не покладая рук трудится над тем, как нормальный человек может оказаться в Верхнем мире, то есть там, откуда мы родом, и не погибнуть в первые же часы. В этом смысле он ваш коллега.

Леонид Моисеевич поклонился. Люди, которых привел Берия, были ему незнакомы.

— Профессор Майоранский, — представился первый.

— Лев Яковлевич, — уточнил Берия.

Доктор увидел солидного, хоть и небольшого размерами профессора. На нем было написано слово «профессор». Бородка клинышком, длинные, но в меру, волосы в проседь, щечки, сохранившие пухлость. Глазки прозрачные, но неуловимые из-за постоянного мелкого движения зрачков. Костюмчик поношенный, сшитый на другого, стройного мужчину, а у этого было брюшко. Это не его костюм, Майоранскому не удалось бы растолстеть в этом Чистилище.

Второй человек, которого Берия представил как Лядова, но имени не называл, был невысок, худ и подтянут, лицом похож на Суворова средних лет, даже с хохолком.

— Вот этим вашим коллегам, — сказал Берия, — вы и сделаете вакцину, которая позволит им без всякого вреда для жизни провести неделю наверху, выполнить свое задание и вернуться не только живыми, но и здоровыми.

— Но только не неделю! — возразил Леонид Моисеевич. — Три дня я гарантирую. Но не неделю. Это опасно.

— А вот если будет опасно, Леонид Моисеевич, — предупредил Берия, — то спросим с вас.

— Но нам-то тогда уже будет все равно, — заметил с улыбкой Лядов.

Улыбка у Лядова была язвительная, под стать хохолку. Может, он и знал, что похож на Суворова, вот и носит в себе язвительность.

— Придется вам управиться с делом за три дня, — сказал доктор.

— Пять дней, и ни минуты меньше! — заявил Берия. — Постараешься, бандит долбаный!

— Как? — удивился Леонид Моисеевич. Даже в том жестоком мире никто его еще так не называл. — Почему я кажусь вам бандитом, Лаврентий Павлович?

— Потому что ты и есть бандит. Мой любимый, дорогой бандит. Прошу любить и жаловать — мой друг. — Берия засмеялся. Этого он делать не умел.

В дверь просунулась толстая белая морда велосипедиста в ржавом немецком шлеме.

— Там снова лезут, шеф. Вы не посмотрите?

— Иди, сейчас буду. Из пушки без меня не стрелять. Берия обернулся к своим шахматистам.

— Доктор Фрейд для вас — старший товарищ и коллега. Слушайтесь его, потому что он не сделает вам дурного.

— А если сделает? — спросил Лядов.

— Во-первых, вы сами во всем разбираетесь, — сказал Берия. — Во-вторых, у вас нет выбора. Я ему доверяю, и вы будете доверять. Вы же из одной компании.

— Разве? — взвился Майоранский. — Я никогда не был в компании с Леонидом Моисеевичем. И не стремился к этому.

— Хватит разговорчиков! — рявкнул Берия, который почувствовал, что зашел слишком далеко в своем либерализме. — Фрейд, начинайте свои опыты. Гоглидзе! Где Гоглидзе? Помогай доктору и смотри, чтобы шахматисты не мешали работать.

И Берия поспешил к выходу, чтобы пересечь очередную попытку конкурентов оспорить его власть.

Майоранский пошел по лаборатории. Он трогал приборы, поднимал пробирки, ему доставляло удовольствие вновь оказаться в привычной атмосфере.

— А где центрифуга? — вдруг спросил он.

— На кой ляд центрифуга алхимикам и колдунам? — ответил за доктора Лядов.

— Вы не правы, — сказал Гоглидзе. — Центрифуга есть в том помещении, только она приводится в движение человеческой силой.

— А какой же еще! — сказал Лядов.

Доктор выпрямился и вздохнул. Он начинал работу.

— Я не имею чести быть с вами знаком, — сказал он. — Но полагаю, что мы с вами коллеги.

— До некоторой степени, — ответил Людов.

— Это не совсем так, — сказал Майоранский. — Вряд ли вы можете на это претендовать. Должен сказать вам, что в прошлой жизни я занимал достаточно важное место в биологической науке. Моя лаборатория была снабжена лучшим отечественным и импортным оборудованием и аппаратурой.

Его казенный язык не вязался с бородкой и брюшком. Казалось бы, он должен быть изысканно интеллигентен, а он говорил, как недавно приехавший с юга партийный выдвиженец.

Лядов этого не замечал, но Леониду Моисеевичу волялюк Майоранского резал слух.

— Сначала Гоглидзе возьмет у вас кровь на биохимию, — сказал доктор. — Надеюсь, вам известна эта процедура.

— С какой целью?

— Кровь индивидуальна. Даже здесь. Вам приходилось видеть, что она собой представляет?

— Что меня может удивить? — спросил Майоранский.

— Вы видели кровь без лейкоцитов? — спросил Леонид Моисеевич. — А вы знаете, что происходит с вашим гемоглобином?

— Это любопытно, — сказал Лядов. — Давайте же заниматься, не будем тянуть время.

— Твой поезд без тебя не уедет, — заметил Майоранский.

— Чем скорее я покину этот мир, тем лучше, — сказал Лядов.

— Чтобы вернуться сюда?

— Может быть, я хочу умереть там.

— Хватит этих разговорчиков при посторонних, — оборвал его Майоранский. — У нас с тобой задание, важность которого трудно переоценить. Я полагаю, что за последние сотни лет судьба никому еще не давала такого преимущества.

— Ты считаешь это подарком судьбы? Ты — злобный гордец!

Доктор подумал, что слушает отрепетированный и многократно повторяющийся спор. Здесь, в мире без времени, можно было спорить бесконечно.

Но слова Майоранского доктора насторожили, может быть, потому, что он готов был услышать что-то необычное и опасное для человечества. Ведь в любом случае все это — интрига Берии, причем задуманная давно и на несколько шагов вперед.

В первое время доктор думал, что Берии нужно добыть что-то из человеческого мира — может, пушку или какой-нибудь яд, — что-то недоступное здесь и могущее способствовать росту его могущества.

Но что?

Если говорить поменьше и слушать побольше, они обязательно проговорятся.

Доктор был прав.

Ошибка Берии, который думал, что все предугадал, заключалась в том, что он не предупредил шахматистов: доктор — чужой и даже опасный человек. И они восприняли его как союзника Берии. И не считали нужным перед ним таиться.

— Вам придется передвигаться? — спросил доктор.

Лядов лег на накрытую белой простыней койку, Гоглидзе принес иглу и пробирку для крови.

Майоранский следил за тем, как Гоглидзе берет кровь на биохимию.

Он чуть вздрогнул, когда игла вошла в сгиб руки и капелька жидкой крови образовалась у места укола.

— Вы куда-то поедете? — спросил доктор.

— Конечно, поедем, если бы это была просто прогулка, вашей помощи бы не потребовалось, — сказал Майоранский.

— Я спрашиваю, — произнес доктор, глядя, как Гоглидзе отошел от Лядова, — потому что должен понять, как составлен ваш график. Сколько вам находиться в пути и когда вы сможете возвратиться.

Лядов сел на койке, зажал согнутой рукой клочок ваты, который ему дал Гоглидзе, потом встал и отошел.

— Ваша очередь, маэстро, — произнес он, приглашая Майоранского занять его место.

Майоранский послушно улегся.

— Мы поедем на поезде, — сказал Лядов. — Какое счастье! Как вы думаете, какое сейчас время года?

— Осень, — ответил доктор. — По докладам Службы точного времени. Они отсчитывают время от Новых годов. Как появляются новые люди оттуда, так и начинаем Новый год.

— А то оденешься в тулуп, а тебя спросят: вы из какого психатория к нам заявились? — засмеялся Лядов.

— Больно же! — закричал Майоранский. — Вас что, не учили, как надо вводить иглу в вену?

— Извините, — сказал Гоглидзе. — Бывает, у вас вены не выражены.

— Хотел бы я с вами отправиться, — сказал доктор. — Хоть глазком поглядеть на живой мир!

— Я разделяю вашу позицию, — сказал Майоранский, — ибо она увеличивает наши шансы на выживание. Ведь медицинский контроль нам просто необходим. К тому же и на месте лишние руки нам пригодятся.

— А ты поговори с Лаврентием Павловичем, — сказал Лядов. — Вдруг он согласится?

— Нет, — ответил доктор. — Он никогда не согласится, потому что я ему здесь нужен.

— Я понял, — сказал Лядов. — Он надеется, что ты выкуешь победу в горячем цехе завода «Серп и молот»!

— Да, он надеется, что я смогу усовершенствовать вакцину. Но я не смогу, — сказал Леонид Моисеевич. — И знаете почему? Совершенно нет не только оборудования, но и препаратов. Ведь наши задачи решаются только на

генетическом уровне, а я даже не могу пользоваться электронным микроскопом.

— Чепуха получается, — сказал Лядов. — Какого черта мы проводим диверсию, если не можем занять тот мир?

— Для того, чтобы править, не обязательно жить среди колхозников, — загадочно ответил Лев Яковлевич.

Доктор отошел к своему рабочему столу.

Перед ним были две пробирки с кровью шахматистов.

Куда они едут? Наверх. Что будут делать? Что-то негодное. Они же преступники.

— Давайте, — сказал доктор, — будем считать всерьез, сколько вам добираться до места и сколько времени вы будете там находиться. Нужно все рассчитать с максимальной точностью.

— Давайте, — согласился Лядов. — Вы не слушайте Майоранского, он там не бывал. А для меня это — вторая родина.

— Начнем сначала, — сказал Леонид Моисеевич. — Где находится ваш канал?

— Канал? — не понял Лядов.

— Дыра. Отверстие. Где вы перейдете в тот мир.

— Черт его знает, — сказал Лядов. — Как-то разговора об этом не было.

— И не надо об этом говорить вслух, — нравоучительно заметил Гоглидзе.

Он все почесывал верхнюю губу, ждал, когда появятся усики. Но надежды уже не осталось.

Он вел себя как оголтелый щенок при большом псе. Смотрите, какой я наглый и отважный!

Но без большого пса поблизости Гоглидзе терял отвагу.

Хотя не забывал напоминать о своей преданности.

Вот сейчас — он не столько охранял Тайну, сколько хотел показать всем, что ее охраняет.

— Гоглидзе, — раздраженно сказал доктор, — займитесь своим делом! У вас препарат погибнет. Тогда я буду вынужден вас уволить!

— Еще неизвестно, кто кого уволит.

— Гоглидзе!

Лядов хихикнул.

Гоглидзе насупился, отвернулся. Майоранский, битый, сидевший, никому не верящий, усомнился, допущен ли доктор Фрейд к большим тайнам. Так что не надо с ним откровенничать. Не исключена провокация.

— Хорошо, — сказал доктор. — Будем считать, что отправной пункт в пределах Ленинграда. То есть вы выйдете наверху у Николаевского вокзала.

— Московского вокзала, — поправил доктора Майоранский.

— Я давно здесь живу, — ответил доктор. — Не за всеми переименованиями могу уследить.

— Какую роль могут сыграть ваши расчеты? — спросил Майоранский — Не все ли равно, куда мы поедем.

— Вы, как мне дал понять Лаврентий Павлович, мой коллега, биолог?

— Экспериментатор, — признался Майоранский.

— Постарайтесь представить себе, что я должен ввести вам вакцину, которая по-разному будет реагировать на окружающую среду. Если вы окажетесь на Северном полюсе, я должен делать одни расчеты, если в тропиках — иные.

— Какие у нас тропики! — засмеялся Лядов. Лицо его не было приспособлено для смеха, и поэтому получалась кривая гримаска. А так как Лядов любил смеяться и шутить, то его лицо часто становилось противным. Он сам этого не знал. А если бы не смеялся, оставался бы милым суворчиком.

— Я рисую только своей научной репутацией, — сказал Леонид Моисеевич. — Вы — своей жизнью. Так что я

больше не задаю вопросов и делаю вакцину для среднерусских условий.

— Вы даже не знаете, какое время года там, наверху? — насторожился Майоранский.

— Леонид Моисеевич пошутил, — быстро сказал Гоглидзе. — Мы все время получаем сводки погоды и календари из Службы точного времени.

Гоглидзе показал на стену. Над его головой на гвоздь была наколота стопка вырванных из блокнотов и тетрадей листков.

— И какое же сегодня число? — спросил Лядов. — Интересно узнать.

— Осень уже вступила в свои права. Листья желтые кружатся, — сказал доктор.

— У нас на Валдайской возвышенности грибов много, — произнес Лядов. — Опята пошли...

— А точнее? — спросил доктор.

Он решил, что любой ценой — хитростью ли, шантажом — вытащит из своих коллег правду о цели их путешествия.

Ничего хорошего он от него не ждал.

Вернес всего, Берия намерен каким-то образом распространить свою власть на всю Землю. Но как?

В этой версии не все состыковывалось.

Во-первых, вакцина действует лишь два-три дня — дальше удерживать распад не было физической возможности. По крайней мере доктор этого добиться не мог.

Во-вторых, у Берии попросту не было сил, чтобы захватить верхнюю Землю. Значит, все это пустой номер?

Но тем не менее Берия кинул все силы на то, чтобы отправить двух своих клевретов в живой мир. Хотя бы на три дня.

Значит, они должны совершить там, наверху, нечто ужасное.

С помощью вакцины Леонида Моисеевича...

— Доберемся, определимся, — сказал Майоранский.

— Значит, вы садитесь в поезд и едете туда? — спросил доктор.

— Примерно так, — ответил Лядов.

— Это может оказаться не так просто, — сказал доктор.

— Почему же?

— Сколько лет вы здесь? Не интересовались?

— Шесть или семь, — сказал Лядов. — Как кончили зарплату выдавать и народ разбежался. В первой половине девяностых годов.

— А вы еще давнес? — Леонид Моисеевич обернулся к старшему шахматисту.

— Это не играет роли, — ответил Майоранский.

— Еще как играет, — сказал доктор. — За это время все изменилось. У вас есть документы?

— Лаврентий Павлович обещал, что все будет сделано, — сказал Лядов.

— Я допускаю, что они будут, но я не уверен, что они такие же, как те, что используют наверху.

— Ах, перестаньте нас путать, — сказал Майоранский. — У нас важное дело, и руководство примет нужные меры.

— Все нужно предусмотреть. Например, билет на поезд, деньги на расходы.

— Достанем, — уверенно ответил Майоранский.

— Тогда вам опасно ехать на поезде, где любой пассажир может вас раскусить. Вы же мастодонты, вы же — старики хоттабычи.

— Кто? — удивился Майоранский.

— Был такой, — сказал Лядов. — Не обращайте внимания.

— Потом вам нужно идти к вашему объекту. Там часовые?

— Ах оставьте, я там знаю каждую кочку! — сказал Лядов. — И вернее всего там нет никаких часовых.

— Лядов! — остановил его Майоранский.

— Слушаюсь и повинуюсь. Хотя зря вы дрожите.

— Мы хотим, чтобы ваше дело благополучно завершилось и мы смогли бы вернуться сюда, выполнив важное задание.

— Черт его знает — захотим ли мы... — протянул Лядов.

— Это идиотизм, и с ним надо бороться. Сколько вы там проживете?

— Значит, поездом до Бологого, потом по шоссе? — спросил доктор, рассудив, что именно до той станции им ехать. — Сколько всего времени на дорогу?

— Мы пересядем в Бологом на местный рабочий поезд, — сказал Лядов. — Он нас довезет до совхоза.

— До какого совхоза?

— Лядов, помолчите! — взвизгнул Майоранский.

— Молчу, молчу.

— И от станции... — продолжил Леонид Моисеевич.

— Если вы не знаете, — вмешался Майоранский, — значит, вам не следует знать.

— Отличная идея, — согласился доктор. — Следовательно, до места меньше суток.

— Меньше суток, — сказал Лядов. — Я как-то за пять часов на машине добрался. Правда, шофер был классный. Ведь только последние километры нормальная дорога проложена. А от Бологого — сами понимаете...

— И сколько времени вам понадобится на месте?

— Сколько нужно.

Доктор развел руками.

— Тогда я отказываюсь работать. Вы еще не поняли, что ваше здоровье и, может быть, жизнь зависят от того, насколько точно мне будет известно ваше расписание. Но

если вы боитесь врагов и американских шпионов, то посмею вас заверить, что американских шпионов здесь не водится, троцкистам я тоже ничего не сообщу.

— Не говорите глупостей, — возмутился Майоранский. — Какие американцы? Кто говорит об американцах?

— Но в чем же дело?

— Секрет — всегда секрет, — сказал Лядов и засмеялся. — Хорошо, слушайте. По прибытии на место мы займемся серьезной работой. Нам надо подготовить ликвидацию складов отравляющих веществ.

— Понятно, — сказал доктор, который ничего не понял.

Ведь он не знал о заговоре консулов — у Егора не было времени рассказать об этом.

— Следовательно, по моим расчетам, мы проведем там день.

— А если вас узнают?

— Кому нас узнать? — усмехнулся Лядов. — Уже при мне там никого не осталось.

— Не нравятся мне ваши разговоры, — сказал Майоранский. — Придется сообщить о них лично Лаврентию Павловичу.

— Прошу вас, — сказал Лядов. — Вы получите медаль.

— Вас накажут, — уверенно сообщил Майоранский.

— И не пустят на операцию, — усмехнулся Лядов.

— Ничего смешного!

Лядов пошел вдоль длинного лабораторного стола, разглядывая приборы.

— Очевидно, — сказал он, — у вас много желающих сгонять в Максимовку. Добро пожаловать!

— Лаврентий Павлович разберется, — сказал упрямо Майоранский. — И примет меры.

— Ему надо было отыскать такого послушного идиота, как я, — сказал Лядов. — Который даже не боится, что вы, Лев Яковлевич, по окончании операции разберетесь со мной как с нежеланным свидетелем.

— Что за чепуху вы несете! — воскликнул от двери вернувшийся Лаврентий Павлович. — Кто и кого будет уничтожать? Кто мог втемяшить в вашу головку такую мысль?

— Логика, Лаврентий Павлович, — сказал Лядов, — элементарная логика. Вы замыслили уничтожить все человечество или его лучшую часть. Погодите, не перебивайте специалиста. Но если об этом будут знать два человека, то один из них лишний. Я — человек случайный, никому не нужный, но необходимый, чтобы выйти на базу, показать вам, что хорошо, а что плохо, а потом взорвать все к чертовой бабушке. Но тут-то я становлюсь не только не нужен, но и опасен. Не так уж много народа здесь — даже здесь! — кто хочет уничтожить всех людей, чтобы они сюда не хлопались и не угрожали нашему растительному существованию. Значит, вы, Лев Яковлевич, достанете очередной зонтик с острием на конце и вонзите мне под лопатку. Разве не так?

— Ну что он говорит, что он говорит! — возмущался Майоранский.

— Кончай базар! — воскликнул Берия.

Доктор чуть не засмеялся. Эту фразу недавно привезли сверху молодые люди, и она относилась ко времени, когда и памяти о Берии почти не осталось.

Шахматисты замолкли.

Доктор старался быть незаметным — хоть под стол лезь.

Но Берия его заметил.

— Долго еще ждать?

— Примерно полчаса.

Ощущение времени у каждого было свое, индивидуальное, но понятие получаса все равно оставалось.

— Тогда занимайтесь делом, — сказал Берия. — А мы с товарищами погуляем.

Он вытолкал шахматистов из комнаты.

И доктор слышал, как он громко спросил:

— Лишнего не трепались?

— А что есть лишнее? — спросил на это Лядов. Он *все* время подчеркивал свою независимость. Зачем ему надо было — понять невозможно. Наверное, такой характер...

Больше доктор ничего не слышал.

Он узнал немного. Но то, что узнал, испугало его, потому что он боялся Лаврентия Павловича и его черной души.

Майоранский с Лядовым отправлялись в Верхний мир на три дня, чтобы в районе станции Бологое пересесть на автобус и прибыть в деревню Максимово или Максимы, которой, может быть, уже и нет на карте.

Там, в деревне, находится склад или база отравляющих веществ. Лядов в этой Максимовке работал, а Майоранский принадлежит к ведомству Берии, и его можно даже обвинить в каких-то убийствах с помощью зонта. Операцию, которую они намерены совершить, можно отнести к катастрофам — это что-то ужасное.

Возможно, речь идет о бациллах страшной болезни — доктор знал, что есть центры, где такие бациллы выводятся.

Знание, которым обладал доктор, было знанием для одного человека, а потому бессмысленным. Если он не ошибался и не стал жертвой мании преследования, то именно от него теперь зависит судьба всей Земли. Это, конечно, сказано громко, но ведь и само положение доктора не менее несвероятно с точки зрения здравого смысла.

Ему надо обязательно увидеть Егора — достойного доверия человека, который не потерял способности к действиям.

Он скажет, что надо делать.

Или сам сделает что надо.

Подошел Гоглидзе.

— Проверьте, Леонид Моисеевич.

Хоть Гоглидзе и считал себя родственником Лаврентия Павловича, хоть и позволял себе выпады против доктора, тем не менее он понимал, что Леонид Моисеевич человек гениальный, не потерявший своих качеств в Чистилище и притом благородный. Для того, чтобы выжить, полезно было иметь родственником Берия, но, если бы Гоглидзе дали волю, он бы выбрал в родственники доктора.

Перед доктором лежали индивидуальные параметры крови или, вернее, плазменной жидкости шахматистов. Ее состав позволял ввести в кровь консервант.

Все три дня, которые они проведут в настоящем мире, они не будут нуждаться в пище и во сне, хотя утомившись — а они будут быстро утомляться, — они могут вздремнуть. Им потребуется вода. Но не пища. Атрофированный кишечник работать не сможет.

Вода же нужна для каждого испарения.

Доктор перешел к Гоглидзе, и они принялись за изготовление консерванта, вовсе не панацеи и не спасения. От надежды переселиться наверх, если кто и питал ее, приходилось отказаться.

Конечно, размышляя Леонид Моисеевич, надо бы мне пробраться следом за шахматистами. И заодно поглядеть на столь давно покинутый мир. Но как ты последуешь за ними, если они знают тебя в лицо, если они бегают быстрее тебя и дерутся больнее. Да и сам Берия насторожен. Он проследит за тем, чтобы доктор не убежал.

— Дай мне все расчеты, — попросил доктор Гоглидзе. — Не хочу рисковать.

Гоглидзе пожал плечами.

Тут риский не риский, шансов за то, что шахматисты возвратятся живыми, немного. Даже Гоглидзе это понимал. Доктор поднял руку на законы природы. Правда, неизвестно, что за природа эти законы установила. Какова ее суть и каковы намерения?

Но сам Гоглидзе как отважный мужчина некоторое время назад вызывался сопровождать доктора Фрейда и испытательную вылазку по ту сторону Чистилища. Они побывали в сентябрьском пригороде, и Гоглидзе стало дурно от забытых и невероятно соблазнительных запахов и шумов.

Доктору пришлось тащить его назад на плечах.

В дыре их, правда, встретили чекисты и лично товарищ Берия.

Затем выпустили двух женщин, почти кончившихся, обезумевших от старости. Берия велел выпустить их на веревках, на длинных веревках.

Женщины обрадовались, стали бегать, прыгать и рвать траву.

Потом они утомились и легли спать.

На второй день они были живы.

А ночью третьего дня каким-то образом избавились от веревок, и больше их не видели.

Надо было бы провести больше опытов, но не было времени и материала.

Доктор взял расчеты и стал их просматривать.

Конечно, можно было без этого обойтись, но доктор тянул время. Он надеялся, что Егор все же проберется к нему в Смольный.

Доктор сидел за столом и мысленно шел вместе с Егором вдоль стены Смольного и приседал, когда видел издали велосипедиста из охраны штаба Революции.

Возвратились шахматисты вместе с Берией.

— Давай начинай процедуру, — сказал Лаврентий Павлович.

Как настоящий организатор Берия внимательно следил за своими проектами. Так было с атомной бомбой, так было и с изобретением Леонида Моисеевича. Ведь важность проекта не зависит от числа задействованных и

нем сотрудников или вложенных в него миллиардов рублей. Важен результат.

Такого результата Берия не ждал даже от атомной бомбы.

Если все удастся, он станет единственным и безраздельным правителем Вселенной.

Правда, надо будет убрать последних консультов.

Но никогда ничего не бывает просто. Такова жизнь. Доктор — предатель. Этого следовало ожидать. Такая уж нация — небольшая, но крайне опасная. Сколько их было в рядах нашей партии! Лаврентий Павлович полностью разделял точку зрения Хозяина — Россия для тех, кто живет на ее территории испокон веков. Для русских, грузин, мордвы и белорусов.

Хорошо, что Берия не пожалел времени и присутствовал в этом подвале на разных этапах проведения эксперимента. Подталкивал доктора, требовал объяснений. Разумеется, Лаврентий Павлович сам не биолог. Но ему и не нужны детали... Он может проконтролировать поведение предателя в принципе.

Шахматисты оробели.

Даже смешно, когда робеет Майоранский, который стольких убил, медленной и мучительной смертью убил в своей лаборатории — именно уколами. А сейчас он побаивается.

Гоглидзе перетянул руку Майоранскому выше локтя.

— Сожмите кулак, — приказал он.

— Зачем?

— Вы же грамотный человек! — рассердился Гоглидзе. — Неужели не понимаете, что я вашу вену найти не могу?

Майоранский принял сжимать пальцы.

«Как уйти? — продолжал думать доктор. — Как обмануть их?»

Пока ничего не придумаешь, кроме затяжки времени.

Гоглидзе сам вкатил два кубика в вену Майоранскому.
Доктор занялся Лядовым.

— Больно, — сказал Лядов. — Надо было учиться.

— Я не медсестра, — сказал доктор. — А в вас крови не осталось.

— Сколько надо ждать? — спросил Берия.

— Вы знаете, — сказал доктор, — надо будет подождать два часа. У вас же есть песочные часы.

— Я их вам отдавал.

— Мне?

— Они здесь. — Гоглидзе принес часы.

Берия взял часы.

— Пошли, — сказал он шахматистам. — Отдыхать будем в моем кабинете. Нет, вам, доктор, туда пока не нужно, я вас позову.

Он увел шахматистов.

У доктора отлегло от сердца.

Ничего не произошло. Но возникла пауза.

Два часа — доктор нарочно продлил срок растворения вакцины в крови. Потому что каждая лишняя минута увеличивала шансы. Егор успеет прийти...

— Вы можете пойти погулять, — сказал доктор своим помощникам. — Только далеко не отходите. Там был бой...

— Я здесь останусь, — сказал Гоглидзе.

— Неужели вам не интересно поглядеть на бывшее сражение? — произнес доктор.

— Чего же интересного, — ответил Гоглидзе. — Это не сражение, а бандитская разборка. Лаврентию Павловичу приходится отбиваться.

— Он победит?

— Разумеется, победит. Иначе наша с вами работа теряет смысл, — глубокомысленно ответил Гоглидзе.

— Ты им завидуешь?

— Нет, Леонид Моисеевич. Не хотел бы я оказаться на их месте. Три дня отпуска. Через три дня на передовую. Вы меня понимаете?

Гоглидзе попал сюда из Афганистана. Под Новый год их взвод был окружен в каком-то кишлаке, и если к рассвету их не перебьют моджахеды, то утром разбомбят свои. Такая война. И вернее всего, Гоглидзе один остался в живых: он больше других боялся смерти.

— Понимаю, — согласился доктор. — Видимость свободы.

В лабораторию зашел высокий велосипедист, в каске, надвинутой на глаза, и длинном блестящем дождевике. В руке он держал обнаженную саблю.

— Доктора Фрейда срочно к Лаврентию Павловичу, — прохрипел велосипедист.

— Ах да, конечно, — растерянно заговорил Леонид Моисеевич. — Куда идти?

— Доктору нельзя уходить. Сейчас вернутся подопытные товарищи, — сказал Гоглидзе. — Он занят.

— Лаврентию Павловичу лучше знать, кто занят, а кто нет.

— Иду, — сказал доктор, — бегу!

Гоглидзе даже удивился — он никогда не видел, чтобы доктор бегал. Велосипедист пропустил доктора и пошел следом. Гоглидзе смотрел на него и думал: что же в этом неправильно?

Потом, когда велосипедист и доктор уже скрылись за дверью, понял: велосипедист неправильно называл Берию. Лаврентий Павлович — годилось для людей близких или ответственных.

Для охранников и велосипедистов он был товарищем Берии или товарищем министром.

Но, отметив неправильность, Гоглидзе не сделал никаких выводов.

Так что Егор, переодетый велосипедистом, в сопровождении доктора беспрепятственно вышел в коридор.

— Куда теперь? — спросил Егор. — Вы лучше знаете.

— На бывший склад. — Доктор указал на железную дверь метрах в двадцати по коридору, и они поспешили туда.

Дверь была притворена, но не заперта. Доктор потянул ее за горизонтальную рукоять, дверь с трудом поддалась, заскрипела по каменному полу.

Егор помог ему.

Когда появилась широкая щель, они по очереди втиснулись внутрь, в темноту.

— Дальше не ходи, — сказал доктор. — Там ящики и железяки. Ногу сломаешь. Мы здесь оборудование сваливаем, которое нам не нужно, охранники притаскивают. Я уж и не мечтал тебя увидеть. Столько нужно сказать! Ты как сюда попал? Убил его?

— Нет, — ответил Егор. — Я не умею убивать.

— Убивать все умеют, — ответил доктор. — Этому не учатся, а подчиняются обстоятельствам. Но не теряй времени, я тебе должен сказать: Берия посыпает наверх, в настоящую жизнь, двух человек. Лядова и Майоранского. Их имена тебе что-нибудь говорят?

— Я ушел оттуда совсем молодым, — сказал велосипедист и снял шлем. Он был великоват и мешал Егору.

— Кстати, ты откуда это достал?

— Там, за углом, лежал мертвый велосипедист. Мне повезло. Тут ведь бой был?

— Был, только я его не видел, Берия держит меня в подвале.

— Видно, он в бою погиб, а его друзья считать не умеют. Я как раз крался вдоль дома и никак не мог сообразить, как мне внутрь проникнуть. И вдруг — лежит! Ну бывает же везение. Говорите дальше, Леонид Моисеевич. У нас, наверное, времени немного.

— Боюсь, что даже меньше, чем ты думаешь, — согласился доктор. — Оба посланца Берии связаны с биологией.

Майоранский постарше, он из ведомства Берии. Там работал. Лядов помоложе и к нам попал относительно недавно, даже по коже видно. Он знает какое-то место — базу или склад, — какое-то очень опасное место. Ехать надо поездом до Бологого, а потом по шоссе к деревне Максимовку.

— Значит, точно!

— Что?

— Максимовка! Я же слышал это название, когда засыпался на их совет.

— На какой совет?

— Это не так важно. Главное, что совпадает! Интересно, наши уже нашли Максимовку?

Доктор покачал головой.

Впрочем, в кромешной тьме Егор не видел. И не мог почувствовать его недоумение.

— Там, в Максимовке, находится нечто... — сказал Егор, — нечто страшное для всего мира.

— И я так понял, — сказал доктор. — Это яд или чума.

Кто-то шел по коридору, пройдет несколько шагов, останавливается, будто прислушивается.

Шаги замолкли у приоткрытой двери на склад.

Некто стоял в щели.

— Эй, — сказал он негромко, даже с опаской. — Есть тут кто?

Потом сам себе ответил, успокаивал страх:

— Нет тут никого. Чего им в темноте делать?

Когда шаги зазвучали вновь, доктор прошептал:

— Может, нас уже хватились.

— Тогда быстро говорите, что вы еще узнали.

— Я ввел им мою вакцину, — сказал доктор. — Я тебе о ней говорил? Ладно, повторю. У нас есть вакцина, может быть, это прорыв в будущее. С определенной степенью точности я могу гарантировать, что вы сможете без

особого вреда для здоровья пробыть там, наверху, ло
трех дней.

- Не может быть!
- Но дальше мне не шагнуть. Нет ни людей, ни зна-
ний. Ни оборудования. Интуитивно я чувствую, в каком
направление двигаться. Но не более того.
- У них будут три дня? — спросил Егор.
- Они утверждают, что этого достаточно.
- Достаточно для чего?
- Достаточно, чтобы погубить все живое на Земле.
- Но вы — как ученый, вы можете сказать: это воз-
можно?
- Если это биологическое оружие — все возможно.
Штаммы бактерий чумы или какой-нибудь другой злоб-
ной болезни могут распространяться по всему миру... и
защиты от этого нет.
- Значит, их надо остановить.
- Но ты говоришь, что сообщил туда?
- Как я могу быть уверенным, что наверху получили
мое послание, что они разобрались в нем, что отыскали
нужную Максимовку? Как я могу?
- И что же делать?
- Разве я знаю? — сказал Егор. — Ведь Берия не шутит?
В вопросе прозвучала капля надежды — а вдруг это
игра, ход в борьбе за власть... Но Егор не мог поверить в
утешительную версию.
- Берия никогда не шутит, — печально ответил доктор.
Они замолчали.
- Потом в тишине прозвучал голос Егора.
- Доктор знал, что он скажет.
- Мне придется... вы можете сделать вакцину для
меня?
- Ты не понимаешь, как это опасно!

— Глупости, — сказал Егор. — Здесь все опасно. Но по крайней мере я знаю, ради чего рисую... Альтернативы нет.

— Альтернатива, альтернатива — глупое слово, — прорвачал доктор, — всегда есть альтернатива.

— Какая же?

— Я сам пойду, — заявил доктор.

— Ну сколько можно повторять! — рассердился вдруг Егор. — Вас никто не выпустит.

— Любая нормальная беседа состоит из повторений, — возразил доктор. — Люди стараются найти компромисс.

— Что-то я давно не видел таких людей, — сказал Егор. — Сколько у нас еще времени?

— Боюсь, что времени у нас нет.

— Что с вами, Леонид Моисеевич?

— Я боюсь за тебя. И не только из-за вакцины. А потому, что ты окажешься рядом с очень опасными людьми. А мы с Люсей... будем скучать без тебя.

— Это нечестно. Это удар ниже пояса! Так вы сможете приготовить для меня вакцину?

— Все зависит от того, что делает Гоглидзе. И не вернулись ли агенты.

— Думайте, доктор. Что будем делать?

Доктор первым вышел в коридор. Там было пусто. Они пошли к лаборатории. Охранник у входа не обратил на них внимания.

Внутри было пусто.

Гоглидзе сидел за столом, вытянув ноги и закрыв глаза, словно дремал. Но он не дремал.

— У нас доброволец, — сказал Леонид Моисеевич бодрым голосом. — Быстро готовьте приборы. Возьмите у него кровь.

— Он что, с ними пойдет? — удивился Гоглидзе.

— Лаврентий Павлович не сказал, — ответил доктор.

— Мне прикажут, я сделаю, — подтвердил слова доктора велосипедист.

— Тогда сними плащ и закатай рукав рубашки.

Доктор кинулся к столу и стал готовить вакцину. Он внутренне считал до ста и снова начинал считать. Сейчко распахнется дверь и ворвётся взбешенный Берия. И тогда никому из них не жить.

Егор снял плащ, кинул его на стул, но шлема не стал снимать, и сабля осталась на поясе.

Гоглидзе взял кровь и протер сгиб руки какой-то остро пахнущей жидкостью.

— Совершенно не понимаю, — повторял он.

Гоглидзе любил ясность. Сейчас все его естество возмущалось неправильностью ситуации, но придаться он не мог. Хоть и помнил, что этот велосипедист неправильно называл шефа.

В отличие от шефа Гоглидзе не был чекистом, и в нем не жило почти генетическое чувство подозрительности. Берия давно бы расстрелял и доктора, и пациента, а Гоглидзе разрывался между подозрениями и верой в гениальность своего доктора.

Егор уселся на стул.

— Ждите, — сказал доктор после того, как Гоглидзе занялся светлой кровью Егора.

Незаметно для себя Егор тоже начал мысленно считать секунды. И страшиться возвращения Берии.

— Вы можете погулять, — с явным облегчением сказал доктор. — Изготовление вакцины требует времени.

— Тогда вы найдете меня там, где мы встретились, — ответил велосипедист, чем окончательно привел Гоглидзе в растерянность. Либо это не простой велосипедист, либо вовсе не велосипедист.

Когда велосипедист вышел, Гоглидзе обратился к доктору:

— Кто он такой? Почему...

Доктор поднес палец к губам.

— Есть вещи, Горацио, о которых простым смертным лучше не знать.

— Почему Горацио? — не понял его Гоглидзе. — Меня Георгием зовут!

— Правильно, Георгий, — сказал доктор. — Следите за приборами. У меня есть теория, но вы должны поклясться рекой Арагви, что не выдадите меня!

— Клянусь мамой! — ответил ассистент.

— Очень хорошая клятва, — одобрил доктор. — Как вы знаете, Лаврентий Павлович отправляет наверх своих агентов. Вы представляете, в какой обстановке они окажутся?

— В какой?

— Вокруг враги, вокруг их все подозревают, задание может сорваться в любой момент. В конце концов, Георгий, может ли рассчитывать Лаврентий Павлович на людей, которых он нашел здесь и подготовил? Что случится с ними, когда они выйдут на площадь Московского вокзала в Ленинграде, где звенят трамваи и гудят автомобили?

— Вы думаете... — Гоглидзе не закончил фразы, потому что не знал точно, в чем же уважаемый батон доктор подозревает этих шахматистов. Как называл своих агентов Берия.

— Что бы вы сделали на месте Лаврентия Павловича, ну?

— Я бы? Я бы послал людей, надежных сотрудников.

— И много их здесь?

— Совсем не встречаются, — признался Гоглидзе.

Он даже развел руками от безнадежности, он провел в этом мире больше двадцати лет по земному счету и не переставал удручаться, насколько плохо все здесь в Чистилище устроено. Правда, у Гоглидзе была одна мечта — неосуществимая, но сладкая: добраться до Тбилиси, где

осталась настоящая жизнь, где вечерами хорошие люди гуляют по проспекту Руставели, где пахнет шашлыками и дорогими духами, по улице скользят джипы и «мерседесы», и каждому вслед можно сказать: «Гоги поехал», «Гии поехал» с уважением или презрением.

Он понимал, что стоит поделиться мечтой с кем-нибудь в этом проклятом подземелье, как его поднимут на смех. Даже сам Лаврентий Павлович, даже Леонид Моисеевич. Так что приходилось молчать.

Леонид Моисеевич перешел на шепот.

— Лаврентий Павлович решил, — произнес он, — что отправлять сотрудников без наблюдения и, если надо, поддержки слишком рискованно. И тогда решено направить с ними негласно... — На последнем слове доктор сделал значительную паузу.

Гоглидзе уловил ее значение и склонил черную голову.

— Этот сотрудник, — доктор показал на прикрытую дверь, — срочно получаст от нас дозу вакцины. Но вы его не видели, я его не видел, и даже Лаврентий Павлович его не видел. Вы меня поняли?

— Конечно, как не понять! — громким шепотом ответил Гоглидзе, потрясенный мудрой предусмотрительностью Лаврентия Павловича.

— У меня есть указание, — закончил монолог Леонид Моисеевич, — сделать все в режиме специального обслуживания. Ни один человек в мире, кроме вас, Георгий, этого велосипедиста не видел. Кстати, это не простой велосипедист, а родственник одного человека из членов Политбюро.

— Ой, — сказал Гоглидзе.

Он был эмоционально переполнен и мог взорваться от избытка чувств.

Именно в этот момент вошел сам Берия со своими агентами.

Гоглидзе шумно сглотнул слюну и принялся преданно смотреть на генерального вождя.

— Вольно, — сказал Берия, не придав значения интенсивности взгляда, — давайте поскорее готовьте наших товарищей.

Вакцина, включавшая несколько кубиков крови пациентов, была уже готова, созрела, как говорили в лаборатории.

Доктор сам ввел ее шахматистам. Те посматривали на него с опаской, но подчинялись.

Берия стоял вблизи и не спускал глаз с рук доктора, словно мог уследить тот момент, когда доктор вкатит его сотрудникам смертельный яд.

Нет, конечно, Берия этого не мог уловить, но стоял потому, что знал: его присутствие, его взгляд действуют на всех здесь, как взгляд кобры на кролика.

— Теперь отдых, — сказал Берия за доктора.

— Правильно, — согласился доктор. — Только это не отдых — это возможность организму внедрить вакцину в кровеносные сосуды. Однако прошу вас далеко не отходить. Потому что только я могу определить момент, когда вам следует уходить наверх. Только я.

— Смотри у меня, — впustую пригрозил Берия.

— Смотри, — как бы пошутил в ответ доктор, что Берии не понравилось.

— Гоглидзе, — сказал доктор, — проводите пациентов в лазарет.

Там стояли койки.

Майоранский и Лядов молчали. Как молчат люди, прислушиваясь к неизвестной болезни в своем теле. Они знают, что отравлены, но еще не знают, в чем это выражается.

— Ты иди, — сказал Берия доктору, — я с ними побуду.

— Времени осталось немного, — сказал доктор.

— Не волнуйтесь, Леонид Моисеевич, — вдруг подобрел Берия, неправильно прочтя мысли доктора.

— Я постараюсь, — ответил доктор. Он думал о том, как незаметно ввести вакцину Егору.

Он был бы рад, если Егор откажется от путешествия, и в то же время был бы в отчаянии, если Егор испугается. Он верил в злой гений Берии.

— Тогда я вас оставлю на несколько минут? — вежливо сказал доктор.

— Давай топай, — сказал Берия. — Нам еще надо перескнуться несколькими словами.

Доктор быстро вышел в лабораторию.

— Готова вакцина? — спросил он.

— Готова. А как они?

— Вроде бы все в порядке. Но Лаврентий Павлович, доктор снова перешел на шепот, — не хочет, чтобы кто-нибудь из них случайно увидел велосипедиста. Дай мне шприц. Я введу вакцину снаружи, где он меня ждет. Ну, быстро! А то Лаврентий Павлович позовет меня и будет ссыпаться.

Гоглидзе не возражал, когда доктор сам схватил шприц и поспешил наружу.

От двери обернулся и сказал:

— Если Лаврентий Павлович спросит, где я, скажешь, что живот схватило. Сейчас буду.

— Живот? Схватило? — Этот предлог показался Гоглиду невероятно смешным. Он захихикал.

Доктор кивнул охраннику снаружи, тот кивнул в ответ.

Он прошел к складу.

Обернулся перед открытой дверью.

— Ты здесь? — спросил он тихо.

— Заходите.

— Протяните руку, — сказал доктор.

Егор быстро заговорил:

— Сообщите обо всем генералу и Люсе. Та же улица, но дом 45...

Глава одиннадцатая

Егор Чехонин

К счастью для Егора, Берия не продумал, как быстро доставить своих агентов к переходнику.

Он не захотел расставаться со своим «паккардом», поэтому младшему агенту, Лядову, выдали дамский старенький велосипед, на котором он ехал медленно, с трудом крутя педалями.

Майоранский уселся в коляску рикши, уверенно поставив подошвы ботинок на приступку перед креслом, словно всю жизнь только и ездил на рикшах.

Так они и ехали за экипажем первого консула.

Егор быстро шел в квартале позади, иногда переходя на бег, но никто не догадался оглянуться и заметить его. Даже Берия.

Правда, устал он сильно. Все-таки бежать полчаса — это занятие не для человека в Чистилище.

Переходник, оказывается, располагался в кирпичном корпусе заброшенной фабрики.

Процессия скрылась в нем, и, когда Егор подошел к разбитому окну, он услышал, как гулко разносятся голоса в обширном пространстве.

Берия окликнул:

— Феничка! Ты где?

Посыпались кирпичи, из них вылезла страшная, толстая, покрытая шерстью или рваной ватой фигура — лысая голова поднималась из этой массы, как желтый билльярдный шар. Нет, скорее существо было похоже на преувеличенного новорожденного орлена. Может, таким и был птенец птицы Рокк.

— Ну вот, — загудел Феничка, — а я уж ждать раздумал. На что, думаю, мне спать, раз никто не придет, все вы заняты, дела у вас, заботы, разве я не понимаю, я ведь все понимаю...

— Как дела с переходом? — оборвал его Берия.

— Теплится, зиждется, молотится, — ответил Феничка. — До ста досчитайте и можно лезть. Головкой вперед, все равно не вернетесь.

И Феничка залился неудержимым смехом, блестящая голова дергалась, а притороченное к ней мохнатое тело шаталось, будто старалось отделиться от головы.

Феничка отсмеялся, и все покорно ждали, пока он утихнет, потом полез в сторону, по проходу, по битому кирпичу в арматуре, приговаривая:

— Камуфляж долбаный, когда-нибудь я ножку сломаю, вторую сломаю и обезножу. Как вы без меня будете?

Он остановился перед занавесом, висевшим на проводке. Кольца были тоже сделаны из проволоки.

Феничка потянул занавес в сторону, заглянул туда, в темноту, и сказал:

— Располагайтесь, берите бутерброды, начинается минута ожидания.

Никто не двинулся с места.

— Не хотите — как хотите, а я вам должен заявить, что намедни сюда оттуда две крысы проникли. Они ведь без понятия. Боюсь, что расплодятся они на человеческом мясе.

— Вряд ли, — сказал Лядов. — Не тот у них здесь метаболизм. Мне приходилось их ловить. Жалкие создания.

— Жалкие-жалкие, а им принадлежит будущее, — сказал Феничка. — Было у меня к этому видение. Вы все друг дружку перебьете, передушите, придут крысы во главе с крысиным царем — я его видел, как вас видел, — и возьмут этот мир в свои корявые лапки.

И снова Феничка рассмеялся.

Егор надеялся, что у Фенички нет особого нюха, предчувствия. В Чистилище встречались отшельники — то религиозные, то по склонности души. Большой частью чудаки, иногда опасные маньяки, и именно среди них водились люди с повышенной чувствительностью. Одни могли почувствовать твое настроение или даже намерения, другие чуяли человека за несколько метров — ведь им приходилось все время напрягать свои чувства.

Феничка не почувствовал присутствия Егора. И то хорошо.

— Там ничего не построили? — спросил Лаврентий Павлович.

— А мне что? Если построили, вы лбы расшибете!

— Сначала тебе расшибут, — сказал Лаврентий Павлович.

— И то верно, — согласился Феничка, — вы человек безжалостный. Но по моему разумению, там никаких перемен нет. Запустение, почти как у нас.

— Кроме крыс, никто не совался?

— Как я понимаю, — сказал Феничка, — наш ход — резервный, о нем знать не положено.

— Другие ходы я ликвидирую, — сказал Берия.

Видно, он был давно и хорошо знаком с Феничкой, потому что после первого укола фразами они стали говорить спокойно и доверительно.

— Не получится, — сказал Феничка. — Не ликвидируете, Лаврентий Павлович, — одеяльце на глазах расползается. Такова наша планида. Я ведь себя последнее время чувствую просто ужасно. А оттуда зараза идет. Честное слово, даже меня напугали. То ветерок ядовитый, то жарой пахнет, а иногда даже запахи стали проникать.

— Потерпи, — сказал Берия. — Скоро мы все это исправим.

— Я слышал, — сказал Феничка, — что ты там натворил.

— Я?

— Чаянова убили, Лариску, а потом война была, и ты еще кого-то из консулов чик-чик? Стремишься к неограниченной власти?

— Без нее не бывает настоящего порядка, — твердо ответил Берия. — Если не взять власть, она упадет на землю, и ее затопчут кому не лень. Тогда поднимай не поднимай, все равно уже не отмоешь.

— Красиво говоришь. Скоро будет свет.

— А какая сейчас периодичность? — спросил Берия.

— Каждые полчаса, — сказал Феничка, — но неточно.

— Смотри не пропусти момент, — сказал Берия.

— Я его чую, — сказал Феничка. — Не зря на этом деле держусь к взаимному уважению.

Они замолчали, ждали. Потом Берия спросил:

— А сам часто туда шастаешь?

— Ну как можно, у меня здоровье одно, — ответил Феничка. — Я хочу досмотреть.

— Что досмотреть?

— Падение дома Эшеров.

Берия почуял подвох. Феничка знал что-то, неизвестное Берии. Берия не стал переспрашивать.

В наступившей паузе громко раздался голос Лядова:

— А вы кем были в прошлой жизни?

— Никогда не догадаетесь, — сказал Феничка.

— По хозяйственной части? — спросил Майоранский.

— Не буду вас мучить подозрениями, — сказал Феничка, поводя вокруг себя орлиным ярким взглядом. В полуутьме глаза чуть светились. — Я был секретарем райкома.

— Нет, — откликнулся Лядов. — Таких в секретари не брали. Требовался облик.

— Правильно! — вдруг поддержал его Лаврентий Павлович. — Без облика какой может быть руководитель?

— Я был доцентом кафедры марксизма-ленинизма, — признался Феничка и лукаво усмехнулся. Оказывается, он умел лукаво усмехаться.

И тут слабый отблеск из-за занавеса упал на голову Фенички, вспыхнул искоркой, и громадный зал заброшенной фабрики на мгновение осветился алым отблеском адского пламени.

— Ура! — закричал Феничка. — Ура. Карета подана, господа присяжные заседатели. Вы не узнали меня, любимого героя своих детских лет, но я на вас не обижаюсь. Пошли, открывайте занавес и шагайте. Смело. В нашем распоряжении всего две минуты.

— До свидания, товарищи, — торжественно произнес Феничка и оттянул на себя край занавеса.

Свет оттуда раздражал, он был болезненным и мерцающим.

Агенты Берии задержались, не решаясь сделать шаг.

— А ну, пошли! — крикнул Берия, словно на лошадей.

Как ни странно, этот окрик воздействовал, и шахматисты дружно, парой, как малыши в яслях, шагнули к свету и исчезли, поглощенные им.

И тут же Феничка отпустил занавес.

Свет из-за занавеса тускнел, пока не пропал.

— Славно потрудились, — сказал Феничка. — Какие планы на будущее?

— Через три дня должны возвратиться, — сказал Берия. — Если операция «Гадюка» увенчается успехом.

— То есть если они возвратятся — хорошо, а если не возвратятся — еще лучше?

— Нет, — задумчиво ответил Берия. — Я не планирую их ликвидировать. Если они выполнят задание — пускай живут. Если решат остаться там, то через три дня помрут. Для меня это будет ударом.

— Доктор сказал? — Феничка был в курсе многих дел Берии, и Лаврентия Павловича это не удивляло и не сердило.

— Доктор сказал. Это его вакцина.

— Ценный фрукт — этот доктор.

— Мне он не нравится, но я пока не могу себе позволить...

— Его ликвидировать, — закончил Феничка фразу за Берию. — Потому что он единственный, кто может сделать вакцину. А мой уважаемый собеседник не исключает, что вакцина может понадобиться и ему самому.

— Если рейд моих шахматистов провалится и если вакцина будет действовать дольше...

— Добро, я устал, мне надоели ваши заморочки. Идите в Смольный, товарищ вождь. Планируйте великие дела. Сколько еще консультов осталось?

— Не говори глупостей.

— А я ничего другого не умею.

Егор отпрянул за колонну, Берия в сопровождении двух охранников быстро прошел к выходу из фабрики.

Стало тихо.

Потом послышался голос Фенички:

— Вылезайте, лапушки, вылезайте, милые, порадуйте стариковское сердце.

В ответ раздался детский смех.

Егор выглянул из-за колонны.

Феничка стоял на открытом месте, расставив руки и ноги, и был похож на пингвина.

А у его ног прыгали и пели две маленькие девочки в кружевных платьицах, что было совершенно немыслимо, так как дети в Чистилище не попадают. А если и встреча-

ются, то старше десяти — когда человек уже догадывается о существовании смерти.

Феничка раскачивался, как игрушечный пингвин, и тоже танцевал, неуклюже и уморительно.

— В саду родилась елочка, — пели девочки.

— В саду она росла, — вторил им Феничка.

На полу что-то шевелилось — и с некоторым ужасом Егор увидел, что несколько крыс тоже танцуют с девочками, перебегая между детских ножек и даже становясь на задние лапки.

Это был веселый, хоть и несколько жутковатый праздник, Егор непроизвольно сделал шаг вперед, не заметив, как покинул спасительную тень, и Феничка крикнул ему:

— Молодой человек, а молодой человек, присоединяйтесь к нам. Судя по всему, вы отличный танцор.

Девочки, завидя Егора, побежали к нему и потащили на центр танцевального круга, вцепившись в брюки.

И тогда Егор догадался, что это вовсе не девочки, а две одинаковые лилипутки.

— Все в круг, все в круг, с нами наш веселый друг! — распевал Феничка.

Волей-неволей Егор был вынужден принять участие в веселье, правда, душа у него не лежала к танцам, но важнее всего было не испортить отношений с Феничкой.

Они топтались друг против друга, а внизу, дергая за брюки и за пальцы рук, сутились лилипутки.

— Тебе чего надо? — спросил вдруг Феничка.

— Мне надо туда.

— Задание Лаврентия Павловича? Операция «Гадюка»?

Вот тут надо было ответить правильно. Ошибешься — неизвестно, удастся ли достичь цели.

Если не знаешь, что говорить, говори правду — так сказал как-то дядя Миша. А может, прекрасная Тамарочка? Она неожиданно рождала афоризмы вперемежку с очевидными глупостями.

— Нет, — сказал Егор. — Мое собственное задание. Я название операции в первый раз слышу.

— Ну, ты смельчак! — удивился Феничка, он раскачивал желтой блестящей головой, как китайский болванчик, посреди желтого шара блестели маленькие черные глазки. — Я же тебя сейчас сдам охране!

— Ой, не сдавай, папочка, не сдавай! — наперебой закричали лилипутки. — Он хороший мальчик.

— Ты там помрешь, — сказал Феничка.

— Ах, он там помрет! — завопили лилипутки.

— Познакомься, — сказал Феничка, — Анжела и Дездемона, заслуженные артистки республики. Встань на колено.

Егор подчинился.

Он опустился на колено, лилипутки — хорошенечкие, круглолицые, но уже немолодые, по очереди сделали книксы и протянули ему махонькие ручки. От них почему-то пахло конфетами, хотя здесь не было запахов.

— Я не помру, — сказал Егор, поднимаясь с колена. — Мне ввели вакцину.

— Ах вот почему Лаврентий Павлович объявил доктора предателем!

— Доктор здесь совершенно ни при чем. Но мне нужно срочно туда попасть.

— Скажи зачем. Постарайся рискнуть и стать дважды честным. — Феничка засмеялся.

— Я хочу их остановить.

— Вот это уже поступок, — сказал Феничка.

— Он герой, герой! — кричали вразнобой лилипуточки. — Ему венок, венок на головку!

— Кому служишь? — спросил Феничка.

— Людям, — сказал Егор.

— Такого не бывает. Людей здесь нет.

— К счастью — есть, — ответил Егор и показал на лилипуток. — Посмотрите — это же настоящие люди, и даже танцуют.

— Вот именно! — закричала тонким голосом одна из лилипуток. — А нас многие не понимают и презирают.

— Тогда скажи мне, какое задание выполняют те двое?

— Зачем вам знать?

— Не серди лектора общества «Знание»!

— Я еще не все знаю, — признался Егор. — Но вернее всего они попытаются убить всех, кто живет наверху.

— Это еще зачем? — удивился Феничка.

Он взорвался и принял чесать свой мохнатый живот.

— Мне кажется, — ответил Егор, — что Берия и его друзья боятся, что перегородки между мирами истончаются и Верхний мир все больше влияет на наш.

— Это точно, — согласился Феничка. — Я уже побаиваюсь, не отравимся ли мы тамошним воздухом.

— Разве это основание для того, чтобы убить всех? Наших детей, наших родных...

— Ах, не говорите так! — закричали лилипутки. — Мы их так любим, мы так туда стремимся.

— Свойственное марксистам желание быть первыми парнями на деревне. В городе все равно не получалось.

— Это парадокс, — сказал Егор. — Сколько лет они правили нашей страной.

— И все равно оставались первыми парнями на деревне. Только тебе этого не понять — терпи и подчиняйся. Мы все стали деревней. Впрочем, я все понял, молодой человек. Лаврентий Павлович, который умело использовал меня, боится потерять призрак своей власти. Ради нее он боролся всю жизнь, а попал сюда и понял, что все едино, так он запрограммирован. Есть деревня — будем первыми!

— Можно я уйду туда? — Егор показал на занавес.

— Девочки, что мы ответим этому молодому человеку?

— Пускай идет, только пускай возвращается.

— Если он не вернется, мы... — Первая из красавиц не смогла отыскать слов, и вторая пришла к ней на помощь:

— Если он не вернется, я отказываюсь от компота!
 — И я тоже! — закричала вторая.
 — Я вернусь. Мне нельзя там долго оставаться.
 — Тогда мы напишем письмо, — сказала лилипутка, — а ты отдашь его в наш цирк.

За занавесом начало разгораться зарево.

— Отстаньте от парня. Как тебя зовут?
 — Егором.
 — Отстаньте от Егора, ему пора уходить, — сказал Феничка.

— Только возвращайся! — закричали лилипутки.
 Феничка откинул занавес. Неверный мерцающий свет залил пустой фабричный цех.

— Иди, — сказал он. — И скажи им, что название операции отдает пошлостью.

— Спасибо, — ответил Егор. — Я вернусь через три дня.
 Он шагнул в свет, и свет окутал его.
 Он был теплый.

Глава двенадцатая

Доктор Фрейд

Доктор Фрейд сказал Гоглидзе, что устал и пойдет подышать свежим воздухом.

Занятие непонятное — воздух везде чистый, и никому он не нужен, но Леонид Моисеевич лучше знает, что такое мотив.

То же Леонид Моисеевич сказал и охраннику у двери.

Охранник у двери, как только доктор скрылся за поворотом лестницы, дернул за шелковый шнур, который вел наверх, в комендатуру.

В комендатуре сидел сержант и рассматривал книжку с картинками. Книжка принадлежала старинному писателю Толстому и рассказывала о деревянном человечке Буратино. Там были интересные картинки.

Услышав два звонка снизу, сержант отложил книжку и пошел в кабинет к товарищу Берии.

Берия сидел за большим столом, перед ним лежали чистые листы бумаги. В руке карандаш, красный карандаш, которым он что-то вычеркивал на листах.

— Ушел? — спросил он, не поднимая головы.

— Только что, еще из дома не вышел.

— Отпустите его метров на двести и следовать за ним незаметно. Махальщика на крышу!

Сержант побежал на верхний этаж.

Там сидел в одиночестве и очень скучал махальщик. Перед ним лежал наполовину разложенный пасьянс.

— Опять не вышло, — сказал он сержанту.

— Иди на крышу, — приказал сержант, — подавай сигнал рикше.

— А он где сейчас?

— Где и положено, на площади.

Махальщик посмотрел на пасьянс.

— Минутку, — сказал он. — Вроде получается.

— У тебя еще тысячу раз получится! — рассердился сержант и ногой наподдал по картам. Пасьянс рассыпался и безнадежно погиб.

— Ну зачем ты! — обиделся махальщик. — У меня же получалось.

— Ты пойдешь или нет! — завопил сержант.

— Да не пойду я никуда, — ответил махальщик и стал собирать карты. — Сам иди и махай.

Люди в Чистилище, как правило, куда замедленнее и равнодушнее, чем их собратья в Верхнем мире. Но это компенсируется редкими дикими вспышками ярости, которые охватывают в Чистилище людей.

Такое случилось и с сержантом.

Словно безумный он накинулся на махальщика, и тот, так и не собрав карт, принял отступать к стене, отмахиваясь от сержанта, как от осы.

Сержант стремился к ослушнику, стараясь вцепиться в него длинными ногтями, и ногти уже достигли глаз, когда махальщик всерьез испугался, что придало ему смелости.

Вместо того чтобы отаться полностью на милость сержанта, он ринулся ему навстречу и, продолжая отбиваться от воображаемой осы, ударил сержанта.

Тот от неожиданности остановился.

— Да ты что... — пробормотал он, — да ты как посмел...

Он говорил это с радостью — теперь он имел все права добить махальщика.

Убежденный, как любой чекист, в оправданности конфликта с низшим существом и в своей неприкасаемости, сержант не видел того, что махальщик и моложе его, и крупнее. Сержант являл собой кабана, ринувшегося на медведя.

Даже получив несколько ударов в грудь и по поясу, сержант еще не понимал, что самое разумное для него — отступить и бежать за подмогой или оружием.

Он же кидался вновь и вновь на махальщика и отшатывался под его ударами.

Махальщик также уже понял, что он сильнее.

И воспыпал гневом к сержанту. Не было больше перед ним сержанта, не помнил он о всесилии Лаврентия Павловича — он был оскорблен, его ударили, его пасьянс уничтожили.

И перейдя в наступление, махальщик загнал в угол сержанта, который еле успевал защищаться, но не мог попросить пощады, так как понимал: сейчас, вот-вот все изменится... все изменится... я тебе покажу.

И тут от удара сержант грохнулся на пол.

А раз в борьбе не было правил, то махальщик принял-ся бить лежачего, пинать его ногами, так что сержанту стало очень больно.

— Ты что... — Тон сержанта вдруг изменился. До него дошло, что махальщик намерен его убить, что нужно прекратить этот бой, потому что он складывается неправильно.

Может, сержант уже не думал так отчетливо, потому что мысли его путались и каждый удар вносил все большую сумятицу в ослабевший мозг.

— Хватит, — попросил сержант, — хватит...

— Хватит так хватит, — вдруг согласился махальщик. — Тогда лезь сам на крышу и махай — вон там флаг лежит.

Он показал в угол.

Он отошел от сержанта и принялся снова собирать карты.

Сержант с трудом поднялся на ноги.

Ему было больно. Его никто еще никогда так больно не бил.

Он и в самом деле чуть было не пошел сам на крышу махать флагом, но тут понял, что не сможет подняться на целый этаж.

Он махнул рукой и пошел вниз, держась за стенку и кривясь от боли.

Он спускался вниз, и с каждым шагом в нем поднималось чувство мести.

Конечно, ему надо было бы пойти в комендатуру и взять там оружие, а также позвать кого-то на помощь.

Но его затуманенное сознание почему-то выбрало другую путь — к кабинету Берии.

Охранник с удивлением смотрел на окровавленного сержанта.

Тот ввалился в кабинет без стука.

Берия стоял у окна и наблюдал, как доктор Фрейд быстро шагает между редких деревьев, полагая, что его никто не видит.

Берия представлял себе, как, подчиняясь сигналу, с крыши на перехват доктора выезжает рикша, как поднимают свои машины велосипедисты...

И тут ввалился этот идиот.

— Там, — сказал он, с трудом шевеля распухшими синими губами, — там махальщик меня... избил.

— Что? — Берия сразу напрягся, что бывало с ним в моменты опасности, подобрался как волк при звуках охоты.

— Махальщик, гад...

— Сигнал дали?

— Он сказал, не будет...

— Почему?

— Я ему сказал — иди, а он сказал — не буду и стал меня бить.

Сержант всхлипнул и принялся размазывать по щекам жидкую кровь, которая текла из носа.

Берия сразу почувствовал, что сержант врет. Не мог флегматичный махальщик ни с того ни с сего наброситься на сержанта.

Но это не играло сейчас роли.

Он оттолкнул сержанта и выбежал в коридор.

— За мной! — крикнул он.

Охранник побежал за Берией.

Они ворвались в комнату наверху.

Махальщика там не было.

Махальщик, хоть и был неумен, сообразил, что сержант приведет мстителей, а потому ушел из комнаты и залег на чердаке.

Берия увидел, что в углу лежит флаг.

Он схватил его и выбрался наверх, к чердачному окну.

Оттуда был виден простор справа от главного фасада. Там, за палками мертвых деревьев, Берия угадал фигуру рикши.

Берия принял махать флагом.

Он давно не был так взбешен. Хотелось лечь и завыть, в полной безнадежности, как когда-то в одиночной камере.

Неужели он так стремился на волю и вырвался из застенков только для того, чтобы существовать среди кучки бестолочей и подонков, которым ничего нельзя поручить, которым ни в чем нельзя довериться?

И нет никакой гарантии, что его агенты, отправленные наверх, смогут выполнить задание. И не было уверенности в том, что ему удастся отразить еще один штурм консулов.

Рикша смотрел куда угодно, только не на крышу Смольного, откуда должен был получить приказ.

Берия не выдержал и закричал. Пронзительным, женским голосом, который ему самому показался горным кличем, несущимся от Эльбруса к Тбилиси.

И как ни странно — то ли тишина была чувствительна к звукам, то ли случайно, — рикша обернулся и увидел фигуру человека, махавшего флагом.

Он помахал в ответ — вижу, мол.

Развернул коляску и поехал к воротам Смольного. Но опоздал.

В то время доктор уже выбрался наружу через дыру в ограде и поспешил через площадь в сторону Невского.

Рикша выехал к воротам, никого не увидел и решил, что, наверное, его жертва припозднилась.

Поэтому он остановился, слез на землю и стал прохаживаться вокруг коляски, изображая конского барышника.

Вся эта идиотская сцена была видна Берии, и он понимал, что флагом он себе не поможет.

Он побежал вниз, к выходу, где должны были ждать сигнала велосипедисты.

К счастью, велосипедисты никуда не делись и были готовы к бою.

— Объект, — объяснил еще раз Берия, — пешком или на рикше направится в район Сенной площади и канала Грибоедова. Вы следите за ним в пределах видимости, но не привлекайте внимания. Когда вам удастся установить дом, в котором объект намерен выйти на связь с вражеским разведчиком и диверсантом, вы вступаете в дело. Вы берете доктора и его связника и везете сюда. Вам ясно?

— Так точно, товарищ Берия, — нестройным хором отвстили велосипедисты и затопали к выходу, ведя в по-воду свои велосипеды.

Их каски тускло поблескивали, плащи отливали серебром.

Славные ребята, подумал Берия, и ему стало легче. Нет, еще не все потеряно.

Он сице будет... и вдруг в ушах зазвучала какая-то забытая ария:

«И будешь ты царицей ми-и-и-ра... голубка верная моя!»

— Вот именно, — вслух произнес Берия и направился в свой кабинет.

Теперь ему предстояло оборонять Смольный и ждать.

Ждать, когда схватят эту девку, ждать, когда можно будет вытащить правду из доктора. Ждать, пока придут вести из Верхнего мира, которому остается жить меньше трех дней.

А славно, товарищ Москаленко! Славно, Жуков с Хрущевым! Славно, старые предатели Каганович с Молотовым. Все вы полетите в яму истории, если уже не полетели,

как утверждают вновь прибывшие оттуда. Ничего, и новым вождям, наследничкам, достанется.

Он уселся за большой стол, который называл для посторонних ленинским. Сам придумал эту легенду.

Все верили — а почему не верить, если все равно?

Подвинул к себе лист бумаги, взял хорошо заточенный красный карандаш, точно такой же, как был у Хозяина, и стал ждать.

Доктор шел каким-то переулком, он только помнил общее направление и подходил к Московскому вокзалу, когда услышал вдали, вне пределов видимости, скрип колес повозки.

Рикша?

Доктор было обрадовался и хотел подождать и окликнуть рикшу, но не сделал этого.

Он не был подозрительным человеком, но вдруг испугался рикши.

Он его уже догонял, он его уже отвозил к каналу Грибоедова.

Чумазилла рикше не доверяла, да и много ли шансов дважды в течение короткого времени встретить единственного ленинградского рикшу, такого навязчивого и любопытного? Никаких шансов на это нет.

Берия доктора подозревает. Готов бы его убить, да не смеет, потому что Леонид Моисеевич обладает Знанием.

Конечно же, рикша ждал момента, когда доктор уйдет. И теперь гонится за ним.

Значит, Берия его послал. Значит, Берии все известно.

Разумно возвратиться в Смольный. И затаяться. Пока.

Нет, он не может так поступить. Люся ничего не знает, она в неведении. Она боится и переживает.

Если ее не предупредить, она имеет немало шансов попасть в лапы к Берии.

Доктор остановил к темной подворотне и продолжал размышлять.

Рикша знает, что Люся таится где-то в районе канала Грибоедова. Он знает об этом независимо от передвижений доктора.

Он не знает линь, в каком из домов надо искать девушку...

В конце улицы показался рикша. Он был озабочен, он торопился, привстав над спинкой кресла, и перевалился, нажимая на педали.

Доктор вышел из подворотни и замахал руками, словно пионер, который желает непременно остановить поезд, пока тот не наткнулся на украденный диверсантами рельс.

Рикша обрадовался.

Он резко затормозил рядом с доктором и тут же проговорился:

— Я уж боялся, что вас не найду.

— А почему искал? — Доктор не отказывал себе в удовольствии поддеть рикшу.

— А я... я тебя издали увидел, когда ты из Смольного вышел. И подумал — наверное, доктор снова на Грибоедова подался. Надо помочь. Человек немолодой, устанет, дойдет туда неизвестно когда да еще попадет под нож какого-нибудь бандита. Я правильно рассуждаю?

— Как я вам благодарен! — восхликал доктор, который решил быть максимально наивным. — Я уже и не чаял добраться до Грибоедова. А теперь я спокоен.

Доктор взобрался на кресло и откинулся, насколько позволяла спинка. В затылок ему часто дышал рикша, которому нелегко далась погоня за пассажиром.

— Вы одни? — спросил доктор.

— В каком смысле?

— Может, еще товарищей с собой позвали, чтобы не скучать в дороге?

— И не думайте, — ответил рикша. — Зачем мне товарищи? У меня обычная работа, общественный транспорт.

Доктор ему не поверил, но полагал, что поступил правильно. Пускай они ничего не подозревают, а рикша сэкономит ему силы.

— Чего, не договорили? — спросил рикша.

— Да, хочется еще поговорить, — согласился доктор.

— Поговорить у нас — главное удовольствие, — подтвердил рикша. В голосе звучало довольство.

А доктор был рад, что обманул Берию и его сатрапа. Пускай он везет меня на канал Грибоедова. Главное — придумать, как сбежать от него. На месте разберемся.

Доктор устал, и его быстро укачало. Он задремал. Сквозь дрему слышал голос рикши, который задавал ему бесконечные вопросы, но ответов не слышал. Так что и не переспрашивал.

Однако сон в Чистилище — понятие относительное, толком и не заснешь, потому что мозгу сон не нужен. Так что у Гостиного двора, когда коляска зашаталась, запрыгала по трамвайным рельсам, он совсем пришел в себя.

И тут увидел то, что видеть не положено.

Когда коляска повернулась, потому что рикша старался выпрямить ее, доктор увидел, как по Сенной на той стороне Невского, как раз под кривой вывеской ресторана «Баку», едут пять или шесть боевых велосипедистов в касках и серебристых плащах. Они ехали по тротуару, прижимаясь к стене дома и не приближаясь к рикше.

Но у Леонида Моисеевича не было сомнений: это — охотники. Они высматривают дичь. И не самого доктора — чего его высматривать — и так весь на виду. Они высматривают Люсю и генерала — тех, к кому едет доктор.

От них уйти будет потруднее, чем от рикши.

Это было как в клинике. Ты смотришь с надеждой на доктора, который пишет заключение после анализов, и

робко спрашиваешь: «Ну как у меня?» «Плохо, — отвечает доктор. — У вас неизлечимая болезнь».

Доктор сидел в оцепенении, а рикша продолжал сам с собой:

— Человек один ничего не может, недаром об этом мудрые люди писали. Вы как относитесь к членству в организации? Правильно, я тоже воздерживаюсь, потому что непосредственное членство — это удел слабых, но, с другой стороны, быть одиноким волком я вам не советую... Да вы и без меня это знаете, едете сейчас к своему шефу, я правильно угадал?

Теперь надо было убежать от рикши.

Как это сделать?

И еще над ухом непрерывный словесный поток...

Выехали на набережную. Коляска задергалась — мостовая оставляла желать лучшего.

Где-то здесь рикша оставляя коляску в прошлый раз. Вернее всего, он вот-вот остановится.

Доктор улучил этот момент.

— Так свой экипаж поломаю, — сказал рикша.

Коляска стала останавливаться.

Доктор посмотрел по сторонам. Справа — парапет, за ним — серая вода канала. Слева — старые двухэтажные здания, в одном был когда-то магазин. Этот двор может быть проходным. Впрочем, размышлять не приходится. По его распоряжению минута и эффект внезапности.

Наверное, Леонид Моисеевич с детства так не бегал — как хорек, как солдат под бомбеккой.

Когда он бежал по длинной сводчатой подворотне, сзади донесся громкий и растерянный голос рикши. Значит, он еще только соображает, что делать.

Доктор оказался в узком длинном дворе — в том конце еще одни ворота — в следующий двор.

Теперь рикша уже бежит за ним. Это доктор чуял спиной.

Двор завершался тупиком — выхода на Сennую не было.

Справа была видна распахнутая, на одной петле, дверь, возле нее ржавая вывеска «Ремонт часов»:

Доктор вбежал в полутемное помещение и увидел, что за высоким покрытым столом сидит человек в белом халате и рассматривает часы.

— Простите, — сказал доктор, — здесь есть выход?

Он неловко толкнул угол стола, стол пошатнулся, человек упал головой на стол и уронил пинцет.

Часы покатились яичком со стола и звонко ударились о каменный пол.

Часовщик был давно мертв.

За его спиной виднелась дверь.

Доктор кинулся туда. Упал стул.

Он пробежал темным коридором, оказался в небольшой комнате с окном.

На подоконнике стояли в горшках бумажные цветы.

На диване, прикрыв ноги скатертью с изображением плюшевого тигра, полулежала рыжая женщина с белым в веснушках лицом.

— Здравствуйте, — сказала она доктору.

Он намеревался спрятаться здесь, но женщина могла его выдать.

Доктор услышал, как в часовую мастерскую вбегает рикша.

Окно было без стекла.

Доктор перевалился через подоконник. За ним на улицу выпали бумажные цветы.

Он был на Сennой.

Логично было бы перебежать улицу и искать спасения в зовущей, открытой двери магазина «Судостроение»..

Доктор заставил себя не поддаться очевидному, пребежал по улице — первое окно, второе, третье... дверь.

Вот он в подъезде.

Тут темно, но стекла с переплетами во входной двери сохранились.

Доктор встал у стенки так, чтобы видеть улицу. Он надеялся, что снаружи его не разглядят.

Он увидел, как рикша выбежал на улицу и, почти не задерживаясь, поспешил к книжному магазину.

Теперь он будет носиться по помещениям магазина, разыскивая доктора под полками или на складе.

Доктор перебежал обратно к окну, возле которого притащающим ярким пятном валялись бумажные цветы, и влез в комнату.

— Ах, это опять вы? — удивилась женщина на диване. — Вы не видели Аркадия?

— Он там, — сказал доктор.

— Скажите ему, что сломался телевизор, — сказала женщина.

Проходя мимо мертвого часовщика, доктор сказал, что сломался телевизор, но часовщик, конечно же, не ответил.

На набережной стояла коляска.

Доктор думал было воспользоваться ею, но решил, что это слишком тяжело, да и он сам будет очень заметен.

Может, выкинуть коляску в воду?

Нет, он этого не сделает. Каким бы человеком ни был рикша, коляска — его жена, любовница, смысл бессмысленной жизни.

Доктор быстро пошел по набережной.

И когда до Большой Подъяческой оставалось всего ничего, он вдруг остановился.

Впереди, у моста через канал, стояли велосипедисты. Может, поджидали его, может, потеряли, но знали, где устроить засаду.

Доктор ринулся к стене дома, прижался спиной.

Он теперь не видел велосипедистов, а они не видели его. Но вот-вот сзади должен был появиться рикша.

Если жертва видит охотника, она получает преимущество. Она может напасть первой, а может кинуться в заросли.

Доктор избрал второй путь.

Побежал к Подъяческой кружным путем по Римско-Корсакова. Потом ему пришлось некоторое время искать проходные дворы. Ведь прямая Большая Подъяческая просматривалась из конца в конец, и если они оставили у начала канала велосипедиста, тот наверняка увидит Леонида Моисеевича.

Доктору опять повезло. Длинные проходные дворы, которые соединяли уходящие в глубь квартала корпуса, помогли добраться до нужного дома. Он поднялся по черной лестнице.

Вот и нужная квартира.

Черная дверь, к счастью, была открыта, стучать не надо.

Впрочем, чего в этом хорошего? Ведь предупреждали же ее — двери запирать!

Доктор тяжело дышал.

Ноги дрожали. Это была реакция на нервную гонку.

Он осторожно открыл дверь и оказался на коммунальной кухне, просторной, с четырьмя плитами и четырьмя хозяйственными столами.

Доктор сразу догадался, что Люся выбрала себе один из столов и поставила там вымытую посуду. Он подумал, что Люся, вернее всего, успела спуститься к каналу и набрать воды. Молодец, умная девочка, чистюля.

Доктор прошел по коридору.

— Люся! — позвал он громко.

Никто не откликнулся.

Доктор почувствовал, что в квартире никого нет.
Как будто исчезновение небольшого человеческого тела из всех этих комнат настолько нарушило состояние воздуха, что ты уверен в том, что квартира пуста.

Доктор заглянул в каждую из комнат, а их в квартире было шесть.

В третьей было жилище Люси с Егором.

На столе лежали бумаги, журналы, даже старые газеты, на тахте валялась толстая открытая книга.

Доктор пошел к двери.

Наружная дверь приоткрыта.

Вернее всего, Люся сама пошла куда-то. Может, за водой? Или к генералу?

Стало ей тоскливо сидеть одной, вот она и пошла к Чумазилле.

Доктор понял, что надо оставить записку.

Он сел за стол, взял чистый лист бумаги, заточенный карандаш.

Как написать, чтобы она поняла, а чужому взгляду записка ничего не скажет?

Доктор успел написать только: «Дорогая Люся!», как услышал снизу голоса.

Он кинулся к окну.

С третьего этажа было видно, как в нескольких десятках метров от подъезда посреди мостовой остановилась растерянная Люся.

К ней от канала бежали велосипедисты.

— Стой! — вопили они, стараясь перекричать друг друга.

Люся кинулась было бежать в другую сторону, но оттуда уже крутил педалями рикша.

И чего же я не кинул коляску в реку!

— В подъезд, Люся, в подъезд! — закричал доктор.

Люся подняла голову, увидела Леонида Моисеевича.

— Что? — крикнула она. — Что вы говорите?

И тут же на нее накинулся первый из велосипедистов.

Люся стала отбиваться, и этим дала им повод се бить.

— Не смейте! — закричал доктор. — Отпустите.

— Ах, вот ты где! — обрадовался рикша.

И кинулся к подъезду.

Но доктор не стал его дожидаться, а побежал по лестнице вниз.

Он встретил рикшу на втором этаже. Рикша схватил его, он был куда сильнее и злее.

— Да я же не убегаю! — кричал доктор.

Рикша заломил ему руку за спину и так вывел его на улицу.

— Ну зачем вы так, — сказала Люся, когда их вели к каналу.

— Что так? — не понял доктор.

— Стали кричать. Они бы вас не заметили. А потом бы вы с Егором меня освободили.

Велосипедисты с шутками и гоготом мальчишеск, выигравших футбольный матч у соседнего двора, связали пленникам руки перед животом и поташили их к набережной. Там взобрались на велосипеды — одни ехали спереди, натянув веревки, другие перекликались сзади.

Рукам было больно. Веревки дергались, узлы впивались в запястья.

Зато велосипедисты не слышали, о чем разговаривали Люся с доктором.

Доктор рассказал ей, что Егор уже находится в реальном мире, чем ее страшно испугал. Она не думала, не хотела думать об опасности для Земли или каких-то химических складах — ее Егорушка, ее единственное сокровище, ради которого стоит жить, ушел от нее.

Она и жалела его, и боялась за него, а то принималась казнить его и проклинать, потому что нельзя думать только о себе — разве так можно, кинуть ее в этой яме? Я же за ним пошла бы куда хочешь, хоть на Северный полюс.

Потом ею завладела новая мысль:

— Леонид Моисеевич, а у вас еще вакцина осталась?

— Даже если бы осталась...

— Вы должны, вы обязаны меня тоже уколоть.

— Зачем? Не лучше ли подождать, пока вернется Егор?

— А кто его будет защищать? Он же все позабыл — что любой бандит убить может. Он же мягкий, он же тряпка!

— А ты?

— А я железная, я как кошка живучая.

— Ладно, — согласился доктор, чтобы утешить девушку. — Я тебе вкачу вакцины.

— Почему согласились? — Люся была охвачена подозрением. — А потом обманете?

— Глупышка. Кто нас с тобой подпустит теперь к вакцине? Неужели ты думаешь, что они тащат нас для того, чтобы накормить обедом и отвести в балет?

— Бросьте шутить! — Люся была настроена серьезно. — Мы убежим и отыщем Егора.

— Хорошо, — сказал доктор. — Сделаем, как ты велишь.

Он устал бежать за велосипедистами и готов был уже взмолиться о пощаде.

Но, на счастье, велосипедисты и сами устали крутить педали.

Они поехали тише, со скоростью шага, и пленники уже не так мучились, если не считать, что веревки держали их туго, так, что затекли руки. Доктор достаточно знал Берии, чтобы предположить, что их спрячут в казематах и Берия будет допрашивать обоих.

— Держись, Люся, — сказал он на прощание девушке, когда их подвели к ступеням Смольного.

Рикша остался у ворот. Ждать заданий.

Глава тринадцатая

Егор Чехонин

Егор недостаточно знал Петербург. Он был там с отцом на школьных каникулах в девятом классе, отец считал себя просветителем и с утра доставал записную книжку, в которой были учтены все музеи и галереи, а также выдающиеся памятники архитектуры. Егор устал за неделю и мало что заломнил.

Но Егор думал, что у него есть преимущество перед агентами Берии. Вернее всего они сбежали из мира раньше, и даже значительно раньше, чем он. Может, он думал так оттого, что Майоранский был похож на киноменщика, а Лядов — на Суворова. И одеты они старомодно.

Обычно люди одевались в Чистилище так, как привыкли делать при жизни.

Эти мысли промелькнули у Егора, пока он перемещался в свой старый мир. Само перемещение не занимает времени и в то же время объективно кажется долгим.

И тут он очутился в нашем с вами мире.

Он и не мечтал здесь очутиться. И все произошло так быстро, что он не подумал о Люссе. А сейчас, стоя на каменном полу пустого пыльного цеха, он вдруг понял, как плохо он поступил.

Хотя и не мог поступить иначе.

Но он не должен был — не имел права оказаться дома без Люськи. Это было предательством.

Пока сбивчивые мысли неслись в сознании, Егор осматривался и прислушивался.

Все было иначе.

Во-первых, воздух — живой, наполненный запахами и звуками.

Может быть, если ты живешь здесь всегда, то этого гудения воздуха не чувствуешь.

На самом деле — это главное, что ощущает человеческий пришедший оттуда.

Егор осмотрелся. В гулком здании покинутого цеха, в дальнем конце которого стояли штабеля ящиков, было совсем пусто. Может, поздно, может, выходной, а может, завод стоит.

Пол был пыльным. Пылинки, миллионы пылинок танцевали в воздухе, где из высокого окна цех пронзил по диагонали луч солнца.

Господи, это же солнце! Какая радость!

Егор сделал несколько шагов в сторону луча и остановился — увидел в пыли следы ботинок.

Вернее всего следы агентов.

Они знали, куда идти. И пошли не прямо в торец цеха, как намеревался Егор, а направо, к небольшой двери.

Он быстро пошел по следам, но, еще не дойдя до двери, был вынужден остановиться, потому что перехватило дыхание.

Воздух здесь был тугим, он с трудом входил в легкис, когда спешишь. Это придется учитывать. Ты же мертвый человек в отпуске среди живых на три дня!

Приоткрытая дверь вывела Егора на заводской двор.

Наконец-то он на улице.

Вечерело. И было не поздно. Скорее тепло, чем холодно, но ветер, налетающий вежливо и не спеша, был прохладным.

Множество звуков окружило Егора. И звонок просзывающего за высоким забором трамвая, и вороний крик, и лай собаки, и голос телевизора, передающего спортивный репортаж, и даже отдаленные переклики людей.

Перед ним была проходная.

Егор обернулся.

Сзади поднимался потрепанный корпус цеха, но справа и слева стояли целые и обитаемые здания. Видно, это был большой завод.

Егор вошел в проходную.

Бабка, сидевшая за турникетом, пронзила его орлиным взором из-под сильных очков и спросила:

— Ничего с собой не прихватил?

— Как же можно? — возмущенно и правдиво ответил Егор и этим вахтершу убедил.

Пройдя, он остановился, словно только сейчас вспомнил о пустяке.

— Простите, тут двое наших были, — сказал он. — Один худой, а другой с бородкой как у Ленина. Они давно прошли?

— Эти-то? Минут десять. Но ничего про тебя не говорили.

— И не должны были, — согласился Егор. — А куда они пошли?

— Мне откуда знать? Я за ними не бегала. Но думаю, что на трамвай пошли. Куда еще у нас пойдешь? У нас только у коммерческого директора джип есть.

Егор вышел на площадку перед проходной. По обе стороны тянулся высокий некрасивый бетонный забор.

Вот и трамвайная линия.

Егор вышел к ней, посмотрел в обе стороны и увидел белую табличку на проводах — остановку.

Там стояла женщина.

Егор решил не терять времени.

— К Московскому вокзалу, — спросил он, — в какую сторону?

— Отсюда, — ответила женщина, — отсюда трамваи ходят.

Егор перешел улицу и встал неподалеку от женщины.

Женщина охватила его цепким и быстрым взглядом.

— Работу ишьешь? — спросила она.

— Нет, не ишу, — ответил Егор. Он не хотел заводить разговоры — он мог проговориться, показаться чужим. Правда, паспорт у Егора был: он всегда носил с собой паспорт с московской пропиской.

— Поизносился, — сообщила ему женщина.

Егор внимательно посмотрел на нее.

Она тоже была одета не лучшим образом, в руке авоська с пустыми бутылками, молодое лицо красное как на морозе. От нее пахло перегаром и потом.

— До вокзала далеко? — спросил Егор.

— Дай десятку, сообщу.

— Нет денег.

— Так я и думала. Вопросы задавать — все вы мастера, а как помочь человеку, вас нету. Может, продать чего хочешь?

Подошел трамвай. Он был полупустым.

Женщина вошла перед Егором и встала рядом.

Егор хотел было спросить у нее, какое число, но удержался — уж очень она болтлива.

Вместо этого он спросил:

— До Московского сколько ехать?

— Скоро будем. А часы не продашь?

И только тут как вспышка на Егора обрушилась мысль: он же кинулся в Верхний мир без денег! Совсем без денег!

Именно когда подумаешь о таком, начинаются новые неприятности.

Трамвай остановился на углу большой улицы. В него вошли два парня, у одного на груди — бляха.

— Прошу приготовить билеты, — сказал он.

Второй быстро прошел в другой конец вагона, чтобы отрезать путь к отступлению безбилетникам.

— Все, нам кранты, — сказала женщина. — Теперь держись за меня, не пропадешь.

- Ваш билет? — Контролер приближался к ним.
Второй подошел к женщине и Егору.
- Ваш билет, — сказал он, не глядя на пассажиров.
- Может, лучше бутылки купишь? — спросила женщина. — Бутылки хорошие, отечественные. А то мне далеко ехать до ларька.
- А пошла ты, Верка, — сказал контролер.
- Парень со мной, — сказала женщина. — Любовник.
- А где Емельян?
- Емельян в отлучке, — сказала женщина и громко засмеялась.
- Триппером заразила? — спросил контролер и не получил ответа.

Контролеры сошли с трамвая.

— Хорошие ребята, — сказала женщина. — Только хамье. Ты не слушай про триппер. Емелю дружки порезали. Из-за пустяков — лишний помойный ящик заказал. Представляешь?

Егор сообразил, что она очень молода. Кожа на лице красная, огрубевшая, а зубы целые, губы пухлые — она еще не стала развалиной. И белки глаз пока еще не красные, а белые, нормальные, с голубыми кружочками зрачков.

— Чего уставился? — заявила Вера и вдруг засмеялась. — Понимаешь, я же не думала, что мы с тобой подружимся, и твоих биографических данных не спросила. Как тебя зовут и где ты бедствуешь?

- Егор.
- Такого имени нет.
- Полное имя Георгий, — сказал Егор. — Георгий Чехонин.
- И паспорта нет?
- И паспорт есть.
- А где ночевать будешь?

— Мне на поезд надо, в Бологое.

— Что там делать будешь, попса ты моя наивная. Теби что, жизнь еще мало била? Оставайся в Питере. Будем вместе жить, не пропадем. Меня вся Нарвская знает. Веркин снайпер. Я нормальная баба, здоровая, ты не подозревай.

— У меня в Бологом важное дело, — сказал Егор.

— Я предложила, ты меня отринул, — сказала Верка Громче, чём следовало, словно работала на публику.

К ним поворачивались головы.

— Брезгуюшь? — спросила Вера.

— Нет, — сказал Егор. — Честное слово, мне это и в голову не приходило. Но у меня, ей-богу, важное дело в Бологом. От этого зависит жизнь многих людей.

— Цицерон! — воскликнула Вера. — И я должна ему верить.

— Как хочешь, — сказал Егор.

Воздух за окнами трамвая стал синим, желтые огни — как давно он их не видел! — зажглись в домах, загорелись фонари. Люди проходили черными силуэтами мимо витрин и обретали объем и цвет, когда оказывались на фоне стены.

Огни отражались на крышах автомобилей.

Егору казалось, что город веселится, как Рио-де-Жанейро во время карнавала.

Впереди показалась площадь с высоким обелиском. Площадь была почти круглая и очень просторная. Справа виднелось здание Московского вокзала.

— Спасибо, — сказал Егор Верке, — я пошел.

— Мне тоже сходить, — сказала Верка.

Они сошли с трамвая и пошли к входу в метро.

— Простите, Всра, — сказал Егор. В конце концов Вера была его единственной знакомой в Петербурге. — У вас не найдется телефонной карточки?

— Проблема, — вдруг развеселилась бомжиха. — Я люблю скоротать вечерок в телефоне-автомате, беседуя с подружкой Мэри в Лос-Анджелесе!

— Извините, — сказал Егор.

— А что, совсем денежек нет?

— Я спешил и не взял.

— И мог бы взять, врунишка мой?

— Мог бы и взять. Сколько угодно. Они же взяли.

— Кто это такие они? У тебя есть враги?

— Не столько у меня, как у всех нас.

— Меня включая?

— И вас.

— Значит, демократы и президент Клинтон.

Вера принялась смеяться. Она все делала преувеличенно, громко и даже вызывающе.

— Значит, тебе карточка нужна?

— Мне надо позвонить в Москву.

— Только не произноси передо мной слова «правоохранительные органы». Если половые органы — пожалуйста, а если правоохранительные, я тебя убью.

— Я не из милиции, — сказал Егор.

— Что же, у меня глаз нет, что ли? Конечно, ты не из милиции, я думаю, ты краденый.

— Как так?

— Тебя украли, чтобы насолить твоему папаше-депутату. А твой папаша им говорит — режьте сына, бейте, убивайте, но бабок от меня вы не увидите. Вот они и держали тебя в подвале, казнили и убивали, а потом плонули и отправили тебя куда глаза глядят.

— Очень интересно, — сказал Егор и подумал, что при всей нелепости этой версии она была не так уж далека от действительности.

— Мне нужно две минуты...

И он тут же замолк.

Не нужна ему телефонная карта. Просто мозг его настолько ослаб, что выкинул из себя нужные факты: у него же нет домашнего телефона Гарика, а в Институт экспертизы он сможет позвонить только завтра. А завтра он может оказаться так далеко от Петербурга и от телефона...

- Черт побери...
- Опять что-то не так? — спросила участливо Вера.
- Мне нужен билет до Бологого.
- Переночуешь у меня, получишь завтра билет.

Егор спросил:

- А где вход в вокзал?
- Здесь много входов.
- А где кассы?
- С той стороны... Да что я тут с тобой расселась! Иди занимайся своими проблемами, а меня оставь в покое.

Но никуда Верка-снайпер не ушла.

- Вы хотели купить мои часы, — сказал Егор. — Хорошие часы, «Сейко».

- Идут?
- Там, где я был, часы не идут, — сказал Егор.
- В любой зоне часы идут, — возразила Верка. — Может, батарейка кончилась? Покажи.

Егор снял часы. Он их не выбросил в том мире, потому что это был подарок отца, когда он получил аттестат.

Верка взяла часы, стала рассматривать, прочла — «Сейко», потом потянула за винтик, подвела стрелки.

- В порядке, — сказала она. — Идут.
- Не может быть!
- А ты погляди, зачем свои вещи унижаешь?

Господи, подумал Егор, ну как сказать тебе, чтобы ты отодвинулась? У меня теперь такое обоняние — катастрофа.

Верка протянула Егору часы. Секундная стрелка двигалась толчками — по секунде толчок. Часы шли. Они

возвратились домой, все вернулось для них на свои места. А вот для тебя, Егор, ничего не вернулось. Тебе здесь не жить. И Верка тебя переоценивает. Если бы даже захотел отплатить ей за билеты или за телефонную карточку ночью любви — ничего бы прекрасная бомжиха не добилась от молодого джигита.

— Ты что? — спросила Верка. — Раздумал часы отдавать?

— Возьми.

— Сколько? Только учи, мне еще клиента надо отыскать и всучить. А часы не новые, еле идут.

Егор улыбнулся.

— На твой век хватит, — сказал он.

— Сколько?

— Билет до Бологого и телефонную карточку. И еще на автобус. Может пригодиться.

— Да у тебя губа не дура.

— Я обещаю все тебе вернуть. Все деньги. А часы будут в подарок. Хорошенько подумай, Вера. Может, тебе это выгодно?

— И я должна тебе верить?

— А кому еще, как не мне?

— Разумно, — сказала Верка, почесала в голове острым длинным ногтем. Вокруг совсем стемнело, и потому освещенная площадка перед входом в вокзал, куда они успели, казалась яркой сценой. А за ней утопал в темноте зрительный зал.

— А какой вагон тебе? — спросила Верка.

— Все равно какой. Лучше, конечно, купейный. Но все равно.

— Общий пойдет?

— И общий пойдет.

— И карточку? И билет? А сколько билет на автобус стоит?

— Дай из расчета десяти долларов, — сказал Егор.

— Бери свои часы и разбегаемся, — твердо ответила Верка.

— Ну ладно, ладно, сколько дашь, столько и возьму, — сказал Егор.

Верка кинула часы в карман шинели, залезла рукой за пазуху и вытащила оттуда целую пачку десяток.

Отсчитала несколько штук и протянула Егору.

— Этого тебе хватит в два конца. Потому что я жду тебя, понял?

— Спасибо, Вера, — сказал Егор.

— И возьми мою визитную карточку.

Верка протянула ему визитку. Егору показалось нетактичным рассматривать ее, и он сунул в карман куртки. Сунув, спросил:

— А там адрес есть?

— Ну ты, блин, даешь! — сказала Верка. — Я, знаешь, визитками не разбрасываюсь. И кому попало не даю. Всегда там есть — и адрес, и телефон.

— Обещаю тебе, что если буду жив, то через два дня все верну.

— Может, тебе надо еще помочь?

Егор чуть было не попросил ее позвонить Гарику. Но что-то заставило его удержаться от просьбы. Какое-то опасение — опасение, что Вера не та, за кого себя выдает.

Чувство было сродни тому, что испытывал Леонид Моисеевич, когда увидел возле Невского рикшу. Уж слишком все удачно складывается.

— Ну я пошел, — сказал Егор.

— Ну иди, — согласилась Верка. Она поправила армейскую липотку времен войны и закинула за плечо авоську с пустыми бутылками.

Егор пошел к билетным кассам и через несколько шагов обернулся. Верка стояла неподвижно. Она смотрела

ла ему вслед. Увидев, что Егор глядит на нее, она подняла руку и помахала ему пальцами.

Егор вошел в кассовый зал.

Теперь многое зависело от везения.

В вечернем зале было много народа, он был светлым и просторным. За стеклянной стенкой, как в террариуме, сидели кассирши.

Егор прошел к большой доске — расписанию поездов.

До Москвы вечером и ночью было несколько поездов, и все они останавливались в Бологом.

Были ли уже здесь агенты? Или еще подходят?

Егор подошел к справочному экрану и узнал цену билета до Бологого. Потом пересчитал свои деньги. Только-только хватит на плацкартный. Если купить общий, то останется несколько рублей — на автобус.

Девушка могла бы быть пощедрее.

Вряд ли — что он ей? Ведь живет она, сдавая бутылки — так что хлеб ей достается нелегко.

. Едва ли агенты могли намного его обогнать.

Но стоит, наверное, пройти по перронам. Ведь в расписании есть один почтовый, отходит через час. Может, они решили ехать на нем?

Егор направился к выходу и тут столкнулся с агентами. Они как раз входили. Никогда в жизни ничего не получается так, как ты того желаешь. Он готов был отыскать шахматистов на перроне, у поезда, но не сталкиваться же с ними в дверях.

По инерции Егор вышел на улицу и остановился.

«Не спеши, — уговаривал он себя, — иди спокойно, не бросайся снова к кассам — это самый верный путь обратить на себя внимание».

Он просчитал до двадцати и вошел в зал.

Шахматисты, как и он сам, были одеты странно для внимательного глаза. Они были одеты случайно.

В своих костюмах они многократно лежали на земле или на досках, им дела не было, все ли пуговицы застегиваются, они никогда не чистили ботинок и не гладили брюк.

В общем, такие люди не обращают на себя внимания на российских вокзалах, но если ты поставил целью выследить пришельцев из Чистилища, то отыскать их нетрудно.

Тем более что не только и не столько в одежде дело. У них бескровные сероватые лица, тусклые нечесаные волосы, руки настолько лишены загара и даже действия свежего воздуха, что стали голубоватыми.

Лядов и Майоранский подошли к кассе.

Егор направился за ними и остановился между этой кассой и следующей, вынул из кармана бумажник, принялся в нем копаться.

Каждое слово, сказанное шахматистами, доносилось до него.

— Два билета на Бологое. Чем скрее, тем лучше. Купейные.

Кассирша что-то ответила.

— Какой паспорт? — спросил Майоранский — тот кто постарше, с бородкой клинышком. — Почему паспорт?

Он выслушал ответ кассирши и сказал, натянуто улыбаясь — улыбка ему не шла:

— Неужели мы производим впечатление террористов?

— Поймите же, — вмешался Лядов. — Мы едем в командировку, на один день, всего на один день. И сразу вернемся. Нам даже в голову не пришло...

— Нет, — сказал Майоранский, — мы не можем ехать домой — у нас нет на это времени.

— А что можно сделать? К начальнику вокзала? Зачем мы будем его утруждать?

Лядов прикрыл Майоранского, тот вытащил из кармана конверт, отсчитал несколько бумажек и произнес, протягивая их кассирше:

— Тогда два билета в мягкий вагон.

— В международный, — поправил его Майоранский, отошел в сторону и стал изучать табло-расписание.

Лядов что-то очень тихо сказал, почти прижав губы к стеклу.

Кассирша перестала бормотать и обратилась к компьютеру.

Затем достала две бумажки и протянула Лядову.

Лядов отсчитывал деньги.

Потом он отошел к Майоранскому и стал вместе с ним смотреть на табло.

— С шестого пути, — сказал он.

— С шестого пути, — согласился Майоранский.

Егор, который стоял за их спинами, увидел, что с шестого пути уходит поезд на Москву в 22.40. Пассажирский.

У стены стоял справочный пульт.

Егор набрал на нем номер поезда, чтобы узнать, когда он будет в Бологое. Оказалось, в пять часов сорок минут утра.

Что ж, они правильно рассудили. Они окажутся в Бологое ранним утром — у них целый день, чтобы добраться до цели.

Как же они получили билеты без паспортов? Купили кассиршу? Наверное, Берия снабдил агентов хорошими деньгами. Он же предусмотрел подобные ситуации, хоть и не знал, что теперь билеты продаются только по паспортам.

Егор подошел к той кассе, где брали билеты Майоранский и Лядов. Кассирша подняла к нему сильно накрашенные карие очи. Это был взгляд томной коровы. Зовущий взгляд.

— Только что два гражданина брали билеты на 65-бис до Бологого.

— Я никого не знаю. — Глаза захлопнулись.

— А я и не спрашиваю, — сказал Егор. — Попрошу дать мне билет в тот же вагон, в котором намереваются путешествовать эти граждане. Вам понятно?

— Я же сказала...

— И никому не слова. Ясно?

Кассирша даже не спросила паспорта. Она поверила праву Егора следить за пассажирами и к тому же поняла — ее никто не намерен судить или преследовать за взятку.

К счастью, денег хватило, хоть и в обрез. И Егор с некоторым запоздалым сожалением подумал, что, если бы он дал ей меньше денег, чем стоил билет, кассирша не стала бы требовать остального. Но не сообразил — теперь мучайся.

Билет был в четвертый вагон. Конечно, можно было бы поехать и в другом вагоне, но так по крайней мере можешь быть спокоен, что шахматисты не сойдут на остановку раньше. Ведь поезд пассажирский, останавливается часто...

Времени до отхода поезда оставалось немало.

Надо использовать его разумно.

Были бы сейчас деньги — он бы отправил в Москву телеграмму. Впрочем, может, их хватит?

Егор пошел в почтовое отделение. Тут же, на вокзале.

Когда вошел туда, удивился странному и почти забытому чувству во рту. И в желудке. Он был голоден! Не может быть. Сейчас бы рассказать об этом Леониду Моисеевичу! Может, кажется? А попробовать? Нет, телеграмма важнее.

В почтовом отделении никого не было. Егор истратил три бланка, прежде чем получился кратчайший текст:

МОСКВА ИНСТИТУТ ЭКСПЕРТИЗЫ ГАГАРИНУ
БОЛОГОЕ ПОЧТА ЕГОР

Сонная тетка долго считала мелочь — хватило впритык. А вот на конверт, чтобы отправить его до востребо-

вания, ужс денег не было. Хоть бы снова Верка-снайпер встретилась. На конверт она бы дала.

Теперь оставалось еще одно дело — конечно, надежды немного, но попытаться придется.

Егор пошел искать отделение милиции.

В отделении милиции было шумно и людно.

Как раз перед Егором два милиционера втащили туда пьяного гражданина, который кричал, что его ограбили. Две девицы, очевидно, легкого поведения, плакали на взрыд на скамейке рядом со столом дежурного, кто-то требовал адвоката.

Неудачное вчернее время на вокзале.

Егор стал ждать. Дежурный что-то писал и разговаривал сразу с обиженным гражданином и сержантом, который принес ему чай, и материлил девиц.

Егор ждал.

Ничего не менялось. Было душно. Вместо девиц появилась крикливая цыганка, у нее в юбках металась собачонка, на спине в желтом рюкзаке рыдал младенец. Гражданин отошел, но привели кришнитов, у которых не было паспортов.

Егор пошел дальше по коридору. Но две двери по одну сторону и одна по другую были заперты. В крайней комнате за столом сидела лейтенант — хорошенская блондинка. Она писала.

— Вам кого? — спросила она.

— Вас, — сказал Егор.

— Тогда скажите рифму к слову «блестят».

— Пустяк, — сказал Егор.

— Это не пустяк, — возразил лейтенант, — это серьезно.

— Пустяк — это рифма.

— О нет, нет, нет! Мне нужна возвышенная рифма. Ведь глаза блестят.

- И это не пустяк.
- Другую!
- В гостях.
- Ага. Тут есть о чем подумать.
- У меня к вам тоже просьба. Мне нужно оставить у вас записку.
- Тоже влюблен? — спросила лейтенант.
- Нет, я слежу за важными преступниками, — сказал Егор, — но необходимо передать о них сведения в Институт экспертизы.

Лейтенант отодвинула листок со стихотворением.

- В Институт судебной экспертизы?
- Просто в Институт экспертизы.
- Такого нет, — сказала лейтенант.
- Мне только написать письмо. Поверьте, я преследую их, но остался без копейки.

— Это очередная ложь?

У лейтенанта были выщипанные высокие брови и голубые тени вокруг глаз. Губы грубо темно-красно, широко и даже размашисто накрашены.

- Я же вам рифму дал, — сказал Егор. — Я еще могу дать.
- Это честно?
- А с начальником разговаривал?
- Его нет.
- Ну что ж, рискнем, одним добрым делом больше, одним делом меньше, не играет роли. Конверт у меня без марки.
- Нужна марка.
- Ладно, завтра найду. Ты мне нравишься. Садись за тот свободный стол и пиши. А мне дай рифму. Я все хорошо делаю, у меня стихи первый класс, на всех мероприятиях меня привлекают, но с рифмой нелады. Дай мне рифму к слову «гениальный».
- Реальный.

— Не лучший вариант. Ну ладно, на тебе бумагу...

И как назло в тот момент в комнату вошел молодой старшина с толстым розовым лицом, желтыми бровями и ресницами.

— Ох, — сказала девушка низким голосом и в мгновение ока одной рукой открыла ящик стола, другой смела в него бумаги — и рифмы, и стихи.

— Это что еще за фрукт? — спросил старшина.

— Ошибся номером, — сказала лейтенант. — Вы идите, гражданин, идите.

— Мне можно попозже зайти?

— Гони его, Коля, — сказала девушка равнодушным голосом.

И Егор понял, что старшина и есть объект ее страсти. И потерять его — трагедия. Так что у Егора нет шансов.

Он вышел в коридор.

Возле дежурного все так же клубились задержанные и свидетели.

Бомж в рваном матросском бушлате и бескозырке пытался плясать, напевая «яблочко».

Егор решил пойти в другое отделение. Должно же быть отделение возле вокзала, но в городе.

В зале, напротив входа в отделение, его ждала Верка-снайпер.

— Ничего не получилось? — спросила она.

— Ничего не получилось.

— Ходил доложить?

— Нет. Хотел оставить письмо.

— Я же тебе денег дала.

— Билет купил.

— И куда надо купил?

Сейчас бы послать ее куда подальше, но Егор понял — нельзя. От этой нелепой девицы зависит, может быть, судьба Земли. Надо рисковать.

— Куда надо.
— В Бологое?
— В Бологое.
— В чем проблема?
— Мне надо отправить письмо в Москву.
— Опять деньги? А мне что за это?
— Я через два часа уезжаю.
— А когда вернешься?
— Когда вернусь? Я буду спешить обратно.
— И у меня не задержишься?
— Вряд ли.
— Ох, не люблю я этих честных юношей, Павка Корчагин трахнутый, вот ты кто. Нет того, чтобы пожалеть женщину, подарить ей минуту душевного покоя. Знаешь, как трудно быть женщиной в этой дикой стране? Ты даже не представляешь.

— Ты сможешь отправить письмо?
— Ты сказку про Василису Прекрасную читал?
— Забыл. Ну отправишь или нет?
— Она была лягушкой, — сказала Верка. — Пошли на почту, я с собой конвертов не ношу.

Они отправились на почту, благо она все еще была открыта.

По дороге Егор думал — никакого смысла посыпать письмо по почте нет. Пока оно дойдет, все уже кончится и некому будет его получать. Сама мысль отправить письмо могла прийти в голову лишь не совсем нормальному человеку.

Но как отправить весть в Москву?

— Нет, — сказал Егор. — Так не пойдет. Придется тебе завтра в Москву позвонить.

— Этого еще не хватало!

— Придется, Вера, — сказал убежденно Егор.

— Куда звонить-то?

— На почте я все напишу, а потом поговорим.

Егор подошел к стойке. Там лежали бланки телеграмм.
И забытая им неподписанная телеграмма.

Егор перевернул бланк и стал писать:

Институт экспертизы. Москва. Телефон 095-876-
2365. Гагарина. Если его нет, Калерию Петровну. В
крайнем случае Катрин.

Вера стояла рядом. Не так уж от нее воняло помойкой. Она куда-то дела свою авоську с бутылками, теперь у нее была лишь потертая сумка через плечо.

Она делала вид, что ей не интересно и она не подглядывает.

В районе Бологого есть опасный объект. Название Максимово или Максимовка. Туда направления два. агента, Майоранский и Лядов. Доктор Фрейд сделал вакцину, она действует три дня. И можно жить у нас. Мне он тоже вколоэ этой вакцины. Цель агентов прежняя. Если не получили первого сообщения: уничтожение всей жизни на Земле, чтобы обеспечить благополучие Чистилища. Я их преследую. Они меня в лицо не знают. У меня нет денег. Еду в Бологое поездом 64-бис. Буду там в 5.40 утра. Оттуда надо ехать, автобусом. Это все, что знаю точно. Жду помощи. Егор Чехонин.

Вера взяла листок бумаги, прочла, шевеля губами — вилно, не очень успешно училась в школе. Потом спросила:

— Я это по телефону буду говорить?

— Да. Только проверь, чтобы тебя никто не слушал.

— А может, ты псих?

— Нет, я не псих.

— Они меня засекут и посадят, — сказала Верка. — А ты уже — тю-тю!

— Ты позвонишь из автомата. И не будут тебя сажать. Тебе деньги вернут.

— И ты поверил, чтобы у нас деньги возвращали? — удивилась Верка. — У нас догонят и еще отнимут.

— Добро. Я вернусь через три дня. Где тебя искать?

— Знаешь что, — ответила на это Верка. — Возьми свою ксиву обратно. Не мое это дело — может, ты работашь на западные спецслужбы?

— Я тебя прошу, Вера. Ты единственный знакомый мне человек. Не имею я отношения ни к каким спецслужбам, клянусь тебе! Это наши дела, внутренние!

— Побожись!

Это было совсем неожиданно. Как в книжке Гайдара или Анатолия Рыбакова.

— Кем мне быть!

Неожиданно Вера сильно ударила его кулачком по плечу.

— Замстено, — сказала она. — Но с тебя честное слово под салютом всех вождей.

Бомжиха смеялась, улыбка была лукавой и вполне разумной.

Потом она спросила:

— Ты давно не ел, Егор?

— Несколько месяцев, — честно ответил Егор.

Вера приняла его слова за шутку.

— Пошли в буфет, — сказала она. — Я тебя угощаю.

— Деньги у тебя откуда? — спросил Егор.

— Я бутылки сдала, — ответила девушка. — Ты же видел у меня бутылки.

В вокзальном буфете было почти пусто.

Они взяли по стакану чая и по булочке с сосиской внутри.

Егор хотел есть, но, когда он откусил от булки, оказалось, что он и кусать разучился.

И глотать было трудно.

— Ты что, больной? — спросила Верка.

— В общем, больной, — признался Егор.

— Не заразный?

— Чтобы заразиться, к нам надо попасть, — сказал Егор.

— А где вы живете?

— Внизу, в аду, — ответил Егор.

— Я на тебя гляжу и думаю: ты сумасшедший или притворяешься? Можно я твою сосиску доем?

— Ешь.

Потом они прошли по перрону. Многие оборачивались, смотрели на Верку. Егору было чуть неловко, что на нее смотрят.

— Ты нарочно так разоделась? — спросил он.

— Нечаянно, — сказала Верка. — Но если я тебя компрометирую, то сейчас исчезну.

Она остановилась, протянула ему руку и сказала:

— Прощай. Я завтра позвоню.

Глава четырнадцатая

Гарик Гагарин

Я живу в однокомнатной кооперативной квартире в блочном панельном доме без прикрас.

Места хватает для библиотеки, компьютера, тренажера, дивана, письменного стола и кухни с минимальным

набором посуды. Как что бьется, я покупаю новую чашку. А еще чаще мне их дарят девушки. Среди моих знакомых есть обычай — дарить мне чашки, чтобы я их спокойно разбивал, не беспокоясь о последствиях.

Но чашки имеют обыкновение обгонять поток подкрепления.

Вчера я разбил английскую кружку, которую так берег, уж очень она была удобна, по руке, и главное, велика. На ней была надпись «Я люблю кофе». Только вместо слова «люблю» изображено красное сердечко.

Больше ничего плохого вчера не произошло.

Что в театр собирались с Катрин и не пошли — в конце концов это не у меня насморк, а у нее.

Значит, в плохом настроении была виновата только чашка.

В дурном настроении я лег пораньше.

А ночью проснулся от того, что настроение испортилось совсем.

В полусне я вспомнил о том, что жизнь моя не сложилась, что я — урод, что со мной девушки в театр не ходят, что разбилась последняя хорошая чашка...

Я не хотел открывать глаза, чтобы не проснуться окончательно.

Потом все-таки открыл и посмотрел на часы.

Было всего половина первого — и проспал-то только час.

За окном неслись быстрые облака, подсвеченные уличным фонарем. Это было театральное зрелище. Ветер нес бурные и желтые листья, что тоже отдавало плохим театром.

Почему плохим?

Было так тревожно на душе, словно я потерял зарплату младшего сотрудника (в пересчете на у.е. — двадцать пять баксов).

Фонд Сороса не знает о нашем существовании. И это хорошо, они бы нас украли с помощью западных спец-

служб, уташили в Штаты и выкачали бы из нас все тайны нашей державы.

Но что меня так беспокоит?

Я стал прокручивать в памяти весь день.

Саня Добряк занимается пушкинистикой и умело заманил на это минное поле Калерию. Нет, это меня не касается.

Катрин, как уже говорилось, в насморке. У нее покраснел нос. Она меня не любит. К тому же я не заслужил ее любви.

Но так ли уж мне нужна любовь Катрин? Мы ее пересидели, переждали, переделикатничали. Помните, у Джека Лондона есть рассказ «Когда боги смеются». Там как раз говорится о влюбленной парочке. Они так любили друг друга, так берегли свою особенную любовь, что, даже поженившись, дотрагивались до тела любимого партнера лишь кончиками пальцев. Терпели, но сдерживались. Думали, что такая любовь и будет вечной. А боги посмеялись. Однажды возлюбленные проснулись, и оказалось, что они больше не стремятся к интимной близости... Рассказать об этом Катрин или погодить?

Что еще могло случиться? Ага, дядю Мишу, моего генерала, перевели на другую работу, с повышением. О чем он сообщил Калерии. А Калерия — мне. Теперь, если что-то случится в мире без времени, то неизвестно даже, кто захочет в это поверить.

Что еще?

Ага, Тамарочка. Наше разумное животное прекрасной внешности. «Достоевщина, — сказала она, узнав о судьбе дяди Миши. — Его заказали, как братьев Карамазовых».

Нет, близко, но не то...

Я снова закрыл глаза и почему-то вспомнил Егора Исаева.

Должен ли я жалеть его? Он совершил благородный поступок и остался в Чистилище, чтобы не оставлять Люсю Тихонову. Это прошлогодняя история, не имеющая конца, если не считать записки от Егора, полученной недавно. В записке говорилось об опасности, простирающейся от деревни Максимовка. Дядя Миша, привыкший уже всерьез принимать тот мир, сгонял со мной в наиболее подозрительную Максимовку. Безрезультатно. Остается теперь ждать новой весточки от Егора.

Если она будет.

Егор... как они там с Люсей?

У меня было к ним странное, почти родственное отношение. Вроде и не так близко знакомы и даже по душам не разговаривали. Ссылки, лагеря — я не пережил этого, поздно родился, но каково же было половине нашей страны ждать вестей из лагеря, из ссылки или из пленя! Что за уродское, несчастное государство!

Егор. Ведь его до сих пор папа с мамой ждут. У Люси нет родных. А его отец как-то приходил в наш институт — откуда-то узнал, что перед исчезновением Егор бывал в Институте экспертизы. Отцу запудрили мозги и доказали, что, к сожалению, никаких сведений о сыне у нас нет. Но возможно, что он жив, хотя и не исключено, что погиб.

Мне нетрудно было представить тот мир — в отличие от многих миллионов соотечественников я там бывал. Я мог представить вечно серо-непроницаемое небо и зябкость воздуха — застойного, как в подвале, и лишенного запахов. И тишину мира, в котором не поют птицы, не тормозят автомобили; и людей так мало, что голос слышен за километр.

Егор... Что же меня мучает его лицо? Почему я не могу о нем не думать?

Егор... В груди болело, словно вставили железную палку.

Мне было тревожно. Наверное, никогда еще в жизни я не испытывал такой тягучей тревоги.

Впрочем, я вру. А помнишь ли ты, Гарик, как Васильчиков сорвался в пропасть в Цее? Нет, не в пропасть, а в трещину на леднике, и над трещиной сидела на ледяном ветру Юля Митяева, не смея отойти, словно надеялась, что ее присутствие сохранит Васильчика от смерти.

Ведь я тогда проснулся ночью, всех поднял, мы побежали к леднику.

Я тогда почувствовал мысли Васильчика или мысли Юльки — черт теперь разберет. Главное, что мы добежали, я их вел по леднику как днем, и состояние мое было таково, что никто не спорил со мной. А ведь могли бы и не поверить — Юлька с Васильчиковым еще за день ушли, чтобы перевалить Адайхох. Не новички...

Егор... Что с тобой случилось? Ведь я точно знаю — между тем миром без времени и нашим миром никаких эмоциональных связей нет. Как они с Люськой оказались там — словно отрезало!

Егор...

И тут я понял, что Егор здесь.

В нашем мире.

Ищет меня, стремится ко мне... А что он может сделать? Ведь он не знает даже моего телефона. В институт он дозвонится только завтра.

Конечно, Егор здесь. А это означает — случилось что-то неладное. И вернее всего, связанное с той историей: с Берией и Максимовкой.

Если Егор перешел к нам — это для него верная смерть.

Я должен увидеть его в ближайшие часы. Иначе не увижу вовсе.

Но где его искать? Я даже не знаю, где дыра, через которую он сюда вошел. Вернее всего в Питере. Но и это не доказано.

Я вскочил с постели.

Принял душ, оделся.

Должен сказать, что я был деловит и даже относительно спокоен. Но мои чувства — это не более чем мои чувства.

Скажите мне, что бы я делал на месте Егора, если бы оказался вдалеке от Института экспертизы, но пожелал бы с ним связаться?

Я бы дал телеграмму в институт в расчете на то, что утром Калерия или Гарик Гагарин ее увидят.

Я давно не пользовался левитацией — неловко как-то, я же человек, младший научный сотрудник, а не пришелец без рода без племени.

Значит, мне срочно надо в институт, чтобы получить телеграмму.

Вызвать такси или долететь на своих двоих?

А вдруг увидят?

Но сейчас ночь — кто меня увидит в такую осеннюю погоду? Рано осень началась.

Такси по телефону — слишком накладно. И некогда бегать по городу в поисках попутки.

Вот получу за что-нибудь Нобелевку и тогда куплю себе «Оку». А сейчас придется полетать немного, до института и обратно, хотя вернее всего ничего в институте я не найду.

Я вышел на балкон. Зябко. Ветер дул порывами, будто набирал полон рот воздуху, а потом со свистом выпускал его. Он рвал листья с деревьев, хотя в сентябре можно было бы и не спешить, тем более дожди еще не начались.

Пришлось надеть свитер, джинсы и кроссовки. Теперь я был готов для полетов наяву.

Я так давно не тренировался, что, когда перемахнул через перила балкона и ринулся прочь от дома, сразу потерял равновесие и словно вертолет, превысивший допустимый

крен, криво понесся к земле. Лишь над самой клумбой под окнами смог выровнять полет и набрать высоту.

Я успел заметить, как кинулись в разные стороны подростки, которые курили в кустах, не желая возвращаться домой к нормальной жизни.

Я не стал набирать высоту, не хотел замерзнуть. Пошел чуть повыше проводов, чтобы не сгореть невзначай. Летунам в Москве приходилось принимать немало мер предосторожности. Хорошо было Мастеру с Маргаритой. Тогда страшнее трамвайных проводов зверя в воздухе не было.

Когда я вышел к Москве-реке, то вздохнул спокойнее. Можно было летать над самой водой и пролетать под мостами. С берега засвистел милиционер. Я его понимаю — увидеть неопознанный объект во втором часу ночи неприятно. Особенно если ты склонен к мистике.

У уродливого памятника Петру с дубинкой в лапе я выбрал дорожку поуже. Возле «Ударника» свернул на Полянку.

Дальше до самого института пошел над дворами, не выходя на улицы — еще подстрелит какой-нибудь испуганный охранник.

Я опустился на дворе института.

Особняк был темен, за исключением тусклого света в окне первого этажа. Там, в холле, должен сидеть ночной дежурный.

Мне не приходилось появляться в институте ночью. Можно проработать в институте всю жизнь и не увидеть его при лунном свете.

Правда, лунного света нам не дали.

Вот-вот пойдет дождик.

Я подошел к двери и позвонил.

Конечно, неприлично звонить в два часа ночи в свое учреждение, но ведь ночному сторожу не положено спать?

Видно, наш ночной сторож об этом не подозревал.

Я представил себе, как он закроет подушкой ухо, чтобы не слышать безобразного звона, но жалость к несчастному старичку с дробовиком не могла меня остановить. В конце концов я же встал и пересек полгорода ради встречи со сторожем.

Наверное, прошло минут десять, прежде чем дедуля сдался.

Черная тень возникла за дверью, подсвеченная сзади неярким светом. В дверях возник черный силуэт.

Силуэт хрипло спросил:

— Чего там?

— Откройте, — попросил я миролюбиво.

— Я сейчас милицию вызову, — обещал дедуля.

— Мне только спросить...

— Давай отсюда! — И я понял: я сам виноват. Просительные интонации действуют на охраняющих дедуль возбуждающе. Они ощущают свое превосходство над ночным просителем. Отсюда шаг до хамства и угрозы: беги, а то стрелять буду!

Мне не хотелось доводить дедушку до таких мер. Поэтому я сменил тон на грозный.

— Откройте немедленно! — зарычал я. — Проверка объекта.

Тембр моего голоса должен был напомнить сторожу о существовании начальства.

— Ну чего еще... — Дверь отворилась.

Оказывается, я трагически ошибся.

Дедуля был лет двадцати пяти, сажень в плечах, низкий лоб, шея от ушей, надбровные дуги неандертальца, на поясе дубинка милиционерского типа, с другой стороны — кобура. Ничего себе — дедушка при собачке! Видно, дирекция достаточно ценит наши компьютеры, чтобы связаться с охранной фирмой современного типа.

— А ну! — Молодец ощущил мою неуверенность. — Иди-ка на свет!

Что ж, придется прибегать к недозволенным приемам. Но что поделаешь! На мне лежит ответственность за все человечество. Нет, без шуток! Ведь так может случиться?

Голубчик, подумал я, представь себе, что перед тобой стоит твой начальник, любимый или ненавистный, который вылез из койки, чтобы проверить, как ты несешь свой крест, не холодно, не страшно ли тебе на твоем крестном пути?

— Как служится? — спросил я.

А охранник, кругой молодец, увидел своего прямого и грозного начальника.

— Иван Сергеевич, — сказал он, — а я в темноте вас за кого-то еще принял.

— А вот этого делать не следует, — пошутил я. — А то еще выстрелишь невзначай.

— Ну, как можно? Я же печенками чую.

— Если чуешь, тогда скажи мне, телеграмму приносили?

— Приносили, — сразу признался охранник. — Недавно приносили. Я только прикорнул — вы не думайте, я так, несеръезно, — и слышу звонок. Ну ведь могли до утра подождать? Я уж им сказал...

— Зря сказал. У тебя своя работа, у них своя. От того, насколько быстро ты передал телеграмму, зависит жизнь людей и принцип дела, ты меня понимаешь?

— Понимаю! — радостно откликнулся охранник и вытащил из верхнего кармана куртки смятую телеграмму.

Значит, есть еще люди в нашей стране, которые не спят, чтобы принести вовремя телеграмму, понимаете?

Охранника я отпускать не стал — пригодится.

Прочел телеграмму. Странную, но подтвердившую все мои подозрения.

МОСКВА ИНСТИТУТ ЭКСПЕРТИЗЫ ГАГАРИНУ
БОЛОГОЕ ПОЧТА ЕГОР

Во-первых, у него плохо с деньгами. Иначе бы объяснил все понятнее. Во-вторых, он сам не знает, куда едет.

Я посмотрел, откуда отправлена телеграмма: из Петербурга.

Значит, с вокзала — и он отправляется поездом в Бологое.

Теперь посмотрим на время отправления: 20.40.

Я сказал охраннику:

— Возвращайтесь на пост. Удвойте бдительность. Считайте, что институт объявлен на особом положении.

— Слушаюсь, — ответил охранник.

Он подобрался, выпрямился — и уже не казался страшным бугаем бандитской породы. Я взял с доски ключ от лаборатории.

Я быстро прошел к нам; в лаборатории было слишком пусто и свободно.

Надо действовать.

Сначала я позвонил Калерии.

— Извините, что разбудил, — сказал я.

— Я еще не ложилась, — ответила моя начальница.

— Это для меня — камень с души, — сказал я.

— Говори, что стряслось, — спросила Калерия Петровна.

— Объявился Егор Чехонин.

— Не может быть! Где? Как? Ему плохо?

— Помните историю с Максимовкой?

— Почему бы не помнить?

— По моему разумению, на этот раз Егор находится в Питере, он дал оттуда телеграмму.

— Прочти ее.

Я прочел телеграмму.

— У него нет денег, — сказала моя прозорливая Калерия. — Он ведь умный мальчик, а так мало информации.

— Что еще? — спросил я. Мне хотелось, чтобы Калерия подтвердила или развила мои мысли.

— Места назначения он не знает. Иначе бы дал хоть это слово.

— Чего нам ждать? — спросил я.

— Через двадцать минут я буду в институте, — сказала Калерия. — Пока позвони домой Мише... и на вокзал. В справочную. Сначала даже в справочную. Когда отходит ближайший к телеграмме поезд на Москву с остановкой в Бологом и во сколько он там будет.

Мне стало легче. Калерия взяла дело в свои руки.

Она не ахает, не вздыхает. Если бы дело было пустым, она бы велела мне ехать домой и легла бы спать.

Эх, донести бы до Егора мои мысли, знать бы ему, что он не один. Бологое в пять-сорок утра, при условии, что они взяли билеты именно на ближайший поезд. Так что до прибытия поезда остается три часа.

Гигантский отрезок времени!

Затем я решился и набрал телефон дяди Миши. Ему в конечном счете решать.

Никто не взял трубку. Затем включился автоответчик и сообщил мне, что Михаилу Ивановичу можно позвонить утром по такому-то телефону после девяти часов.

Может, он в командировке и именно сейчас прижимает к своей груди нашего Чехонина, либо не выносит, когда его будят среди ночи.

Затем я позвонил во Внуково, чтобы узнать, когда ближайший рейс на Бологое. Таковых рейсов не оказалось.

Пока я занимался звонками, прошло минут десять—пятнадцать.

В коридоре послышались быстрые шаги.

В дверях возникла Калерия Петровна, свежая, веселая, бодрая и в меру накрашенная.

За ее спиной маячил охранник, который не пожелал оставить ее без внимания.

— Тут явилась, — сообщил он мне.

— Все правильно, — сказал я, не без труда принимая образ его строгого начальника. — Пропусти женщину иди на пост.

Охранник был счастлив оттого, что им так хорошо командуют. Он шикарно развернулся и скрылся в темном коридоре.

— Гарик, — сказала Калерия, — ты опять за свое?

— Это был единственный способ его урезонить, — ответил я. — И сейчас не время быть деликатным.

— Не согласна, — сказала Калерия, — деликатным никогда не мешает быть. Быть деликатным — допустимо, — процитировала она известного мне поэта.

Она прошла к моему столику и взглянула на листки бумаги, на которых я записывал информацию и чертил загогулины, пока ждал ответа.

— Так, — сказала она. — Осталось три часа. Нам тут не успеть, а пускать на этом этапе чужих людей, даже очень умных и ответственных, мне не хочется.

— Мне тоже.

— Не зная, что происходит и в каком положении находится Егорка, мы можем наломать дров.

С этим я тоже не спорил.

— А что с Мишой?

Я сказал, что автоответчик отоспал меня далеко.

— Давай я попробую другой телефон, — сказала Калерия.

Она села и набрала номер. Причем сделала это так, чтобы мне номер виден не был. Я не обижался. Как говорил Максим Горький совсем по другому поводу, некоторые вещи лучше не знать, потому что их значение ничего нам не дает.

— Галочка, — сказала Калерия, — извини, что тебя разбудила, но дело важное. Как мне отыскать Мишу?

Последовал какой-то короткий ответ.

Затем Калерия сказала:

— Извини, Миша, надеюсь, ты не успел заснуть?

После довольно длительной паузы, в ходе которой Калерии пришлось выслушать реприманд нашего дяди Миши, она сказала:

— С тобой хочет поговорить Гарик Гагарин. У него новости.

Калерия передала мне трубку, но дядя Миша не захотел со мной разговаривать.

— Это не телефонный разговор, — сказал он. — Буду через пятнадцать минут.

Он повесил трубку.

— Чудесные люди, — сказал я, — среди ночи вскакивают и несутся выполнять свой служебный долг. Ну прямо как Ленин.

— Ленин соблюдал режим, — серьезно ответила Калерия. Будто знала, как это было в Шушенском.

— Где вы его нашли? — спросил я.

— Тебе нужно знать?

— Нет.

Калерия велела мне притащить из библиотеки атлас, но библиотека была закрыта, и только с бескорыстной помощью охранника Федора, который почитал меня как отца родного, удалось вскрыть помещение и раздобыть атлас.

— Нас интересует не само Бологое, — сказала Калерия. — Нам любопытно, куда он двинется оттуда.

Мы в четыре глаза принялись шастать в окрестностях города вплоть до Твери, искали Максимовку или Максимово. И ничего не нашли.

Тут приехал дядя Миша.

Охранник Федор осознал важность события, в котором он принимает участие, и возгордился. Это выражалось, в частности, в том, что он предложил сгонять в кафе «Сумбур вместо музыки» на соседней улице, открытое круглые сутки, и принести сандвичей и выпить.

Мы не воспользовались предложением.

Закрыли дверь и уселись за стол думать.

Вернес, это охранник Федор был уверен, что мы думаем.

Все было сложнее.

— Сам явился? — спросил дядя Миша.

Я показал ему телеграмму.

— А других адресов ему не дали, — сказал осуждающее дядя Миша.

— Других у него нет.

— Значит, делаем так, — сказал дядя Миша. — На перроне в Бологом поезд должен встречать наш сотрудник. Он передаст Егору конверт с деньгами и все телефоны.

— Он его узнает?

— А факс зачем изобретали? — спросил дядя Миша. — Рожа его лица у нас отражирована многократно.

— Что дальше? — спросила Калерия.

— А между тем Гарик вылетает в Бологое на вертолете. И было все в порядке, а все проблемы решились сами собой, и Земля была спасена.

Но...

— Тут есть одна заминочка, — сказал дядя Миша.

Он вытащил расческу и прошел умело по линии разделя левых и правых волос.

— Не люблю я этих «но», — сказала Калерия, выразив мою точку зрения.

— Дело в том, что меня повысили по службе, — сказал дядя Миша.

— Кому же ты мешал? — спросила догадливая Калерия.

— Я обязан был докладывать о своих... находках. Моя фирма подчинялась непосредственно президентской администрации, так что начальников у меня было немного и о моих бредовых приключениях они знать не желали. У них были дела поважнее.

— Удобно устроился! — похвалила дядю Мишу Калерия.

Дядя Миша не оценил комплимента Калерии Петровны. Он переживал свои обиды.

— В ФСБ решили, что мне Нижний мир не по зубам, хотя они совершенно не представляют, что это такое и кому он по зубам. Я просил оставить меня консультантом. Но я не из их конторы, и они наивно полагают, что обойдутся без меня, без вас, без специалистов.

— И где ты теперь?

— Я первый заместитель главного советника. С правом проезда в служебном авто без билета.

— А что за люди пришли вместо тебя? — спросила Калерия.

— Хорошие люди, советские люди, преданные люди. Но пока они сообразят, что держат в лапах раскаленный кирпич, рук уже не будет.

— И что ты делаешь?

— Пишу докладные президенту и близким к нему людям.

— И они не отвечают.

— Пока не отвечают, так как заняты реорганизацией.

— Чем ты можешь нам помочь?

— Старыми связями, — ответил дядя Миша и взял телефонную трубку.

Он подождал гудков шесть. Потом кто-то подошел.

— Иван Сергеевича можно побеспокоить? — спросил дядя Миша. — А когда будет? А кто за него? Да не беспокойся, это я, ты мой голос знаешь. Ну ладно, ладно, утром позвоню.

Дядя Миша положил трубку и сказал:

— Только не падайте духом.

Как будто кто-то, кроме него, пал духом.

Дядя Миша позвонил еще в одно место. Там никто не подошел.

— Ладно, — сказал он, как будто не признавая поражения, — утро вечера мудренее. С утра займемся.

Калерия не стала с ним спорить. Ничего, кроме огорчений, спор не смог бы принести.

Вместо этого она спросила:

— А ты знаешь людей, которые занимаются нашей проблемой?

— Руководитель — Spartak Ахмедов. Молодой, амбициозный, не верящий в чудеса и не читающий фантастики.

— Катастрофа, — вырвалось у меня.

Дядя Миша обернулся ко мне:

— И уж тем более не допускающий существования инопланетных пришельцев.

— Мне стыдно, — признался я.

Дядя Миша погрозил мне тонким пальцем:

— А вот насколько ты, Гагарин, пришелец, еще предстоит разобраться компетентным органам.

— Он молодой?

— Один из самых молодых полковников в органах, — сказал дядя Миша. — Отличник, умница в допустимых пределах. Его отец недавно вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта той же службы, только в республиканском масштабе.

— Какая республика? — спросила Калерия.

— Не важно.

— И правда не важно. А ты ему сдавал дела?

— Настолько, насколько это бывает между соперничающими организациями.

- Он много знает?
- Ему известны все основные факты. Только он полагает, что не все факты являются таковыми.
- У него есть план действий?
- Не все решает именно он.
- Ну ладно, не придирайся к словам. У них есть план действий?
- Боюсь, что с каждым днем они все более к нему приближаются.

Мы молчали. И Калерия, и я могли представить себе, какие светлые идеи возникнут в головах двоюродных коллег дяди Миши.

Дядя Миша поглядел на нас, подумал, потом разъяснил:

- Земля круглая. Существуют светлые идеи использовать Нижний мир в geopolитических интересах.
- Ясно, — не выдержал я. — Значит, мы копаем под Америку снизу.
- Казалось бы, чепуха, но эта мысль укоренилась в моих коллегах.
- Тогда можно развивать эту игру дальше, — сказала Калерия. — Как замечательно расположить там, внизу, секретные заводы.

— Но учти, — сказал дядя Миша, — кому-то надо на этих заводах работать и ими руководить при условии полной несовместимости тамошних жильцов и нас с вами.

— Значит, надо кинуть все силы биологической науки на ликвидацию разнотечений между полями.

— А для этого нужны постоянные базы и постоянная связь. Ни того, ни другого пока нет.

И тут мы все снова замолчали.

Если вы не поняли почему, то я объясню.

Мы получили телеграмму от Егора. Егор здесь. Это может значить, что он решил пожертвовать собой и сго-

реть за сутки, если не меньше, причем зная заранее, что сгорит, хотя я бы не отнес его к самоубийцам. Мы даже не знаем, один ли Егор, или кто-то пришел с ним вместе. Враг это или друг?

Если сейчас мы как настоящие патриоты бросимся сообщать на Лубянку о контакте с неким молодым человеком, мы можем спустить на него целую... как мягче сказать... группу товарищей, которым надо узнать, где находится переходник в Чистилище, как им воспользоваться и как в перспективе устроить там несколько военных баз.

В ходе этой операции, проведенной людьми некомпетентными, но глубоко уверенными в том, что Небо подарило им право и умение решать все проблемы внутри своего коллектива, возможно, погибнет и Егор, и еще черт знает сколько народа.

Дяде Мише хуже всех — он официально причастен к государственной машине, которая столь велика, что с небес не сможет рассмотреть муравьишку-человека. У нее свои интересы.

Я вдруг вспомнил, как по телевизору выступал какой-то главный оружейный начальник, и журналист спросил его: «Вот раньше были атомные бомбоубежища, в которых руководство страны и генералитет могли чувствовать себя в безопасности во время войны. Как обстоят дела с этими бомбоубежищами сейчас?» И начальник серьезно, без стыда или юмора, ответил: «Не беспокойтесь. Все эти бомбоубежища существуют. Руководство страны и командование армии будут во время войны в полной безопасности».

Именно такие люди, радетели за безопасность государства в пределах его руководства, и будут решать судьбу Чистилища и бессмертных уродов, которые его населяют.

— Считай, что тебя здесь не было, — сказала Мише Калерия. — Мы сами попытаемся что-нибудь придумать.

— Лера, — возразил дядя Миша, — ну что вы можете придумать? У вас нет ни сил, ни возможностей. Вы даже не сможете перехватить в Бологом Егора.

— А ты можешь?

— Я постараюсь еще одному человеку позвонить, — сказал дядя Миша. — Мы с ним рыбу ловили.

— Это достижение, — сказала Калерия, пока дядя Миша набирал еще один номер и снова ждал, заранее зная, что никто не возьмет трубку.

— Тогда, — сказала Лера после того, как дядя Миша прекратил свои бесплодные попытки, — подскажи нам, что делать. Есть задача: козел, капуста и волк...

— Есть задача, — повторил дядя Миша. — Известный нам человек вернее всего прибудет поездом на станцию Бологое в пять сорок. У нас нет вертолета, чтобы перекинуть туда Гарика и меня.

— И тебя?

— Не женщину же посыпать, — невесело улыбнулся дядя Миша. — К тому же я пользуюсь правом ношения личного оружия. Так что в качестве ассистента я могу пригодиться Гарику. Кстати, у нас с ним уже есть некоторый опыт совместных действий.

— Спасибо, — сказала Калерия.

Мне тоже было приятно, что он будет со мной. Привередливый спутник.

— Давайте действовать, — сказал дядя Миша. — У меня есть еще одна резервная идея. Может быть, сработает.

— Поделишься?

— Тут нет никаких тайн, — сказал дядя Миша. — На Ленинградском вокзале у меня все знакомые. Сейчас тоже. Если повезет и кто-нибудь из них сейчас на дежурстве, я

постараюсь по линии железнодорожной милиции связаться с Бологим.

— И что?

— Ничего особенного. Они будут знать, что в Бологом должен выйти наш сотрудник, Чехонин Георгий Артурovich. Ему передадут послание — что товарищ Гагарин и сопровождающий его сотрудник прибудут в Бологое позже утром. И в случае, если лейтенант Чехонин знает, куда проследует дальше, он в записке или в устной форме доложит начальнику тамошнего отделения милиции, куда направляется, где встретит наших товарищей, а также всю дополнительную информацию. Если нуждается в средствах, пускай милиция выдаст ему на текущие расходы — я гарантирую компенсацию. Нормально?

— Тогда с Богом, — сказала Калерия. — Не теряйте времени.

— А ты? — спросил Миша.

— Разумеется, я останусь в институте.

— Сейчас ночь! Твои домашние с ума сойдут.

— Не сойдут, — сказала Калерия. — Они у меня закаленные.

— Но зачем тебе оставаться здесь? — спросил дядя Миша.

— По простой причине. Может случиться так, что Егор позвонит сюда. Других телефонов он не знает. А потом и вам может понадобиться связь... конфиденциальная связь.

— Я совершаю должностное преступление, — вдруг сказал дядя Миша.

— Но в то же время совершаешь благородный поступок во имя гуманизма.

— Красиво, — согласился дядя Миша.

Мы оставили Калерию в лаборатории.

В лаборатории есть кожаный диван небольшого размера, на нем можно в случае надобности прикорнуть.

Глава пятнадцатая

Егор Чехонин

Вагон был неполон.

Егор прошел следом за агентами, но не близко к ним. Они устроились в пустом купе. А Егор — через тонкую стенку от них.

Полка была свободна. Он уселся поближе к проходу. Пока поезд стоял, ему было слышно, как разговаривают агенты.

Но они ничего особенного не сказали.

Лядов сказал, что отлично — можно растянуться на полке и поспать.

— Вам хочется спать? — удивился Майоранский.

— Свежий воздух, — сказал Лядов.

— А я, должен вам сказать, всегда ездил в мягком вагоне. Это удобнее, и чай разносится.

— Каждому свое, как говорили римляне, — сказал Лядов. — Мне и полки достаточно.

Интересно, подумал Егор, как в шпионском фильме. Я — бравый лейтенант, преследую немецких шпионов, которые хотят раздобыть советского завода план.

Сознанию так хочется все разложить по привычным полочкам. А в этой системе ценностей шпион более обычное явление, чем какой-то иной мир без времени.

Пришла женщина неопределенного возраста, с двумя мрачными молчаливыми детьми, которые тут же уткнулись в окно и стали смотреть на темный перрон.

— Интересно, где мои сейчас? — сказал Лядов.

— Кого вы имеете в виду? — спросил Майоранский.

— У меня жена была, дочка. Только жена дочку ушла. Не хотела жить в номерном поселке. Прошло четыре года и три месяца.

— Откуда такая точность?

— А я в Ленинграде на вокзале газету купил, — сказал Лядов. — С датой выхода.

После долгой паузы, в которой было слышно, как шуршит газетный лист, Майоранский произнес:

— Жаль, что шахмат не взяли. Сейчас бы блиц сыграли.

— У меня живот болит, — сказал Лядов. — У вас не болит?

— Нет... пока нет.

— Черт знает этого еврейчика, — сказал Лядов. — У меня есть подозрение, что вся эта вакцина — липа. Чтобы нас успокоить. А нам обратно не вернуться.

— Перестань хныкать и паниковать, — оборвал Лядова Майоранский. — Мы выполняем задание командования, которое лучше нас знает, что именно наше здоровье и самочувствие помогут выполнить задачу.

— Я не командование подозреваю, — ответил Лядов. — А доктора. Хотите газету посмотреть?

— Нет, — ответил Майоранский. — Зачем? Это все равно что марсианскую газету читать. Ни одной знакомой фамилии, ни одного знакомого дела или места. Они и Ленинград переименовали. Какой цинизм!

— Вот мы с вами и поставим их на свои места.

— Тише! Вы что хотите, чтобы каждый милиционер нас услышал?

— Только им и дело, что нас слушать?

— Всегда найдется бдительный товарищ, — возразил Майоранский. — Так было на Руси, так и будет. Лучше подумайте, вы уверены, что найдете то, что нам нужно?

— Почему бы нет?

— Надо сходить в туалет, — сказал Лядов.

Майоранский хихикнул. Ему показалось забавным, что человек собрался в туалет.

«А мне тоже это кажется забавным? — подумал Егор. — Хотя я бы сейчас чего-нибудь съел. А денег нет. Вот бы сейчас подойти к ним и сказать: дайте сто рублей, отдам в Смольном у Берии. Ах, воскликнут они, откуда вы? А я скажу — Лаврентий Павлович поставил меня следить за вами, интеллигентами».

Лядов прошел в туалет и тут же вернулся обратно.

Егор только успел заглянуть за перегородку и увидеть, что Майоранский развернул газету и просматривает ее.

— Заперто, — сказал Лядов, — совсем забыл, что на стоянках туалетами не пользуются.

— Скоро поедем, — сказал Майоранский. — Я тут газету посмотрел, обнаружил, что все эти так называемые демократические процессы вполне обратимы. Недаром оставили Ленинградскую область — чтобы безболезненное перейти к старым ценностям.

Поезд слегка дернулся и начал двигаться. Мальчики стали шепотом обсуждать нечто, увиденное ими за окном. Женщина развернула большой пакет с курицей, помидорами и батоном хлеба. В лучших поездных традициях. Два часа ночи, но она собирается поужинать и детей покормить.

Запах еды был соблазнительным. Мальчики сразу отклеились от окна, уселись за столик, замерли, глядели, как мать режет помидоры и курицу.

Поезд был медленным, пассажирским или почтовым. Он намеревался останавливаться на всех станциях.

Егор незаметно для себя задремал.

Впервые за несколько месяцев.

Очнулся он от того, что поезд остановился — видно, недалеко уехал от города.

И сразу стали слышны разные шумы — в вагоне далеко не все спали.

Соседи успели всю еду уплести — на бумаге лежали куриные кости, огрызки помидоров и объедки хлеба. Посреди стола стояла пустая бутыль из-под лимонада. Мальчики спали на верхней полке, внизу женщина. Постельное белье они брать не стали.

Впрочем, в этом поезде мало кто брал постельное белье, потому что ехали не до Москвы, а до разных станций между Питером и Тверью. И народ был небогатый.

Из-за загородки донесся голос Майоранского:

— Что же происходит в организме, когда он подвергся заражению?

Лядов не ответил прямо на вопрос, а сказал:

— Странно, мы столько с вами прожили там, внизу, играли тысячу раз в шахматы, а никогда не приходило в голову понять, что же нас с вами объединяет.

— Профессия, — сказал Майоранский.

— Я не об этом. Я думаю, что это живой мир на нас действует особым образом, мы становимся людьми, а людям свойственно любопытство.

— Вы не рассказали мне о том, что происходит в организме.

— Я могу только очень грубо... приблизительно.

— Я более опытный специалист, чем вы, Лядов.

— Но отстали на поколение. А это непреодолимо.

— Рассказывайте.

— Вот палец, — сказал Лядов, — а вот мозг...

Поезд дернулся, куда грубее, чем в Петербурге, и поехал дальше. Застучали колеса. Лядов немного повысил голос, а Егор подвинулся так, чтобы его голова фактически выглядывала из-за перегородки. Поэтому ему был слышен разговор.

— Если ты захочешь пошевелить пальцем, — был слышен голос Лядова, — то мозг посыпает нервный импульс, и при этом выделяется фермент.

— Не учите меня грамоте, — проворчал Майоранский.

— Вы спросили, я отвечаю. Суть нашего открытия заключается в том, что в нервных волокнах отравляющее вещество заменяет этот фермент и поражает центральную нервную систему... Тело перестает слушаться мозга.

— Примерно представляю. И эти разработки ведутся только у нас?

— Нет, это секрет полишинеля. В Штатах тоже есть такие работы.

— Какова эффективность?

— Что вам сказать? Как-то в лаборатории я отвлекся разговором и дотронулся резиновой перчаткой до незащищенного места на другой руке. Вот здесь, у запястья... Паника началась! Мне сразу антидот вкололи...

— Смешно, — сказал Майоранский, — но ничего принципиально нового.

— Это как сказать, — возразил Лядов. — У нас возможности гигантские, только денег не дают. Я, например, из водки могу такой яд приготовить, что ты никогда не поймешь, от чего умер... Скажем, заложу заданность поражения — один год. Суммарное воздействие — четыре дозы. Вот в течение года если ты примешь по сто граммов, тебе кранты. Я даже с тобой первую рюмку выпью и больше в течение года, пока действует кумулятивный эффект, принимать не буду. А тебе останется до смерти триста граммов. Из любой бутылки, понял?

— В мое время тоже были неплохие яды, — сказал Майоранский. — Вы, может, не слышали, это закрытые дела, что мы ликвидировали нескольких опасных врагов нашей Родины.

— Знаю, — ответил Лядов, — знаю. Бандеру, его помощника, Троцкого — нет, Троцкого вы топором убрали, Папу Римского...

— Не знаете — не вмешивайтесь. — Майоранский был недоволен — то ли тем, что его напарник слишком много знает, то ли тем, что знает он недостаточно.

— Знаю — люизит, иприт, фосген... — Лядов не скрывал своего превосходства. — Это все позавчерашний день. Вам приходилось читать о японской секте...

— Я не читаю о японских сектах.

— Ну и молодец... — Лядов хотел обидеться, но спохватился, что тогда он лишится собеседника, а поговорить хотелось.

— Продолжайте, коллега, — подбодрил его Майоранский.

— В июле или августе девяносто пятого года в Москве было совершено убийство крупного банкира и политика Ивана Кивелиди. Ему стало плохо на службе, приехала «скорая», сначала диагностировали почечные колики, а в ночь он умер от отека мозга.

— Характерно, — заметил Майоранский.

— Никто не мог отыскать причину смерти. Единственная зацепка заключалась в том, что за день до Кивелиди в том же кабинете умерла его секретарша. Вскрытия ничего не дали...

— Я тоже ставил себе задачу — яд должен выводиться из организма в первые же минуты, — сообщил Майоранский.

— Только яд уже не тот. Хотя следов отравы в организме не нашли, стали искать в кабинете и увидели коричневое пятнышко на телефонной трубке. К счастью для сыщиков, за несколько суток вещество потеряло силу, но все же удалось установить, что это — цитирую по памяти — «аналог боевого фосфоро-органического отправляющего вещества нервно-паралитического действия». Но неизвестной формулы. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Майоранский, — конкурирующая фирма? Ведь вы не делились с коллегами информацией, и думаю, им тоже нет смысла...

— Мы сделали десятки тысяч опытов!

— Все в прошлом, — сказал Майоранский, — как и у меня. Поезд пошел быстрее, стук колес прерывал звук голосов.

К сожалению, все сбылось. Самые худшие опасения сбылись.

Они ехали, чтобы выпустить — пока не известно, где, как и сколько — отравляющего вещества, современного яда. Лядов работал здесь, видно, в каком-нибудь почтовом ящике — в Максимовке. Майоранский — старый волк еще из бериевских времен, если он принимал участие в убийстве Бандеры.

Они разговаривали спокойно, словно не потрясены заранее ужасом того, что им предстоит сделать.

Дошли ли до Москвы его послания? Выполнит ли его просьбу Верка-снайпер?

Если в Бологом не будет никакого сигнала, придется действовать самому — он должен остановить агентов Берии, прежде чем они доберутся до яда.

Поезд замедлил ход.

— Интересно, знал ли убийца Кивелиди, с каким ядом он имеет дело? — спросил Майоранский.

— Вернее всего он приговорил себя к смерти.

— А может, он и не приговаривал — если инкубационный период несколько минут или даже часов, он мог спокойно уйти и умереть на улице.

Поезд останавливался.

Женщина открыла глаза и глядела на фонарь за окном. Мальчики спали.

— Сколько времени, не скажете? — спросил Егор.

— В твоем возрасте пора часы заводить, — сказала женщина. Потом поглядела на наручные часы и сказала: — Без двадцати четыре.

Значит, скоро Бологое.

Егор все ждал, что они будут обсуждать, как ехать дальше. Но об этом не было сказано ни слова.

Зато химики с удовольствием соперничали — Майоранский пытался доказать, что яды его молодости были не хуже, чем отравляющие вещества фирмы Лядова. Если бы прислушиваться и запоминать, он бы многое узнал о температурных режимах современных ядов, способах их употребления, от воды до воздуха и даже вакуума, о летальной концентрации, при которой яд убивает половину всех живых существ, попавших в поле его активности. Он даже услышал — может быть, это и есть наш убийца, — о том, что Ви-икс имеет летальную концентрацию в 0,015 миллиграмм на килограмм.

Не все в беседе агентов было понятно — они многое пропускали, для них очевидное.

Егор не переставал, конечно, прислушиваться к беседе, но сбивался на собственные мысли. Агенты устали и подолгу молчали. А может, приближение к цели заставляло их быть серьезными? Пугало?

Если ты работаешь на Лаврентия Павловича, ни в чем нельзя быть уверенным.

— Бологое, Бологое, — громко повторял проводник, пробираясь по проходу общего вагона. — Бологое, не просыпаем, встаем, собираем вещички.

Егор очнулся.

Поезд снова замедлял ход.

За окнами замелькали огни.

У Егора не было багажа. Такого в порядочную гостиницу не пустят. Из одежды — только куртка, джинсы и соответственно трусы с майкой. Одежда по мере жизни в Чистилище неизбежно упрощалась. Зачем человеку одежда? Остаются лишь останки морали или, скажем, при-

вычки ходить в одежде. Хотя нудистов тоже немало, больше, чем в обычном мире. Почти всегда можно найти голых на берегу Невы у Петропавловской крепости, они изображают там пляж.

А некоторые ходят раздевшись по идейным соображениям.

Еще не рассветало.

Рука одного из мальчиков свесилась с полки.

Всё-таки начинается осень.

Мимо купе Егора быстро прошли агенты.

Егор поднялся и пошел к выходу.

Кроме них, вагон покинули еще несколько человек — те, кто добирался до работы дальше, за Бологое, и выехал заранее.

Так что под яркими фонарями на третьем пути скопилось довольно много народа.

Почти никто не говорил, словно собирались на похороны. Все были сонные и мрачные.

Егор сразу отыскал глазами своих спутников.

Они ежились, их, как и Егора, тревожно схватил утренний холод. Не то чтобы было очень холодно, Егор подумал, что градусов десять, не меньше, но они ведь отвыкли от холода.

А тут еще подул ветер. Так, что зашумело в вершинах деревьев, и захлопали крыльями, завопили разбуженные вороньи.

Толпа растекалась ручьями через пути — некоторые к вокзалу, другие — по ту сторону путей.

Агенты Берии пошли к станционному зданию.

Егор увязался за ними. Он шел шагах в десяти и думал, что делать человеку, у которого нет денег. Совершенно нет, ни копейки. Водитель автобуса может его не пустить.

Хорошо, в крайнем случае запомню номер автобуса и подожду рассвета.

Как-нибудь дозвонюсь до института — даже если милостыню придется спросить.

Резкий женский голос командовал маневровыми паровозами, которые перевозили вагоны с путей на пути, формировали составы или занимались другими полезными делами.

Егор, уже подойдя к вокзалу, даже не сразу сообразил, что слова радиоголоса относятся к нему.

Впрочем, никто не обратил на эти слова внимания, потому что люди сочли — продолжается разговор между своими, станционными.

— Егора Чехонина просят пройти в комнату дежурной милиции. Повторяю, Чехонина Егора просят пройти в дежурную комнату милиции к лейтенанту Свечкину.

А когда Егор догадался, что призыв относится к нему, он замер от неожиданной радости.

Когда ты уже в отчаянии от одиночества и невозможности ничего сделать... И уже впору садиться и опускать руки.

И тут с неба доносится зов!

Уверенный женский голос приказывает тебе отыскать друга...

Егор кинулся было в милицию и тут же понял, что этого делать нельзя. Милиция и лично лейтенант Свечкин подождут, пока он не выяснит, куда направляются его враги.

Егор пошел за хохолком Лядова. Даже постарался приблизиться к ним — вряд ли они подозревают, что за ними следят. А хорошо бы подслушать, о чем они говорят.

Но воздух здесь, на Земле, куда как более густ — он полон шагов, дыхания, сдержанных голосов, шуршания подошв и шума ветра.

Пришлось подойти совсем близко, даже толкнуть кого-то — тот выругался, и Лядов оглянулся. Впервые встретился глазами с Егором. Пока еще он его не знает, но уже в следующий раз заметит.

Но пока не страшно.

Вот они идут в трех шагах спереди.

Он только сейчас увидел, что Майоранский лысый — он зачесывал волосы вперед так, что не сразу догадаешься.

А у Лядова узкие плечики.

— Вы помните, как ехать? — спросил Майоранский.

— Я скорее забуду, как маму звали, — засмеялся Лядов. — Я на этих поездах и автобусах тысячу раз катался. У меня телка была в Питере.

— Телка?

— Девушка по-вашему. Из Питера. Я раз в неделю к ней ездил, а жене говорил, что консультирую химический техникум.

Не площади стояло несколько автобусов. Свет в них был зажжен.

Черные силуэты рассасывались по автобусам.

Лядов прошел к автобусу № 72.

Он был почти пустой.

Егор отстал. Он запомнил автобус и побежал назад к станции.

У дверей вокзала стоял милиционер.

— Где мне лейтенанта Свечкина найти? — спросил Егор.

— А вам на что? — спросил милиционер, сплюнул шелуху и забросил в рот еще одну семечку.

— Меня к нему по радио вызвали. Срочно.

— По радио? Что-то не слышал.

— Но у меня времени нет! Они уйдут.

— А кто уйдет?

Милиционеру было тоскливо, ему хотелось развлечений, но не хотелось двигаться.

Егор, чуть не толкнув его, вбежал в вокзал.

Милиционер медленно развернулся и спросил вслед:

— А тебе зачем?

Более глубокой мысли он родить не смог.

— Где милиция? — спросил Егор у мужчины в кожаной куртке.

— Вон там. — Мужчина показал в дальний угол зала.

Сзади топал милиционер.

— Нет, ты погоди! — заявил он. — Ты не спеши...

— Не приставайте, — сказал Егор.

На свету он увидел, какое розовое и гладкое лицо у этого молодого милиционера. Желтые брови были сурово сдвинуты.

Егор кинулся к милиции, а милиционер за его спиной — ну просто шкурой Егор почувствовал опасность — стал вытаскивать револьвер.

Только добежать до милиции.

Не успею...

Дверь под вывеской «МИЛИЦИЯ» резко распахнулась, и оттуда вылетел пьяный бомж. Он кричал:

— Я вам еще покажу!

Бомж не удержался на ногах: худенький поджарый безлобый лейтенант — ну просто макака — вышиб его из отделения и не услышал крика:

— Ложись!

Раздался оглушительный выстрел.

Кто-то завопил.

Егор не догадался упасть, а влетел в дверь милиции, сбив с ног лейтенанта. Они грохнулись на пол, а розовый милиционер снаружи кричал:

— Стой, стрелять буду!

Егор не спешил вставать, ему казалось, что соседство с лейтенантом может его спасти.

— Вставай, пристрелю! — кричал над головой милиционер, и ясно было, что ему очень хочется пристрелить Егора.

— Ты что? — Лейтенант быстро пришел в себя, но тоже не стал рисковать и подниматься на ноги.

— Взял его при попытке, — сказал милиционер. — Он на вас покушался.

— Вы лейтенант Свечкин? — спросил Егор.

Не поднимаясь, маленький лейтенант спросил:

— Егор Чехонин? У меня для вас пакет, ясно?

Он вытащил из кармана обычный почтовый конверт.

— Здесь две сотни, — сказал он. — По приказу из Москвы... да убери ты свою пушку долбаную! — Тут лейтенант перешел на крик. — Считай, что ты у нас больше не работаешь!

— Я до него все равно доберусь, — сказал милиционер.

— Я те доберусь! Сдавай оружие!

Изнутри вышли еще два милиционера. Один помог подняться лейтенанту.

Егор тоже встал.

— Мне можно идти? — спросил он.

— Исполняйте! — приказал ему лейтенант.

— Вы его отпускаете? — удивился розовый милиционер.

— А с тобой, козел, будем разбираться за нападение на начальника.

— Да вы что?

— Вот именно!

Егор быстро пошел прочь.

Сзади еще ссорились милиционеры.

«Ну вот, опять мог погибнуть. И что мне так не везет?» — подумал Егор.

На площади было куда меньше автобусов.

72-й как раз набирал скорость.

Егор бросился за ним. Впустую, только газа наглотался. Надо было бы вернуться в милицию и там выяснить, куда ушел 72-й.

Но идти в милицию не хотелось. Там опять захотят пристрелить.

Тут он увидел, как от вокзала отъезжает милицейский «газик», за рулем сидел розовощекий милиционер, а рядом лейтенант Свечкин.

Вот и потерял последнюю связь.

А он даже не спросил, от кого деньги. Конечно, от Гарика, но непонятно, как ему удалось их сюда перевести.

Если бы не глупый инцидент, он бы поговорил со Свечкиным, ему бы помогли...

Егор вошел в зал вокзала.

Там было пусто, если не считать изгнанного из милиции бомжа, который дремал на скамейке.

Егор сунулся было в милицию, но дверь туда была заперта.

Он кинулся к дежурному по станции. На двери была приколплена бумажка: «Вышел по делу».

На площади оставался всего один автобус.

Егор подбежал к нему и спросил водителя:

— Скажите, семьдесят второй до Максимовки ходит?

— Не знаю, — сказал водитель. — Я здесь недавно.

И тут он услышал короткий гудок.

Словно его позвали.

Он обернулся. В двадцати шагах стоял «москвич».

Задняя дверца приоткрылась.

Егор, не размышляя, подошел к «москвичу», надеясь, что он прислан Гариком или дядей Мишей.

— Садись, садись, — услышал он женский голос.

Голос был знакомый.

Внутри машины было почти темно, но фонари с площади кидали внутрь пятна света — там сидела Верка-снайпер с Московского вокзала.

Егор сел молча.

Даже не потому, что растерялся, — он не знал, кто за рулем.

Шофер был в ватнике и шляпе, прижавшей оттопыренные уши. Не оборачиваясь, он сипло спросил:

— Куда едем?

— Ты же знаешь, — сказала Верка-снайпер. — До совхоза.

— До совхоза — лады.

Машина рванула с места, по шоссе, вслед за семьдесят вторым автобусом.

Егор видел профиль Верки. Она смотрела перед собой. Профиль был четкий, правильный.

И вдруг Егор понял — она не та, за кого себя выдает.

— Что смотришь, ясный сокол? — спросила она, улыбаясь.

И голос изменился. Хрипота пропала.

— Как ты меня нашла?

— Возьми часы, — сказала Верка, — они тебе пригодятся.

— А у меня уже деньги есть. Я тебе долг отдашь.

— В следующий раз.

— Как ты меня нашла?

— Села в поезд и доехала, — ответила Верка. — Что может быть проще?

— А зачем?

— Чтобы часы вернуть. Думаю, человеку часы понадобятся.

— И ждала меня на площади?

— Я услышала, как тебя по радио объявили, — сказала Верка. — Все-таки ты из органов.

— Честное слово, не из органов, и ты знаешь, что я не вру.

— Может, и знаю.

Она чуть наклонилась вперед и спросила:

— Нам далеко ехать?

— Еще километров пятнадцать. Дорога пустая, быстро доедем.

— Но зачем ты поехала?

— Потерпи, тебе же сказали — пятнадцать километров осталось по хорошей дороге.

Егор замолчал.

Потом подумалось: а от нее не пахнет. И нет буденновского шлема и дикого вида шинели. Когда она успела переодеться?

— У меня все с собой было, — ответила девушка на немой вопрос. — В камере хранения на Московском вокзале.

— Ты из Москвы?

— Да.

— Ты за ними следила?

— Если ты скажешь, за кем, то я буду рада ответить.

— Ты от дяди Миши? — спросил Егор.

— От кого? — Удивление было таким очевидным, что Егор ей поверил.

Шляпа впереди покачивалась, и уши, торчащие под прямым углом, чуть шевелились. Водитель слушал.

Иногда они обгоняли машину.

Неожиданно шофер сказал:

— Вон семьдесят второй, вы за ним гоняетесь?

— Примерно, — ответила Верка.

— Хочешь, я на остановке замру, и вы в него сядете?

— Нет, не хотим, — сказала Верка.

— Дело ваше.

Машина обогнала автобус. Внутри автобуса было светло. Нос Лядова прижался к стеклу. За ним угадывалась бородка Майоранского.

«Мы правильно едем», — подумал Егор.

— Они там? — спросила Верка.

Егор кивнул.

Верка не хотела разговаривать при водителе, вернее всего случайном человеке, из тех, кто дежурит перед станциями, чтобы развозить пассажиров по окружающим поселкам.

Если она не та, за кого себя выдает, ее появление на трамвайной остановке перед фабрикой, в которой есть переход, может объясняться сотней причин, и лучше, если она сама предложит свою версию.

В любом случае лучше, если версия будет. Наверное, лучше.

Он и так старался ей довериться. Когда в дом пришел дьявол, лучше пойти на союз с местными ведьмами, чем отгонять его в одиночестве.

Тем более раз она умылась и стала похожа на человека.

— Тебе холодно? — спросила Верка-снайпер.

— Терпимо. А тебя как зовут?

— Можешь звать Верой. И вообще — чем меньше врешь, тем труднее тебя поймать на слове.

— А где вам остановиться? — спросил водитель.

— На автобусной остановке, — сказала Вера.

Быстрее, чем Егор сообразил.

— Я сама заплачу, — сказала она, — мы уже договорились.

— У меня есть деньги.

— Держи их при себе.

Вера протянула водителю деньги.

Машина стояла под фонарем. Рядом был навес и столб с расписанием автобуса.

На скамеечке под навесом сидели две пожилые женщины с бидонами и мешками. Видно, собирались на рынок в Бологое.

Машина завиляла колесами, резко развернулась и умчалась назад.

Старушки не показались водителю достойными пассажирками.

Ветер дул порывисто, и Егору стало холодно. К тому же еще живот схватило — пришлось извиниться перед Верой и отбежать в кусты за остановкой, черной массой замершие на синем фоне рассветного неба.

Вера ждала его за пределами круга света.

Егора мучило.

— Тебе плохо? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Егор. — Может, будет еще хуже.

Ярким и веселым праздником света въехал на площадь автобус.

Майоранский и Лядов сошли с него, а старушки стали втискивать туда свое добро.

Больше никто с автобуса не сошел.

— Так и замерзнуть можно, — сказал Майоранский. — И чего только я согласился!

— А мог не согласиться? — спросил Лядов.

— Не ваше дело!

— Я допускаю, что Лаврентий Павлович обзавелся какими-то рычагами и управляет вами.

Майоранский спросил:

— А куда идти?

— Сейчас пойдем, — сказал Лядов. — Вроде бы ничего не должно измениться, но я давно здесь не был.

— Пошли, а то я замерзну. Могли бы сообразить и выдать нам одежду.

— Чем скорее будем идти, тем теплее, — сказал Лядов.

И тут же закашлялся.

— Какое удовольствие, — сказал он. — Тысячу лет не кашлял.

— Дурак! — воскликнул Майоранский. — Для нас теперь любая бактерия может оказаться смертельной.

Вера схватила Егора за локоть, словно хотела спросить что-то важное, но испугалась, что их услышат.

— Пошли, — сказал Лядов.

— А далеко идти?

— Не бойтесь, не замерзнете. Сейчас солнце встает, поздние птахи запоют... У вас живот не болит?

— Чертов доктор, — сказал Майоранский. — Попался бы он мне в руки, когда я заведовал лабораторией.

Они пошли по асфальтовой дорожке, к желтеющему шагах в ста впереди фонарю.

Егор подождал, пока они отойдут метров на сто.

— Знаешь, куда они идут? — спросила Вера.

— В Максимово, — уверенно сказал Егор.

— Вот и не угадал. Это называется совхоз имени Максима Горького.

— Ах, черт! — сквозь зубы прошипел Егор. — А я им сообщал — Максимовка! Наверняка они не нашли!

— А что в вашем Максимове? — спросила девушка.

Светать еще только начинало, так что Егор видел силуэт Веры и мог лишь оценить, что она, оказывается, стройная и прямая — разве догадаешься, когда она в шинели?

— Я думаю, что военное биологическое предприятие, — сказал Егор. — У них цель — каким-то образом выпустить этот яд или газ на волю, чтобы отравить как можно больше людей, в идеале — всех людей на Земле.

— Ой, какой ужас! Ты уверен?

— Поэтому я за ними и примчался к вам.

— Что значит — к вам?

— Я объясню, только это трудно понять, потому что ты подумаешь, что я псих или ты с ума сошла, — в общем, вернее всего ты мне не поверишь.

— Тогда я тебе скажу, — прошептала Вера. — Я корреспондент «Московского комсомольца». Знаешь такую газету?

— Желтая пресса.

— Когда желтая, а когда нормальная. По крайней мере мы никого не боимся. У нас были сигналы. А потом мы получили доступ к некоторым документам...

— О чём документы?

— Существует параллельный мир — теперь ты не смейся!

— Говори.

— Существует параллельный мир. В ФСБ и еще как-то службе безопасности об этом знают, не считают информацию идиотической и даже смогли объяснить таким образом исчезновение некоторых людей. Чего молчишь?

— Смотрю по сторонам, — ответил Егор.

Он пытался запомнить дорогу, как мальчик-с-пальчик в кармане великана.

По сторонам улицы шли деревенские домики, потом они кончились, и их сменили двухэтажные бараки.

Света в домах и бараках не было — видно, рано.

В одном из дворов забрехала собака, но негромко, словно понимала — нельзя будить людей в такой ранний час.

Белая табличка, прибитая к штакетнику, казалась голубой в рассветной мгле. На ней было написано «2-я Советская ул.».

Улица была освещена скучно — фонари встречались через сто метров, между ними господствовала синь.

Две фигуры, быстро шедшие впереди, вдруг исчезли.

Повернули направо.

— Смотри, как бы не упустить, — сказал Егор.

— Я профессиональная журналистка, — ответила Вера, — поэтому, пока ты бегал за своими друзьями, а потом в милицию, я узнала от людей, что семьдесят второй автобус, в который они сели, идет в совхоз имени Максима Горького, но это ничего не значит, потому что совхоз — обманка для шпионов. На самом деле дорога ведет дальше, к Зиханам-1. А это — закрытое территориальное образование. Химическое предприятие.

— Понятно, — сказал Егор.

— Ничего тебе не понятно, — ответила Вера. — Потому что дорога тут не кончается, а ведет в лес, в ГИТОС.

— Это что?

— ГИТОС — это Государственный институт технологии органического синтеза. Или Зиханы-2. Раньше он назывался филиалом НИИ органической химии и технологии, а еще раньше — филиал № 14 почтового ящика 47. Вот это и есть центр всего живого и неживого.

— Понятно, — повторил Егор.

— Но самое главное начинается дальше — еще семь километров лесом.

— А там что?

— А там Зиханы-4, военный город Министерства обороны, полигон в двадцать гектаров, военный НИИ. Мобильная бригада быстрого реагирования, воинская часть № 534697. Город на четыре тысячи человек...

— А Зиханы-3? Ты пропустила Зиханы-3.

— Может, его и не было.

— Как ты все запомнила? Неужели со слов этого шоfera?

— Нет, мне пришлось заниматься захоронением отходов химического оружия. Многое мы не добились, но кое-где я побывала. И документы видела. Ведь беда здесь в том, что нет средств содержать эти городки, но в то же время нет средств, чтобы уничтожить все эти десятки ты-

сяч тонн страшно ядовитой гадости, которой достаточно, чтобы трижды истребить все живое на Земле.

— И у американцев, конечно, тоже есть? — Егор удивился вспышке собственного патриотизма.

— Молодец, — оценила его патриотизм Вера. — Смею, товарищи, в ногу. Кстати, разговор идет об этой базе. Она законсервирована. Разработки не ведутся, склады недоступны для злоумышленников.

— Речь идет о военных Зиханах?

— Нет, там есть народ, и там есть бригада, сведения до двух рот, там есть население. Военные не уверены, на всегда ли запрещено химическое и биологическое оружие. А вдруг снова позовут штурмовать дворец Амина? Ты знаешь про Амина?

— Все ясно — я инопланетянин, — сказал Егор.

— Не отшутишься. Ты из параллельного мира, на тебе это написано. Я же не первую неделю здесь ошиваюсь. И твои жмурики тоже из параллельного мира. Ты мое везение, ты моя карьера.

— Вера, помолчи, — сказал Егор, — они опять куда-то повернули.

— Они не хотят попасть на военный полигон, — сказала Вера. — Чует мое сердце, что направились они на законсервированный объект Зиханы-2.

Над полем ползли рваные слои тумана, похожие на японский гриб, который раньше было принято держать в домах. Гриб жил на подоконнике, испражнялся в воду, и она приобретала своеобразный кислый вкус. Пили всей семьей, включая невинных детей. Потом кто-то сообразил, что грибы канцерогенные, они из домов исчезли, и Егор так и не узнал, есть ли такие грибы в Японии.

В тумане по пояс шагали две фигурки — химики Берии.

— Не спеши, — сказала Вера, — если мы тоже пойдем по открытому месту, есть опасность, что они нас увидят.

Давай подождем. Эта дорога тупиковая — им некуда идти за Зиханы-2.

— Я посижу? — спросил Егор.

Ноги страшно устали, просто отваливались. Тошнило.

— Тебс наш воздух вреден? — спросила Вера.

— Это и мой воздух, — обиделся Егор.

— Ладно, тогда объясни. И поверь, что моя голова устроена нормально, в смысле я могу переваривать любую сумасшедшую информацию. Я к этому готова. Я, кстати, два месяца в Чечне в плену была, без света и в наушниках.

Егор смотрел, как две фигурки агентов вдруг разом исчезли.

— Смотри...

— Я думаю, что если ты устал, то они устали втрое, — сказала Вера. — Ты молодой, а они пожилые. Они тоже уселись.

Она была права. Когда туман развеялся, из-за куста на опушке, за которым скрывались Егор с Верой, стало видно, что один из агентов сидит, а второй лежит на земле.

От травы и листьев шли различные запахи, Егор отвык от них, и его мутило еще больше.

— Если тебе не очень плохо, — попросила Вера, — ты расскажи мне, что можешь, а то потом времени не окажется.

— Тогда слушай, — сказал Егор, он решил быть с ней откровенным. Ведь подписки он никому не давал, и чем больше Вера будет знать, тем больше можно ей доверять. Так он чувствовал.

При утреннем свете он смог, наконец, разглядеть настоящую Веру.

Широкоскулая, с тяжелыми веками и низким широким лбом... лицо из былины. Глаза рыжие, в зелень. Широкие плечи, но грудь совсем маленькая... глаза выхватывали детали тела, лица, но общее пока ускользало.

Поглядывая на поле, неожидали там шахматисты, Егор поведал Верс вкратце о Нижнем мире, о том, как в него попадают люди, и даже смог — за те же десять минут — рассказать о Берии и консулах, о борьбе среди них и о том, как они замыслили уничтожить Верхний мир, прежде чем он поглотит их.

— Но для этого надо быть... не людьми! — воскликнула Вера.

Спокойствия и поправилась:

— Я не хотела тебя обидеть.

— Я там не один, — сказал Егор. — Я там с девушкой, мы вместе туда попали.

— Это романтично, — сказала Вера. — Между вами есть что-то? Вы любите друг друга?

— К сожалению, там можно любить... только платонически. У людей изменяется состав крови, мы становимся, как лягушки, холоднокровными.

— А когда ты вернешься?

— Еще не знаю. Доктор Леонид Моисеевич работает над вакциной. Пока он говорит, что мы сможем пробыть здесь три дня или меньше...

— А потом?

— А потом помрем...

Судорога скрутила Егора. Чуть не вырвало.

Он сказал с трудом:

— Может, вакцина действует меньше. Ее же не проводили на мышах...

— Они поднимаются, — сказала Вера.

Как он мог считать ее бомжихой? Более подтянутого, трезвого, четкого человека и придумать трудно.

— Пошли, — сказал Егор, не двигаясь с места.

— Может, тебе полежать? Я сама пойду дальше.

Егор поднялся. Его повело, и он схватился за ствол березки.

Глава шестнадцатая

Егор Чехонин

IIIахматисты брели к лесу, над которым небо розовело, готовясь к восходу солнца.

Даже издали было видно, что чувствуют они себя погано: их пошатывало, порой один уходил вперед, второй останавливался...

Один за другим они скрылись в лесу.

— Далеко до Зихан? — спросил Егор, будто Вера должна была все знать.

— Я думаю, в этом лесу и прячется невинного вида поселок городского типа.

Они перешли поле, полагая, что вряд ли противники затаились, чтобы следить, не преследует ли их кто-нибудь.

Там асфальтированная дорожка расширилась, и в самом деле скоро по ее сторонам пошли коттеджи — пониженные, никому не нужные, те, что имновались раньше финскими домиками. Все они были покинуты, но не все обобраны — наверное, потому, что место это лежало в стороне от наезженных дорог, рядом расположился действующий военный полигон, да и добро, оставшееся после института, большой ценности не представляло. А может быть, у этого бывшего поселка была дурная репутация. Ведь люди из окрестных мест знают, чем занимались здешние химики.

Вера шла чуть впереди, она была легче в движениях.

Деревья разошлись, коттеджи уступили место двухэтажным домикам, также пустым.

Егору этот вид был привычен — он жил в пустом мире. Вера была подавлена.

Справа они увидели кирпичное здание, покрупнее других. По фасаду шли буквы:

КИНОТЕАТР ОЗОН

Заскрипела дверь.

— Вот они! — Вера остановилась.

— Только бы не обернулись.

Они увидели, как Майоранский и Лядов скрылись в кинотеатре.

— Странное место они нашли, — сказал Егор.

— Правильное место, — ответила Вера.

— Ты что-то знаешь?

— Я подозреваю.

Лестница к кинотеатру была шириной во весь фасад, она упиралась в стеклянную стену, в которой и находились двери. Тоже стеклянные, частично разбитые и заколоченные листами пластика.

Они поднялись по лестнице сбоку, в надежде, что их не видно изнутри.

Прижавшись лицом к стеклу, Егор увидел высокий холл кинотеатра.

Посреди него стояли три человека — два путешественника из Чистилища и грузный седой мужчина в синей военной форме с нашивками на рукавах, в каскетке с большим гербом.

Над ними висела хрустальная люстра умопомрачительных размеров, которая, как ружье на стене, должна когда-нибудь выстрелить и разлететься на миллион искр по пыльному каменному полу.

Сквозь разбитое стекло было слышно каждое гулко слово, произнесенное в холле.

— А как Мосин? — спрашивал Лядов. — Гена Мосин, как он?

Человек, обклеенный нашивками, отвечал обстоятельство и басовито. Лядова он знал и доверял ему.

— Мне не докладываются, — говорил он. — Кто будет мне докладываться? Они меня в большинстве и тогда не замечали. Что такое — зам по режиму? Только когда я заходил в лабораторию или к себе вызывал за нарушение. Тогда спохватывались.

— Ну уж, брось, Николаич, — возразил Лядов. — Мы с тобой сколько вместе выпили?

— Ты что-то выглядишь неладно, — сказал Николаич. — Болеешь? Или последствия? У нас у многих последствия, а меня ничего не берет.

— А я обрадовался, что тебя увидел, — сказал Лядов, — я когда моего друга сюда подыщать воздухом привез, не думал, что кого-нибудь из знакомых встречу.

— А ты что, провалился тогда? Исчез, как дезертир с боевого участка.

— Пришлось уехать. Ты же знаешь мои семейные дела.

— А многие удивлялись.

— Честное слово — личные причины.

— Вот видишь, до чего нас перестройка довела, — сказал Николаич. — Чтобы я, зам по режиму, можно сказать, генерал-майор, работал охранником!

— Ну уж, наверное, не охранником, а начальником охраны.

— Только слово одно. У меня всего двое осталось. Спят еще. Ночью ходили. Ночью опасные воры приезжают, за досками и стеклом по домам шарят. А остальные сбежали.

— Как так сбежали?

— А так, что не платят нам. Вот люди и бегут.

— А что, армия не помогает?

— У нее свои проблемы. Не помогает.

— Хорошо, — сказал Лядов, — пошли к тебе, посидим, ты нам посоветуешь, где можно порыбачить.

— А у вас машина?

— Мы машину не стали брать. Оставили все снаряжение на станции, а сюда на автобусе.

— Ну пошли, пошли, — сказал генерал Николаич.

Он развернулся и понес свой рыхлый живот к приоткрытой двери в дальнем конце вестибюля.

Они по очереди скрылись за дверью — впереди Николаич, за ним легким суворовским аллюром Лядов. Наконец, Майоранский. Этот был всех старше и слабее, потому еле тащил ноги.

Но, глядя на него, Егор понимал, что и он безнадежно стар, ему сделать шаг — выше сил. А рядом Всра, интересно, сколько она берет в высоту? Или бегает с барьерами?

Спросить Егор не успел.

Вера сказала:

— Пошли. Больше здесь охраны нет.

— Куда?

— Нельзя от них отставать. Мы не знаем, куда их понесет.

Вера уверенно пересекла вестибюль. Егор брел за ней, он поглядел наверх: хрустальная люстра — сейчас рухнет.

Снаружи встало солнце, и первые горизонтальные лучи достигли подвесок люстры, породив взрыв света.

На полу валялось много окурков.

Вера попала в поток света и, окруженная золотым nimбом, казалась античной богиней из тех быстрых охотниц или бегуний, что соревновались с оленями.

Она подошла к двери со скромной табличкой «Комендатура».

Встала у косяка.

Егор испугался, что дверь откроется и кто-нибудь выйдет. Он собрал все силы и добежал до Веры.

Вера стояла, прижавшись спиной к косяку, голова склонилась к щели в неплотно прикрытой двери.

Ей, может, и было что-то слышно, Егор же не слышал ничего, кроме невнятного гула голосов.

Он хотел попросить Веру повернуться, но тут изнутри донесся короткий и натужный вскрик, будто человек поднимал непомерную тяжесть и надорвался. Потом наступила тишина.

— Да в кармане ищите, в кармане, — раздался громкий голос Лядова. — Быстрее.

Вера оторвалаась от стены и, схватив Егора за руку, потащила его в сторону, к лестнице, ведущей наверх, к зрительному залу. Егор вдруг, как в кошмаре, понял, что он уже был в этом кинотеатре и так же прятался под широкой лестницей на второй этаж, только это была лестница в ресторане «Приморский», где собирались консулы.

Стало совсем муторно, Вера сильно дернула его за руку — и вовремя, потому что как раз в этот момент высунулся Лядов и начал осматриваться. Вера замерла, прикрыв телом Егора, словно полагала, что на женщину не обратят внимания.

Им помогло то, что солнечные лучи, перескавшие вестибюль, били Лядову в лицо, а лестница была в густой утренней тени.

— Выходи, — сказал Лядов. — Все в порядке.

— Я посижу, — сказал Майоранский, — мне дурно.

— Кончим работу и будем тогда сидеть, — отозвался Лядов.

Майоранский принял грязно ругаться, но ругался он так негромко, монотонно и равнодушно, что ничего неприличного в его ругательствах не было.

Потом, придерживаясь за стенку, он опустился на пол и сел, прислонясь спиной к стене.

— Пять минут, — сказал он.

— А то пойду без вас, — пригрозил Лядов. — А вы тут останетесь подыхать.

— Славный разговор между коллегами, — отозвался Майоранский. — Как сейчас слышу отзвуки гуманизма.

— Не вам говорить о гуманизме, Лев Яковлевич!

— А вы откуда знаете?

— Птичка в клюве принесла!

— А в самом деле, вы это придумали? Вы придумали, чтобы меня оскорбить?

Майоранский был испуган.

— Почему? Но я знаю от Берии, он мне сам говорил, что, когда отправленные вами заключенные умоляли вас их прикончить, вы смеялись им в лицо.

— Ложь! Наглая ложь.

Сидя, Майоранский поднял тонкий палец, словно боярыня Морозова, сидящая в розвальнях.

— Вставайте, идти пора, — сказал Лядов.

— Нет, постойте! Вы кинули мне в лицо обвинение, и я считаю своим долгом его опровергнуть.

— Даю вам минуту, — сказал Лядов. — Потом уйду.

— Во-первых, — произнес Майоранский, тряся пальчиком, — я отсидел от звонка до звонка по сфабрикованному против меня обвинению в сотрудничестве с Берией и Судоплатовым. Так что даже формально обвинить меня нельзя.

— Кто вас обвиняет?

— Не перебивать! Я доктор наук и профессор! Если бы не эти... эти волонтеристы, я был бы сейчас академиком! У меня есть план ликвидации американского империализма.

— Тут у нас с вами много общего, — согласился Лядов. — Только американскому империализму плевать.

— Наплюется! Кровью умоется! — пригрозил Майоранский. — Я согласился сотрудничать в этой операции именно потому, что это близкò к теме моей работы.

— В чем же тема вашей работы?

— Служить родине! — завершил спор Майоранский и медленно поднялся. Лядов ему не помогал.

Он пошел вперед, к выходу из кинотеатра.

Майоранский брел следом, перебирая руками по стene, может быть, в самом деле ему было плохо, а может, демонстративно страдал.

— Постой здесь, — приказала Вера. — Не вылезай, все испортишь.

Она была очень молода, моложе Егора, и инстинктивно чувствовала свое моральное превосходство над слабыми. Она не стремилась заботиться о Егоре, но командовать им уже начала, будто именно ей было предписано спасать Землю от гибели.

Вера скользнула вдоль стены, к двери, заглянула в комнату коменданта.

Ее не было минут пять, а может быть, Егору так показалось — он отвык от времени.

Вера вернулась, пряча в карман куртки маленькую фотокамеру.

— Что они с ним сделали? — спросил он.

— Убили. Я задержалась, я пистолет искала или какое-нибудь оружие. Но не нашла. Может, и не было.

— Или Лядов взял.

— Или Лядов взял. Пошли, они наверняка залезли вовнутрь.

— Куда вовнутрь? — спросил Егор.

— Если бы Лядов хотел просто посетить родные пенаты, он бы не стал нападать на Николаича, правда?

— Конечно же, они ключи взяли.

— А Лядов здесь свой человек. Он все ходы и выходы знает, и к тому же, если я тебя правильно поняла, он не так давно нас покинул.

Они подошли к стеклянной стенке и увидели, что биологи только что спустились на улицу и завернули за угол кинотеатра.

Вера и Егор последовали за ними и осторожно выглядели из-за угла.

Впервые Егор увидел своих оппонентов при ярком солнечном свете. И ужаснулся — не тому, что предстало его глазам, а пониманию, что он и сам принадлежит к той же породе.

Казалось, что породу эту можно было назвать лиловыми людьми... а может, серыми...

— Мы похожи на покойников, — сказал Егор.

— Как говорится, краше в гроб кладут, — ответила Вера. Она была возбуждена, как собака, взявшая след. Она неслась к своей журналистской славе.

Они разговаривали почти в полный голос, потому что утро было шумным — от шуршания ветра, скрипа старых домов, пулеметных очередей на военном стрельбище и отдаленного рокота танковых моторов, от далекого стука колес поезда и его дальнего гудка — даже от карканья воронья, населявшего мертвый город номер такой-то.

Биологи остановились у задней двери в кинотеатр. Лядов возился с ключами, а Майоранский, вместо того чтобы исполнять свой долг и стоять на стреме, присел у стены, морщился, подставляя лицо солнцу, и вроде бы собирался помереть.

Дверь заскрипела и открылась.

— Пошли, что ли? — спросил Лядов.

— А если я не пойду? — ответил вопросом Майоранский.

— Тогда я вас подстрелю, — сказал Лядов.

Он вытащил из кармана пистолет — вот куда делось оружие коменданта!

— Ах, не пугайте меня, Лядов, — сказал Майоранский. — Если бы вы знали, сколько меня в жизни пугали пистолетами и револьверами. Ничего, еще живу...

— Но скоро перестанете.

— Чем скорее мы выполним свое задание, — сказал Майоранский, — тем больше шансов вернуться живыми.

— А вы уверены, что мне этого хочется?

— В ином случае через день-два вы просто помрете.

— Не просто, — уточнил Лядов, — а в мучениях. Как ваши пациенты.

— Если вам хочется исторической точности, — сказал Майоранский, — то мои пациенты порой умоляли о смерти. А я ее им не дарил. Потому что обязан был довести опыт до конца.

— Вы убийца хуже фашистов, хуже Менгеле.

— Не старайтесь меня оскорбить, — сказал Майоранский. — Не выйдет. Я причинял людям боль. Но учтите, что это были не люди, а враги народа, троцкистские двурушники, шпионы и диверсанты, которые хотели уничтожить нашу Родину. Вы куда хуже меня, Лядов, потому что вам совершенно все равно, кого убивать. Это аморальность высшего типа.

— Аморальности высшего типа не бывает, — сказал Лядов, — как не бывает рыбы второй свежести. Я никогда никого не убивал. Я знал, что боевые отправляющие вещества, которые мы разрабатываем, — поручительство того, что наши враги не посмеют развязать биологическую или химическую войну, потому что у нас есть, чем им достойно ответить. От моих ядов погибали крысы и морские свинки. Но люди — никогда.

— А если бы ваши отправляющие вещества были употреблены в какой-нибудь войне... допустим, в Афганистане. Мне много рассказывали о тамошних военных

действиях. Если бы их распыляли над кишлаками афганцев...

— Что-то быстро вы забыли про идеологию, — засмеялся Лядов. — А я ее помню. Если мой Ви-икс попадет на базу басмачей, то их смерть спасет жизни нашим советским солдатам.

— А если на мирный кишлак?

— Но ведь этого не было, не было!

— Тогда открывайте дверь, — сказал Майоранский. Он чувствовал себя победителем в споре. — И идите, я вас догою.

— Идти далековато.

— Я догою, догою...

Сначала за дверью скрылся Лядов.

Майоранский последовал за ним через полминуты.

Был слышен его голос:

— Здесь темно, черт побери! Сам черт ногу сломит.

Потом все замолкло.

Вера перебежала к двери.

— Странно, — сказал Егор, — зачем лезть под кинотеатр?

— Я сильно подозреваю, — сказала Вера, — что мы имеем дело с весьма секретным институтом. Не исключено, что какой-то из его объектов помещался именно под кинотеатром.

— Ага, — согласился Егор, — тогда американский шпион ни о чем не догадается.

Они вошли в подземный коридор.

Там в самом деле было темно. Но не так темно, как показалось Майоранскому.

Впереди горела неяркая лампочка.

Видно, охрана заботилась об этом коридоре.

Вера чуть не налетела на медленно бредущего Майоранского.

Майоранский услышал ее шаги.

— Кто там? — спросил он. — Кто идет?

— Вы что кричите? — донесся спереди голос Лядова. —

Испугались?

— Там сзади кто-то идет.

— Тогда тише. Стойте и слушайте.

Все замерли.

Все старались не дышать.

Хуже всего это получалось у Майоранского — дыхание вырвалось из его горла хрипло и громко.

— Отодвинься, — приказал Лядов. — К стене!

Теперь он вел себя как главный.

Раздался громкий звук. И тут же, а может, даже раньше, Егор услышал свист пули.

И сразу вспомнил: если услышал свист, значит, это не твоя пуля.

И вспыхнуло возмущение: этот Лядов совершенно отмороженный. Так и убить можно!

Ну конечно, он этого и желал.

Я до него доберусь!

— Если там кто есть, — сказал Лядов, — то мотай отсюда, у меня еще полная обойма!

— Может, мне показалось? — спросил Майоранский.

— Любую возможность ищете, чтобы отдохнуть, — проворчал Лядов.

Снова зашуршали шаги, и Лядов сказал:

— Здесь направо. Я сейчас свет врублю.

Справа образовался светлый прямоугольник. Проем в стене.

Голоса Лядова и Майоранского заглохли.

— Майоранский мне понятен, — сказала категоричная Вера. — Он бериевский сокол. А вот Лядов — загадка.

— Он тоже продукт с особенного поля, — сказал Егор. —

Во всех странах — и у нас, и в Америке — есть учёные,

которым наплевать на результаты своих убийственных экспериментов. Они получают зарплату, живут в спецгородках на свежем воздухе, рыбачат, разводят крокусы, ходят по грибы, выпивают под гитару и обожают Высоцкого. Такие славные ребята. И им все равно, пенициллин ли изобретать, или адамсит. Можно до пенсии дожить и не сообразить, как ты опасен для человечества. Думает за них начальство.

— Опаснее всего, — закончила Вера мысль Егора, — когда им надо самим принимать решения. У них нет ограничителей. Даже у Майоранского есть ограничители — приказ Родины, чувство долга, а у Лядова нет ничего — это следующее поколение, которое даже не назовешь циничным.

Они двинулись дальше. Осторожно. Не исключено, что Лядов устроил засаду. Стоит с пистолетом и ждет...

Поэтому они и дали шахматистам пять минут форы.

Когда же выглянули в освещенное помещение, Егор еле сдержал возглас удивления.

Это был хоть и низкий, но просторный зал с длинными лабораторными столами, рядами полок с приборами и инструментами, на столах тоже стояли приборы, кое-как прикрыты прозрачным пластиком. Почему-то в поле зрения Егора попал стол в углу, где с каких-то древних времен остался стоять электрический чайник, стопка чайных чашек, пакет с сахаром и коробка с заваркой. Это была «Мария Целеста», покинутая экипажем столь неожиданно, что чайник остался на плите.

Видно, когда уходили, последним сотрудникам Зиханов было не до чайника.

— Куда они делись? — прошептала Вера, входя в комнату и сразу отшатываясь от двери спиной к стене.

— Дальше пошли, — ответил Егор.

— Теперь будь осторожен, — приказала Вера, словно Егор намеревался кричать.

Егор увидел дверь в следующий зал или коридор.

Возле нее стоял Лядов. Если бы он обернулся, он был обязательно увидел Егора.

Но он не обернулся, он был занят.

Он старался открыть дверь.

Майоранский сидел в сторонке. Он все время старался присесть.

— Ну скоро вы? — капризно спросил Лев Яковлевич.

— Одну минуту, — бодро ответил Лядов.

Замок громко щелкнул.

— Заходите, — сказал Лядов, зажигая свет в следующей комнате. — Мы у цели.

Егору было видно, что дверь открывается не в комнату, а в бункер, подобный отсеку подводной лодки. Посредине стальной двери, что вела в следующий отсек, было колесо вроде небольшого штурвала.

— Проверим, какая у нас память, — сказал Лядов.

Он набрал цифры в замке, а затем стал поворачивать колесо.

— Это опасно? — вдруг спросил Майоранский.

— А вы как думали!

— Нужна специальная одежда, — сообщил Майоранский.

— Я забыл ее вам дать, — сказал Лядов. — Но обещаю, что вы пробудете внутри недолго. У нас с вами общие интересы — вернуться домой живыми. Правда?

Он нажал на стальную дверь, и она открылась неспешно, как в замедленной съемке.

— Лежат, голубчики, — произнес Лядов. Голос его донесся гулко, словно из стальной бочки.

— Осторожнее, — предупредил от входа Майоранский. — Разве так необходимо туда заходить?

— Мой дорогой коллега, — торжественно произнес Лядов. — Много лет я провел рядом с этими крокодила-

ми. Я знаю их повадки куда лучше, чем вы изучили нрав своих лабораторных кроликов. Они рычат, они разевают пасти, но я знаю, где у хищников слабые места и куда ткнуть электрическим шоком или просто палкой. Вы меня понимаете?

— Меня утешает лишь то, что вам тоже хочется вернуться.

— Мне хочется вернуться, но для этого нам с вами придется потрудиться.

— В каком смысле?

— Вы поможете мне перенести в другое место один из баллонов.

— Сколько же они весят?

— Само ОВ — десять литров. Но баллон тоже около десяти.

— Мы его уроним!

— И ничего страшного не случится. Ты его можешь с пятого этажа кинуть, а на него танк положить — отечественная работа.

— Нет, я не могу...

— Лев Яковлевич, вы уволены. Попрошу вас собрать вещички и отправиться домой.

— Куда домой?

— В ваш здешний дом. Помирать от болезней.

— Я вернусь к товарищу Берии и сообщу ему о вашем вызывающем поведении. Вы фактически срываете выполнение важного задания! — закричал Майоранский.

— Наконец-то я слышу речь не мальчика, а психа, — засмеялся Лядов. — Давайте не будем тратить времени даром. У меня ведь тоже живот подводит, и голову разламывает местный воздух. Нам нужен вот этот красный баллон.

Они говорили не очень громко, но слова вырывались из двери на склад и звучали куда громче, чем в самом складе.

— Но хоть объясните мне, куда мы его потащим? — взмолился Майоранский.

— Не хочу, — сказал Лядов.

— Это вам дорого обойдется, — обиделся доктор наук. — Учтите, что я все доложу Лаврентию Павловичу.

— Докладывайте, если сможете выбраться живым.

— Я постараюсь, — язвительно ответил Майоранский — видно, он сам себе казался значительным и остроумным. — Благо, я пользуюсь полным доверием товарища Берии, и вы должны мне беспрекословно подчиняться...

— Или?..

— Что или?

— Вы меня расстреляете? Отравите? Ткните мне в бок отправленным зонтиком и выстрелите из авторучки в нос? Что у вас заготовлено для ликвидации своего ближайшего друга?

И тут Майоранский вдруг испугался, а испугавшись, выдал себя.

— Нет, вы и не думайте и не смейте так думать! Почекуя я должен вас убивать? Мы же сотрудники!

— Я сам решу, что с вами делать, Паниковский.

— Майоранский, — поправил его Лев Яковлевич.

— Паниковский! И не возражать. А ну, беритесь за тот конец.

После короткой паузы со склада донеслись вздохи, кряхтение, тяжелое шарканье подошв, потом — тупой громкий удар.

— Уронили, — сказала Вера. — Этого и следовало ожидать.

— Хорошо бы они и в самом деле не раскололи баллон, — сказал Егор.

— Боюсь, что мы тогда не успеем сообразить, что же с нами случилось, — ответила Вера.

Внутри склада ругался Лядов и отфыркивался Майоранский. Когда он заговорил, голос его был плачущим, но спросил он нужную вещь — Егор сам рад был бы спросить.

— А это быстро действует?

— Нет, — коротко ответил Лядов. — Зато наверняка. Беритесь поближе к середине. Раз-два, взяли!

Видно, на этот раз им удалось сделать несколько шагов, прежде чем они снова уронили цилиндр.

Майоранский громко дышал, потом спросил:

— А насколько он силен?

— Мы закончили работу над ним как раз перед закрытием института, — ответил Лядов. — Испытания, конечно, проводились, но я бы еще поработал. Кстати, академик Кудрявцев был со мной согласен. У этого тигренка Эл-Д-90... знаете, что это такое?

— В моё время мы такого термина не употребляли.

— Эл-Д — это летальная концентрация, цифра после буквы обозначает дозу, при которой погибает девяносто процентов всего живого, что соприкоснется с веществом. Так вот у тигренка — Ви-икс Эл-Д равна пяти тысячным миллиграммам на килограмм.

— Убедительно, убедительно, — согласился Майоранский, но Егор не был уверен, что Майоранский понял, о чём идет речь. Вера присвистнула — она-то умела считать.

— Мы должны их остановить, — сказал Егор.

— Ты, как всегда, прав, — сказала Вера. — Теперь или и останови.

— А когда же оно действует? — спросил Майоранский.

— Через четыре часа. Паралич мозга — и кранты человечеству!

— А сколько здесь, вы говорите?

— Десять литров. Можете делить.

— Но это миллионы человек!

— Что и требовалось доказать. Причем учтите: при попадании в воду Ви-икс сохраняет вирулентность и, возможно, смертелен в дозах в сотни раз меньше минимальных теоретических. Вы будете тащить?

На этот раз они вытащили красный цилиндр наружу и бухнули его в десяти метрах от Веры и Егора, затаившихся за шкафами.

— А куда мы несем? — спросил Майоранский, прислонившись к стенке.

— Недалеко. У меня все продумано.

— Ну скажите!

Лядов пощупал поверхность баллона, как будто хотел убедиться, не нагрелся ли он.

— Нам нужно, чтобы вещество попало в воду, — сказал он.

— И чтобы мы остались живы.

— Желательно, — согласился Лядов. — По крайней мере что касается меня.

— Оставьте ваши шутки!

— А я памятливый, — сказал Лядов.

Егору было видно его лицо. Лядов крико усмехался, словно отрицательный герой из боевика.

— Не будем сейчас сводить счеты. Лучше расскажите мне свой план. Ведь я к вам приставлен не как стражник, а как старший и более опытный коллега, — взмолился Майоранский.

— Мы отнесем это, старший коллега, в соседнее помещение, где находится лабораторный слив. Как бы душ. Но он ведет не в сеть канализации, которая, как вы понимаете, давно отключена, а непосредственно в речку. По речке путь...

Егор сжал пальцы Веры, требуя от нее решения.

Вера высвободила пальцы.

— Может, мы его покатим? — спросил Майоранский.

— А что, неплохая идея, — согласился Лядов.

Они вдвоем покатали баллон по лаборатории, и тот, скругленный на концах, похожий более всего на сардельку, норовил вырваться из рук и закатиться под стол.

Они прокатали баллон рядом с Егором, но так тяжело дышали, так старались, что, конечно же, ничего вокруг не слышали.

Перед незамеченной Егором небольшой дверью они остановились, и Лядов стал подбирать нужный ключ.

Майоранский настолько осмелел, что уселся на баллон.

Дверь медленно отворилась. Она была тяжелой, и петли ее хорошо смазаны.

Сначала Лядов сунул голову внутрь, потом обернулся к Майоранскому:

— Пошли, корнет, нас уже ждут.

— Ах, оставьте ваши шутки, — сказал Майоранский. — Как они мне надоели!

— Я вас понимаю, — согласился Лядов. — Не теряйте времени даром, потому что вас в каждый момент может хватить кондрашка. Ах, как я боюсь евреев в медицине.

— Если вы имеете в виду меня?

— Разве вы в медицине? Я думал, что вы палач-биолог. Совсем другая порода.

Майоранский нагнулся к красному баллону.

Лядов зашел с той же стороны, и они покатали чушку в следующее помещение.

Видно, там было несколько ступенек вниз, потому что чушка загромыхала по ним, и Майоранский завопил:

— Я могу ногу потерять!

— Но не лицо, — ерничал Лядов. — Берегите лицо!

Он тоже боялся, но раз уж рядом был некто слабее и пугливее, то ему удавалось поддерживать образ смельчака.

— Стойте здесь, берегите прибор, — сказал Лядов. — Я скоро вернусь.

— Вы куда? — спросил Майоранский.

— Не хочу рисковать, — сказал Лядов.

— Вы оставляете меня одного?

— Дурак, — рассердился Лядов. — Как вы без меня выполните задание?

Он вышел из двери. И несмотря на то что Егор слышал его разговор с Майоранским, он задержался и не успел спрятаться.

На его счастье, Лядов не ожидал засады и не стал обследовать кладовую.

— Давай его... — Егор показал, что надо сделать с Лядовым.

— Давай, — согласилась Вера.

Егор вдруг услышал, как застучало его сердце. Будто у него все последние месяцы не было сердца, а сейчас оно заработало вновь.

— Ты не вмешивайся, — сказала Вера. — Мне нужно его обезоружить.

— Нет, ты женщина...

— А ты рыцарь долбаный, — грубо ответила Вера. — Боюсь, что я здесь буду всех сильнее. Ты возьми на себя Майоранского. Вот соперник тебе по плечу. Иди, — пропшипела Вера.

Егор вошел в полуоткрытую дверь.

Он старался идти уверенно, как хозяин этой жизни. Но вряд ли со стороны это выглядело убедительно.

Помещение было поменьше склада с чушками. Бетонный пол незаметно стекал к дальнему углу и кончался решеткой. В стене было несколько кранов и моек. Комната для водных процедур. Неужели она отключена от канализационной сети...

Эта глупая и несвоевременная мысль была прервана пронзительным голосом Майоранского:

— Вы кто? Кто такой, почему здесь?

Егор решил играть роль местного мельника.

— А вот мне интересно, — произнес он, — как вы попали на секретный объект, товарищ? Или вас лучше называть мистер?

Майоранский быстро вскочил, у него тряслись руки.

— Нет, я не шпион, — заговорил он. — И не думайте. Ничего подобного, я советский человек...

Наверное, причиной такого испуга и такой трясущейся реакции на появление Егора было физическое состояние Майоранского — он находился на последнем издыхании. К тому же он, вернее всего, ждал, и с каждой минутой все острее, появления охраны, милиции или просто комсомольца из бдительных граждан. Он готов был сдаться в плен и при виде Егора не поднял руки только потому, что руки тряслись и не слушались его.

Майоранскому стало все равно — будет ли выполнено задание, будет ли доволен товарищ Берия, вернется ли он на шахматную площадку, чтобы играть бесконечную партию с Лядовым в ожидании решительного боя.

Его замутило, вот-вот вырвет, а потом он медленно и мягко сложился, чтобы удобнее упасть у ног Егора, который кинулся было поддержать пожилого человека, но замер, потому что ему вдруг показалось, что Майоранский притворяется, чтобы, как только Егор до него дотронется, вскочить и вцепиться.

Егор быстро отступил на шаг и сказал:

— Вставайте, вставайте, я лянул.

Майоранский не слышал его. Он лежал, свернувшись как маленький мальчик, спрятав на груди руки, стиснутые в кулаки, и подтянув коленки. Он казался безвредным и даже неживым, но Егор ему не верил.

Снаружи со склада донесся голос Веры:

— Стой, ни с места!

Потом после короткой паузы ответ Лядова:

— Это еще что за явление Христа народу?

— Брось оружие! — сказала Вера. Она говорила громко, словно хотела, чтобы Егор все слышал, и если нужно, помог ей.

Поэтому Егор двинулся к двери в кладовую. Он забыл о том, как гадко себя чувствует. Он должен помочь Вере.

Но движение его запоздало.

Когда он добрался до двери, то увидел, что Лядов каким-то образом обманул Веру.

Правда, Егор не сразу догадался, что это Лядов: тот был в защитном костюме — комбинезоне и бахилах, на голове шлем с открытым забралом.

Он заломил ей руку за спину и заставил нагнуться вперед, приставив к затылку пистолет.

Это была сцена из боевика, так в жизни не бывает.

— Что вы делаете! — закричал на него Егор.

— Ну вот, — сказал Лядов, усмехаясь, словно был рад встрече с Егором, — еще одна рожа лица появилась.

Вера попыталась поднять голову — это не так легко, если тебе заворачивают руку.

— Егорка...

Больше она ничего не успела произнести, так как Лядов сильно толкнул ее вперед. От этого толчка девушка быстро, чтобы удержаться на ногах, побежала вперед, врезалась в Егора, и вместе с ним они устремились вниз, по ступенькам в моечную, причем упали так неудачно, что Егор подвернул или сильно ушиб локоть, взвыл от боли и стал корчиться на полу рядом с неподвижным Майоранским.

Вера лежала на спине и глядела на дуло пистолета.

Лядову нравилось распоряжаться жизнью пленников. Может, всегда нравилось, но судьба не дарила ему такого наслаждения.

— Лежать! — крикнул он Вере и тут же повторил, поглядев на Егора. — Лежать, кому говорю!

Потом толкнул носком ботинка Майоранского.

— А вы зачем лежите? Вы же простудитесь, доктор!

Майоранский быстро сел, словно только и ждал такого окрика.

— Вставайте, вставайте, — сказал Лядов.

Его голос звучал глухо — он опустил забрало защитного костюма.

— Зачем?

— Срываете пломбу с баллона.

— Вы сам, вам удобнее.

— Может, мне и удобнее, но сейчас мне надо держать под присмотром этих наглых детей, которые случайно на нас наткнулись. Правда, случайно?

— Правда, — ответил Егор.

Ему даже говорить было больно.

— И я вам тоже не верю! — рассмеялся Лядов.

Он так легко смеялся, он был такой веселый и очаровательный. За ним куда угодно — на штурм Очакова или на Чертов мост.

— А ну! — Переход был неожиданным — от удара ботинком Майоранский чуть не свалился и мелко побежал к баллону.

Вера пыталась подняться.

— Сначала стреляю в руку, — предупредил Лядов. — И учти, что в школе я был ворошиловским стрелком.

Он врал — ворошиловских стрелков не было, когда он родился.

Вера замерла.

— Давай, давай! — кричал Лядов на Майоранского. — Ничего тебе не грозит. Ты только должен вывинтить болт. Начинай!

Майоранский действовал как во сне. Он послушно наклонился к чушке, отыскал нужный болт и начал его откручивать.

— Стой! А то вытечет раньше времени! — крикнул Лядов. — Дай я тебе помогу.

Он в три шага пересек подвал, достиг чушки и с криком:

— Навались! — ринулся на чушку. Она покатилась к решетке слива. И Егор увидел, как маслянистая, тугая жидкость подобно олифе начала выливаться из отверстия.

Вера же воспользовалась моментом, когда внимание Лядова было поглощено чушкой.

Она кошкой вскочила на ноги и кинулась к двери.

— Куда! — крикнул Лядов. — Пристрелю, сучка!

Выскочив наружу, Вера умудрилась навалиться на дверь с такой силой, что та быстро начала закрываться. Когда же Лядов выстрелил, пуля попала в сталь.

Дверь шелкнула. И закрылась!

Глава семнадцатая

Гарик Гагарин

Дядя Миша нашел на карте Зиханы — он сказал мне, что в одном из Зихан, вернее, в НИИ, закрытом уже три года из-за недофинансирования, и могут оказаться наши знакомые.

Потом он хлопнул себя по лбу.

— Совсем старый дурак стал. Чего же смотрел раньше?
Я потянулся к карте.

— Смотри, — сказал дядя Миша, — мы все обыскали,
сомневались, чуть живые вырвались, а не туда смотрели.

Его выхоленный палец с округлым ногтем уткнулся в
мелкую надпись: «Совхоз им. Максима Горького».

— Это наша Максимовка?

— Вот именно.

Мы летели в вертолете без опознавательных знаков, а
может быть, я не рассмотрел их в темноте.

Но когда мы вышли в Бологое, как можно ближе по-
добравшись к станции, уже рассвело настолько, что я убе-
дился — именно так: никаких опознавательных знаков,
даже нет красных звезд на фюзеляже.

Через три минуты мы уже нашли лейтенанта Свечки-
на, который признался, что хоть и передал конверт с лич-
ными деньгами, но за клиентом не проследил, так как
был крайне занят.

Дядя Миша вернул лейтенанту личный долг, и по прои-
дошней физиономии лейтенанта можно было предпо-
ложить, что тот увеличил сумму, накинув проценты.

Не добившись от лейтенанта толку, мы выбежали на
площадь перед вокзалом.

Там нам повезло больше.

Неподалеку стояли две или три машины. И первый же
водитель признался, что только что, совсем недавно, от-
возил клиентов в Зиханы-1. Куда они дальше пошли, он
не знает.

Мы уселись к нему, и он повез нас по маршруту, про-
деланному только что Егором и неизвестной девушкой,
которая эту машину и наняла.

Откуда девушка, что за девушка? Наверное, Люся. И в
то же время я чувствовал: это не Люся.

Порой мне трудно объяснить, как работает моя интуиция, но она включается независимо от моего желания, что очень сердит профессора Мирского, который меня изучает по утрам в среду. Ему очень хочется, чтобы я работал как машина.

— Тут я их высадил, — сказал водитель. — Они пешком пошли.

На прощание я догадался спросить:

— А еще кто был?

— Те двое, — сказал водитель, — на семьдесят втором приехали. На автобусе. Одного я даже знал, лет пять назад. Фамилия у него простая, русская такая фамилия, то ли Суворов, то ли Кутузов.

Я прочел в его памяти кое-как накаляканное слово «Лядов», которое он сам не смог выцарапать оттуда.

— Лядов? — спросил я.

— Вот я и говорю. На Суворова похож, понимаешь?

Он даже высунулся из машины и махал нам вслед.

— Привет сму от Вени, Вени Смурного. Запомнишь?

— Запомню.

Вокруг стояло неприятное безлюдье. Не такое, как бывает в дневной деревне, когда все в поле или на ферме, а мертвое безлюдье, когда люди ушли совсем.

Дядя Миша шагал уверенно. Он вел меня в Зиханы-гражданские.

— К военным пока соваться нет смысла. Я взял координаты их комбрига, если произойдет худшее. У них служба дезактивации. Но в деликатные детали их впутывать нельзя. Я успел проглядеть документы, созвонился с людьми — по всем данным никаких ОВ на территории института и городка нет. Но один умный человек сказал, что там могут быть испытательные емкости, не для боевого использования, а для продолжения исследований. И не пробирки, понимаешь, а баллоны.

— Зачем их столько?

— Теперь уже никто не скажет. Но считается, что исследовательское хранилище тщательно оберегается и ждет момента, когда приедут добрые итальянцы на уничтожение нашей гадости. Мы правильно идем?

— Правильно, — сразу ответил я, даже не подумав.

Дядя Миша рассмеялся, он был доволен.

— Я знаю, как тебя включать, пришелец, — сказал он. — Да ты не обижайся. Все мы пришельцы. Я вот здесь в деревне пришелец, и еще неизвестно, между кем и кем больше пропасть. Не исключено, что мы с тобой ближе, чем я с японским самураем.

— Не утешайте, — сказал я. — Мы правильно идем?

— Правильно, Гарик, — ответил дядя Миша. — Надо поспешать. Наверное, зря мы машину отпустили.

Солнце поднялось и начало припекать, но не по-настоящему, как летом, а тем сентябрьским выхоложенным жаром, который уже не может забраться в глубокую тень, и потому там зябко.

Мы пересекли большое поле. Роза почти высохла, но все-таки брюки снизу потемнели от влаги.

Птицы не пели, осенью им нечему радоваться — птенцы ушли в школу, соловей завел молодую любовницу.

Когда мы добрались до кинотеатра, стало совсем тепло, и я даже пожалел, что надел куртку.

— Вот тут, — сказал дядя Миша, — должны храниться святые моши. Зайдем в комендатуру, там нам скажут, не проходили ли недавно фашистские диверсанты.

Дядя Мише все это не нравилось — у него профессиональное чутье.

Мне тоже не нравилось — у меня свое чутье.

Мы зашли в кинотеатр.

— Это настоящее кино или обманка для американских спутников? — спросил я.

— И то, и другое. С этой стороны кино, с той — подземные помещения: секретные отделы института. Точнее сам не знаю — официального допуска получить не смог.

Дядя Миша подошел к двери в комендатуру.

Он еще не вошел, как я почувствовал тяжелый, тупой запах смерти. Такой, что буквально отшатнулся.

— Там... — начал я.

— Ну вот, — перебил меня дядя Миша, входя внутрь. — Вот и нашкодили.

Он отодвинулся, чтобы мне пройти. Но мне и не потребовалось входить — у стола сидел, упав головой вперед, крупный пожилой седовласый человек в камуфляже.

На рукаве была нашита эмблема — колба в дубовом венке.

— Должны быть еще люди, — сказал дядя Миша. — Не может быть, чтобы он здесь один...

— Все может быть, — ответил я. — По крайней мере русским духом не пахнет.

— Ну, тебе виднее, — согласился уволенный генерал. — Значит, головотяпы.

— Если все это официально не существует...

— Именно так.

— То и охранять нечего.

— Комендант их знал. Иначе бы не пустил к себе. К тому же он был вооружен.

Дядя Миша показал на раскрытую кобуру, притороченную к поясу.

— И еще у него были ключи.

Дядя Миша показал на доску, где в ячейках висели ключи. Стекло, покрывавшее ячейки, было разбито. Некоторых ключей не хватало.

Мы выбежали из кинотеатра.

Солнце нежарко грело, расположившись на фарфоровом сентябрьском небе.

По улице шла милая девушка в джинсах и курточке, сумка через плечо.

Увидев нас, она помахала нам рукой.

— Вы к кому? — спросила она.

— Ждем комиссию, — быстро ответил дядя Миша.

У девушки было грубоносое скуластое лицо и прямые русые волосы — волнующее лицо.

Стройная, легкая — в таких влюбляются безнадежно и безответственно.

— Ждите, желаю успеха, — сказала девушка и пошла дальше по улице в сторону поля.

— Погоди, — понизил голос дядя Миша, — дай ей отойти. Я не хочу, чтобы местные видели, куда мы с тобой направились.

Когда девушка скрылась за деревьями, мы обежали здание, чтобы оказаться у задней двери.

От нее вели ступеньки вниз, в подвал.

Дверь в подвал была отперта и приоткрыта.

Пройдя через служебные помещения, ничем не выдававшие специфики этого подземелья, мы оказались в лаборатории.

Лаборатория была умеренно запущена.

В шкафу висели защитные комбинезоны.

Во мне росла тревога.

— Все неладно, — сказал я.

— Тогда быстро одеваемся, — предложил генерал.

Он снял с креплений самый большой комбинезон и влез в него. Я последовал его примеру. Но закрывать забрало шлема не стал.

— Бахилы надевать? — спросил я.

— Обязательно.

Мы потеряли еще минуту. Тревога во мне все росла, даже под ложечкой дергалась тоска.

— Скорее, — попросил я дядю Мишу.

— Сэкономишь минуту — потеряешь жизнь. — Он почти не шутил.

Мы пошли дальше.

К счастью, все двери на нашем пути были открыты.

Даже дверь в хранилище — достаточно скромное помещение с массивными стеллажами, на которых лежали различного вида баллоны. Самые большие, похожие на сардельки почти метровой длины, лежали на нижней полке. Одно место пустовало. Может быть, оно всегда пустовало, а может быть, именно этот баллон они и взяли.

Из хранилища двери вели дальше. В одну мы вошли, другая была закрыта. Дядя Миша потрогал рукоять двери — ничего не вышло. Он постучал в дверь.

И когда я уже хотел сказать, что он зря тратит время, изнутри послышался стук.

Нам ответили.

Дядя Миша склонил голову набок, будто надеялся прочесть в стуке азбуку Морзе.

Ничего не прочел, но вдруг спросил меня:

— Эта девушка... она пошла к станции?

— Наверное, к автобусной остановке.

— Ты ничего не почувствовал?

— Ровным счетом ничего, кроме возбужденных чувств.

— Дураки, — сказал дядя Миша. — Надо ее задержать.

Изнутри стучали. Даже молотили в дверь.

На двери было колесо, как в подводной лодке.

Я попробовал его, штурвал начал поворачиваться.

— А теперь погоди, — велел дядя Миша.

Он быстро прошел назад, закрыл дверь в лабораторию.

— Не надо рисковать, — сказал он. — Ты чего перчатки не надел? Они в верхнем кармане костюма. И забрало опусти.

Пока я надевал перчатки, он несколько раз повернул колесо.

От его напора дверь отворилась.

В отворившуюся дверь ввалился пожилой человек с бородкой клинышком. Как дедушка Калинин.

Он попытался сбить нас с ног и убежать.

— Погодите, — сказал ему дядя Миша. — Всему свое время.

Я окинул взглядом относительно небольшой подвал, в углу которого пол уходил полого вниз, к крупной решетке — метр на метр. На решетке лежал баллон красного цвета. На боку его было отверстие, и из него выливалась на прутья решетки маслянистая коричневая жидкость, похожая на плохого качества олифу.

Возле баллона, сложив на груди руки и не обращая на нас внимания, стоял человек в защитном, как у нас, комбинезоне, словно Наполеон, наблюдающий с холма за битвой при Ватерлоо.

Наконец, третьим человеком там оказался Егор.

Он стоял, прижавшись спиной к стене. Егор был напуган, но старался не подавать вида, как человек, услышавший плохой диагноз, но помнящий, что на него смотрит хорошенъкая медсестра.

Болт, которым завинчивалось отверстие в баллоне, валялся на полу.

Первым делом дядя Миша подобрал болт и завинтил отверстие, прервав поток жидкости.

— Поздно, — сказал человек в комбинезоне. — Все уже свершилось.

— И что же свершилось? — спросил дядя Миша.

— Земля погибла.

— Сомневаюсь, — сказал дядя Миша, — и это ваше заявление требует проверки.

Затем дядя Миша обернулся к Егору и сказал:

— А ты чего здесь стоишь, студент?

— А что?

Егору хотелось кинуться ко мне в объятия, я всей шкурой это чувствовал, но он понимал, что положение настолько серьезно, что пока лучше постоять на месте.

— Немедленно выходи в лабораторию.

— В лабораторию?

— В следующее помещение.

Егор послушно вышел из моечной.

— Вы кто? — спросил дядя Миша у человека в комбинезоне.

— А вы?

— Его фамилия Лядов, — сказал из лаборатории Егор. — Он здесь раньше работал. Он убил коменданта.

— Ах, чепуха, — ответил Лядов. — Я фантом в мире мертвецов. Я не существую. Вы, кажется, тоже.

— Ваша гадость испаряется? — спросил дядя Миша.

— Мой тигренок слабо испаряется, но концентрация его в комнате такая, что вы все существуете в облаке. В смертельном облаке.

— Он не врет, — сказал я. — Это штука испаряется.

— Почему все они живы? — спросил генерал.

— Потому что они помрут через шесть часов. Включая эту сучку.

— Кого?

— Убийцу, которую притащил с собой этот мальчик, — сказал Лядов. — Вашу агентшу.

— Ну да, конечно, — послушно согласился дядя Миша к моему вящему удивлению.

— Если я до нее доберусь, — продолжал Лядов, — я сй покажу.

— Куда всдет слив? — спросил дядя Миша.

— Прямо в речку, — сообщил Лядов.

Он вел себя как террорист, выполнивший долг — убивший премьера.

— Не врет, — сказал я.

Вдруг Лядова прорвало:

— Да скажите вы вашему детектору на кривых ножках, что я никогда не вру!

Почему он речшил, что у меня кривые ноги, — ума не приложу, никогда раньше меня в этом не подозревали.

— А теперь, — сказал дядя Миша, — все покидают это помещенис. Я повторяю: все!

И тут я не отказал себе в удовольствии.

Я схватил Лядова за рукав и потащил к выходу. Он вяло сопротивлялся и заработал от меня подзатыльник, что, конечно, не так чувствительно, если у тебя на голове пластиковый шлем, но всегда обидно.

Дядя Миша закрыл дверь, повернул колесо.

Меня смущало его спокойствие. Словно Земля сейчас не была на пороге гибели.

Где-то щелкают часы — на экране появляются красные цифры: до взрыва шесть минут, до взрыва пять минут сорок секунд...

— А этого зовут Майоранский, — сказал Егор, который поджидал нас в лаборатории. — Это страшный убийца, хуже любого Менгеле, хуже Гитлера. Он испытывал смертельные яды на живых советских людях.

— Я выполнял долг, я боролся с мировым империализмом...

— Ага, — согласился дядя Миша. — Такие опаснее всего.

Лядов спросил:

— А где эта баба?

— Поймаем, — спокойно ответил дядя Миша.

— Я ничего не понимаю, — сказал Егор. — Это же Верка-снайпер.

— Кто?

— Прозвище — Верка-снайпер. А вообще-то Вера, журналистка. Она мне очень помогла.

— Откуда она выскочила? — спросил дядя Миша. — Она из вашего мира?

— Нет, я ее здесь встретил, у переходника. На трамвайной остановке. В Питере.

— Журналистку или Верку-снайпершу? — спросил генерал.

— Сначала она была бомжихой, она, понимаете, наблюдала за переходником, заподозрила неладное и пошла в журналистский поиск.

— Ах, как трогательно! — отмстил генерал.

— Вам что-то не нравится? — спросил Егор.

Будто все забыли о яде. Я с трудом сдерживался, чтобы не прервать эту беседу.

Дядя Миша словно почувствовал мое состояние, положил мне руку на плечо и слегка надавил.

Он хотел меня успокоить.

Но я все равно никак не мог успокоиться. И к тому же в этом экранированном подвале среди людей, чувства и мысли которых были в полном раздрыве, я был беспомощен и не мог воспользоваться моими способностями.

— Что же делать? — спросил вдруг Майоранский. — Я умру?

— Это два разных вопроса и две разных проблемы, — откликнулся Лядов. — «Что делать?» — извечный вопрос русской интеллигенции. Никогда не думал, что вы к ней относитесь.

— К кому же я отношусь?! — Майоранский выпятил вперед острую бородку.

— К убийцам, сэр, к убийцам.

— А вы? — закричал Майоранский.

— Тоже к убийцам, но не к самоубийцам. Умирать придется вам и этому вот глупому молодому человеку, который дал себя использовать недостойным лицам. А второй ваш вопрос, Майоранский, умрете ли вы? На него у меня есть ответ. Умрете через шесть часов. Больше вам не жить ни минуты!

— Гарик! — взмолился Егор. Он испугался.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал дядя Миша. — Пошли наружу. Тем более что здесь связь толком не работает.

Майоранский сразу засеменил спереди — он спешил спастись.

— Почему вы не беспокоитесь? — спросил Лядов у дяди Миши. — Вы должны сходить с ума от страха.

— Что я и делаю, — согласился генерал.

Он посмотрел на меня. Я ничем не мог помочь. Я все еще ничего не чувствовал.

Мы поднялись наверх, вышли на солнце.

Два одинаковых чернявых лейтенанта ждали нас у дверей.

— Мы не входили, как и приказано, — сказал один из них.

— Товарищ генерал-майор, — обратился второй к Майоранскому, но тот только отмахнулся и уселся на траву.

Из-за угла дома выбежали человек двадцать солдат в защитных костюмах.

Полковник в камуфляже высунулся из джипа.

— Сюда, товарищ генерал, — сказал он.

— Где «скорая помощь»? — спросил генерал.

— Кому нужна помощь? — спросил полковник.

— У меня пострадавшие.

— Причина поражения?

— Пока отвезите их в ваш госпиталь на дезактивацию.

— Как вы сказали? — У полковника были длинные печально висящие усы.

— Ну, как это у вас называется?

— Дезинфекция. Я думаю, что генерал имеет в виду дезинфекцию, — сказал чернявый лейтенант.

Майоранского унесли на носилках, и он был рад, что не надо двигаться.

— Поражение какого рода? — спросил полковник. —

У нас не было с вами связи.

— Ви-икс-бис, — сказал Лядов. — Мой тигренок.

— Черт побери!

Полковник был потрясен.

— Там в последнем помещении, — сказал генерал, — лежит баллон. Он был открыт. Я его завинтил обратно.

— Первая группа, — негромко сказал генерал. — В подвал! Вы слышали, лейтенант?

Но на этот раз слова полковника относились не к чернявым лейтенантам, а к вышедшему откуда-то — может, из-под земли — человеку в защитном костюме; в отличие от наших костюмов эти были схожи с глубоководными водолазными.

Нас все сторонились. Даже в таких вот комбинезонах.

Санитары, которых пришли за Егором, тоже были облечены в защитные одежды.

— Но мне пора возвращаться, — сказал Егор. — Вы же не знаете.

— Я буду у тебя через полчаса, — сказал дядя Миша. — Ты можешь подождать?

— Буду ждать, — согласился Егор. — Только пускай они меня не исследуют, а то в обморок попадают.

— Это точно, — согласился Лядов. — Кстати, меня тоже надо как следует вымыть.

Когда всех гостей из Нижнего мира увели, дядя Миша сказал полковнику, который остался с нами:

— Берегите их. Как следует.

— Вы знаете, что убит комендант института? — спросил полковник.

— Знаю, — сказал генерал. — Девушку нашли?

— Ищем, — сказал полковник.

— У вас найдется здесь помещение поскромнее и поизвестнее?

— На нашей базе?

— Лучше где-нибудь здесь.

— Но это не наша территория.

— Нам надо решить, что делать дальше.

— Ну, единственное... — Полковник запнулся. — Может быть, в комендатуре? Тело унесли. Если вас это не травмирует?

— Не травмирует. Оставайтесь со мной на связи. И я попрошу, чтобы наши... гости... были дезинфицированы в ближайшие пятнадцать минут.

— В пятнадцать минут не удастся, — сказал полковник. — Мы же исследовать их должны — ведь это не фосген какой-нибудь, а Ви-икс. Тем более опытная партия.

Дядя Миша пошел было к кинотеатру. Но тут полковник его вежливо остановил.

— Товарищ генерал, вы меня неправильно поняли, — сказал он. — Вам туда нельзя. С вас надо снять костюм и потом вас тоже обработать.

— Меня-то зачем? Я в безопасности.

— К сожалению, никто из вас не в безопасности. А вот те, кто там был без костюмов, — обречены.

— Двое, — сказал генерал. — Егор и тот самый... Майоранский. Знакомая фамилия.

— Лаборатория ядов у Судоплатова, — подсказал я.

— Вот именно, — кивнул дядя Миша.

И мы тоже направились к фургону «скорой помощи».

Уже перед самым фургоном генерал спросил полковника: видно, все откладывал этот вопрос:

— А сам яд... что с ним?

— Никуда он не делся, — сказал полковник. — Нет оттуда стока в реку. Все ушло в резервуар. В подземный резервуар.

— Разве это не опасно?

— Еще как опасно! Но это ваше дело — поднимать панику в Москве.

— Есть основания для паники? — спросил дядя Миша.

— Всегда есть основания. В нашем деле всегда есть основания. Ведь вещество никуда не ушло. Подземный резервуар стар, в бетоне трещины, влага пойдет под землю, попадет... черт возьми, и думать не хочется. Но мы же не можем перекопать весь район!

Прошло сорок минут, когда мы пришли в бокс, куда спрятали Егора.

Девушку все еще не нашли.

— Я должен тебя огорчить, — сказал дядя Миша. — На коже есть микроскопические следы вещества. К сожалению, достаточно микроскопических следов, чтобы человека отправить на тот свет.

— Вы обо мне? — рассеянно спросил Егор.

— И о тебе, и о профессоре Майоранском, и о той девушке, которую ищут.

— Жалко, — сказал Егор после паузы. — И сколько мне осталось...

— По уверениям Лядова — часов пять-шесть.

— Значит, три, — сказал Егор. — Вы Люське передавайте от меня привет.

Дверь в бокс приоткрылась, и туда сунул голову наш полковник:

— Товарищ генерал, — сказал он. — Вас срочно.

— Что еще?

— Из Москвы прилетел товарищ генерал-лейтенант.

Очень сердится.

— Ну вот, этого еще не хватало.

Дядя Миша был расстроен.

Он вышел из комнаты. В дверях задержался, как детектив, который вспомнил о незаданном вопросе.

— Если будут сложности, — сказал он, — я надеюсь, Гарик, на тебя. Сегуненко тебе поможет.

Последние слова относились к полковнику.

Полковник вежливо и неубедительно кивнул и вышел следом за дядей Мишой.

Мы остались с Егором вдвоем.

Егор изменился за прошедшие месяцы. Лицо стало голубым, волосы поредели. Он исхудал.

— Что с ядом? — спросил Егор.

— Он в безопасном месте. Оказывается, Лядов ошибся — выхода в речку там нет. А есть подземное хранилище.

— Бетонное?

— Бетонное, разумеется.

Егор вроде успокоился. Он лежал на койке в трусах и майке, белье было ему велико — видно, выдали солдатское.

А я представил себе, как яд просачивается сквозь щели в бетоне.

— Как странно, — сказал Егор. — Они получили вторую жизнь, но не отказались от того, чтобы убить вас... за то, что вы живые люди.

— И создать мир мертвецов, — продолжил я.

Время уходило.

Мы сидели в небольшой палате. Генерал не возвращался.

— Я знаю, что надо сделать, — сказал я.

— Что? — Егор хотел надеяться.

— Я думаю, что в любом случае надо возвратиться к вам.

— Зачем?

— Потому что... ты помнишь певца? Веня Малкин? Помнишь?

— Да, — сказал Егор. — Он жил у нас.

— И почему?

— Чтобы не умереть здесь от СПИДа.

Егор задумался.

И тут дверь отворилась, и вошел незнакомый мне толстый генерал с грубым неандертальским лицом, в белом халате, накинутом на мундир.

— Привет, орлы, — сказал он. — Как самочувствис?

— Отлично, — сказал я.

Егор промолчал.

— Лежите, отдыхайте, будете находиться под наблюдением. Если что — обращайтесь прямо ко мне.

Представиться он не подумал.

— А генерал... а Михаил Иванович? — спросил я.

— К сожалению, генерал отстранен от разработки. Вы переходите в мое прямое подчинение.

— Спасибо, — сказал Егор. И не потому что хотел показаться дерзким, а оттого, что не вдумался, что для нас хорошо, а что плохо.

— Отставить разговорчики, — сказал генерал. — Я пришлю сотрудника для беседы с вами. Чтобы через сорок минут быть в полной форме. Ну, как надо отвечать?

— Не помню, — сказал Егор.

На этот раз он уже понял, что новый генерал — существо для нас нежелательное.

Генерал поморщился, но не успел высказать своего отношения к невоспитанности граждан из сомнительной реальности, потому что я перебил плавный ход его мыслей.

— Мне надо поговорить с Михаилом Ивановичем, — сказал я. — Где мне его найти?

— Мы все обсудим, все обсудим; молодой человек. Вы ведь тоже из неопределенной территории?

«Ага, — подумал я, — у вас уже терминология есть».

— Я с определенной территории, — ответил я.

— Тогда вам здесь нечего делать, — рявкнул генерал. Он обернулся в коридор и крикнул:

— Лейтенант, пойдите сюда! Кому я сказал!

Мне пришлось принимать меры. Я понял, что иначе нам отсюда живыми не выбраться.

Когда генерал снова посмотрел на нас, вместо меня он увидел бывшего министра обороны Язова, который по-отечески сказал ему:

— Не беспокойся, я тут разберусь и к вам зайду. Минут через пятнадцать, вас устроит?

— Разумеется, товарищ министр.

— Иди, голубчик, иди.

Генерал ушел, сохранив светлый лик кадета, допущенного к лицезрению царственной особы.

— Он кого увидел? — спросил Егор, который генерала Язова не заметил.

— Я попытался найти для него авторитетную фигуру, консервативного радикала.

— И нашел?

— Генерала Язова знаешь?

— Что-то читал, — рассеянно сказал Егор. — И что мы будем делать? Искать дядю Мишу?

— Наш с тобой союзник — человек опытный, — ответил я. — Если будет нужда и возможность, он нас сам отыщет.

— Я боюсь... — сказал Егор.

— Слушай, — сказал я. — Не думай, что я просто пришел тебя повидать. У меня есть план, который я тебе изложил.

— Я и не заметил, — ответил Егор.

— Надо срочно вернуться к вам домой. Срочно, пока еще действует вакцина. И пока не начал действовать яд.

— Это связано между собой?

— Боюсь, что да. Я уже говорил о Вене Малкине. Он ушел к вам, потому что надеялся пересидеть беду в мире без времени и потому без болезней.

— Если мы вернемся...

— То все остановится. И у нас будет время разобраться.

— И Майоранского?

— И Лядова тоже.

— Но они же убийцы! Если бы не случайность, они бы погубили Землю.

— Наивный план товарища Берии, — сказал я. — Даже такой страшной концентрации яд в масштабах Земли будет действовать локально. Конечно, погибнут тысячи людей... но, разумеется, судьбы мира это не изменит, и Берии не стать господином Вселенной. Перегородка между нашими мирами истончается, потому что усиливается био-

логическое и технологическое давление. Еще двадцать лет назад население Земли было вдвое меньше и технологическое давление — куда как слабее...

Я говорил вроде убедительно, но в то же время не мог изгнать видение: наполненный отправленной жидкостью подземный резервуар, которому положено быть непроницаемым, но по стенкам которого тянутся тонкие трещины.

Дядя Миша знает об этом. А дядя Миша уже не всесилен.

Я знал, что смогу вывести из госпиталя только Егора. Майоранского с Лядовым придется оставить.

Пускай умирают? Они же убивали? Значит, заслужили смерть.

— Вставай, — сказал я, — и пошли.

— Но нас остановят.

— Для всех встречных ты идешь в сопровождении офицера, который ведет тебя куда надо. Так что иди и не удивляйся.

— Я тебе иногда удивляюсь.

— Не стоит, — сказал я. — Ты мне льстишь.

— Как странно, — сказал Егор и первым пошел к двери. — Мне иногда кажется, что мы с тобой просто живем в разных городах. Можно сесть на поезд и приехать в гости.

— В общем, так оно и есть.

Мы вышли в коридор. Там было пусто. Стены были выкрашены в человеческий рост тоскливой голубой краской.

— Я очень надеюсь, что Леониду Моисеевичу удастся создать достойную вакцину, — сказал Егор.

— Когда выйдем отсюда, все подробно мне расскажешь.

— Я сейчас начну. Может быть, у нас там не будет времени, — разумно ответил Егор. — Ты сейчас всемкажешься солдатом?

— Нет, полковником. Помнишь того, кто нас у подземелья встретил?

— А почему ты его выбрал?

— Его здесь наверняка все знают. Он — заместитель комбрига.

Первый пост был сестринский — барьерчик, за ним медсестра, как в любой больнице.

Медсестра была молоденькой, и — редкость в наши дни — золотые волосы заплетены в толстые косы и венком завернуты вокруг головы. Она радостно мне улыбнулась.

— Как вы себя чувствуете, Александр Тихонович? — спросила она. — Язва больше не беспокоит?

— Твоими молитвами, — ответил я. — Твоими молитвами.

Медсестра качнула золотым гнездом и серебряно зачмокала.

Егор убедился в моих способностях и начал рассказывать о том, как сюда попал. Мы как раз дошли до конца истории с совещанием консулов на берегу моря, как оказались в холле.

Тут был настоящий барьер, у него дежурный пост.

Я надеялся, что в бригаде царит дух домостроя. Иначе не выпустят.

Дух домостроя победил.

Сержант на выходе потянулся ко мне губами и прошептал:

— Здесь генерал-лейтенант приехал, распоряжается. Но не наш.

— Знаю, — сказал я тихо. — Делай вид, что уважаешь его как товарища ministra.

— Понял, товарищ полковник! — сказал сержант.

И тут все погибло.

Потому что сверху раздался голос:

— Эй, погодите, что вы там делаете?

Настоящий полковник Александр Тихонович резво сбегал с лестницы.

А я успел заметить, что снаружи, возле здания, на осеннем солнышке стоит мой дорогой дядя Миша, не подозревающий, в какой переплет он нас затащил. А возле него, под охраной солдатиков, маются Майоранский и Лядов.

И как раз в тот момент все они обернулись и исчезли из поля моего зрения.

Я остался наедине с судьбой.

Такой трудной задачки мне еще не приходилось решать.

Я раздвоился.

Я остался для сержанта полковником и как таковой подтолкнул Егора к выходу, но обернулся к полковнику в виде того генерала, что захватил здесь власть и лишил таковой моего дядю Мишу.

Полковник смущился и приостановил бег. Какие бы сомнения тебя ни охватывали, вряд ли ты закричишь настоящему генералу, чтобы он остановился. Такой окрик надо обдумать, к нему положено внутренне подготовиться и подумать при этом, насколько тебе дорога карьера и что вообще для тебя важнее: карьера или справедливость?

Пока эти мысли бороздили чело полковника, я вытолкал Егора на улицу.

На свету, на зеленой траве, на поляне, обрамленной елями, стоял наш вертолет. Вертящийся винт прижимал траву.

На полпути к нему шагал генерал дядя Миша.

Перед ним семенили к вертолету бериевские биологи.

Дядя Миша остановился, обернулся к нам и сердито спросил:

— Вы что, ночевать там собирались?

Словно мы с ним заранее договорились обмануть охрану и привести всех биологов и их преследователей именно на эту поляну и к генеральскому вертолету, прежде чем его захватит наш соперник.

— Ну, скорее, — велел он мне, одним глазом наблюдая за тем, как Майоранский и Лядов забираются в кабину.

Тут из госпиталя выскочил полковник, и дядя Миша поднял руку, останавливая его.

— Не беспокойтесь! — крикнул он. — Все под контролем!

Усаживаясь рядом со мной в перенаселенном вертолете, дядя Миша сказал:

— Не будет он ничего предпринимать, пока нет указаний. А новый руководитель проекта от ФСБ пока принимает свои фронтовые сто граммов с комбригом. Славные ребята. Видишь, до чего страну довели!

Я стал спорить с дядей Мишой. У нас принято обвинять в гибели страны и распаде экономики своих личных недругов. Для одного — это коммунисты, для другого — демократы, а для дяди Миши — соперники из ФСБ.

Вертолет пошел вверх.

— Все на борту? — спросил дядя Миша.

— Верки нет, — сказал Егор. — Она ведь тоже схватила дозу, только сама этого не знает.

— Она другого не заслужила, — сказал Лядов.

Он-то себя виноватым не чувствовал. Он уже ожилик. Как я понимаю, дядя Миша объяснил биологам, что план уничтожения Земли пока не сработал, но есть шансы возвратиться в Чистилище живыми.

Агенты Берии решили, что они избегли наказания. По крайней мере здесь.

— Гарик, — попросил меня генерал Миша, — ты не можешь включить свой радар?

Все обернулись ко мне, подозревая, что сейчас я вытащу курицу из цилиндра.

— Вы имеете в виду девушку?

— Да, — сказал генерал. — Мы ведь не приговаривали ее к смертной казни.

Вертолет наклонился и пошел прочь от домиков и бараков военной части в сторону станции.

— Я думаю, — сказал я, — что она пошла к автобусной остановке. И должна быть поблизости. Вы можете потерять три минуты?

— Но не больше, — пробурчал дядя Миша. У него катастрофически не хватает чувства юмора, а в стрессовых ситуациях оно вообще пропадает.

Я подошел к дверце вертолета и распахнул ее. Внутрь ворвался теплый воздух.

Пилот, обернувшись, что-то закричал мне.

Глава восемнадцатая

Гарик Гагарин

Генерал помахал мне рукой. Он знал о некоторых моих способностях. Пожалуй, я у него единственный настоящий инопланетянин. Хотя кто может ручаться? В секретных организациях Российской Федерации можно и говорящего крокодила отыскать.

Я шагнул наружу, и следом мне раздалось коллективное «Ах». Все поверили в мое самоубийство.

Я же понесся по касательной над лесом, над деревенской улицей, к автобусной остановке, возле которой никого не было.

Я чувствовал страх Веры.

Она шла дорожкой — ей оставалось до автобусной остановки метров сто. И она уже решила для себя, что не будет выходить на открытое пространство и, лишь когда автобус остановится, побежит к нему.

Я опустился перед ней. Метрах в десяти. Но сделал так, словно я не прилетел с неба, а прятался за кустом.

— Вера, — сказал я, — только не волнуйтесь, не стреляйте из пистолета, а сначала выслушайте меня.

Она и в самом деле вытащила трофеинный пистолет.

Я увидел круглую дырочку, в глубине которой затаилась пуля.

Я не двигался, как не двигается опытный дрессировщик перед новеньkim тигром в своей труппе.

— Чего надо? — спросила девица грубо.

Все равно она была хороша и мне нравилась.

Конечно, я мог бы показаться ей кем-то приятным или, наоборот, страшным. Но не хотелось.

— Когда вы были в подземелье, Вера, — сказал я мягким голосом врача-психиатра, — вы получили смертельную дозу яда.

— Чепуха, — сказала Вера. — Я туда не подходила. Там Лядов был. И Майоранский. Только Лядов в костюме... и съе Егор, тот хороший парнишка. Они умерли?

— Все живы. Инкубационный период — четыре с лишним часа. Теперь осталось три.

— Не врете?

— Нет, не вру, — ответил я. — И у меня нет времени.
— А вы что предлагаете? Разве есть сыворотка?
— Пока нет, — сказал я. — Но есть выход. Для этого надо срочно вернуться в Питер.

— Но как? — Вера была неглупой девушкой и по крайней мере не намеревалась тратить время зря.

— У нас есть вертолет.

— Где?

— Через минуту он опустится у автобусной остановки.

— А почему вы хотите мне помочь?

Я пошел к автобусной остановке, Вера опустила руку с пистолетом.

— Мне вас жалко, — сказал я.

— А что будет в Питере?

Мы вышли к автобусной остановке.

Прямо на дорогу опускался вертолет.

— Пистолет придется отдать мне, — сказал я.

— И не подумаю.

— Тогда через три часа вы умрете. Даю слово. Я проверял. Это не попытка вас запугать.

— А я думала, что мне ничего не грозит, — сказала Вера.

Она протянула мне пистолет.

Я хотел выкинуть его в кусты, потом передумал и положил в карман.

Мы побежали к вертолету. Ветер от винтов сбивал с ног.

Генерал протянул руку, помогая Вере забраться внутрь.

Я вспрыгнул за ней.

Должен сказать, что наши спутники куда больше удивились моему возвращению, чем появлению Верки-снайпера.

Они все ахнули, как и тогда, когда провожали меня в смертельный прыжок.

Но когда вертолет поднялся, гул вопроса и удивления затих и сменился реакцией на появление Веры.

Она тоже не ожидала увидеть столько врагов сразу.

— Это она! — кричал Майоранский. — Она допустила вымывание отравляющего вещества в жизненно важные области.

— Вот именно! — Лядов тут же заразился терминологией от старшего товарища. — Она обрекла нас на неизбежную гибель. Подтвердите!

Он потребовал подтверждения от Егора, который, с его точки зрения, имел какие-то особые связи с теперешним начальством, и потому к его мнению положено было прислушаться.

— Так, — сказал генерал. — У нас впереди час полета. Если нас не сбьют у цели.

— Почему? — спросил Лядов.

— Потому, — ответил генерал. — Вопросы здесь задаю я. Сейчас каждый из вас получит по десять минут, чтобы рассказать, как он дошел до жизни такой. Мне нужна общая картина. Я никого не намерен судить, так как почти все здесь пользуются правами экстерриториальности и к тому же многие обречены на скорую и ужасную смерть. С кого начинаем?

Уютно шумели винты вертолета, было тепло.

— Начнем с меня, — сказал Егор. — Я живу там, в Нижнем мире. Его называют по-разному. Но я недавно там живу, и мне хочется вернуться. Когда я заподозрил неладное, а потом узнал, что консулы, и в первую очередь Берия, замыслили ликвидировать Верхний мир, чтобы сохранить свою власть над Нижним миром, я решил обязательно сообщить обо всем моим друзьям. Но не был уверен, что они получили мое послание, а главное, осозна-

ли, насколько все серьезно. И тут я узнал от доктора Фрейда о вакцине и о том, что Берия хочет послать в наш мир двух биологов, которые должны отравить Землю.

Егор старался говорить быстро, четко, короткими фразами.

Время от времени его перебивали то Лядов, то Майоранский. Им хотелось выглядеть наивными учеными не от мира сего, которые подчинялись демонической силе бывшего министра. От убийства коменданта они откresтились хором, пистолет якобы нашли случайно.

Вера молчала. Тогда Егор поведал о том, как встретил ее на трамвайной остановке и снова у вокзала в Бологом.

Егор закончил рассказ тем, как Вера заточила в подвале биологов. Лядов закричал:

— Она все знала!

Вера пожала плечами.

— Я испугалась, — сказала она. — Я испугалась, что эти мерзавцы отравят и нас с Егорушкой.

И снова замолчала.

Егора сменил Майоранский. Он был велеречив, но, как ни странно, умудрился никакой информации не дать.

Да, он работал некогда в лабораториях МВД, но только как теоретик. И отправился сюда, так как боялся, смертельно боялся всех — и Лядова, и Берию.

Лядов же почти повторил монолог Майоранского за тем исключением, что боялся Майоранского и Берию, сам же происходил из породы овечек и филантропов.

— Нам все ясно, — перебил его дядя Миша. — Ничего нового нам от вас не услышать. Остался пустяк, осталось узнать от прекрасной дамочки, как она попала в эту историю. Только честно.

— Я служила людям! — неожиданно призналась она.

— Быть не может! — возразил Лядов. — Верится с трудом.

— Я работала. Я сопровождала Егора, — убежденно повторила девушка.

— Значит, сопровождала, — сказал дядя Миша ласковым голосом. — Заботилась?

— В определенном смысле — да.

Вера откинула упавшую на лоб прядь волос.

— И заперла его в подвале?

— Поймите меня правильно, — сказала Вера. — И постарайтесь встать на мое место. Я уже знала, что эти убийцы готовы на страшное преступление. Что погибнет вся Земля, в том числе мои родные и я сама. Все, что свято и дорого...

Голос девушки неубедительно дрогнул.

— И вы заперли его в подвале?

— Я вижу, как Лядов опрокидывает баллон и из него выходит яд. Я — слабая женщина. Я ничего не могу сделать для Егора. Но я могу спасти Землю... и закрыла дверь. Потому что, если бы я этого не сделала быстро и неожиданно, они бы вырвались наружу! И вырвался бы яд.

— Врет, — сказал Лядов.

— Я тоже так думаю, — поддержал его дядя Миша.

Я же чувствовал всеми фибрами души, что Вера лжет.

Ложь лезла из нее как кисель, с каждым словом.

— Ну почему, почему мне не верят!

— А потому, Вера, — ответил дядя Миша, — что нормальный человечек, а тем более журналист, узнав о таком деле и даже приняв в нем участие, не побежит в лес прятаться, не поспешит к автобусной остановке, чтобы убраться отсюда, а ринется в воинскую часть поднимать тревогу.

— И когда меня сочтут сумасшедшей и посадят в тюрьму, я спокойно помру от яда. Вы же мне обещаете такую участь.

— Но, может, стоило попробовать?

— Ах, хорошо быть генералом! — воскликнула Вера. — Вас нельзя пороть, сажать на гауптвахту и прогонять сквозь строй.

— Что ты несешь, девочка! — Майоранский, видно, решил выступить на стороне победителей. — Товарищ генерал знает, что делает.

— Товарищ генерал знает, кого кушать, — упрямо сказала Вера.

Генерал не успел ответить, потому что пилот выгнулся в салон и помахал рукой, призывая генерала.

Дядя Миша прошел к пилотам, и мне было видно, как покачивается его ровно причесанная голова. Что-то было неладно.

Генерала не было минут пять.

Я посмотрел на часы. Мы уже летели около двух часов — так незаметно промчалось время в импровизированных интервью. Под нами начинались пригороды Петербурга.

Вера смотрела в иллюминатор, облаченная в белые одежды моральной чистоты. Я ей не верил.

Лядов и Майоранский тихо ссорились — в чем-то обвиняли друг друга.

Егор спросил меня:

— Как Калерия Петровна?

— Спасибо, не болеет, — ответил я.

— Работает? А Катрин?

— И Катрин, и Тамарочка, и Саша Добряк — все на своих местах. Скучаешь?

— Жутко скучаю. Я так надеялся, что Леонид Моисеевич изобрел вакцину, но она уже прекращает действие — я скоро помру.

- Не помрешь. Не удастся. Мы уже подлетаем.
Вернулся дядя Миша.
- Велят возвращаться, — тихо сказал он мне.
- А вы?
- Приказал пилотам лететь пониже. Не будут же они нас сбивать над колыбелью революции.
- Вы рискованный генерал, дядя Миша, — сказал я.
- Вернее всего, сегодня уже бывший генерал.
- Была бы Родина цела, — ответил я неведомой цитатой.
- Молодец.
- Егор, — позвал генерал, — ты в топографии хорошо разбираешься?
- Петербург я знаю только приблизительно.
- Вот тебе карта, а вот иллюминатор.
- Товарищ генерал, — вмешалась Вера, — предоставьте это мне. Я пройду к пилотам и все объясню.
- Вы уверены, что сделаете это правильно?
- Совершенно уверена, потому что сама нашла тот завод и провела возле него самые интересные дни моей жизни.
- А если вы нас посадите неправильно?
- Когда сядем, тогда и будем решать, — ответила Вера. Наглое существо. Но как хороша собой!
- Идите.
- Вера поднялась и прошла к пилотам.
- Это недалеко от Московского вокзала, — сказал Егор, — оттуда до вокзала трамвай ходит.
- Трамваи на моем плане не указаны.
- Что представляет собой переходник? С вашей стороны? Он охраняется?
- Там сидит Феничка. Птичка Феничка.

— Попроще, Егор, — сказал генерал. — Что за птица?

— Большой лохматый неопрятный человек с лысой желтой головой, как бильярдный шар для слонов. У него там лилипуты.

— Это сотрудник Берии? — спросил генерал.

— Нет, он сам по себе.

— Откуда знаешь? — спросил генерал.

— Он так себя ведет. И меня выпустил. Потому что поверил, что хочу остановить вот этих... биологов.

— Так ты с самого начала за нами следил?! — воскликнул Лядов.

— А вы только сейчас поняли? — усмехнулся Майоранский. — Вы наивный человек. И именно ваше легкомыслie погубило всю операцию.

— Смотри, — сказал мне генерал.

Над нами шли два военных вертолета. Близко, сверху. Словно торжественно сопровождали нас.

— Начальство сердится, — сказал дядя Миша.

Наш вертолет начал медленно и как-то неуверенно снижаться. Видно, Вера выискивала снизу знакомые ориентиры.

— Слушай, Гарик, нам надо поговорить, — сказал генерал. — Может, больше и не удастся. По крайней мере ты понимаешь, насколько я неправильно себя вел, нарушил законы и распоряжения высших органов власти.

— Никому не объяснишь, — согласился я с генералом, — что можно не только отпустить убийц, но и вывезти их за пределы правосудия.

Я ответил так же тихо, как говорил со мной генерал. Мы сидели плечом к плечу, и нас никто не слышал.

— Но я не могу казнить людей, даже самых мерзких преступников. Наверное, из-за этого не быть мне маршалом.

Я не ответил. И так все было ясно. Дядя Миша доживал последние минуты в генеральском звании. Военные вертолеты шли над нами и не сбивали нас только потому, что обломки упадут на мирный трудящийся город не то Петра, не то Ильича. Они думали, что возьмут нас всех сразу после посадки.

Любопытно, что шаткое равновесие, созданное природой и позволяющее по неизвестной мне причине существовать этой нелепой системе, разрушалось одновременно с двух сторон. Консулы стремились уничтожить нас, чтобы спасти свою власть, наши генералы посыпали вертолеты, чтобы контролировать Нижний мир. Может, они еще и не представляют толком, какую жар-птицу схватили в лапы без асbestовых рукавиц, но действовать будут уверенно.

— Я не знаю, каким будет суд, — продолжал дядя Миша, — но они должны дождаться суда живыми.

— Я все понимаю, — сказал я. — И у меня есть другая идея.

— Я не могу толкать тебя. Ты понимаешь, насколько это рискованно.

— Вопрос в одном, — сказал я. — Успеть к переходнику раньше, чем наши преследователи. Мне не хотелось бы, чтобы они знали, где он находится.

— Есть цель! — крикнул пилот.

Дядя Миша легко поднялся и буквально прыгнул к кабине, чтобы увидеть, куда садиться.

Я смотрел вниз глазами генерала.

Под нами была территория фабрики. Корпуса безлюдны. Я чувствовал, какой корпус нам нужен. И Вера на него как раз показала.

Можно было опуститься на большой площадке в торце корпуса.

— Если сесть сбоку, — крикнул я, — там есть дверь. А дворик так мал, что второму вертолету уже нет места.

Машина пошла вниз.

Генерал обернулся ко мне:

— Если со мной будет неладно, все мои долги и обязанности возьмет на себя Калерия. У нее есть связи, так что не бойся. — Генерал старался говорить убедительно. Но сам не был уверен в своих словах.

— Не беспокойтесь, — сказал я. — Уверен в вашем умении выйти сухим из воды.

— Но не в этот раз.

— Я думаю, — сказал я, — что они сами не понимают еще, как себя вести.

— А я надеюсь на то, что не все доклады представляя в письменной форме, — улыбнулся генерал.

Вертолет ударился о землю и вздрогнул.

— Быстро! — приказал генерал. — Все, кто хочет выжить, выбирайтесь из машины и бегите внутрь, к переходнику. Тот, кто хочет остаться и иметь дело с нашими преследователями, вольны это сделать. У вас еще есть полчаса жизни.

Никто не стал спорить, возражать, рыдать или суетиться.

Первой выскочила Вера и побежала в здание цеха. И по тому, как она это сделала, я понял, что она не в первый раз туда бежит.

За ней выскочил Лядов.

Егор помог спуститься Майоранскому. Такому гуманисту не место на баррикадах.

Мы с генералом замкнули шествие. .

До открытой боковой двери в цех было метров пятнадцать.

Я услышал, как с другой стороны цеха на большую площадку опускаются военные вертолеты. Они уже поняли, что рядом с нами места нет.

У нас образовались лишние две-три минуты.

Когда я оказался в цехе и проморгался, привыкая к полутьме, Вера уже подбежала к грязной завесе, прикрывшей черное пространство между станками.

— Быстро! — приказал дядя Миша. — Первым идет Егор.

— Почему? — вскинулся Майоранский. — Я старше.

— Мы еще увидимся? — спросил Егор, глядя на меня.

— Обязательно, — сказал я.

Вера спросила:

— Я точно умру?

— Через три часа.

Тогда она шагнула внутрь. Затем биологи.

Каждый раз за занавесом образовывалось светящееся пятно. И гасло.

Генерал неловко обнял меня.

Я ткнулся носом в его щеку.

Все-таки мы с ним славно поработали вместе. Жалко, что свою карьеру генерал загубил.

— Иди, — сказал генерал. — Мне надо встретить чекистов, чтобы не выводить на эту дырку.

Я откинул занавес и оказался в теплом сухом пространстве. Передо мной светилась пустота.

Я шагнул в нее.

И оказался в жилище совершенно растерянного от обилия гостей Фенички.

— Если можно, выключите дырку, — сказал я.

— Дырки не выключаются, — ответил Феничка. И повторил: — Дырки не выключаются. Очень смешно.

— Ах, как смешно, — откликнулись очаровательные лилипутки, выглядывая из-под стола.

— Успели, — сказал я.

— Гарик! — воскликнул Егор. — Ты с ума сошел. Ты зачем у нас?

— По делу, — ответил я. — И не бойся за меня. День-два, как ты отлично знаешь, у меня есть. И кроме меня, к сожалению, некого было командировать.

— Зачем? — Он все еще никак не мог понять, что я делаю в этом мире.

Я оглядел группу беженцев.

По крайней мере успели — всем им положена отсрочка от смерти.

Они были похожи на спринтеров после финиша. Победитель убежал с флагом, окруженный фотографами. А они, проигравшие, еще стоят, думают, как их угораздило засидеться на старте и как они будут смотреть в глаза тренеру. Вот и переминаются с ноги на ногу.

Интереснее всех для меня была Вера.

Именно сейчас я смогу узнать правду.

Я сделал к ней шаг.

Она смотрела на меня спокойно.

— Вы здесь впервые? — спросил я.

— Разумеется, — ответила девушка. — Я даже не подозревала о том, что здесь живут люди.

Неправда.

Я обернулся к Феничке. Между нами возникла взаимная привязь. Может, потому, что мы оба — уроды.

Феничка пожал плечами.

— Эту мадемуазель не имел счастья знать прежде.

— И мы ее не знаем, — крикнула лилипуточка, — но она плохой человек.

- Ах, плохой! — откликнулась вторая лилипутка.
- Я — журналистка, — упрямо повторила Вера.
- Она — убийца! — возмутился Лядов, который уже искренне полагал себя жертвой злобного заговора.
- Я спасала людей, — сказала Вера. Ее было трудно смутить.

Все это разрушало мою версию. Я был почти уверен, что Вера — агент Берии. В конце концов ничего не стоит купить журналистку, если в твоем распоряжении есть несколько недограбленных ювелирных магазинов. Задача лишь в том, чтобы выбраться наружу и наладить связь. Впрочем, они же выбирались!

А затем все ложится на место: она дежурит у выхода, чтобы подстраховать операцию «Гадюка». Ведь Берия никогда никому не верит. И если посыпает биологов, то вернее всего должен послать кого-то, кто будет следить за биологами. И даже сможет их убрать, в случае если в них больше не будет нужды.

И во все это вписывается Вера — и ее появление, и ее поведение.

Феничка, видно, думал, как и я.

— Но мы — не единственный выход в Верхний мир, — сказал он. — У Лаврентия Павловича и на это был резервный вариант.

Мы оба смотрели на Веру.

И оба не понимали, что она чувствует. Словно усилием воли девушка закрылась от наших щупалец.

— Мы не можем задерживаться, — сказал я, вспомнив, что есть более важные дела. — Нам надо увидеть доктора Фрейда.

— А я бы хотел вернуться в Шахматный клуб, — сказал Лядов.

То ли он в самом деле чувствовал себя в безопасности, то ли бравировал.

— Вам бы тоже не мешало встретиться с доктором, — сказал я.

— Чепуха, — возразил Лядов. — Мне не поможет никакой доктор. А если мне здесь ничего не грозит, то я еще успею сыграть несколько хороших партий.

Майоранский переминался с ноги на ногу.

— В самом деле здесь процессы консервируются? — спросил он, ни к кому не обращаясь. Словно не мог решить, последовать за Лядовым или все же подстраховаться.

— Но вы-то что решили? — спросил я Вери.

— Вы уверены, что мне опасно возвращаться домой?

— Смертельно опасно.

— Вот попалась! — вырвалось у Веры.

И она добавила несколько неприличных слов, вполне естественно прозвучавших в ее устах.

— Нет, сначала я встречусь с Лаврентием Павловичем, — произнес Майоранский. — Я должен написать отчет о командировке.

Черт! У меня из головы выскоцил диктатор — это может плохо кончиться.

— Лаврентия Павловича больше нет! — сказала из-под стола лилипуточка.

Я обернулся к Феничке.

— Они устроили засаду, — сказал Феничка, — совсем недавно. Он как раз возвращался к себе в Смольный, а они устроили засаду.

— Кто?

— Я думаю, что монахи владыки Никифора. Но, может быть, за этим стоял Клюкин, он был очень сердит на

Лаврентия Павловича за смерть его возлюбленной, Ларисы Рейснер.

— Это точно?

— Совершенно точно. Потому что это случилось не очень давно, и один из моих актеров стал случайным свидетелем этой жестокой расправы. Его буквально разорвали на куски.

— Какая глупость! — сказал Лядов. — Мы могли бы сыграть сто партий в шахматы вместо того, чтобы, рискуя жизнью, носиться по Земле.

— А я не жалею, — сказал Майоранский. — Мы выполнили свой долг.

— Как вы думаете, нас кто-нибудь подвезет?

— Вас никто не подвезет, — сказал Феничка.

— Мы очень устали и ослабели, — пожаловался Майоранский.

— Идите с перерывами для отдыха, — посоветовал Феничка.

— Может, все же сначала посоветуемся с доктором? — спросил я.

— Не стоит тратить времени, — сказал Лядов. — Ты идешь, Лев Яковлевич?

Вера спросила:

— Сколько я здесь пробуду?

Ее не интересовал Берия и его смерть. Или человек может так ловко притворяться?

— Решает Леонид Моисеевич.

— Я могу отправить весточку туда... домой? Меня ждет мама.

— Я постараюсь, — сказал Феничка.

Я спросил Веру:

— А что, если вы выполняли некое задание ФСБ... или подобного органа? Простите за прямой вопрос.

— Вам не надоело меня допрашивать? — огрызнулась Вера. — Через полчаса вы решите, что я — агент ФБР.

— А вы не агент ФБР? — спросил я.

Никто не засмеялся.

Мы вышли в город.

Дул легкий ветерок, которому здесь быть не положено.

Мир Чистилища неотвратимо изменялся.

И теперь уже не было в нем Лаврентия Павловича, который хотел и почти преуспел в том, чтобы предотвратить сближение миров.

На улице стоял одинокий рикша.

— Куда изволите? — крикнул он.

— Осторожнее, это агент Берии, — предупредил Егор.

— Ах, оставьте, — откликнулся рикша. — Берии нет, я работаю сам на себя. Я привез вам приглашение на свадьбу генерала и Крошки. И привет от Люси Тихоновой.

Никто не стал садиться в его коляску.

Пошли пешком.

Содержание

Глава первая. Лаврентий Берия	5
Глава вторая. Лаврентий Берия	30
Глава третья. Лаврентий Берия	67
Глава четвертая. Людмила Тихонова	108
Глава пятая. Гарик Гагарин	124
Глава шестая. Лаврентий Берия	171
Глава седьмая. Агент Крошка	207
Глава восьмая. Доктор Фрейд	225
Глава девятая. Лаврентий Берия	249
Глава десятая. Доктор Фрейд	264
Глава одиннадцатая. Егор Чехонин	293
Глава двенадцатая. Доктор Фрейд	302
Глава тринадцатая. Егор Чехонин	319
Глава четырнадцатая. Гарик Гагарин	339
Глава пятнадцатая. Егор Чехонин	359
Глава шестнадцатая. Егор Чехонин	383
Глава семнадцатая. Гарик Гагарин	405
Глава восемнадцатая. Гарик Гагарин	428

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

Анджей Сапковский
ВЕДЬМАК

Век Дракона

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Магги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитово, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", о также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Дж.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелтона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К.Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", о также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Моршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор** учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

Б Е С ПЛА Т Н Й К А Т А Л О Г

По адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905. Татарская, д.14. Тел. 959-2095.
Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Луганская, д.7 Тел. 322-2822
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Литературно-художественное издание

Булычев Кир

Операция «Гадюка»

Роман

**Редакторы Г.Г. Муратян, Е.А. Барзова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина**

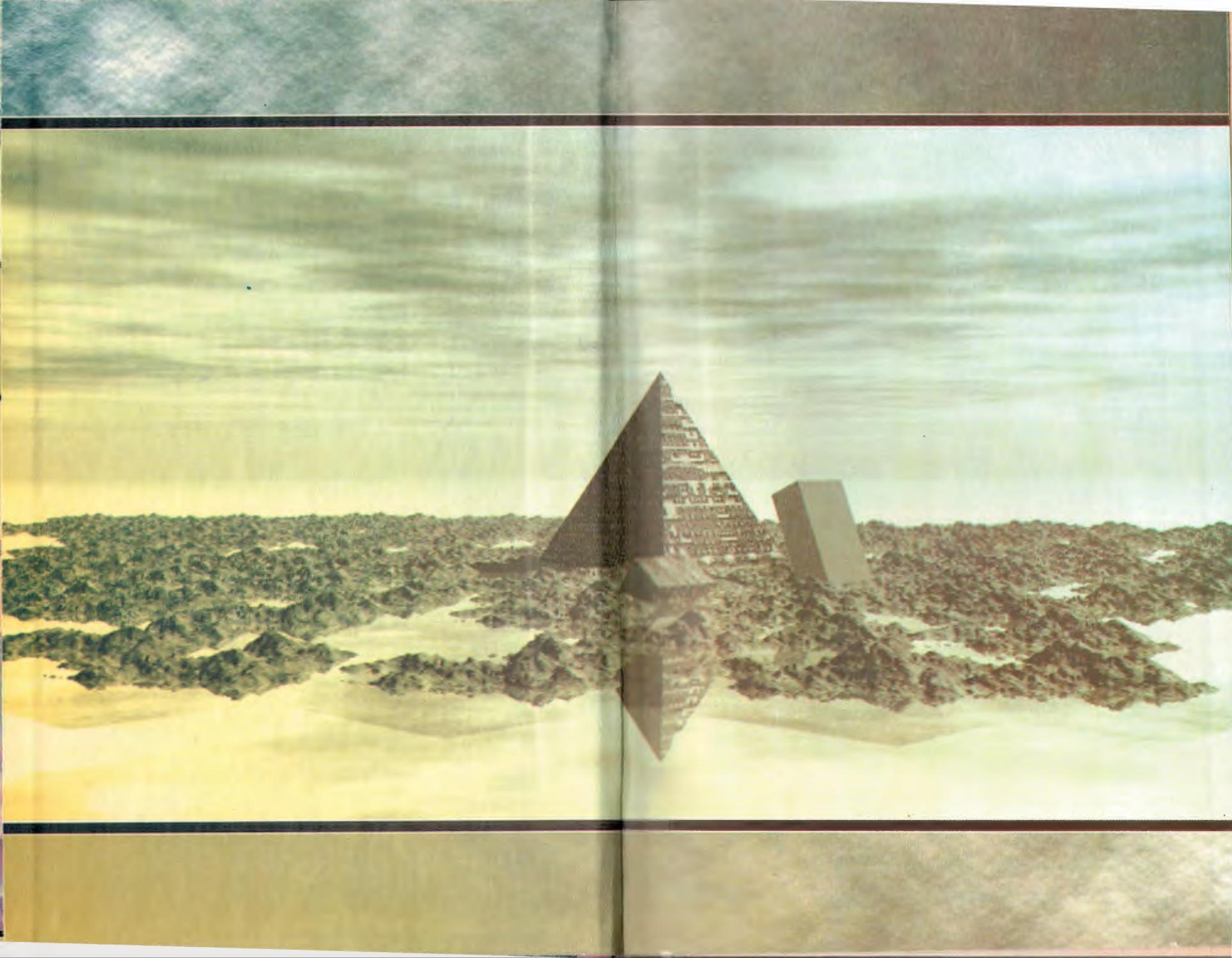
**Подписано в печать 16.12.99.
Формат 84×108¹/з. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 13 000 экз. Заказ № 3965.**

**Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры**

**Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.**

**ООО «Фирма «Издательство АСТ»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевоянца, 25.**

ISBN 5-237-04530-8

9 785237 045307

Причудливое переплетение реального и фантастического, печального и смешного, это свободный полет воображения и неподражаемые сюжетные повороты — вот лишь немногое из того, что сделало Кира Булычева одним из самых популярных и любимых отечественных фантастов.

Приключения археолога и космического пристанища Гарика Гагарина продолжаются...

Обитатели Мира, где время остановилось, а смерти нет, по-прежнему живее всех живых и начинают действовать...

Загадочный и безалаберный Институт экспертизы готов к новым славным свершениям...

Операция «Гадюка» начинается!

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ